

Saratov State University named for N.G. Chernyshevsky

ARCHAEOLOGY
OF THE EAST EUROPEAN
STEPPE

Number 15

Saratov, 2019

Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 15

Саратов, 2019

УДК 902 (470.4/.5) | 631/653 | (082)
ББК 63.4 (235.5) я43
А 87

A87 Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр.
/ Под ред. доц. В.А. Лопатина – Саратов, 2019. Вып. 15. – 308 с.
ISSN 2305-3437

Кафедрой истории России и археологии Саратовского государственного университета подготовлен очередной выпуск сборника «Археология Восточно-Европейской степи», посвященный 80-летию юбилею крупного российского ученого Вадима Сергеевича Бочкарева.

В сборнике представлены научные статьи авторов Москвы, Саратова, Санкт-Петербурга, Волгограда, Вольска, Камышина, Ульяновска, Ростова-на-Дону, Красноярска по проблемам археологии каменного века, эпохи бронзы, раннего железа, средневековья и истории науки, в которых рассматриваются вопросы периодизации и хронологии, хозяйства, социальной структуры древних обществ, известные персоналии. Значительное внимание уделяется публикациям новейших материалов из раскопок на территории степной Евразии. Сборник рекомендуется специалистам – археологам, историкам, краеведам, музейным работникам и всем интересующимся древнейшей историей Нижнего Поволжья.

Рецензенты

Ю.Ю. Пиотровский – с.н.с. отд. археологии Восточной Европы
и Сибири Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург
В.И. Мельник – к.и.н., с.н.с. отд. бронз. века ИА РАН, г. Москва

Редакционная коллегия

доц. В.А. Лопатин (отв. редактор),
доц. А.Б. Малышев (отв. секретарь),
доц. Н.М. Малов (зам. отв. редактора, научный координатор),
А.И. Жемков (технический редактор),
ст.науч.сотр. ИИМК РАН В.С. Бочкарев (С.-Петербург),
профессор, д.и.н. А.С. Скрипкин (Волгоград)

*Печатается по решению Ученого совета Института истории
и международных отношений
Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
(издательский план 2019 года).*

УДК 902 (470.4/.5) | 631/653 | (082)
ББК 63.4 (235.5) я43

ISSN 2305-3437

© Лопатин В.А., Малов Н.М.
и др. авторы, 2019

Посвящается 80-летию
Вадима Сергеевича Бочкарева

*К 80-летию
Вадима Сергеевича Бочкарева*

ФЕНОМЕН БОЧКАРЕВА

Удивительная категория – время. Невидимо, неосвязаемо, ни вкуса не имеет, ни цвета, ни запаха. Но все ему подвластно и все его решения неотвратимы. Хотя, насчет запахов времени можно и поспорить. Время войн пахнет дымом и горем. Детство – утренней прохладой и счастьем, юность – полуденным зноем и любовью, старость – вечерним туманом и печалью. Впрочем, никто не соглашается на старость, всем больше нравится зрелость – время самых высоких свершений.

Пожилой бушмен ответит вам на вопрос о его возрасте: «Я так же молод, как самое прекрасное желание в моем сердце, и так же стар, как все несбывшиеся мечты моей жизни» (Й. Бьерре). В такой позиции и мудрость и всё еще реальные возможности соединяются в некое очень ценное качество творческой личности – «неувядание», где и ясность ума, и блестящие идеи, и яркие впечатляющие результаты труда. Говорят, что историк начинает созревать между 40 и 50 годами, а потом, чем старше, тем он всё более созревший и ценный, об этом, якобы, свидетельствует качественная составляющая его трудов.

Нашему старшему другу и коллеге, одному из ведущих исследователей бронзового века Северной Евразии – Вадиму Бочкареву уже очень скоро исполнится 80 лет. Похоже, что он несколько не переживает по этому поводу, или виду не подает, как всегда, возится со своими «кельтиками», «ножичками» и «серпиками», фонтанирует идеями и систематизациями, да еще какими! Некоторые из его последних работ, в том числе сочиненных в соавторстве с учениками, опубликованы в нашем саратовском сборнике, членом редколлек-

гии которого является дорогой юбиляр. Этим обстоятельством мы гордимся, поскольку не в каждой редколлегии есть ученый такого уровня.

У археологов саратовской школы вообще особое отношение к Петербургу и его ученым обитателям. Это сложилось еще во время Великой Отечественной войны, когда Ленинградский университет был временно эвакуирован в Саратов. Ленинградские и саратовские педагоги вместе осуществляли учебную деятельность в аудиториях и лабораториях СГУ, продолжали заниматься научно-исследовательской работой. На историческом факультете продолжал функционировать диссертационный совет, на котором 30 декабря 1943 г. защитил кандидатскую диссертацию по археологии И.В. Сеницын. Официальными оппонентами были В.И. Равдоникас и В.В. Мавродин. Два университета слились в единое целое, в этом страшном времени, пахнущем дымом буржеек и горем похоронок, преподавали в нетопленных промерзших аудиториях, рыли противотанковые рвы (на случай прорыва фашистов от рубежей Сталинграда), делили поровну голодные пайки, мечтали о победе.

С тех пор и повелось, что защищаются саратовцы преимущественно в Питере, на Дворцовой Набережной, в резном Дубовом Зале ИИМКа, под орудийные выстрелы, отсчитывающие время на стенах Петропавловки. И здесь также есть, чем гордиться, поскольку Аттестат о защите диссертации, выданный Советом Института истории материальной культуры Академии Наук Российской Федерации, не вянет, не горит и сомнению не подлежит. А еще, каждый из нас, стоявших на собственных защитах за трибуной Дубового Зала, хорошо помнят, академическую атмосферу этого места и очень внимательный, немного исподлобья, с прищуром, взгляд Вадима Сергеевича Бочкарева, который неизменно присутствовал на всех заседаниях диссовета. Он всегда брал слово, чтобы дать свою объективную оценку докладу диссертанта, никогда не перехваливал, старался указать на недостатки, и это было правильно и полезно.

Мы начали изучать публикации юбиляра еще в студенческие годы. Поскольку тогда нас особенно интересовала эпоха поздней бронзы, то в первую очередь уделялось внимание его статье «Проблема Бородинского клада» (1968). Впервые встретились с ним в 1982 г. на Всесоюзной конференции по проблемам бронзового века степной Евразии в Куйбышеве. Тогда в Поволжье бурно начинали развиваться региональные научные центры, и Самара резвее всех (много копали, публиковались, издавали сборники, проводили конференции), где активная молодежь сплотилась вокруг Г.И. Матвеевой и И.Б. Васильева. Москва и Питер с энтузиазмом поощряли этот взрыв научной активности на местах. Поэтому на Куйбышевские конференции съезжались корифеи со всего Союза. Там мы впервые увидели и услышали О.Н. Бадера, Н.К. Качалову, А.Д. Крайнову, Е.Е. Кузьмину, Н.Я. Мерперта, К.Ф. Смирнова,

А.Х. Халикова, В.П. Шилова, Э.С. Шарафутдинову и многих других авторитетных ученых (весь научный бомонд бронзового века).

Тогда очень бросалось в глаза, что провинциальная, да и столичная, молодежь постоянно «топчется» возле тех или иных «локомотивов» различной проблематики, ловит каждое слово своих кумиров, и «мастодонтам» это нравится. Но когда за трибуну выходил Вадим Бочкарев, невысокий, плотно сложенный и слегка сутуловатый, тут уже замирали все, в том числе и «мастодонты» (доктора и кандидаты, профессора и доценты), и напряженно вслушивались в то, что говорил этот человек без высоких званий и степеней, не спеша, очень вдумчиво, своим негромким, шелестящим голосом с явными южными абберациями.

Кажется, Бочкарев никогда не был склонен абсолютизировать теоретические положения марксизма-ленинизма в собственных историко-археологических изысканиях. Намного опережая всех, а также то позднесоветское либеральное время, он использовал новую методологическую платформу, оперируя зарубежными культурологическими моделями (в частности, Д. Кларка). Ключевыми инструментами в исследованиях древнего культурогенеза В.С. Бочкарев избрал технологии. Его удивительная ориентированность в источниковедении металлопроизводства вызывала восхищение, простота его логики завораживала, убедительность конкретных выводов не вызывала сомнений. Все это было настолько свежо, нестандартно и отчаянно неофициозно...

Однажды, в кулуарах он шутливо сказал: «Я не могу сдать кандидатский экзамен по марксистско-ленинской философии. Я в этом ничего не понимаю». Думается, что лукавил наш юбиляр, и здесь кроется какая-то тайна. Впрочем, он был и остается поныне настолько органичным в своей науке, что все остальное уже не имеет значения. Несколько позже, когда накануне наших кандидатских защит мы приезжали в Ленинград на проработку архивов Эрмитажа и ИИМКа, неоднократно замечали, с каким уважением общаются с Вадимом его маститые коллеги по Отделу археологии Кавказа и Центральной Азии. К нему прислушивались, ему подражали, на его авторитетное мнение беспрерывно ссылались.

Нечего и говорить, насколько пристально следили за движением его работ в провинции, в том числе и у нас в Саратове. К тому же В.С. Бочкарев совместно с Э.С. Шарафутдиновой рецензировали наш коллективный труд из серии САИ «Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье» (1993). Как раз в тот период своей творческой жизни он осмысливал и представлял читающей публике целый ряд принципиально новых фундаментальных разработок.

Некоторые из них прозвучали на проходивших в Саратове крупных конференциях: III Рыковские чтения по проблеме срубной культурно-исторической области (1994); Конференция по конвергенции и дивергенции в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы (1995); Всероссийский научный семинар «Формирование властных и элитарных структур в скотоводческих обществах эпохи поздней бронзы степной и лесостепной Евразии (феномен несостоявшейся цивилизации)» (2002).

На этих форумах В.С. Бочкарев никогда не был статистом, он принимал самое деятельное участие в организации и подготовке как консультант, всегда представлял большие проблемные доклады, ярко выступал в дискуссиях, вел заседания и углубленно прорабатывал итоговые протоколы. Например, на Всероссийском научном семинаре, посвященном светлой памяти Н.К. Качаловой и состоявшемся в Саратове 28–30 октября 2002 г., им был прочитан интересный доклад: «Роль властных структур и элитарных структур в становлении и функционировании Волго-Уральского очага культурогенеза».

Отчасти, с процедурной стороны академического общения нас познакомил именно Вадим Бочкарев. Еще в 1975 году В.С. Бочкарев выдвинул гипотезу, объясняющую появление погребений кузнецов-литейщиков в культурах эпохи средней бронзы Восточной Европы. В дальнейшем это переросло в очень перспективное направление исследований в области знаковой символики погребальной обрядности и семантики древних супрематеистических идеологий. Он постоянно замечал то, на что никто до него не обращал внимание. А оказывалось, что определенные наборы признаков маркировали в погребениях прижизненные специализации не только кузнецов и литейщиков, но также мастеров-стрельников, косторезов, кожевников, пастухов, возничих, жрецов. Озарения Вадима Бочкарева как бы открывали глаза многим его коллегам по профессии.

Тогда же целая серия работ мастера была посвящена теоретическим вопросам археологии, в частности, предложена модернизированная система основных археологических понятий, на основе которой в 1990 г. совместно с коллегами был опубликован терминологический словарь-справочник по теории археологии, вновь переизданный в 2013 г. Ряд работ был посвящен проблемам периодизации памятников эпохи бронзы Восточной Европы и рассмотрению концепции «системы трех веков» К. Томсена. Обращение к основам было не случайно, поскольку в общем контексте привычных понятий он предложил технологическую схему периодизации памятников эпохи бронзы южной половины Восточной Европы. Новые подходы сопровождались пересмотром хронологических позиций.

В большой книге по литейным формам, написанной в соавторстве с А.М. Лесковым, как раз и была предложена новая хронология металлопроиз-

водства эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья с обоснованием раннего возраста лобойковско-голоуровской группы металлических изделий, а затем и новая хронологическая схема оригинального прикубанского очага металлопроизводства. На протяжении 1980–90-х годов в целой серии глубоких аналитических исследований были скрупулезно проработаны хронологические позиции сейминско-турбинских памятников. Таким образом, исследователи культур эпохи поздней бронзы Северной Евразии получили обширную шкалу эталонов, которая надежна и в настоящее время.

Это был период, когда в ЛОИА АН СССР В.С. Бочкаревым совместно с В.М. Массоном фактически было положено начало развитию культурологического направления в отечественной археологии. Концепция очагов культурогенеза, в рамках которой работает исследователь является практической реализацией давней идеи В.А. Городцова (Городцов, Бытовая археология, 1910, с. 160 и следующая). В 1990-е годы она предстала как панацея от всех теоретических недугов в обстановке идейного безвременья. Кавказский, Карпато-Балканский и Волго-Уральский очаги культурогенеза – мощнейшие генераторы технологических инноваций, влекущих за собой инновации культурные, распространяемые сопутствующими явлениями миграций, инвазий, аккультураций, в целом определяли культурно-исторические процессы, в которых и заключался феномен развития общества. Этот процесс, согласно В.С. Бочкареву, имеет очагово-пульсирующий характер.

Будущие историки науки определяют, кто он в науке – археолог в культурологии, или культуролог в археологии. Огромный опыт полевых исследований (с 1958 года, на протяжении 40 лет работал в экспедициях на территории Молдавии, Украины, Нижнего Подонья, Северного Кавказа; с 1970 по 1974 гг. в качестве заместителя начальника Ингульской археологической экспедиции АН УССР О.Г. Шапошниковой; с 1976 по 1992 гг. возглавлял Кубанскую археологическую экспедицию ЛОИА АН СССР; на территории Прикубанья выделил Батурическую катакомбную культуру эпохи средней бронзы) представляет его как искусного практика археологических исследований. Вместе с тем, более 100 глубоких научных публикаций, среди которых 7 монографий, в том числе изданных за рубежом, представляют Вадима Бочкарева как крупного ученого-теоретика, автора дерзновенных методик и концепций, с особым взглядом на древнейшую историю.

А то обстоятельство, что с 1981 г. он на постоянной основе служит на кафедре археологии Петербургского университета, вопреки всем «трагическим оптимизациям» учебного процесса в высшей школе, характеризует преподавателя В.С. Бочкарева, как основателя собственной научно-исследовательской школы. Потому что, за более чем 35-летний период он разработал и читает студентам собственные уникальные курсы: «Археологические источники»,

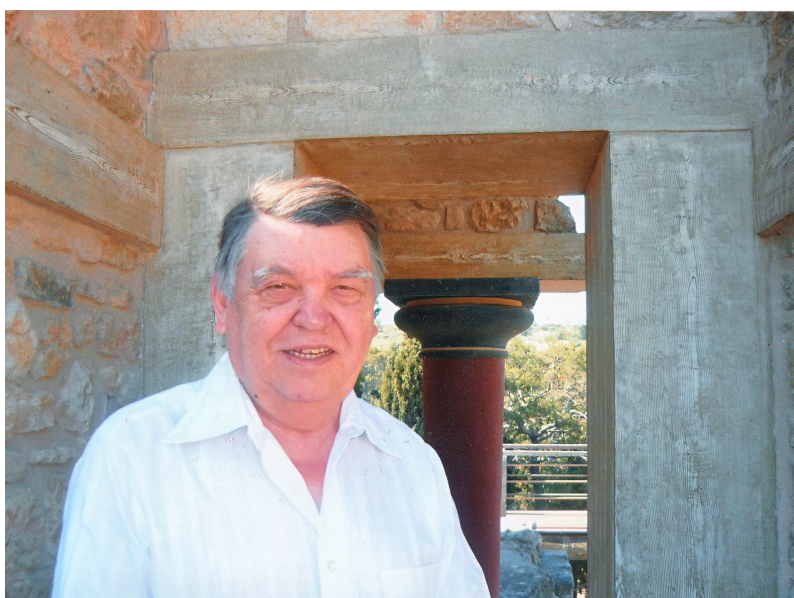
«Археология эпохи бронзы», «Клады как культурно-историческое и археологическое явление», «Кабинетные исследования в археологии», «Теория и методы культурно-исторической интерпретации в археологии», «Проблемы хронологии и культурогенеза эпохи палеометалла Северной Евразии», «Боги и герои бронзового века». В итоге В.С. Бочкарев подготовил и выпустил в свет десятки специалистов по археологии Северной Евразии, которые трудятся в ИИМК РАН, Государственном Эрмитаже, различных научных учреждениях Санкт-Петербурга и других городов.

Феномен Бочкарева прост, потому что он счастлив в своей профессии. Археология оказалась его судьбой. Он ведет скромный образ жизни, но ежедневно бывает и во дворцах. Денег он не скопил, но его интеллектуальному богатству могут позавидовать многие. И было в этой жизни детство, прошедшее на период войны, но все равно с утренней прохладой, была юность с полуденным зноем и любовью, и дерево, посаженное у загородного дома, и дети, и внуки... Мы искренне рады, что сами также причастны к этой удивительной профессии, причастны к времени Вадима Сергеевича Бочкарева, и счастливы, что время это продолжается.

В.А. Лопатин, Н.М. Малов

В.С. Бочкарев с супругой на отдыхе

Крит, Кносский дворец

В римской гостинице

На экскурсии в Помпеях

ПУБЛИКАЦИИ В.С. БОЧКАРЕВА В 2010–2019 гг.

Монографии

Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург-Самара-Донецк: «Рифей», 2010. 370 с. (коллективная монография).

Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб., 2010.

Классификация в археологии: терминологический словарь справочник // Классификация в археологии. СПб., 2013. С. 6–68 (в соавт. с Е.М. Колпаковым, И.О. Васкул, Л.Б. Вишняцким, Е.В. Власовой, А.А. Ковалевым, Н.Н. Чесноковой, О.В. Шаровым).

Статьи

Желобчатые псалии эпохи поздней бронзы евразийских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург-Самара-Донецк, 2010. С. 292–343 (в соавт. с П.Ф. Кузнецовым).

Металлические топоры-кельты и кельты-тесла эпохи поздней бронзы Нижнего Подонья и Северного Кавказа // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2007–2008 гг. 24. Азов, 2010. С. 331–354 (в соавт. с А.Л. Пелихом).

Орудие эпохи поздней бронзы из фондов национального музея республики Адыгея // Сборник материалов, научных статей Национального музея республики Адыгея. Вып. 1. Майкоп, 2010. С. 14–16 (в соавт. с Е.Н. Черных).

Основные итоги изучения возникновения и распространения колесничества // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург-Самара-Донецк, 2010. С. 344–345 (в соавт. с Е.Е. Кузьминой, П.Ф. Кузнецовым, А.Н. Усачуком).

Памяти Вадима Михайловича Массона – историка и археолога // Revista. Arheologica, s.n. vol. VI, nr. 2. Chişinău, 2010. С. 179–181 (в соавт. с Л.Б. Кирчо).

Новая разновидность металлических наконечников копий эпохи бронзы Волго-Уральского региона // Труды III (XIX) Всероссийского Археологического съезда. Т. I. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011. С. 210–211 (в соавт. с П.Ф. Кузнецовым).

Памяти Станислава Никифоровича Братченко // Матеріали та дослідження з археології Східної України. № 11. Луганск, 2011. С. 10–15.

Проблемы периодизации памятников эпохи бронзы южной половины Восточной Европы // Материалы Круглого стола «Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии»: Санкт-Петербург, 23–24 июня 2011 года. СПб., 2011. С. 5–8.

К вопросу об использовании металлических серпов и серповидных орудий в степных (скотоводческих) культурах эпохи поздней бронзы Восточной Европы // Вишняцкий Л.Б. (ред.). Российский археологический ежегодник. № 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 194–214.

О некоторых характерных чертах эпохи бронзы Восточной Европы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб., 2012. С. 13–24.

Станислав Никифорович Братченко (1936–2011) // Археология восточно-европейской степи. № 9. Саратов, 2012. С. 189–196.

«Радиоуглеродная революция» и проблема периодизации памятников эпохи бронзы южной половины Восточной Европы // Принципы датирования памятников эпохи бронзы, железного века и средневековья: Материалы российско-германского colloquium. СПб., 2013. С. 59–77.

«Radiocarbon Revolution» and the Periodization Problem of Bronze Age Materials in South Part of Eastern Europe // Principles of Dating in the Bronze, Iron and Middle Ages: Materials of the Russian-German colloquium. St. Petersburg, 2013. S. 59–76.

Die Bronzezeit in Osteuropa // Europa ohne Grenzen. 4.–1. Jahrtausend v. Chr. Ausstellungskatalog. St. Petersburg, 2013. S. 47–64.

Археологические проблемы радиоуглеродной хронологии (по материалам эпохи бронзы южной половины Восточной Европы) // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции. СПб., 2013. С. 7–12.

Культурно-типологические характеристики древнейших дисковидных псалий Северной Евразии // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции. СПб., 2013. С. 61–79 (в соавт. с П.Ф. Кузнецовым).

От редакции // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции. СПб., 2013. С. 6.

Предисловие // Андреев Ю.В. Поселения эпохи бронзы на территории Греции и островов Эгейды. СПб., 2013. С. 5–9.

Срубно-алакульская зона металлопроизводства эпохи поздней бронзы // Археология восточно-европейской степи. Вып. 10. Саратов, 2013. С. 75–85.

Эпоха бронзы в Восточной Европе / под ред. Ю.Ю. Пиотровского // Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н. э.: каталог выставки. СПб.: Чистый лист, 2013. С. 47–64.

Жизненный и научный путь В.М. Массона: радость побед и горечь разочарований // Культурогенез и культурное наследие. М; СПб., 2014. С. 58–60 (в соавт. с Л.Б. Кирчо).

О некоторых характерных чертах археологических памятников и археологических источников // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. СПб., 2014. С. 47–52.

Основные этапы развития щитковых псалиев Северной Евразии // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии). Самара, 2014. С. 5–10 (в соавт. с П.Ф. Кузнецовым).

Псалии // Большая Российская Энциклопедия. Т. 27. М., 2014. С. 273 (в соавт. с С.Б. Вальчаком, П.Ф. Кузнецовым).

Пульсационность очагов культурогенеза: культурологическая парадигма археологических исследований // Культурогенез и культурное наследие. М.; СПб., 2014. С. 256–299.

Динамика культурно-исторических изменений в позднем бронзовом веке на юге Восточной Европы (степь и лесостепь) // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра Миллера). Санкт-Петербург: ИИМК РАН; Евразийское отделение ДАИ; Невская Книжная Типография, 2015. С. 76–85.

Dynamik kulturell-historischen Veränderungen in späten bronzzeit im süden Osteuropas (steppe und waldsteppe) // Der Kaukasus im Spannungsfeld zwischen Osteuropa und Vorderem Orient: Dialog der Kulturen, Kultur des Dialoges (im Gedenken an den 140. Geburtstag von Alexander A. Miller). St. Petersburg, 2015. S. 76–83.

Значение классификации в современной археологии // Археология Восточно-европейской степи. Вып. 11. Саратов, 2015. С. 106–212.

О новом типе проушных топоров начальной поры эпохи поздней бронзы Доно-Волго-Уралья // Самарский край в истории России. Материалы межрегиональной научной конференции. Самара, 2015. С. 107–114 (в соавт. с О.В. Кузьминой).

Предисловие // Андреев Ю.В. Дорийское завоевание: Историческая проблема в свете археологии. СПб., 2015. С. 5–10.

Гипотезы Л.С. Клейна и С.Н. Братченко о происхождении донецкой катакомбной культуры: pro at contra // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.). СПб., 2016. С. 18–24.

Значение классификации в современной археологии // Российский археологический ежегодник. Вып. 5–6. СПб., 2016. С. 31–35.

От редакции // Предисловие к материалам круглого стола «Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.)». СПб., 2016. С. 3–5 (в соавт. с В.А. Алекшинным).

Периоды развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на Юге Восточной Европы // Археология восточно-европейской степи. Вып. 12. Саратов, 2016. С. 109–160.

Вадим Михайлович Массон (03.05.1929–19.02.2010) // Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007–2015). Археология, история, культура. ЗВОРАО. н. с. Т. III (XXVIII) контраст. СПб., 2017 (в соавт. с Л.Б. Кирчо).

От бронзы к железу: скачок или поэтапный переход (по материалам эпохи поздней бронзы – раннего железа Северного Причерноморья и Карпато-Дунайского региона) // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 13. Саратов, 2017 (в соавт. с М.Т. Кашубой).

Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на Юге Восточной Европы // Stratum plus. № 2. СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест, 2017. С. 159–204.

Культурно-историческая ситуация на Юге Восточной Европы накануне века железа // Stratum plus. № 3. СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест, 2018. С. 207–220 (в соавт. с М.Т. Кашубой).

Между бронзой и железом // Принципы и методы датирования в археологии (неолит-средние века). Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2018. С. 55–77 (в соавт. с М.Т. Кашубой).

'Between bronze and iron' // Principles and Methods of Dating in Archaeology (Neolithic – Middle Ages). St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, 2018. P. 55–77 (в соавт. с М.Т. Kashuba).

Об одной группе металлических наконечников копий-наверший эпохи поздней бронзы Северной Евразии // Археология восточно-европейской степи. Вып. 14. Саратов, 2018. С. 40–77 (в соавт. с И.Ж. Тутяевой).

К вопросу о периодизации памятников бронзового века Юга Восточной Европы // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 166–170.

Прорезные наконечники копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и сопредельных территорий // Stratum plus. № 2. СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест, 2019. С. 167–222 (в соавт. с И.Ж. Тутяевой).

Технологический принцип периодизации памятников эпохи бронзы южной половины Восточной Европы // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 15. Саратов, 2019.

Об одной разновидности псалиев эпохи поздней бронзы Восточной Европы // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 15. Саратов, 2019.

Издания, посвященные юбилеям В.С. Бочкарева:

Древности Северо-Восточного Приазовья. Сборник научных статей. Донецк: Украинский культурологический центр, 1999. 108 с. (Посвящен 60-летию В.С. Бочкарева).

Литвиненко Р.О., Отрощенко В.В. На 70-річчя Вадима Сергійовича Бочкарьова // Археологія. № 1. Київ, 2010. С. 137-139.

От редакции. Бочкарев Вадим Сергеевич. К 70-летию со дня рождения // Археологические вести. № 16. СПб., 2010. С. 12.

Кияшко В.Я. Рукописи не горят // Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлургическое производство Восточной Европы (Посвящен 70-летию В.С. Бочкарева). СПб.: «Инфо Ол, 2010. С. 5-8.

Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург-Самара-Донецк: «Рифей», 2010. 370 с. (Посвящен 70-летию В.С. Бочкарева).

Лопатин В.А., Малов Н.М. Феномен Бочкарева (к 80-летию Вадима Сергеевича Бочкарева) // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 15. Саратов, 2019.

СТАТЬИ

УДК 902(4-11)|637|
ББК 63.4(45)

Бочкарев В.С.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ПЕРИОДИЗАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮЖНОЙ ПОЛОВИНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В статье предложена новая авторская версия периодизации культур эпохи бронзы для юга Восточной Европы (степь, лесостепь, Северный Кавказ) IV–II тыс. до н. э., основанная на технологическом критерии. Три этапа развития бронзолитейного производства, условно соответствующие интервалам ранней, средней и поздней бронзы, технологически различаются составами металлических сплавов, типами литейных форм, морфологией готовых изделий.

Ключевые слова: бронзовый век, металлообработка, литейные формы, топоры, Майкоп, Новосвободная, ямная, северокавказская, лолинская, бабинская, прикубанская

Bochkaryov V.S.

THE TECHNOLOGICAL PRINCIPLE OF PERIODISING OF ARCHAEOLOGICAL ARTEFACTS REFERRING TO THE BRONZE AGE OF THE SOUTHERN HALF OF EASTERN EUROPE

The article suggests the author's new version of periodising the cultures of the Bronze Age for the South of Eastern Europe (steppe, forest steppe, the North Caucasus) of the 4th–2nd Millennia B.C.; the periodising is based on the technological criterion. The three stages of bronze casting's development conditionally corresponding to the intervals of the Early, Middle and Late Bronze Age differ techno-

logically with regard to the compositions of the metallic alloys, types of casting moulds, morphology of end items.

Keywords: Bronze Age, metal-working, casting moulds, axes, Maykop, Novosvobodnaya, Pit-Grave Culture, North-Caucasian Archaeological Culture, Lola Culture, Babino Culture, Kuban Region Archaeological Culture

Как показали многолетние исследования, одной из самых сложных и нерешенных проблем археологии эпохи бронзы является периодизация ее памятников [Черных, Авилова, Орловская, 2000. С. 7]. С этой проблемой отечественные археологи столкнулись еще в конце XIX – начале XX века, когда только начиналось изучение указанной эпохи на юге России. Прецедентом стал Майкопский курган, раскопанный в 1897 году Н.И. Веселовским. Этот памятник всех поразил великолепным металлическим инвентарем, который сопровождал погребения с очень архаическим обрядом. Это несоответствие, а также уникальный характер инвентаря, вызвали дискуссию относительно возраста «майкопа» и его места в общей системе археологической периодизации. Большинство исследователей, не вдаваясь в конкретное определение, отнесли «майкоп» к доскифскому времени, т. е. к эпохе бронзы. Но не все согласились с этим выводом. Среди инакомыслящих, прежде всего, нужно назвать Б.Е. Деген-Ковалевского и М.И. Артамонова [Деген-Ковалевский, 1939. С. 14–17; Артамонов, 1948. С. 161–182]. В отличие от своих коллег они в основном ориентировались не на типолого-хронологические данные, а на социологические критерии. По их мнению, «майкоп» демонстрирует столь высокий социальный статус погребенных, что он не может датироваться ранее начала века железа.

Этот спор, который носил несколько эпатажный характер, разрешил А.А. Иессен. В работе 1950 года он убедительно показал, что Майкопский курган и одноименная ему культура относятся к самому началу медно-бронзового века на Северо-Западном Кавказе [Иессен, 1950. С. 157–200]. За ними следуют так называемая средне-кубанская культура, которую сменяет поздне-кубанская, а эту последнюю – скифская. По сути дела А.А. Иессен предложил новую периодизацию бронзового века Северо-Западного Кавказа (рис. 1). Майкопская культура стала отождествляться с ранним бронзовым веком, средне-кубанская – со средним и поздне-кубанская – с поздним. В отличие от своих предшественников А.В. Шмидта и А.А. Миллера в основу своей схемы А.А. Иессен положил не типологию металла или стадийные изменения, а смену археологических культур. Этот принцип хронологического упорядочивания материала уже был известен в нашей археологии. Он использовался В.А. Городцовым и его учениками. Но прежде, чем его охарактере-

ризовать, необходимо хотя бы коротко остановиться на некоторых общих вопросах.

В археологических работах периодизацию нередко отождествляют с относительной хронологией. Это действительно близкие понятия. Более того, периодизация невозможна без хронологии. При всем этом они выполняют разные задачи. Если хронология стремится проследить временную последовательность текущих событий и явлений, то периодизация фиксирует только важнейшие из них. Она акцентирует внимание на самых крупных, эпохальных изменениях в ходе того или иного процесса. Причем без этих изменений невозможно понять и сам процесс. Поэтому периодизация, по меньшей мере, столь же важна, что и хронология. Недооценивать ее нельзя.

Далее нужно констатировать, что археологический материал содержит разнообразную и разнородную информацию. Она имеет как культурно-историческое, так и природное происхождение. Поэтому в зависимости от целей исследования и выбранных критериев для одного и того же материала могут быть разработаны несколько разных периодизаций: технологическая, историческая, социологическая и т. д. В археологии эпохи бронзы наибольшую популярность получили социологическая и культурно-хронологическая схемы. Первая из них используется в широких культурно-исторических построениях, а вторая в конкретных и прикладных исследованиях.

В российской археологии со времен работ В.А. Городцова возобладала вторая из этих схем [Городцов, 1927. С. 610–626]. Для бронзового века Юга Восточной Европы она имеет трехчастную структуру и фактически совпадает с городцовой свитой культур. Так, ямная культура (общность) стала ассоциироваться с ранним бронзовым веком, катакомбная (общность) – со средним, а срубная (общность) – с поздним. Смена культур в этой периодизации означает и смену этапов бронзового века. Это простая и поэтому очень удобная схема. Она получила широкое распространение и с некоторыми модификациями используется до сих пор.

Но по мере накопления новых материалов и открытия новых культур она начала давать сбои. Один из первых случился в конце 50-х – начале 60-х годов прошлого века. Тогда на территории Украины была открыта бабинская культура. Довольно быстро удалось установить ее хронологическую позицию. Она оказалась младше катакомбной, но старше срубной культуры. Большинство исследователей отнесли ее к среднему бронзовому веку, но некоторые – к более позднему времени. Однако никто из них не привел какие-либо доказательства в пользу своей точки зрения. Проблема не была решена.

В таком же неопределенном положении оказались и несколько других культур бронзового века из разных регионов Восточной Европы: абашевская в Среднем Поволжье и Приуралье, синташтинская и петровская на Урале,

каякентско-хорочоевская на Северо-Восточном Кавказе и др. Время от времени их перемещают из среднего бронзового века в поздний и в обратном направлении. Это делается произвольно, в зависимости от субъективных воззрений того или иного автора. В результате указанные культуры оказались как бы бездомными.

Конечно, сложившаяся ситуация говорит о том, что традиционная культурно-хронологическая периодизация бронзового века не справляется со своей задачей. На мой взгляд, она и не могла это сделать по определению. Избранный ее критерий в принципе не подходит для периодизации археологической эпохи. Ведь в томсеновской «системе трех веков» эпохи выделены как технологические стадии, а не как типологические подразделения, какими являются археологические культуры [Бочкарев, 2010. С. 14–21]. Поэтому для их градации первостепенное значение имеет динамика технологических изменений, а не смена культур. Для эпохи бронзы это, прежде всего, технологические новации в металлообработке. Очевидно, что только они могут быть критерием для периодизации этой эпохи, так как лучше всего отражают ее суть. Здесь также следует подчеркнуть, что для реализации указанной цели нет нужды привлекать другие данные о металлопроизводстве. Они могут увести в сторону. Так, если в качестве критерия избрать не изменения в технологии металлообработки, а динамику развития металлургических провинций и очагов, то мы получим не периодизацию эпохи, а историю металлопроизводства. Неудачный опыт такой работы в нашей литературе уже есть [Черных, 1978б. С. 53–82].

Что касается культурно-хронологического критерия, о котором говорилось выше, то его использование для периодизации бронзового века нельзя признать удачным. Он фиксирует не технологические изменения, а совсем иной процесс, который принято называть процессом культурогенеза.

Отталкиваясь от этих теоретических предпосылок, я рискну предложить новую версию периодизации эпохи бронзы южной половины Восточной Европы. Она охватывает всю территорию степи и отчасти лесостепи, а также Северный Кавказ. В её основу положены те технологические изменения, которые произошли в металлообрабатывающем производстве в течение бронзового века на юге Восточной Европы (IV–II тыс. до н. э.). В работе использованы выводы и наблюдения многих авторов и особенно Е.Н. Черных, С.Н. Кореневского, Н.В. Рындиной, И.Г. Равич, С.В. Кузьминых.

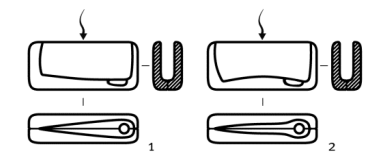
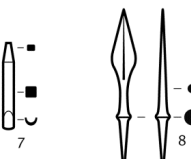
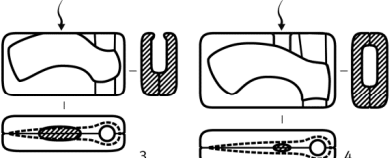
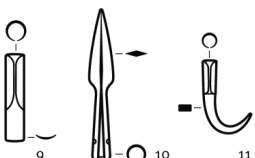
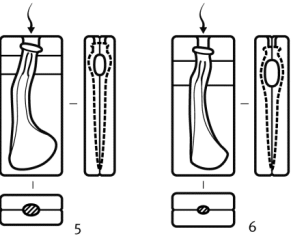
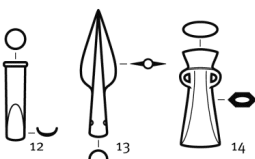
С технологической точки зрения бронзовый век юга Восточной Европы может быть охарактеризован как время, когда получили распространение настоящие бронзы. Благодаря исследованиям И.Р. Селимханова, Е.Н. Черных, В.А. Галибина и др. было установлено, что первоначально использовалась мышьяковая бронза, которую затем сменили оловянные бронзы

и комплексные сплавы. Это время также может быть названо «веком литья». В течение эпохи бронзы литье изделий в полукоткрытых и закрытых формах, а также по восковой модели постепенно становится основным способом производства, оттеснив ковку на второй план. Эти новации внедрялись постепенно в течение длительного времени (IV–II тыс. до н. э.).

В результате анализа доступных сейчас данных удалось выяснить, что в металлообработке восточно-европейского бронзового века ведущую роль играли следующие факторы:

- 1 – состав металла;
- 2 – конструкция литейных форм для производства проушных топоров;
- 3 – конструкция приспособлений для крепления древков и рукояток;
- 4 – материалы, из которых изготавливались литейные формы (табл. 1).

Таблица 1. Основные признаки периодизации бронзового века южной половины Восточной Европы

Группы металла	Типы конструкций литейных форм	Типы узлов крепления	Материал литейных форм
I Cu + As Cu			глинисто-песчаная смесь
II Cu + As Cu + Sb Cu			глинисто-песчаная смесь
III Cu + Sn Cu + Sn + As Cu			камень

Очень важно, что перечисленные факторы не были неизменными. Они менялись в течение бронзового века. О металле уже говорилось: мышьяковые бронзы постепенно сменили медь, а их – оловянные бронзы. Претерпели из-

менения также конструкции литейных форм. В этом отношении очень показательной является эволюция форм для производства топоров, которые в техническом отношении были едва ли не самыми сложными изделиями того времени. Как удалось показать Е.Н. Черных, они эволюционировали от форм с широким и длинным литником, расположенным преимущественно со стороны брюшка орудия, к формам с узким литником со стороны только спинки и далее к формам с небольшим округлым литниковым каналом, локализованным со стороны обуха топора [Черных, 2007. С. 43, рис. 3, 5]. Первоначально формы изготавливались из глинисто-песчаной смеси, а позже – из камня. С течением времени на металлических изделиях также менялись узлы крепления к ним рукояток и древков. В раннее время это был простой насад (табл. 1, 7, 8). Затем перешли к втульчатому креплению, но втулки могли делать только кованые (табл. 1, 9–11). В конце эпохи бронзы освоили производство цельнолитых слепых втулок (табл. 1, 12–14).

Поскольку эти изменения в целом происходили синхронно, то их корреляция позволяет выделить три технологических этапа в развитии металлообработки в эпоху бронзы на Юге Восточной Европы. Каждый из них характеризуется следующим набором признаков.

I этап.

1. Появились мышьяковые бронзы при еще очень широком использовании чистой меди и особенно в степных и лесостепных регионах.

2. Топоры отливались в двухстворчатых формах с широко открытым на всю длину негатива литником (табл. 1, 1, 2). Литник располагался вдоль брюшка отливки и реже вдоль ее спинки (I–II по классификации Е.Н. Черных). Для форм этого этапа также характерно, что один конец глиняного стержня для формовки проушины укладывался в специальное гнездо, а другой не закреплялся.

3. Формы изготавливались только из глинисто-песчаной смеси.

4. Для крепления рукояток и древков ко всем металлическим изделиям, кроме топоров, использовались кованые и литые насады.

5. Получает распространение способ литья по восковой модели и в том числе литье изделий со слепой втулкой.

II этап.

1. Мышьяковые бронзы становятся доминирующим сплавом и особенно на Кавказе.

2. Топоры отливались в двухстворчатых формах с литником в виде узкой короткой щели или округлого канала. Теперь он располагался только со стороны спинки топора (IV–V типы по Е.Н. Черных). Глиняный стержень для формовки втулки топора укладывался в сквозной желоб (табл. 1, 3, 4).

3. Литейные формы продолжали формировать из глинисто-песчаной смеси, но может быть по другой рецептуре, чем раньше.

4. В литье вошла в употребление технология изготовления изделий с кованой втулкой.

5. Продолжали использовать литье по восковой модели, но преимущественно для изготовления украшений.

III этап.

1. Получают распространение оловянные бронзы и комплексные сплавы, но мышьяковые бронзы продолжают широко использовать в таких регионах, как Северо-Западный Кавказ.

2. Топоры по-прежнему отливались в закрытых двустворчатых формах, но литник у них теперь располагался со стороны обуха орудия.

3. Формы начали изготавливать из камня.

4. Была освоена технология литья изделий со слепой втулкой.

5. Продолжает использоваться литье по восковой модели и особенно широко в горных районах Центрального Кавказа.

Таковы основные признаки трех этих этапов. Важно подчеркнуть, что каждый из них может быть надежно выделен только по набору признаков. Из них обязательными являются №№ 1–4. Причем важна не степень их распространенности, а сам факт их присутствия. Как правило, в начале каждого этапа еще преобладают старые технологические приемы, а новые только появляются. Но именно на них следует сделать акцент.

К этому еще следует добавить, что указанные признаки не равноценны друг другу. Они выстраиваются в некий иерархический ряд. Доминирующую роль в нем играет первый признак – состав металла. Его качество в значительной мере предопределяет конструкцию литейных форм топоров, а сама эта конструкция – конфигурацию отливок. Эту зависимость можно продемонстрировать на материалах I этапа. В то время еще очень широко, особенно в северных регионах, использовалась чистая медь [Черных, 2007. С. 136–139]. Хорошо известно, что по сравнению с бронзой она является более тугоплавким и вязким материалом, потому она быстрее остывает и хуже заполняет полость литейной формы. Вероятно, в связи с этим формы для топоров тогда делались полуоткрытыми с широким, удлинненным литником. Это позволяло быстро, в один прием, залить расплав в форму и отвести из нее газы. Но, с другой стороны, такая конструкция литника очень ограничивала возможности варьировать конфигурацию отливок [Черных, 1978а. С. 136–138]. Вследствие указанных обстоятельств все топоры этого времени являются прямообушными (рис. 1, 1–3).

Очевидно, невысокое качество металла, а также общий низкий уровень развития металлопроизводства предопределили самую простую и неэффек-

тивную конструкцию узла крепления рукояток – насад. Что касается материала форм, то глина в литейном деле стала использоваться со времен энеолита. Ее популярность была вызвана рядом обстоятельств: доступностью сырья, простотой обработки и небольшими объемами производства литых изделий.

Временная последовательность выделенных этапов подтверждается общей хронологией памятников эпохи бронзы южной половины Восточной Европы. *Первый* этап по времени целиком соответствует майкопской, ново-свободненской, куро-аракской и ранней ямной культурам; *второй* – катакомбному блоку культур, северокавказской, лолинской, бабинской, каякентско-хороочевской и гинчинской культурам; *третий* – ранней «кобани» и так называемой прикубанской культуре. В соответствии с устоявшейся традицией первый этап может быть назван эпохой ранней бронзы, второй – средней и третий – поздней.

Сравнительный анализ показывает, что каждый этап, по сравнению с предыдущим, демонстрирует более высокий технологический уровень производства. С помощью новых приемов, прежде всего, устранялись старые недостатки. Для развития всего металлопроизводства важное значение также имели социально-экономические запросы общества.

Технология металлообработки первого этапа имела ряд существенных недостатков, которые удалось устранить на втором этапе. Так, при всем удобстве длинных и широких литников на литейных формах они пропускали в их полости слишком большое количество воздуха. Поэтому на втором этапе, когда мышьяковые бронзы получили широкое распространение, литники были уменьшены до размеров узких каналов. Но вслед за этим возникла необходимость изогнуть корпус топора таким образом, чтобы металл самотеком заполнял полость формы. Изгиб клина топора также способствовал улучшению механических качеств орудия. Именно тогда появились так называемые арочные и вислообушные топоры (рис. 1, 4–7). Литниковый канал у них всегда располагался на спинке ближе к обуху орудия (табл. 1, 4).

Еще более существенным достижением второго этапа было освоение производства изделий с втулкой. Это позволило избавиться от примитивного и архаического способа насада рукояток и древков. Втулки являются гораздо более прочными и надежными крепежными средствами. Правда, тогда их могли изготавливать только посредствомковки.

На третьем этапе вместе с появлением оловянных бронз происходят очередные изменения. В употребление входят более долговременные и производительные формы из камня. Благодаря прочности нового материала литник мог устраиваться на узких торцах формы со стороны обуха топора (табл. 1, 5, 6). Теперь расплавленный металл под собственной тяжестью мог заполнять полость формы гораздо лучше. Эти новшества привели к измене-

нию конфигурации топоров этого периода. Они вновь, как и на первом этапе, становятся прямообушными (рис. 1, 8, 10). Поменялись очертания их проушин. Они стали овальными или даже остроовальными. Вертикальное расположение формы также способствовало более надежному удержанию сердечника, формирующего втулку топора.

К числу крупнейших достижений третьего периода следует также отнести внедрение в производство литья изделий со «слепой» втулкой. Кованые их аналоги не были достаточно прочными. При интенсивном использовании их продольные края расходились, а то и вовсе ломались. Поэтому устья втулок стягивались кольцами из металла, завязками из проволоки или ремнями из кожи [Бочкарев, 2004. С. 388–390, рис. 4, 2–8]. Цельнолитые втулки были гораздо прочнее и удобнее в употреблении.

Эти и некоторые другие технологические новации привели к улучшению металлообрабатывающего производства, повысили его производительность. В конце эпохи бронзы оно уже было способно выпускать серийную, а кое-где и массовую продукцию. Благодаря этому металлическое оружие, украшения, утварь и даже орудия труда стали доступны более широкому кругу потребителей.

Такова в кратком изложении технологическая периодизация юга Восточной Европы. Ее практическое применение неизбежно повлечет за собой пересмотр некоторых традиционных представлений. Так, например, ранний этап донецкой катакомбной культуры необходимо будет перенести из средней бронзы в раннюю, а ахметовскую группу кладов на Северо-Западном Кавказе – из средней бронзы в позднюю. Но будут и другие изменения.

Вместе с тем необходимо предупредить, что использование этой схемы наталкивается на ряд трудностей, как объективного, так и субъективного характера. Судя по доступным сейчас данным металлообработка в бронзовом веке на Юге Восточной Европы развивалась достаточно плавно. Поэтому зачастую старые и новые технологии какое-то время сосуществовали. В ряде случаев это мешает провести четкие границы между этапами. Другие трудности вызваны тем, что на обширном пространстве южной половины Восточной Европы металлопроизводство эволюционировало неравномерно. Быстрее всего оно развивалось на Северном Кавказе, где были собственные запасы сырья и сильнее сказывалось влияние ближневосточных цивилизаций. Степь и лесостепь в этом отношении были периферийными регионами. Они отставали в своем развитии от кавказской метрополии. В них дольше задерживались архаические традиции. Эти региональные особенности должны найти отражение в периодизации. И она неизбежно приобретет зональный характер.

Наконец следует сказать, что дальнейшие исследования в указанном направлении тормозит дефицит достоверных данных о технологии древней металлообработки. Особенно не хватает металлографических анализов.

И последнее. Предложенная схема технологической периодизации не отвергает и не отбрасывает культурно-хронологическую схему. Она только более четко определяет ее место, как один из вариантов периодизации процесса культурогенеза.

Литература:

Артамонов М.И. Третий Разменный курган у ст. Костромской // Советская археология. X. 1948.

Бочкарев В.С. О функциональном назначении петель-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири // Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей, посвященный 77-летию Льва Самойловича Клейна. СПб., 2004.

Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: «Инфо Ол», 2010.

Городцов В.А. Бронзовый век на территории СССР // БСЭ (изд. 1). Том VII. М., 1927.

Деген-Ковалевский Б.Е. Проблема датировки Больших Кубанских курганов // КСИИМК. Вып. 2. 1939.

Иессен А.А. К хронологии «больших кубанских курганов» // СА. 1950. Вып. 12.

Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София: Болгарская академия наук, 1978а.

Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. № 4. 1978б.

Черных Е.Н. Каргалы. Том V: Каргалы: феномен и парадоксы развития. М.: Языки славянской культуры, 2007.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М.: ИА РАН, 2000.

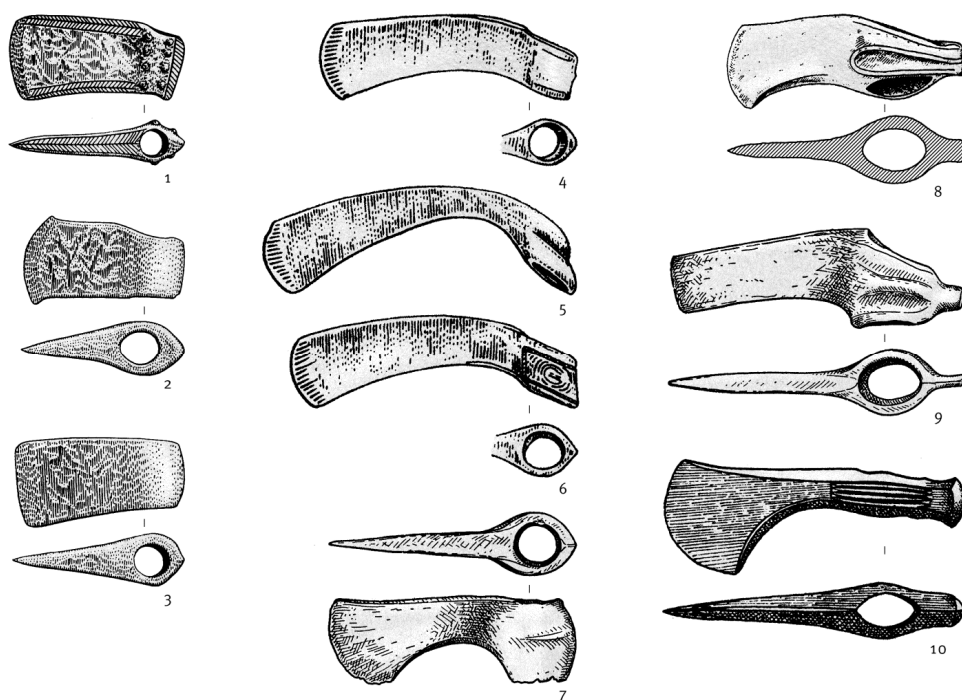

Рис. 1. Основные типы топоров эпохи ранней (1-3), средней (4-7) и поздней (8-10) бронзы южной половины Восточной Европы

УДК 902(470.620)|636|
ББК 63.4(235.7)

Черленок Е.А., Осташинский С.М.

ПЯТЫЙ СЛОЙ НАВЕСА МЕШОКО:
ПРОБЛЕМА СИНХРОНИЗАЦИИ С ПАМЯТНИКАМИ
СТЕПНОГО ЭНЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В работе публикуются украшения и кремневые наконечники из энеолитического слоя навеса Мешоко. Предполагается, что аналогии этим изделиям указывают на хвалынско-среднестоговские памятники. С другой стороны, данные радиоуглеродного датирования энеолитических отложений навеса (3800–3600 BC) не позволяют однозначно отнестись к вопросу о синхронизации.

Ключевые слова: мешоковская культура, кремневые наконечники, украшения, среднестоговская культура, хронология

Cherlenok E.A., Ostashinskiy S.M.

THE FIFTH LAYER OF THE MESHOKO ROCK SHELTER:
THE PROBLEM OF SYNCHRONIZATION
WITH THE ENEOLITHIC STEPPE MONUMENTS
OF THE EASTERN EUROPE

This paper is published the flint bifacial points and personal ornaments from the Eneolithic layer of the Meshoko rock shelter. We think, that the Meshoko objects are similar to those from the monuments of the Sredniy Stog – Khvalynsky circle. On the other hand, the synchronization is make the subject of discussion by reason of the radiocarbon dating of the Eneolithic layer (3800–3600 BC).

Keywords: Meshoko culture, flint bifacial points, personal ornaments, Sredniy Stog culture, chronology

Приблизительно в середине 5 тысячелетия до н. э. на Северо-Западном Кавказе появилась новая археологическая культура, открывающая в регионе эпоху раннего металла. Сейчас для нее нет общепринятого названия. Первоначально она получила название закубанской, позднее – накольчато-жемчужной керамики и дарквети-мешоковской [Нехаев, 1990; Кореневский, 1998. С. 108–113; Трифонов, 2001]. Из различных обозначений, на наш взгляд, наиболее подходящим является термин «мешоковская культура», который отсылает к одноименному поселению, изученному в конце 1950 – начале 1960-х гг. экспедициями под руководством и А.Д. Столяра и А.А. Формозова.

К началу 2010-х гг. предполагалось, что на позднем этапе своего развития памятники типа «Мешоко» существовали параллельно раннемайкопским древностям. Основанием для синхронизации стали встречаемость в одних и тех же отложениях майкопских и энеолитических материалов [Резепкин, 2000. С. 234; Трифонов, 2001. С. 193; Кореневский, 2008. С. 135; Рысин, 2012. С. 208]. Еще одним аргументом являлось перекрывание диапазонов некоторых майкопских и энеолитических радиоуглеродных дат [Кореневский, 2008. С. 134–138].

Памятником, позволяющим, на наш взгляд, по-новому оценить проблематику, стал навес Мешоко. Он расположен вблизи поселка Каменноостровский Майкопского района республики Адыгея (рис. 1) и впервые изучался в 1963–1964 гг. экспедицией под руководством А.Д. Столяра [Столяр, 2009. С. 107–108]. Начиная с 2011 года в навесе работает Закубанская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа при участии Санкт-Петербургского государственного университета. К настоящему времени вскрыта площадь 88 м² и определена стратиграфия отложений, которые, несмотря на их сравнительно небольшую мощность (около 1 м), можно разделить на 6 основных слоев (рис. 2).

Первый (верхний) слой содержит небольшое количество материала, среди которого были современный бытовой мусор, а также фрагменты майкопской и энеолитической керамики. Вероятно, он образовался в результате относительно недавней деятельности человека, включавшей в себя, в том числе, и нарушение более ранних культурных отложений.

Второй слой сохранился лишь на небольшом участке, культурная атрибуция его пока затруднена.

Третий слой представлен отложениями майкопской культуры. Здесь обнаружены такие характерные находки, как медный полубесчеренковый нож, фрагмент очажной подставки с отверстием, а также фрагменты «качественной» посуды (без видимых примесей и с высокотемпературным обжигом).

Четвертый слой содержал минимальное количество материала, возможно, проникшего сюда из вышележащих отложений. Он состоит из прослоек черного и светло-серого суглинка и, благодаря своей структуре, отчетливо отделяет майкопские древности от нижних слоев.

Пятый слой связан только с находками мешоковской культуры. Так, здесь обнаружено несколько сотен фрагментов посуды, украшенной характерным жемчужным орнаментом.

Шестой слой активно изучается лишь первый год, поэтому в настоящее время можно дать лишь его приблизительную оценку. Для материалов характерно преобладание кремневых находок над керамическими, распространение своеобразной «тонкостенной» посуды и различных геометрических микролитов, прежде всего сегментов.

Таким образом, одним из важных результатов современных работ в навесе Мешоко стала привязка майкопских и энеолитических материалов к разным слоям стратиграфической колонки. По ряду признаков находки из энеолитических отложений памятника отличаются от классического комплекса, представленного на одноименном поселении и, по нашему мнению, характеризуют поздний этап развития культуры [Черленок, Осташинский, 2013. С. 16–20]. Поскольку классический этап традиционно синхронизировался с памятниками хвалынского-среднестоговской общности, то резонно поставить вопрос о том, насколько это заключение справедливо для материалов, представленных в навесе. Основанием для синхронизации, как правило, выступали лишь некоторые категории инвентаря, прежде всего, «подтреугольные» двусторонне обработанные наконечники стрел, украшения и керамика с примесью раковины в тесте [Нехаев, 1986. С. 72–73; Kotova, 2008. С. 118]. Из этого набора в навесе представлены лишь первые две группы.

Всего в отложениях 5 слоя было обнаружено 6 целых и 2 крупных фрагмента наконечников (рис. 3, 1–8). Некоторые находки уже были опубликованы [Осташинский, Черленок, 2014]. Все изделия представляют собой достаточно компактную по своим метрическим характеристикам группу. Размеры целых экземпляров варьируются от 40 x 18 x 5 до 53 x 26 x 7 мм. (рис. 3, 1–6). Видимо, наиболее крупным предметом был один из фрагментированных наконечников с сохранившейся длиной 47 мм и шириной основания 31 мм (рис. 3, 8) Благодаря крупным размерам можно предполагать, что некоторые изделия, а возможно и вся группа, служили наконечниками для дротиков.

Для большинства экземпляров характерны разные вариации подтреугольной формы: как правило, прямые стороны расходятся от острия к основанию, или слабовыпуклые стороны расходятся от острия к нижней трети наконечника и затем суживаются. В одном экземпляре представлен наконечник с равномерным изгибом боковых сторон (максимальная ширина прихо-

дится на середину наконечника). Основание у большинства изделий прямое, иногда слабовыпуклое или слабовогнутое.

В «чистых» майкопских отложениях памятника такие наконечники не найдены. Необходимо отметить лишь один экземпляр, обнаруженный в яме со смешанным материалом 3-го и 5-го слоев (рис. 3, 9). Вероятно, его также следует относить к эпохе энеолита. В нижележащих отложениях 6-го слоя подобные изделия также пока не были обнаружены, поэтому можно предполагать, что в материалах навеса Мешоко крупные кремневые наконечники маркируют древности времени позднего энеолита.

Аналогичные находки являются классическим признаком энеолитической культуры Северо-Западного Кавказа и в частности в большом количестве найдены на поселении Мешоко [Осташинский, 2004]. В свое время они стали одним из аргументов для синхронизации раннего этапа мешоковской культуры с культурой Средний Стог [Котова, 2008, S. 118]. Изделия такого типа редко встречаются в памятниках более позднего времени, когда распространяются наконечники с выемкой в основании, а в ареале влияния майкопской культуры флажковидные наконечники стрел [Кияшко, Попплево, 2000; Котова, 2013, С. 28].

В энеолитическом 5 слое было обнаружено большое количество украшений. Это, прежде всего, связано с тем, что, начиная с 2015 года, стала применяться сплошная промывка культурного слоя. Некоторые находки уже были опубликованы [Осташинский, Черленок, 2016]. Предварительно все изделия можно разделить на 6 больших групп.

1. Бисер – материал изготовления камень, размер составляет несколько миллиметров. Найдено 56 предметов (на 2017 г.), все при промывке культурного слоя. Выделяется два основных типа изделий: 1.1. Короткий цилиндрический бисер – 54 экз. (рис. 4, 1–3); 1.2. Вытянутый (по форме близкий к стеклярусу) бисер – 2 экз. (рис. 4, 4–5).

2. Бусы. Обнаружено 19 предметов из различных материалов, большая часть в ходе промывки культурного слоя. Размер – около 1 см. В состав этой группы входят следующие типы: 2.1. Дисковидная бусина из раковины – 1 экз. (рис. 4, 6); 2.2. Конусовидная керамическая бусина – 2 экз. (рис. 4, 7); 2.3. Бочонковидная керамическая бусина – 7 экз (рис. 4, 8); 2.4. Цилиндрическая каменная бусина – 5 экз. (рис. 4, 9); 2.5. Цилиндрическая костяная бусина – 2 экз. (рис. 4, 10); 2.6. Костяная, овальная в сечении бусина – 2 экз. (рис. 4, 11).

3. Пронизи. Найдено 7 экз. (рис. 4, 12). Изготовлены из кости. Один экземпляр имеет круговую насечку по краю (рис. 4, 13). Почти все предметы найдены в ходе промывки культурного слоя.

4. Подвески из зубов животных. Большая часть найдена в ходе разбора культурного слоя. Размер – несколько сантиметров. Определения видов для

коллекции 2011–2013 гг. выполнили Ellen Hambleton и Mark Maltby (Department of Archaeology, Anthropology and Forensic Sciences, Bournemouth University, UK). Типы: 4.1. Подвеска из зуба оленя – 4 шт. (рис. 4, 14); 4.2. Подвеска из небольшого зуба животного – 2 шт. (рис. 4, 15); 4.3. Подвеска из клыка лисицы или собаки – 1 шт. (рис. 4, 16).

5. Пластины из клыка кабана – 4 экз. Форма и размер одного изделия позволяют предполагать, что оно носилось горизонтально, т. е. представляло собой пектораль (рис. 5, 2).

6. Браслеты из камня. Один фрагмент найден при разборе энеолитического культурного слоя. Реконструируемый внутренний диаметр около 6,8 см, высота – 1,9 см, толщина – 1,1 см (рис. 5, 1).

Кроме того, в ходе изучения вышележащих отложений были обнаружены несколько украшений, аналогичных энеолитическим и, вероятно, попавших в более поздний контекст в результате многочисленных перекопов. Из этих находок следует отметить фрагмент каменного браслета, костяную пронозь, две подвески из клыка собаки и крупный фрагмент пластины из клыка кабана.

Украшения из навеса Мешоко обладают внутренним единством, отраженным в подборе категорий инвентаря и материалов для их создания. Элементы этого комплекса фиксируются на поселениях Мешоко (верхний слой), Свободное, Замок, а также в Нальчикском могильнике и в погребениях хвалынского-среднеднестровской общности. Здесь находят аналогии бисер, все типы бус, кроме конусовидных керамических, и все типы подвесок. Особо следует отметить пекторали из клыка кабана и дисковидные бусы из раковины, распространенные на широкой территории от Дуная до Волги [Манзура, 2000. С. 261–266].

Дополнительным аргументом в пользу синхронизации пятого слоя навеса Мешоко со средним этапом степного энеолита (по И.Б. Васильеву) выступают данные по относительной хронологии и, особенно, свидетельства, полученные при раскопках стратифицированных памятников. Так, культура Средний Стог на Раздорском I поселении связана с 4–5 слоями, а вышележащий 6 слой здесь представлен древностями константиновской культуры, имеющей отчетливые параллели с майкопскими материалами [Кияшко, 1994, С. 28–30, 79–80; Kotova, 2008, S. 23–24]. Эта последовательность согласуется со стратиграфией навеса Мешоко, где пятый энеолитический слой сменяется третьим майкопским слоем.

Кроме аналогичных изделий, пятый слой навеса Мешоко может быть сопоставлен со степными памятниками на основании радиоуглеродного датирования. В настоящее время для энеолитических отложений имеются четыре радиоуглеродные даты (рис. 6). Три из них были взяты от сгоревших

плашек, обнаруженных в разных частях раскопа (Le9622, Le9674, Le10935). Один образец представлял собой уголь из заполнения ямы (Le10936). Наиболее выразительные пики всех четырех дат перекрывают друг друга в диапазоне около 3800–3600 гг. до н. э.

Схожие результаты были достигнуты при анализе материалов другого памятника мешоковской культуры – поселения Мысхако. Здесь на основании анализа одной из групп керамики предполагается его синхронность 4–5 слоям Раздорского I поселения [Гей, 2014, С. 19]. С другой стороны, результаты радиоуглеродного датирования указывают, что финальный этап существования памятника может относиться к XXXVIII–XXXVII вв. до н. э. [Гей, Зазовская, 2013, С. 82].

Полученные данные вводят нас в проблему абсолютной хронологии энеолитических и раннебронзовых культур юга Восточной Европы. Согласно широко распространенной точке зрения хвалынского-среднестоговские памятники относятся к более раннему, чем диапазон 3800–3600 гг. до н. э., времени [Kotova, 2008; Моргунова, 2011; Корневский, 2012]. Сложно утверждать однозначно, чем вызвано несовпадение датировок. Можно лишь указать, что в нагесе Мешоко абсолютное датирование перекрывающего и подстилающего слоев подкрепляют хронологию энеолитических отложений. Так первые даты 6-го слоя связаны с концом 5-го, рубежом 5/4-го тыс. до н. э., а даты слоя раннего бронзового века, хотя и имеют достаточно широкий диапазон, однако определенно указывают на невозможность его формирования ранее 3600 г. до н. э.

Литература:

Гей А.Н. Об одной группе энеолитической посуды поселения Мысхако (восточный холм) // КСИА. 2014. № 236.

Гей А.Н., Зазовская Э.П. Новые радиоуглеродные даты поселения Мысхако и майкопского поселения Чекон // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар: Экоинвест, 2013.

Кияшко В.Я. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тысячелетиях до н. э.). Азов: Азовский краеведческий музей, 1994.

Кияшко В.Я., Поплевко Г.Н. Кремневые наконечники стрел Константиновского поселения // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Вып. 16. Азов: Азовский краеведческий музей, 2000.

Корневский С.Н. Поселение «Замок» у города Кисловодска (нижний слой) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1. Ставрополь, 1998.

Корневский С.Н. Поселение энеолитической эпохи Предкавказья Ясенева Поляна и культура накольчатой жемчужной керамики Предкавказья // ПИФК. 2008. № 21.

Корневский С.Н. Рождение кургана (погребальные памятники энеолитического времени Предкавказья и Волго-Донского междуречья). М.: ТАУС, 2012.

Котова Н.С. Деревская культура и памятники Нижнемихайловского типа. Киев-Харьков: Майдан, 2013.

Манзура И.В. Владеющие скипетрами // *Stratum plus*. 2000. № 2.

Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: Издательство ОГПУ, 2011.

Нехаев А.А. Некоторые вопросы изучения поселения Свободное // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984.

Нехаев А.А. Энеолитические поселения Закубанья // Древние памятники Кубани. Краснодар: Управление культуры Краснодарского крайисполкома, 1990.

Остаинский С.М. Наконечники стрел и дротиков поселения Мешоко (вопросы классификации и стратиграфии) // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2004.

Остаинский С.М., Черленок Е.А. Кремневые изделия навеса Мешоко (по материалам раскопок 2011–2012 гг.) // Проблемы археологии эпохи камня: к 70-летию Валентины Ивановны Беляевой. Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Вып. 18. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2014.

Остаинский С.М., Черленок Е.А. Комплекс энеолитических украшений из навеса Мешоко (по результатам работ 2011–2015 гг.) // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.). Крутой стол, посвященный 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко. СПб., 2016.

Резепкин А.Д. Керамические комплексы поселений Хаджох, Скала, Ясенева Поляна // Судьба ученого: К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2000.

Рысин М.Б. Проблемы хронологии и периодизации древних культур Кавказа (радиоуглеродная «революция» и традиционная археологическая типология) // Археологические вести, 2012. № 18.

Столяр А.Д. Отчет о работах Северокавказской экспедиции Государственного Эрмитажа в 1963 г. // Мешоко – древнейшая крепость Предкавказья. Отчеты Северокавказской археологической экспедиции 1958–1965 гг. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009.

Трифонов В.А. Дарквети-мешоковская культура // Третья кубанская археологическая конференция. Краснодар-Анапа, 2001.

Черленок Е.А., Остаинский С.М. Поздний энеолит Северо-Западного Кавказа: данные по относительной хронологии материалов из раскопок навеса Мешоко (2012 г.) и поселения Мешоко (2007 г.) // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции. СПб.: «Скифия-принт», 2013.

Kotova N.S. Early Eneolithic in the Pontic Steppes. 2008. Oxford.

Рис. 1. Место расположения навеса Мешоко

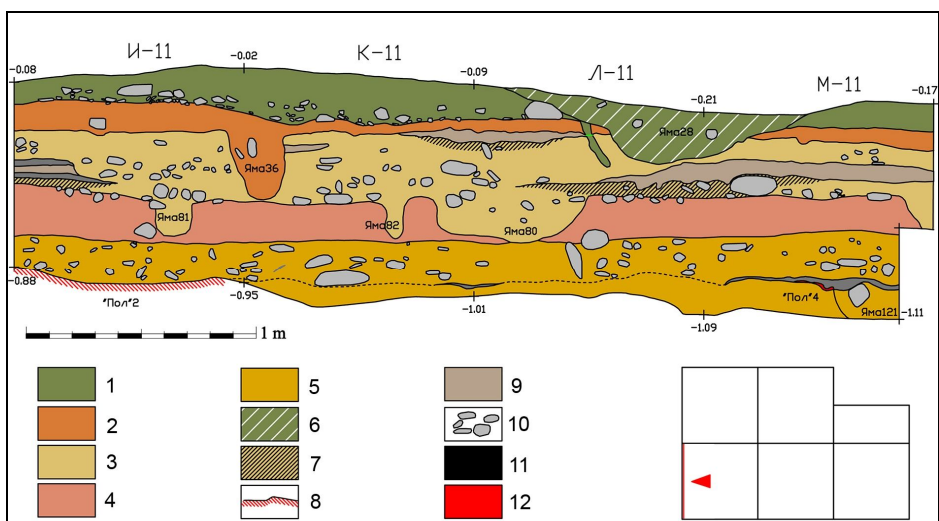

Рис. 2. Навес Мешоко 2015 г. Западная стенка раскопа на кв. И-М/11.

- 1 – коричневатый-серый суглинок (слой 1); 2 – темно-серый суглинок (слой 2);
- 3 – серый суглинок (слой 3); 4 – прослойки черного и светло-серого суглинка (слой 4);
- 5 – желтовато-серый суглинок (слой 5); 6 – яма, впущенная с дневной поверхности;
- 7 – темно-коричневый суглинок; 8 – поверхность «пола»; 9 – зола; 10 – камень; 11 – уголь;
- 12 – «пол»

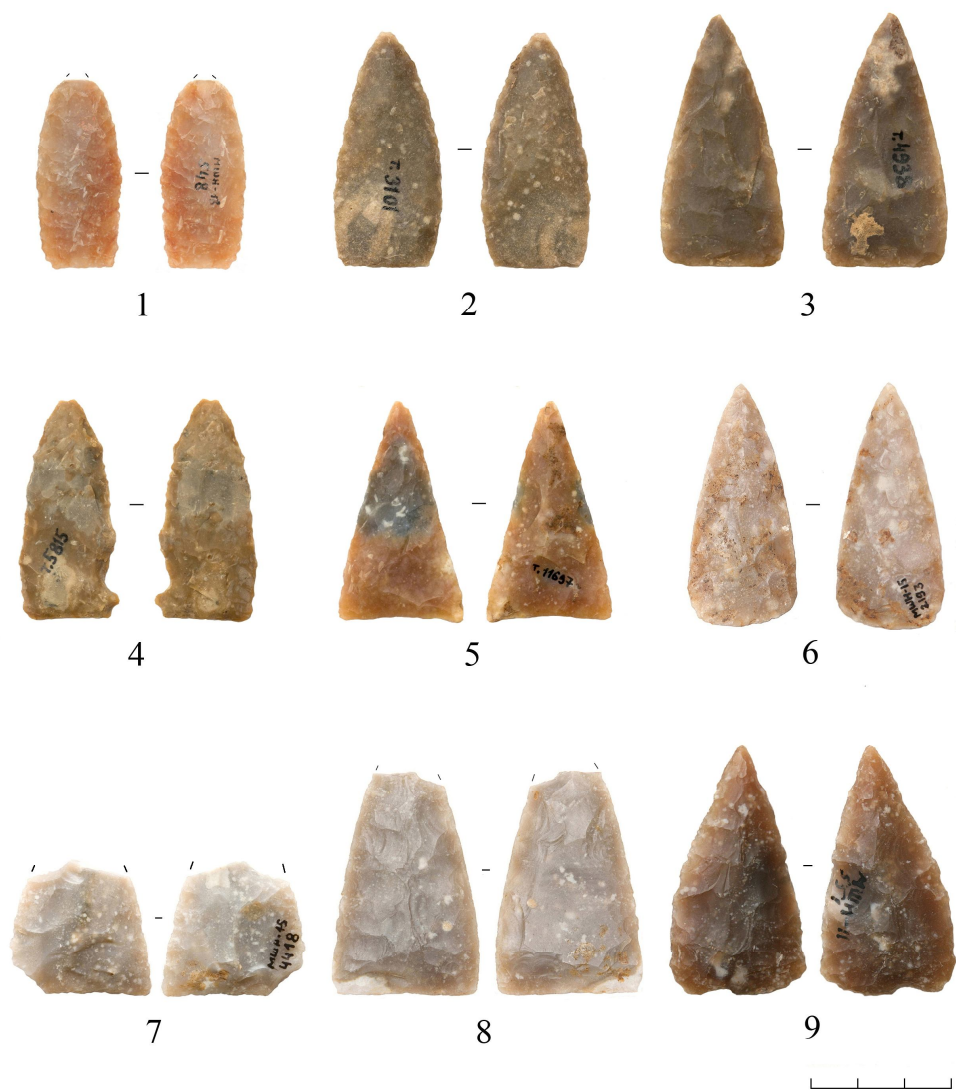

Рис. 3. Кремневые наконечники из навеса Мешоко.
1-8 - Слой 5; 9 - слой 3/5

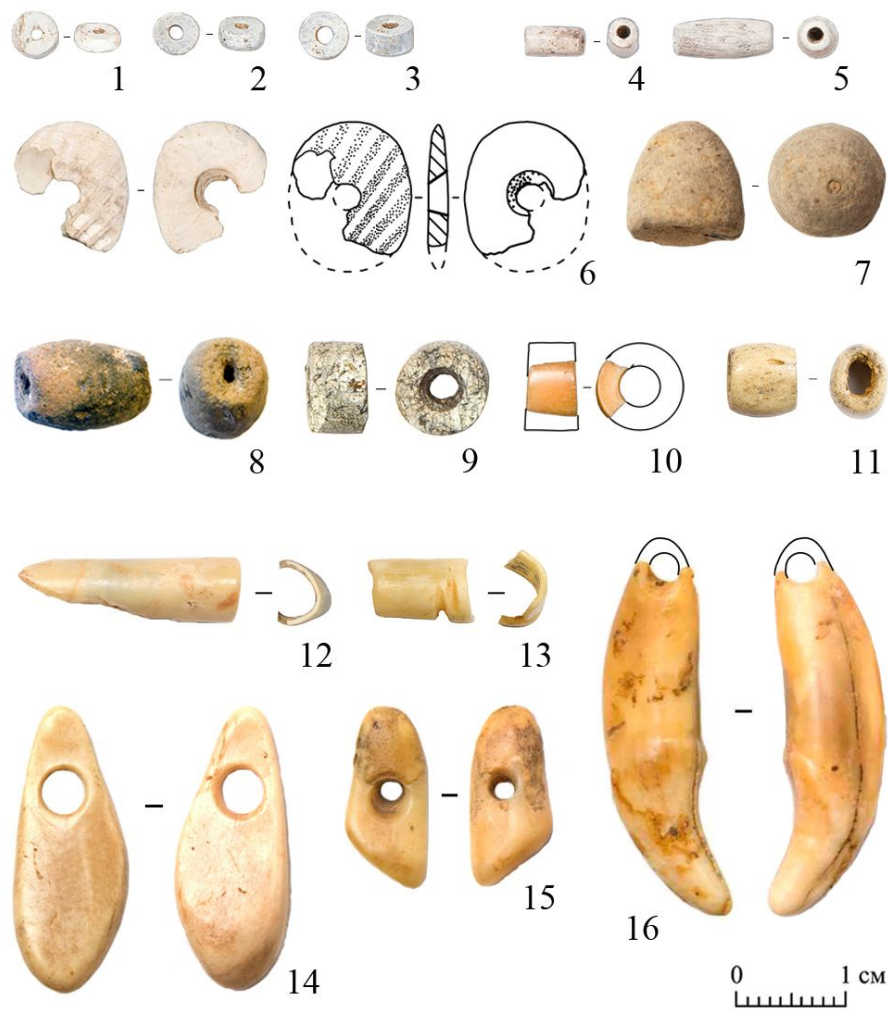

Рис. 4. Украшения энеолитического слоя навеса Мешоко. Группы 1-4.
 1-3 - короткий цилиндрический каменный бисер; 4-5 - вытянутый каменный бисер;
 6 - дисковидная бусина из раковины; 7 - конусовидная керамическая бусина;
 8 - бочонковидная керамическая бусина; 9 - цилиндрическая каменная бусина;
 10 - цилиндрическая костяная бусина; 11 - костяная, овальная в сечении бусина;
 12-13 - костяные пронызы; 14 - подвеска из зуба оленя; 15 - подвеска из небольшого
 зуба животного; 16 - подвеска из клыка лисицы или собаки

Рис. 5. Украшения энеолитического слоя навеса Мешоко. Группы 5-6.
1 - каменный браслет; 2 - пластина из клыка кабана

Шифр	Материал	Контекст	Дата ВР	Дата calBC
Le-9622	уголь	Кв. Н-18	4940±70	3944-3854 (14,6%) 3848-3635 (80,8%)
Le-9674	уголь	Кв. О-18	4870±60	3789-3621 (75,1%) 3608-3522 (20,3%)
Le-10935	уголь	Кв. И-15	4890±65	3910-3878 (2,1%) 3803-3622 (81,1%) 3606-3523 (12,2%)
Le-10936	уголь	Яма №98	4890±80	3942-3857 (7%) 3820-3517 (87,9%) 3396-3386 (0,5%)

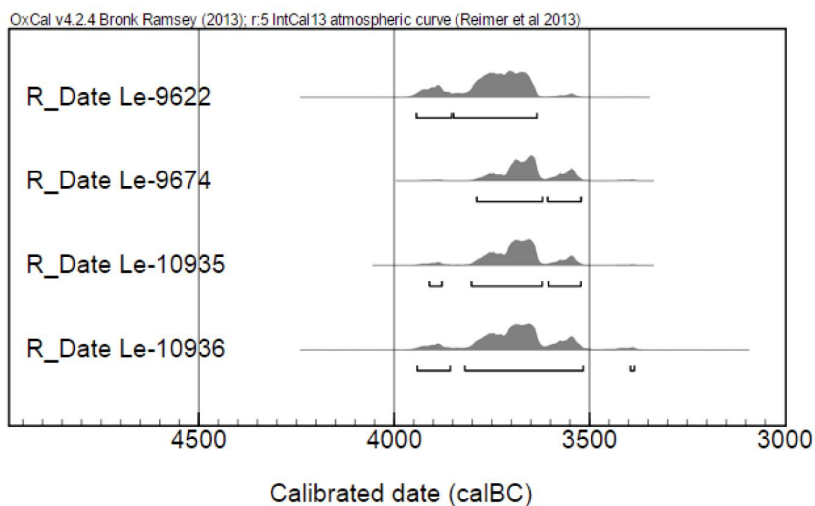

Рис. 6. Радиоуглеродные даты энеолитического слоя навеса Мешоко

УДК 902(4-11)|637.7
ББК 63.4(45)

Бочкарев В.С., Кузнецов П.Ф.

ОБ ОДНОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ПСАЛИЕВ
ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ*

В работе рассмотрена одна из разновидностей псалиев эпохи поздней бронзы Восточной Европы. Они получили название пластинчатых и отличаются тем, что в них скрещены черты восточных щитковых псалиев и карпато-дунайских стержневидных псалиев. Датируются они в основном III периодом эпохи поздней бронзы, т. е. XVII–XVI вв. до н. э.

Ключевые слова: псалии, эпоха поздней бронзы, Восточная Европа, Карпато-Дунайский регион

Bochkaryov V.S., Kuznetsov P.F.

ABOUT ONE VARIETY OF CHEEK-PIECES
OF THE LATE BRONZE AGE OF EASTERN EUROPE

The work discusses one of the variants of psalia of the Late Bronze Age of Eastern Europe. Their name is plate-like ones and their peculiarity lies in combining the features of eastern shield psalia and of Carpathian-Danube bar-like psalia. They are dated by Period III of the Late Bronze Age, i.e. 17-16th Centuries B.C. for the most part.

Keywords: psalia, Late Bronze Age, Eastern Europe, Carpathian-Danube Region

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00137 «Контакты и взаимосвязи населения Урало-Поволжских и Казахстанских степей в период поздней бронзы и раннего железа».

К числу важных находок эпохи поздней бронзы Восточной Европы относятся различные принадлежности конской узды. В основном они представлены псалиями. Эти изделия изготавливались из разных материалов: рога, кости, металла и даже дерева. Количественно резко преобладают роговые и костяные псалии.

По внешним очертаниям и пропорциям их обычно разделяют на две большие группы – щитковые и стержневидные. В первую из них входят изделия, имеющие вид широких пластин в виде круглой, овальной, сегментовидной или прямоугольной формы. В поперечном разрезе они линзовидные, арковидные или уплощенные. Предполагается, что выбор широкой плоскости был изначально предопределен необходимостью разместить на ней несколько шипов. Шипами снабжались так называемые строгие псалии. Как правило, их использовали в колесничей упряжи.

По форме и материалу щитковые псалии неоднородны. Среди них выделяются дисковидные и желобчатые. Между собой они различаются по форме щитка, его сечению, а также материалу. Желобчатые псалии имеют прямоугольный щиток и выпукло-вогнутое сечение (арковидное). Они изготавливались из расколотых вдоль трубчатых костей крупного рогатого скота. Дисковидные псалии обычно изготавливали из лосиных или оленьих рогов.

Среди изделий обеих групп известны как шипастые, так и бесшипные псалии. По времени шипастые псалии появились раньше. В целом, дисковидные псалии с шипами были старше желобчатых. По принятой здесь хронологической схеме [Бочкарев, 2017. С. 159–204] они датируются I–II периодами эпохи поздней бронзы (рубеж III/II тыс. до н. э. – первые века II тыс. до н. э.). Желобчатые псалии с шипами появились во II периоде, а их бесшипные варианты продолжали существовать на протяжении всего III периода (приблизительно XVII–XVI вв. до н. э.).

Основная масса находок щитковых псалиев происходит из Доно-Волго-Уральского региона. Здесь они известны в памятниках синташтинской, петровской и покровской культур. Намного реже они встречаются в материалах срубной и алакульской культур. В IV периоде щитковые псалии выходят из употребления.

Щитковые псалии и связанная с ними колесничная упряжь относятся к числу важных инноваций волго-уральского очага культурогенеза. Из этого центра они распространились во многие другие регионы Северной Евразии. Их копии или дериваты достигают Среднего Подунавья и юга Балканского полуострова, а также проникают на территорию Средней Азии.

Вторую большую группу составляют стержневидные псалии. Их изготавливали из рогов мелкого рогатого скота или расколотых вдоль узких и длинных костей. Их ранние типы появились примерно в то же самое время,

что и щитковые псалии, но на другой территории. Основной зоной их распространения является карпато-дунайский регион. Вероятно, здесь они и возникли в культурной среде карпато-дунайского очага культурогенеза. С течением времени стержневидные псалии получили очень широкое распространение. Их находки встречаются во многих частях Северной Евразии.

По различиям в системе расположения отверстий для крепления ремней оголовья и пропуска удила стержневидные псалии подразделяются на несколько типов [Hüttel, 1981. P. 64; Boroffka, 1998. P. 81–135]. У изделий ранних типов эти отверстия располагаются в разных плоскостях, а у поздних в одной. Характерной особенностью ранних псалиев являются также двойное отверстие для пропуска удила и выразительный орнамент, получивший название карпато-микенского. По мнению Х.-Г. Хюттеля в работе стержневидных псалиев использовался иной принцип, чем у щитковых. В идеале они должны были действовать как рычаги [Hüttel, 1981. P. 24]. Их могли использовать как для упряжи верховых лошадей, так и колесничих. Возможно, по этой причине они и получили такое широкое распространение. С течением времени стержневидные псалии вытеснили из употребления все разновидности щитковых.

В период сосуществования указанных двух групп псалиев они активно влияли друг на друга. В результате, как в карпато-дунайском регионе, так и на территории Восточной Европы, возникла новая разновидность псалиев. В них органически сочетались черты стержневидных и щитковых псалиев. Ниже приводится описание такого рода изделий, найденных в Восточной Европе.

1. **Веретяевка II**, поселение. РФ, Самарская обл., Кинельский р-н. Культурный слой срубной культуры. Раскопки 2002 г. О.В. Кузьминой [Кузьмина, 2003].

Сохранился фрагментарно. Сломан по линии центрального отверстия. Повреждена и подтреугольная планка (рис. 2, 1).

Длина сохранившейся части предмета 7,1 см; максимальная ширина до 3,1 см. Диаметр центрального отверстия до 0,7 см. Толщина пластины до 1,1 см.

Псалий имел обломанное подтреугольное окончание – планку с выраженными выемками. Фиксируется истончение планки. Она отделена уступом от щитка псалия.

2. **Выдыльха**, поселение. Украина, Донецкая обл., Славянский р-н., с. Богородичное. Памятник расположен на правом берегу р. Северский Донец. Поселение многослойное. Представлены культурные остатки позднего палеолита, неолита, срубной культуры позднего бронзового века и культур более позднего времени [Колесник и др., 2008. С. 28; Усачук, 2013. С. 89].

Псалий изготовлен из фрагмента желобчатой кости (рис. 2, б). Оба его конца сломаны. Длина сохранившейся части изделия до 10,1 см. Ширина в

центре щитка до 2,8 см. Толщина пластины 1,1 см. В центре есть два отверстия. Одно округлое, диаметром от 1,1 см и до 0,7 см. Второе отверстие овальное, размером 0,7 x 0,55 см. В центральной части есть поврежденное боковое отверстие вытянуто-овальной формы. Его ширина до 0,3 см.

Псалий орнаментирован. Щиток в центральной части украшен четырьмя циркульными незамкнутыми окружностями с точкой в центре. По бокам щитка были нанесены по два ряда горизонтальных линий, которые соединяются вертикальными насечками. Насечки нанесены компактно в ряд по четыре – пять полосок. Сохранившаяся часть окончания псалия орнаментирована «карпато-микенской волной» с циркульными точками в центре окружности. Волна сверху и снизу обрамляется горизонтальными рядами линий и треугольниками. Окончание также было орнаментировано. Сохранились 3 окружности с циркульными точками в центре [Колесник и др., 2008; Усачук, 2013].

3, 4. **Капитаново I**, многослойное поселение. Украина, Луганская обл., Новоайдарский р-н. Содержит материалы разных эпох. К слою срубной культуры, по всей вероятности, относится находка двух псалиев [Чередниченко, 1970. С. 233–238].

Псалий № 1 (рис. 2, 2). Изготовлен из роговой пластины [Усачук, 2013. С. 211]. Ещё в древности у него была сломана планка. От неё сохранился только орнаментальный фриз, состоящий из нескольких рядов параллельных линий, поверх которых были вырезаны три S-видных значка. Позднее поверх орнамента были просверлены три отверстия диаметром 0,15 см, предназначенные для крепления наносного ремня.

Нижний конец псалия также был обломлен. Длина сохранившейся части изделия 9,3 см, ширина 2,1 см, толщина 0,7 см. На щитке вырезаны 2 центральных отверстия. Одно из них имеет округлую форму диаметром 0,6 см, а второе овальное размером 1 x 0,5 см. Частично сохранилось и боковое отверстие длиной 0,6 см, шириной 0,15 см.

Псалий сравнительно нарядно украшен. От орнаментального фриза на планке, о котором говорилось выше, свисают две кашлевидные фигуры, основание которых соединено дугами. Боковые торцы изделия украшены группами рисок, разделённых равными промежутками.

Псалий № 2. Изготовлен из фрагмента желобчатой кости (рис. 2, 3). Сохранился частично. Сломан пополам по линии центрального отверстия. Сломана и планка, которая, вероятно, была снабжена выступами (цапфами). Длина сохранившейся части предмета 6,2 см, ширина в центральной части щитка до 2,8 см, толщина щитка до 1,1 см. Высота сохранившейся части планки достигает 1 см. Диаметр центрального отверстия равен 1,4–1,5 см. Сохранилось дополнительное отверстие в центральной части планки диамет-

ром 0,2 см. На боковой части щитка есть ещё одно дополнительное отверстие в виде вытянутого овала. Псалий орнаментирован. Ниже планки располагался фриз, заполненный меандром. От него свисает ряд маленьких удлиненных треугольников, вершины которых помечены точками. В центральной части щитка размещены вертикально несколько параллельных линий, нижние концы которых упираются в центральное отверстие.

5. **Осиповка/ Йосипівка**, поселение. Украина, Днепропетровская обл., река Орель. Поселение эпохи поздней бронзы [Ляшко, 1994. С. 152–166].

Псалий изготовлен из кости. Ещё в древности расколот пополам по всей длине щитка (рис. 2, 9). Имел планку, которая сохранилась лишь частично. Она была сломана по линии отверстий, к которым крепился ремень оголовья. Длина сохранившейся части изделия 13,8 см, ширина 1,6 см. В середине щитка есть два центральных отверстия и одно боковое. Все они имеют вытянуто-овальную форму. Размеры центральных отверстий около 1,1 x 0,5 см. Размер бокового отверстия 1,1 x 0,4 см. Планка отделена от щитка пазом шириной 3–4 мм. Она имела, как минимум, два отверстия диаметром до 0,4 см. Планка обломилась по линии отверстия. Псалий орнаментирован. Щиток украшен двумя циркульными окружностями с точками в центре. Вдоль края щитка были нанесены две горизонтальные линии, которые соединяются вертикальными насечками.

6. **Нижне-Семеновский Остров**, случайная находка. РФ, респ. Татарстан, Спасский р-н. Обнаружен Е.П. Казаковым [Малов, Бугров, 2006. С. 144].

Псалий изготовлен из костяной пластины прямоугольного сечения (рис. 2, 5). Длина псалия 10,5 см; ширина до 3 см; ширина на концах до 1,5 см. Толщина до 0,6 см. Центральное отверстие имеет округлую форму диаметром 1,0–1,2 см. Рядом с центральным отверстием просверлены 2 малых отверстия диаметром 0,2–0,3 см. Между ними фиксируется след сработанности от шнура или ремня. Следы износа есть с обеих сторон псалия. На противоположной стороне от центрального отверстия есть ещё одно дополнительное отверстие вытянуто-овальной формы. Его длина с разных сторон псалия различна: 1,2 см и 0,7 см. Ширина до 0,3 см.

Псалий орнаментирован резными геометрическими линиями. По его краю проходит сплошная кайма в виде резной рамки. Между рамкой и боковыми гранями по всему периметру двенадцатью группами расположены короткие черточки. Параллельные черточки расположены группами, по четыре – семь в каждой. Большая часть поверхности псалия украшена S-видными фигурами с точками.

7. **Усово Озеро**, поселение. Украина, Донецкая обл., Краснолиманский р-н. [Березанская, 1990. С. 48, 91, рис. 10, 1]. Поселение бронзового века.

Основной керамический материал относится к срубной культуре. Но, также есть более поздняя валиковая керамика. Псалий, по определению А.Н. Усачука, изготовлен из пластины рогового отростка [Усачук, 2013. С. 89]. Сломан по линии центрального отверстия (рис. 2, 4). Длина сохранившейся части псалия до 7 см, ширина до 2,8 см, толщина до 1 см. Сечение линзовидной формы. Псалий имел два центральных отверстия, расположенных вплотную друг к другу. Их диаметр немногим более чем 1 см. Боковое отверстие вытянуто-овальной формы, чуть изогнутое в плане. Его длина 0,9 см, ширина до 0,3 см. Псалий имеет небольшую подквадратную планку высотой до 0,9 см, которая отделена от щитка нешироким орнаментированным фризом. В этом месте расположены три отверстия диаметром до 0,5 см. Одно крайнее отверстие было сломано.

Псалий украшен нарядным орнаментом. Среди орнаментальных мотивов следует отметить ряд ромбов на планке, каплевидные фигуры на щитке, ряды рисок на торцах изделия, а также точки, обрамляющие линию щитка.

8, 9. **Казангулово I**, поселение эпохи бронзы. РФ, респ. Башкортостан, Давлекановский р-н.

Два псалия были обнаружены в 5 см от края жилища, на глубине 92 см, чуть выше уровня материка, в зольнике. Псалии лежали в 5 см друг от друга. Керамика на поселении авторами отнесена к срубной культуре, но есть и более поздний фрагмент с валиком [Горбунов, Обыденнов, 1975. С. 254–257].

Авторы публикации указывают: «Судя по весу, псалии изготовлены из окаменелой кости, возможно, бивня мамонта» [Горбунов, Обыденнов, 1975. С. 255]. Здесь необходимо отметить, что своей высокой плотностью и весом отличается не только окаменелая кость, но и рога животных. Учитывая то обстоятельство, что абсолютное большинство щитковых псалиев изготовлено из рога лося, мы вправе предполагать, что и казангуловские псалии являются роговыми изделиями.

Псалий № 1 (рис. 2, 7) имеет плоский щиток в форме вытянутого овала и выделенную планку подпрямоугольной формы, которая снабжена тремя выступами прямоугольных очертаний (цапфами). Длина предмета 7,1 см, ширина до 3,1 см. Толщина щитка псалия до 0,7 см. На щитке есть одно центральное отверстие и одно боковое. Боковое отверстие выполнено с внутренней стороны щитка и выведено на его торцевую часть. Центральное отверстие имеет подпрямоугольную форму размерами 0,8 x 0,4 см. Боковое отверстие имеет овальную форму размерами 0,75 x 0,25 см. Планка отделена от щитка выступом. Край щитка орнаментирован двойной линией противоположащих треугольников, которые образуют волнообразную ленту. Торец щитка украшен кривыми линиями, в виде зигзага. Центральная часть щитка орнаментирована сплошным прочерчиванием в виде S-видных фигур.

Псалий № 2 (рис. 2, 8). Имеет плоский щиток в форме вытянутого овала и выделенную планку подпрямоугольной формы, которая снабжена тремя выступами прямоугольных очертаний (цапфами). Длина предмета 7,1 см, ширина до 3,1 см. Толщина щитка псалия до 0,7 см. Расположение отверстий аналогично вышеописанному псалию. Центральное отверстие имеет округлую форму диаметром до 0,75 см. Боковое отверстие имеет овальную форму размерами 0,75 x 0,35 см. Планка отделена от щитка выступом. Щиток орнаментирован рядами наклонных насечек, соединенных двумя линиями. Вместе они образуют сплошную ленту, украшающую край щитка. Его центральная часть украшена кривыми линиями, не образующими цельного узора. В одном месте вырезана двойная окружность с точкой в центре. Торец щитка украшен рядами противоположащих треугольников, которые образуют волнообразную ленту.

Описанные находки, безусловно, принадлежат к серии щитковых псалиев, но являются их особой разновидностью. От дисковидных псалиев они отличаются формой щитка, а от желобчатых поперечным сечением и некоторыми другими деталями. Внешне они имеют вид сравнительно нешироких удлиненных пластин с овальным, линзовидным, или подпрямоугольным поперечным сечением. Учитывая эти признаки, их целесообразно назвать пластинчатыми псалиями. Как было уже указано, они изготавливались из рога, а в большинстве случаев из расколотых трубчатых костей КРС.

Их принадлежность к серии щитковых псалиев означает, что они, в основном были связаны с восточноевропейской культурной средой эпохи поздней бронзы. Действительно, по общим очертаниям, наличию у некоторых из них планки (рис. 2, 1, 3, 6, 7), бокового отверстия на щитке (рис. 2, 3, 4, 5, 7–9), они ближе всего стоят к бесшипным вариантам желобчатых псалиев [Бочкарев, Кузнецов, 2010. С. 303–306, рис. 1–3]. Поэтому в литературе их обычно относят к этой группе изделий [Усачук, 2013. С. 89–94, рис. 56, 2, 4]. Особняком стоит только находка из Татарстана (рис. 2, 5). У этого псалия очень необычный порядок расположения боковых отверстий [Малов, Бугров, 2006. С. 144, 145, рис. 1, 3].

Вместе с тем, у всех описанных изделий есть признаки, совершенно несвойственные желобчатым псалиям. К их числу, прежде всего, относится такая особенность, как наличие 2-х центральных отверстий для пропуска удил. Они есть на псалиях из Капитаново, Усова Озера, Осиповки и Выдыльхи (рис. 2, 2, 4, 6, 9). Такие двоянные отверстия характерны для среднедунайских стержневидных псалиев типа II и вариантов в3–в5 типа IV по классификации Н. Борофки [Boroffka, 1998. P. 107–109]. Кроме Венгрии они также хорошо известны в Румынии и Молдавии [Boroffka, 1998. P. 119–121, abb. 13, 14].

Встречаются они и на территории Украины (Белз, Сабатиновка, Виноградный Сад и др.). Особенно большой интерес вызывает недавняя находка трех псалиев типа IV из курганного захоронения лошадей близ Гусятина Тернопольской области Украины [Льчишин, 2016. С. 77-90]. В большой прямоугольной яме (2,4 x 3,2 м) находились 2 костяка лошадей, лежащих скорченно на боку и обращенных мордами друг к другу (рис. 3, 6-15). У их черепов лежали три стержневидных псалия и шесть костяных бляшек, видимо, от ремней оголовья. Псалии и бляшки украшены характерными каплевидными фигурами, спиральными и солярными мотивами. Это захоронение может свидетельствовать в пользу того, что стержневидные псалии также использовались в колесничей упряжи.

Самые восточные находки стержневидных псалиев со сдвоенными центральными отверстиями зафиксированы на территории Донбасса. Один из них, по информации А.Н. Усачука, был обнаружен в г. Славянск Донецкой области (рис. 3, 4), а другой на поселении эпохи поздней бронзы у с. Провалье близ г. Луганска (данные С.Н. Братченко) (рис. 3, 5).

Возвращаясь к описанию пластинчатых псалиев, отметим ещё одну черту, которая совершенно не характерна для желобчатых псалиев. Это оформление одного из их концов в виде цапфенного захвата. Такое приспособление для крепления ремней оголовья есть у двух псалиев из пос. Казангулово и, возможно, оно было у одного из Капитановских псалиев (рис. 2, 3, 7, 8). Изредка оно встречается и в группе бесшипных (поздних) дисковидных псалиев. Такие псалии известны из двух или трех алакульских погребений [Сальников, 1952. Рис. 7, 2; Акишев, 1959. С. 16, рис. 8; Зданович, 1985. С. 115, рис. 4]. В целом, цапфенное крепление редко встречается на псалиях I-III периодов на территории Восточной Европы и Казахстана. Но, зато оно было широко распространено на стержневидных псалиях карпато-дунайского региона. В частности, цапфы являются характерной приметой типа IV [Boroffka, 1998. P. 109]. Псалии с цапфами известны и среди украинских находок. Некоторые из них нами уже упоминались (Белз, Гусятин и др.). Встречаются они и в более поздних материалах, которые датируются временем культур Ноуа и Сабатиновка [Березанская и др., 1986. С. 100, рис. 29, 5, 10].

Завершая общую характеристику пластинчатых псалиев, нельзя не сказать об их орнаментации. Большинство из них нарядно украшены резным орнаментом, некоторые элементы и мотивы которого не встречаются у желобчатых псалиев.

Это замкнутые и полузамкнутые окружности с точкой или кружком в центре, волнистые ленты, меандры, спиральные крючки (рис. 1, 2-9). Иногда их линии обрамлены рядами точек (рис. 1, 4). Кроме того, встречаются узкие треугольники с точкой на вершине (рис. 1, 3), каплевидные фигуры

(рис. 1, 2, 4) и т. д. Все эти узоры характерны для так называемого карпато-микенского орнаментального стиля. Ими украшались костяные, роговые, металлические и изредка керамические изделия. Этот стиль получил широкое распространение в первой половине II тыс. до н. э. в Микенской Греции и в карпато-дунайском регионе. Отсюда его название. Но образцы этого стиля известны также в Анатолии и на юге Восточной Европы. Его базовыми элементами являются циркульные окружности, дуги и спиральные крючки. Как показали опыты, все они могли быть выполнены только с помощью циркуля. Из них моделировали такие мотивы и композиции как «микенская волна» (рис. 1, 6), спирали (рис. 1, 2), трискелии [Литвиненко и др., 2013. Рис. 3; 6, 2, 6, 7; рис. 7, 10–12, 17–19], «вихревые» розетки [там же. Рис. 6, 15; рис. 7, 13–16, 20], «бегущие» спирали (рис. 2, 3). Время расцвета этого стиля в Греции приходится на LH I–II, в карпато-дунайском регионе – на BrA2b–BrB1 (по П. Рейнеке), а в Анатолии – на период Karum I [David, 2007. P. 411–418]. На юге Восточной Европы изделия, украшенные в карпато-микенском стиле, встречаются в материалах II и особенно III периода. В IV периоде их практически уже нет. В это же время (по Рейнеке – BrC) они исчезают и на территории Средней Европы и в карпато-дунайском регионе.

Остается неясным вопрос о родине этого стиля. Первоначально предполагалось, что она находилась в Греции. Но «радиоуглерод» и дендрохронология поставили под сомнение эту точку зрения. Оказалось, что греческие и, возможно, анатолийские материалы не имеют хронологического приоритета перед карпато-дунайскими. Но в любом случае можно достаточно уверенно утверждать, что на юг Восточной Европы этот стиль попал извне и должен датироваться несколько позднее, чем его ранние образцы в метрополии. Попытки доказать обратное не кажутся убедительными (Беседин, 1999. С. 45–59).

Итак, вполне очевидно, что изделия, отнесенные нами к пластинчатым псалиям, имеют смешанные черты. С одной стороны хорошо видно, что в их основе лежит модель бесшипных желобчатых псалиев. На это указывает их общая форма, наличие планки, бокового отверстия, некоторые элементы орнамента (зигзаг, группа вертикальных черточек, покрывающих торец изделия, и т. д.). С другой стороны такие признаки как сдвоенные центральные отверстия, цапфенный захват, карпато-микенский орнамент, указывают на их связь с карпато-дунайскими стержневидными псалиями.

Таким образом, есть все основания сказать, что они появились в результате контаминации щитковых псалиев Восточной Европы и стержневидных псалиев Карпато-Подунавья. Аналогичный процесс скрещивания разнородных признаков прослеживается также и в последнем из названных регионов. Там найдено несколько изделий, в которых также сочетаются признаки щитковых и стержневидных псалиев (рис. 2, 1, 2). На одном из них дисковидный

щиток снабжен двумя центральными отверстиями, а на другом такой же щиток имеет стержневидный отросток с цапфенным креплением. Оба они украшены циркульным орнаментом.

Судя по находкам на поселениях срубной культуры (Капитаново и др.), а также по типологическим данным (бесшипная форма) эти псалии должны датироваться в основном III периодом, т. е. приблизительно XVII–XVI вв. до н.э. В то время с ними сосуществовали желобчатые псалии хрипуновского, токского и усатовского типов [Бочкарев, Кузнецов, 2010. С. 303–306]. Их основными прототипами, очевидно, были желобчатые псалии с шипами [Бочкарев, Кузнецов, 2010. С. 307–308]. В IV периоде они, как и все щитковые псалии, выходят из употребления и заменяются стержневидными псалиями.

Сам факт появления пластинчатых псалиев и другие данные говорят в пользу того, что волго-уральский и карпато-дунайский очаги культурогенеза, несмотря на большие расстояния, разделяющие их, были достаточно тесно связаны. В основном их контакты шли по линии распространения и освоения конных колесниц. Об этом убедительно свидетельствуют карты распространения щитковых псалиев, парных захоронений лошадей, костяных цилиндров (детали от нагаек и плетей). Они охватывают огромную территорию, которая простирается на юго-запад от Волго-Уралья до Среднего Подунавья, на юг до Пелопоннеса, а на юго-восток до территории Узбекистана и Таджикистана. Конечно, распространению такого важного военного изобретения того времени как конная колесница способствовала экспансия волго-уральского населения во всех указанных направлениях. Вызванные этими событиями контакты были многосторонними. В этой связи можно напомнить о распространении в южной части Восточной Европы стержневидных псалиев, карпато-микенского орнамента, а также таких изделий, как пластинчатые псалии.

Логично предположить, что инициаторами этих контактов были представители так называемой колесничей аристократии. По понятным причинам они были в них заинтересованы больше, чем кто-либо другой. Вполне вероятно, что и сама эта элита уже наполовину была интернациональной. По мере ее ухода с исторической арены в III–IV периодах пришли в упадок и широкие связи волго-уральского очага. В следующие периоды они стали чисто региональными.

Литература:

Акишев К.А. Памятники старины Северного Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР. Т. 7: Археология. Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1959.

Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова думка, 1986.

Березанская С.С. Усово озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев: Наукова думка, 1990.

Беседин В.И. Микенский орнаментальный стиль эпохи бронзы в Восточной Европе // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 13: Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999.

Бочкарев В.С., Кузнецов П.Ф. Желобчатые псалии эпохи поздней бронзы евразийских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Коллективная монография. Екатеринбург-Самара-Донецк, 2010.

Бочкарев В.С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // *Stratum Plus*. 2017. № 2.

Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф. Находки костяных псалиев эпохи бронзы в Башкирии // СА. 1975. № 4.

Зданович Г.Б. Щитковые псалии из Среднего Приишимья // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1985.

Льчишин В. Поховання коней епохи бронзи біля Гусятина Тернопільської області // Вісник рятівної археології (*Acta archaeologiae conservativae*). Вип. 2. Львів: НДЦ «Рятівна археологічна служба» ІА НАН України, 2016.

Колесник А.В., Вотякова О.Л., Герасименко Н.П., Снежко И.А. Новая позднепалеолитическая мастерская в ур. Выдылыха на Северском Донце (предварительное сообщение) // Дослідження первісної археології в Україні (До 50-річчя відкриття палеолітичної стоянки Радомишль). Матеріали міжнародної наукової конференції «Радомишль та його історія» 3-4 жовтня 2006 р. Киев: «КОРВІН ПРЕСС», 2008.

Кузьмина О.В. Отчет о раскопках поселения Веретяевка II в Кинельском районе Самарской области в 2002 году по Открытому листу № 677. Самара, 2003.

Литвиненко Р.О., Санжаров С.М., Усачук А.М. Кістяний диск з карпато-мікенським декором із Середнього Подонців'я та деякі питання хронології зрубної культури // Донецький археологічний збірник. Вип. 17. Донецьк: Донецький національний університет, 2013.

Ляшко С.Н. Косторезное производство в эпоху бронзы // Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине. Киев: Наукова думка, 1994.

Малов Н.М., Бугров Д.Г. «Алексеевский», «гусельский» и «нижне-семеновский» костяные псалии из Татарстана и Саратовского Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 4. Саратов: СГУ, 2006.

Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль // МИА. Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. I. 1952. № 24.

Усачук А.Н. Древнейшие псалии (изготовление и использование). Киев, Донецк: ИА НАНУ, 2013.

Чередниченко Н.Н. Поселение срубной культуры на Луганщине // СА. 1970. № 1.

Boroffka N. Bronze - und früheisenzeitliche Geweihtrensensnebel aus Rumänien und ihre Beziehungen. Alte Funge aus dem Museum für Geschichte Aiud, Teil II // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für archäologie Eurasiens. B. 4. Mainz, 1998.

David W. Gold and Bone Artefacts as Evidence of Mutual Contact Between the Aegean, the Carpathian Basin, and Southern Germany in the Second Millennium B.C. // Between the Aegean and Baltic Seas: Prehistory across borders (Proceedings of the International Conference Bronze and Early Iron Age Interconnections and Contemporary Developments between the Aegean and the Regions of the Balkan Peninsula, Central and Northern Europe, Zagreb, 11.4.-14.4.2005). Liège / Austin, 2007.

Hüttel H.-G. Bronzezeitliche Trensens in Mittel - und Osteuropa. Grundzüge ihrer Entwicklung // Prähistorische Bronzefunde. Abteilung XVI. Band 2. München, 1981.

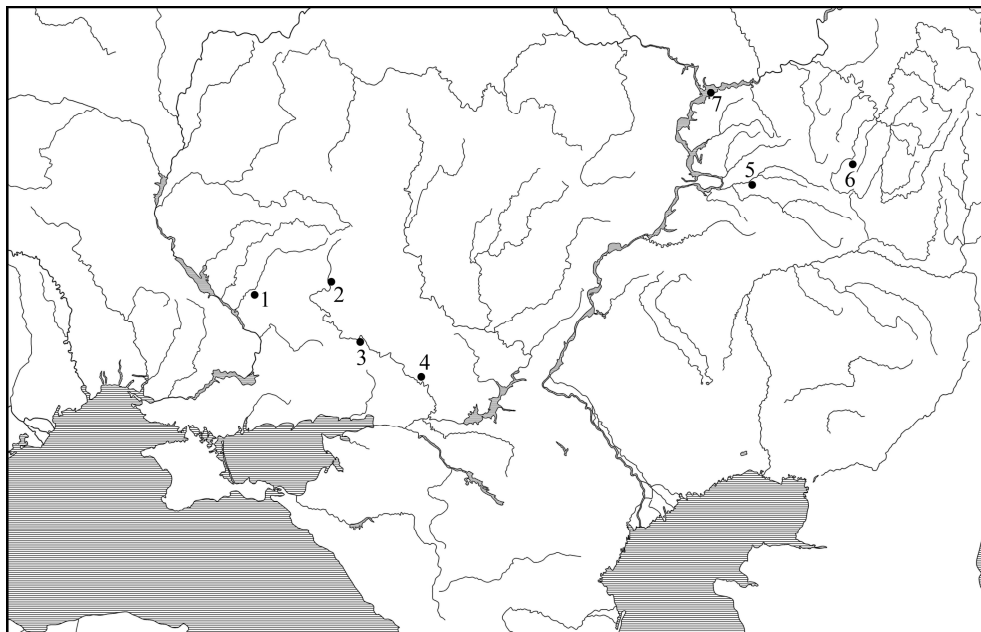

Рис. 1. Карта распространения пластинчатых псалиев.
1 - Осиповка (Йосипівка), поселение; 2 - Усово Озеро, поселение; 3 - Выдылыха, поселение;
4 - Капитаново I, поселение; 5 - Вертяевка II, поселение; 6 - Казангулово I, поселение;
7 - Нижнее-Семеновский Остров, случайная находка

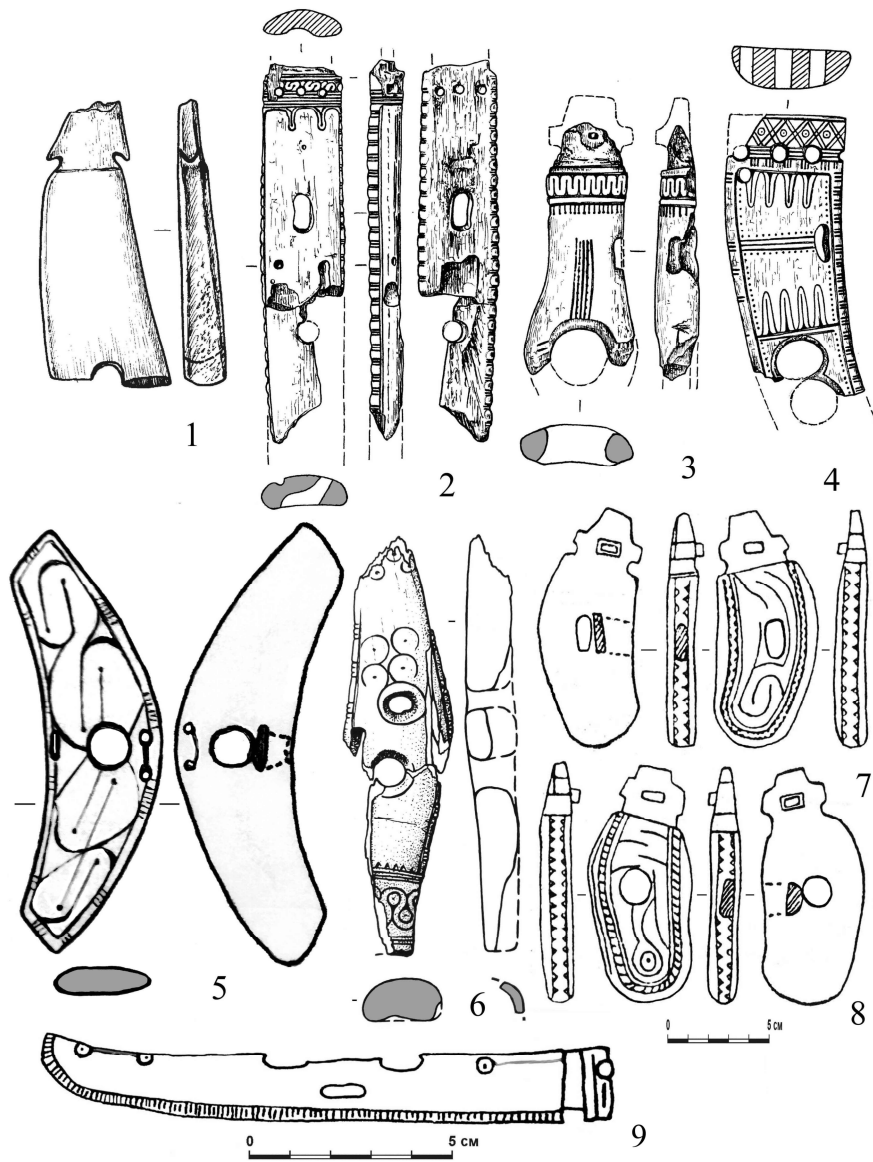

Рис. 2. Пластинчатые псалии.

- 1 - Веретьявка II; 2 - Капитаново I, псалий 1; 3 - Капитаново I, псалий 2; 4 - Усово Озеро;
 5 - Нижнее-Семеновский Остров; 6 - Выдьлыха; 7 - Казангулово I, псалий 1;
 8 - Казангулово I, псалий 2; 9 - Осиповка (Йосипівка)

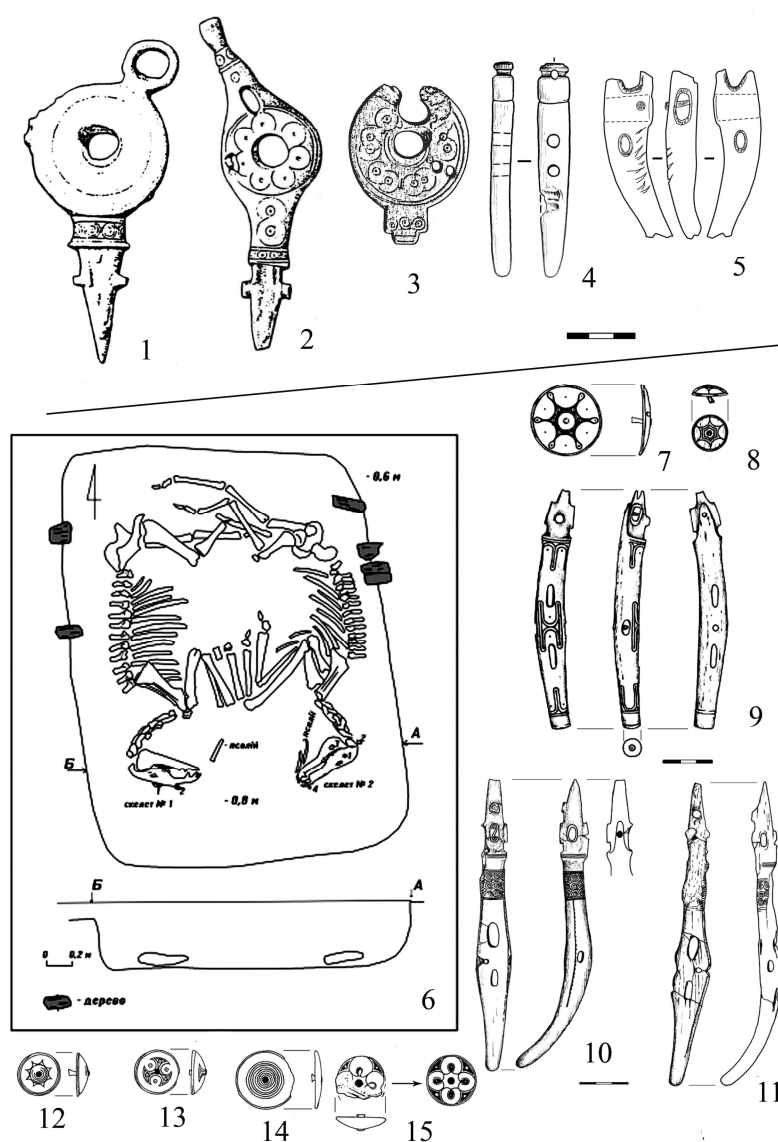

Рис. 3. Стержневидные псалии Карпато-Дунайского региона.

1 - Тосег, поселение, псалий 2; 2 - Тосег, поселение, псалий 3; 3 - Тосег, поселение, псалий 1; 4 - г. Славянск, случайная находка; 5 - Провалье, поселение; 6 - п.г.т. Гусятин, разрушенный курган, план погребения лошадей с тремя псалиями; 7, 8, 12-15 - костяные бляшки на черепах лошадей; 9 - псалий у черепа костяка лошади № 1; 10, 11 - псалии у черепа костяка лошади № 2

УДК 902(470.4/.5)|637.7|
ББК 63.4(235.54)+63.4(235.55)

Кудрина И.С., Лопатин В.А.

ОЧЕЛЬЯ ИЗ РАННЕСРУБНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

В работе представлены очелья – редкий вариант металлических украшений, парадный элемент женского убранства из погребальных комплексов срубной археологической культуры эпохи поздней бронзы Волго-Уральского междуречья. Анализ и реконструкции этого убора позволяют предполагать контакты степных скотоводов с широкой эйкуменой середины II тыс. до н. э. Особый интерес вызывает сложный полисемантический характер знаковой символики чеканного орнамента на металлических дисках очелий.

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, срубная культура, курган, погребение, сопроводительный инвентарь, традиционные украшения, Волго-Уралье, очелья, пронизи, бусы, орнамент

Kudrina I.S., Lopatin V.A.

OCHELYES FROM EARLY TIMBER-GRAVE ENTOMBMENTS OF THE VOLGA-URAL REGION

This work presents ochelyes (front headband elements) – a rare variant of metallic adornments – a gala detail of women's attire from entombment complexes of the Timber-Grave archaeological culture of the Late Bronze Age in the region between the Volga River and the Ural River. Analysis and reconstructions of this headdress allow to infer that steppe cattle-breeders might have had contacts with the broad oecumene in the middle of the 2nd millennium B.C. The complicated polysemantic character of the signs' symbolism of the hammered motif on the ochelyes' metallic disks arouses particular interest.

Keywords: Late Bronze Age, Timber-Grave culture, barrow, entombment, grave goods, traditional adornments, Volga-Ural region, ochelyes, strings of drilled bugles, beads, motif

Украшения представляют собой широко распространенный и очень ценный вид археологических источников. Это надежный культурно-хронологический индикатор, отражающий также социально-экономические реалии своего времени, степень исторической зрелости общества. Женские украшения – это, в известной степени, еще и маркер развития художественной культуры, поскольку они относятся к сфере прикладного искусства. Как правило, археологическое изучение данной сферы сопряжено с исследованиями древних захоронений. Поскольку полисемантическая символика украшений глубоко инкорпорирована в похоронную ритуалистику, предметы ювелирного искусства активно использовались в качестве погребального инвентаря. Одним из наиболее редких и мало изученных убранств традиционного женского костюма эпохи поздней бронзы, фиксируемых в погребениях, являются так называемые *очелья*.

Общеизвестная трактовка очелья – украшение головы, лицевые подвески, свисающие с оголовного венчика и обрамляющие овал лица. В конструкции этого убора довольно сложно сочетаются пронизи (тонкие, нередко рифленые, трубочки), бусы пастовые (фаянсовые), бисер сурьмяный, а также сквозной и универсальный элемент – круглые диски, тонко раскованные на меди и украшенные чеканными символами, как правило, солярно-астральной тематики. Не исключено, что этими нетленными деталями дополняли более сложную систему головных уборов, выполненных из органических материалов, – венчики, шапочки и тому подобное, которые не сохранились. Кроме того, металлическая фурнитура очелья крепилась на органических вспомогательных элементах убранства – тонких ремешках, или плетеных шнурах. В полных комплектах очелья стали известны не так давно, прежде в источниках фигурировали их отдельные детали, и самое пристальное внимание привлекали круглые чеканные бляхи.

Одной из первых таких находок в регионе стала бронзовая бляха (рис. 2, 4), обнаруженная И.В. Синецким в погребении 6 кургана 25 Бережновского могильника [Синецын, 1959. С. 89, рис. 25, 4]. Этот курган был чрезвычайно интересен тем, что в нем основные захоронения (4 и 6) позднепокровского-раннесрубного типа представляли собой единый семейный комплекс, который, к сожалению, был частично разрушен впускным савроматским захоронением № 5 [там же. С. 84, рис. 21]. Вместе с тем, особенности погребального обряда и уцелевшие предметы инвентаря (характерная керамика, нож, браслет, костяные втуки стрел) указывали на особо престижный, в социальном отношении, характер персон, погребенных при сооружении 25 кургана.

Данные планиграфии показывают, что интересующая нас бляха и три пронизки в общей картине обряда сопровождали скелет девочки-подростка 12–15 лет, который зафиксирован в западной части парного погребения 6 и не пострадал при внедрении савроматского подхоронения в раннем железном веке. Зная, что эти предметы – деталь очелья, мы можем теперь утверждать, что фрагментированность украшения не является следствием разрушительного воздействия прямой стратиграфии, изначально в 6 погребение была помещена только его часть – одна круглая бляха и три пронизки.

Причина такой неполноты убора – это особая тема, уходящая в плоскость проблем близкородственных связей и их соотношения с парадигмой перехода из мира живых в мир мертвых. Думается, что здесь использованы два неперенные для людей бронзового и раннего железного веков обрядовых действия – преднамеренная порча (нарушение целостности) предмета и посмертное дарение умершему от близкого родственника. Данная ритуальстика неизменно была ориентирована на идею воссоединения после смерти в потустороннем мире [Круглов, 1958. С. 86; Марковин, 1969. С. 106; Литвинский, 1978. С. 107–108; он же, Седов, 1984; Козенкова, 2002. С. 49].

При поиске аналогий своей находке И.В. Сеницын, прежде всего, отметил, что в Поволжье такая бляха открыта впервые, а конструктивно и по внешнему оформлению близкие вещи до того были найдены на востоке, в андроновском ареале. В частности, указаны находки из Алексеевского могильника [Кривцова-Гракова, 1948 С. 114, рис. 41], а также из кургана на озере Алакуль (рис. 2, 2) [Сальников, 1952. С. 54–56, рис. 5, 7]. Возможную конструктивную связь диска и трубочек-пронизок автор раскопок никак не комментировал. Кроме того, указывая аналогии бережновской бляшке с изображением шестиугольной звезды, И.В. Сеницын не отмечал различия в орнаментации¹, выделяя главный критерий – функциональность. Заметим, что убранство из Алексеевки тогда также было неверно трактовано. На скульптурной антропологической реконструкции М.М. Герасимова образ андроновской женщины представлен не в очелье, а в платье, прямоугольный вырез которого украшен круглыми солярными нашивками [Трофимова, 1951. С. 108, рис. 4].

Впрочем, все исследователи, так или иначе описывавшие тонкие металлические бляхи с чеканными солярными символами, обращали внимание на четыре пары противоположащих отверстий, пробитых по краю диска. Поначалу эта деталь воспринималась как технический признак закрепления укра-

¹ Интересно, что среди всех известных орнаментированных дисков очелий абсолютный аналог бережновскому орнаменту («звезда Давида» с центральной выпуклостью-жемчужиной в круге) не известен.

шения на какую-либо основу, а диски определялись в качестве нашивных бляшек (на одежду или головной убор). Так, к примеру, была охарактеризована бляшка из Гвардейского могильника (1/13), исследованного в Среднем Поволжье, другие интерпретации подобных предметов появились позже. Из-за активной коррозии орнамент на этом диске трудно различим, но заметно, что это простой солярный крест в круге [Зудина, 1981. С. 95, рис. 7, 1].

Много лет спустя, когда круг источников стал шире, металлический диск из Бережновки вновь был охарактеризован Н.М. Маловым в авторской классификации украшений эпохи поздней бронзы, и тогда было отмечено, что подобные изделия могут встречаться «...в отдельности или в составе более сложных украшений андроновского происхождения», а чеканные символы связаны с солярными и астральными культами петровско-алакульского населения урало-казахстанского региона [Малов, 1992. С. 34–35]. Таким образом, в историографическом контексте была намечена линия проникновения оригинальных украшений в Нижнее Поволжье из сопредельных культурных центров эпохи поздней бронзы, а также высказано предположение о более сложном характере уборов с круглыми бляхами и глубоким семантическим содержании чеканной символики, представленной на дисках.

Вместе с тем, имели место находки отдельных орнаментированных металлических блях не только к востоку, но и к западу от Нижнего Поволжья, например, на территории лесостепного воронежского Подонья, в курганном могильнике у хутора Шкарин [Пряхин, Матвеев, Беседин, 1990. С. 8, 11, рис. 4, 6]. По каким то причинам этот предмет был отнесен авторами к доно-волжской абашевской культуре, хотя в 5 кургане находились также и явно выраженные материалы раннесрубного типа. Шкаринский диск (рис. 2, 5) сохранился не полностью, утрачен сегмент размером на четверть края, но вполне различим орнамент астрального типа и двойной бортик по периметру.

Здесь же был найден второй диск, серебряный, гладкий без чеканки, но меньших размеров, с резко подвернутым внутрь краем [там же. С. 11, рис. 4, 7]. Интересно, что бляхи подобного типа являлись частью уже совсем другого типа наборных украшений головы, причем, встречающегося крайне редко. Одно из них, к сожалению, не полностью сохранившееся, было обнаружено в курганном могильнике Новопокровка 2 (4/4) в Саратовском правобережье [Юдин, 2010. С. 113, рис. 46; с. 114, рис. 47, 4–7]. На плане погребения, где скелет женщины лежит в квадратной могиле, в позе адорации на правом(!) боку, головой к северо-востоку, хорошо заметно, что этот убор являлся, вероятно, разновидностью височных подвесок [там же. С. 113, рис. 46, 2]. Это были два больших наборных круга, свисавшие на кожаном венчике или шапочке на уровне височного отдела черепа. Как раз в центре круговой композиции располагался круглый бронзовый диск с резко подвернутым внутрь

краем, плакированный золотой фольгой, вокруг которого тремя концентрическими кольцами крепились мелкие рифленые и гладкие пронизки [там же. С. 114, рис. 47, 4, 8–15]. Очевидно, украшение дополнялось обычными желобчатыми подвесками, овальной формы, свернутыми в 1,5 оборота [там же. С. 114, рис. 47, 2, 3]. Примечательно, что в захоронении из Шкарина такой диск также был представлен как часть редуцированного объекта.

Среди отдельных металлических дисков тогда же получили известность находки из алакульского курганного могильника Кулевчи VI (рис. 1, 3; 2, 1) [Виноградов, 1984. С. 146, рис. 7, 1–3, 8], а также из грунтовых могильников Верхняя Алабуга и Раскати́ха (рис. 2, 3), исследованных в лесостепном При-тоболье [Потемкина, 1985. С. 265, рис. 107, 143, 163, 167, 175]. Почти все они однотипны и просты по орнаментации (рельефные концентрические круги), и только один диск из Раскати́хи украшен крестовидной фигурой.

Новый (после алексеевского) полный комплект очелья был обнаружен в 1973 г., при раскопках Ново-Ябалаклинских курганов в Башкортостане (рис. 1, 1, 2). Пожалуй, это был самый сложный и пышный вариант женского убранства, потому что в едином гарнитуре очелье сочеталось с накосником. Правда, бронзовые детали этого престижного убора, хотя и позволяли проследить общую конструкцию, но находились не на скелете, а перед ним. Украшение не было надето на умершую, его просто поместили в могилу. Может быть, поэтому автор исследований при описании убора оперирует термином «накосник», никак не комментируя функциональность круглых орнаментированных блях (рис. 2, 9, 11, 15, 16), поскольку их предназначение еще оставалось неясным [Горбунов, 1977. С. 153, 155–161, рис. 4, 3; 6–8].

Этот комплекс был очень тщательно зафиксирован *in situ* (рис. 1, 2), это очевидно по чертежу из публикации [там же. С. 156, рис. 7], и, судя по расположению деталей, основу ново-ябалаклинского убора также должен был составлять венчик (тканый, или кожаный). На височных отделах, обрамляя овал лица, свисало очелье, набранное тремя парами круглых блях, украшенных противоположащими редупликациями чеканных символов (крестообразных сверху и снизу, и свастических в середине). Диски крепились на три шнура, крайние с трубчатыми, длинными и рифлеными, пронизками, центральный с короткими пронизьями. Дополнительно височный отдел был украшен круглыми трубчатыми подвесками, плакированными золотой фольгой.

На затылочной части венчика крепился накосник – два шнура с короткими пронизьями, которые, во избежание переплетения и спутывания, были расставлены (поперечно закрепленными между вертикальными шнурами) длинными рифлеными пронизками. Ниже на эту ажурную конструкцию крепилось массивное окончание накосника, которое состояло из двух трубчатых трапецевидных обоймиц (обхватов кос), украшенных сверху и снизу

чеканными бордюрами в виде рядов треугольников. Ниже обоймиц располагалось прямоугольное панно, набранное из коротких пронизей, а еще ниже – шесть шумящих привесок листовидно-удлиненных форм (по три на каждую косичку).

В 1989 г. в Нижнем Поволжье, в грунтовом могильнике Белогорское II был зафиксирован раннесрубный погребальный комплекс с очельем (рис. 1, 4), которое располагалось на черепе умершей женщины [Дремов, 1996. С. 111, рис. 7, 9]. К сожалению, в публикации не был представлен комментарий данного комплекса, поскольку автора в большей степени занимали вопросы прямой стратиграфии и короткой преемственности между погребениями катакомбного типа и захоронениями начала эпохи поздней бронзы. Судя по чертежу, где показано размещение деталей убранства, в его составе должно было находиться семь чеканных дисков, но сохранились только 4 (рис. 2, 6–8, 10). Промежутки между бляхами занимали косо рифленые пронизы, по три на каждый интервал. Убранство головы дополняли височные желобчатые подвески округлых форм. Интересно, что в данном уборе только два противоположащих диска были украшены одинаковыми символами в виде многолучевого «солнцеворота» (сегнерово колесо). Прочие содержали различные трактовки солярно-астральной символики.

Открытия полных или редуцированных убранств с орнаментированными бляхами побуждали исследователей к культурно-историческим сравнениям и реконструкциям, к созданию обобщенных моделей женского костюма эпохи поздней бронзы. Сложные украшения с наконечниками и очельями очень подходили для решения этих задач. Становилось очевидным, что в бронзовом веке был выработан некий стандарт, закрепившийся в степной скотоводческой среде Доно-Волжского и Волго-Уральского междуречий, а также Южного Урала и Северного Казахстана, но мнения о конструктивных особенностях этого убранства были различны [Усманова, Ткачев, 1993; Кузьмина, 1995; Виноградов, 1998].

В работе Н.Б. Виноградова, который исследовал кулевчинское убранство (рис. 1, 3), такое же полное, как алексеевское и ново-ябалаклинское с наконечниками, мы находим мнение о том, что чеканные диски, скрепленные трубочками-пронизками, нашивались на оголовный венчик [Виноградов, 1998. С. 200]. Несколько позже ему возражала Е.В. Куприянова, подметив размерное несоответствие окружности головы и длины украшения с дисками. Кроме того, в сложном украшении из Кулевчи VI местоположение венчика точно фиксировано мелкими бляшками, чередующимися с бусинами непосредственно вокруг черепа, а ниже, обрамляя лицевую часть, располагались более крупные бляхи очелья, скрепленные с рифлеными пронизями [Куприянова, 2008. С. 71].

О.В. Кузьмина считала сложносоставные украшения кулевчинского и ново-ябалаклинского типа «накосниками или нагрудниками», а в культурном контексте относила их к покровскому типу, категорически отделяя такие гарнитуры от абашевской культуры [Кузьмина, 1995. С. 48].

Э.Р. Усманова и А.А. Ткачев, систематизировавшие большой материал с украшениями из Северного Казахстана, высказали интересную версию о социально-возрастной статусности женских захоронений с очельями. Это женщины старше двадцати лет, что предполагает замужнее состояние, а также престижный статус в обществе, который маркируется специальным головным убором (кожаная шапочка), соединенным с очельем и накосником [Усманова, Ткачев, 1993. С. 79]. Считая такой подход бездоказательным, Е.В. Куприянова высказывалась в пользу празднично-ритуального характера и широкого распространения этого традиционного женского убранства вне зависимости от статуса [Куприянова, 2008. С. 73].

Последняя находка очелья в Нижнем Поволжье была сделана в 2011 г., в курганном могильнике Сторожовка близ г. Саратова (рис. 1, 5, 6). Примечательно, что это был семейный курган позднепокровского времени с переходом в раннесрубный пласт, о чем свидетельствуют типы керамического инвентаря. В парном погребении 2 кургана 44 зафиксированы скелетные останки женщины и ребенка, три лепных сосуда с угасающими покровскими признаками в формообразовании, но без примеси толченой раковины, бронзовые широкожелобчатые браслеты и фрагмент очелья, лежавший перед умершей [Тихонов, 2013. С. 31, 64–66, рис. 15, III; 16, 2–4; 17, 2, 3].

В зафиксированном составе убора всего пять круглых дисков, из которых один фрагментирован и не имеет орнамента, три украшены свастической символикой (рис. 2, 12–14), а самый крупный (центральный в нижней части лицевой подвески) орнаментирован весьма узнаваемым крестовидным солярным символом (рис. 2, 18) [там же. С. 66, рис. 17, 3]². Весьма оригинальны свастические символы, различимые на трех дисках. Классические четырехлучевые свастики показаны в застывшей вихревой динамике вращения, что условно проецируется на принцип солнцеворота. В начертательной графике это воплощается дополнительными энергичными штрихами, указывающими направления вращения крестовидных фигур.

Интересно, что и в андроновской традиционной эмблематике встречаются подобные идеи вращения, которые запечатлены, к примеру, на днищах керамических сосудов петровского типа [Кузьмина, 2008. С. 96, рис. 7, 3, 5, 7].

² В подобной трактовке солярная символика широко распространена в материалах финальной бронзы и начала РЖВ, особенно на металлических бляшках, фиксирующих перекрестья ремней из сбруйных и портупейных наборов киммерийского времени. Получается, что в Сторожовке мы встречаем самое раннее солярное изображение, выполненное в такой стилистике.

Это позволяет понимать символику солнечного вращения как отвлеченную и общемировую, а не связанную с конкретными изделиями.

Орнаменты круглых дисков из комплексов с очельями – это особая тема, которая представляется недостаточно проработанной. В статье В.И. Беседина от 1999 года известные на тот момент бляхи очелий были рассмотрены в контексте анализа так называемых «микенских» орнаментов, встречающихся на предметах эпохи бронзы из Восточной Европы [Беседин, 1999. С. 51, рис. 4]. Представив историографический обзор проблемы, автор отметил известное движение в ее восприятии отдельными авторами того периода. Восточно-европейские аналоги, в том числе и Бородинский клад, последовательно рассматривались в их работах: как *чисто микенская традиция* [Гереножкин, 1976. С. 188; Смирнов, Кузьмина, 1977. С. 47–50]; как *влияние карпато-дунайского культурного очага* [Бочкарев, 1991; Трифонов, 1996]; как *разновременные влияния микенской и карпато-дунайской традиций, что определяет относительную хронологию восточно-европейских комплексов* [Кузнецов, 1992. С. 74; Кузьмина, 1994. С. 181–184]; как *самостоятельное становление восточно-европейского орнаментального комплекса, независимое от западного влияния* [Пряхин, Матвеев, 1988. С. 125–126]; как *основанные на радиоуглеродной хронологии более ранние позиции евразийских орнаментов, по сравнению с микенскими и карпато-дунайскими* [Беседин, 1999. С. 46]. Функциональность евразийских очельных дисков в работе В.И. Беседина подробно не комментировалась, все они обозначены как «нашивные бляхи» и анализировались в одной подборке с микенскими и карпато-дунайскими дисками, изготовленными из металлов, кости и рога, исключительно в связи со сходством орнаментов [там же. С. 51, рис. 4]. Вместе с тем, именно специфика ритуального женского убранства восточно-европейского региона определяет то «особенное» в знаковой маркировке очелий, что отличает их от восточно-средиземноморских не вполне точных аналогов.

В общем массиве орнаментов евразийских дисков заметны стилистические группы знаков, определяющих дискретный вектор динамичного развития их мифопоэтической символики. Здесь отчетливо выделяются два класса устойчивых символов – лунарно-астральных и солярно-свастических (рис. 2). Системный анализ всех известных мифологических комплексов показывает известную преемственность во времени лунарно-астральных (наиболее архаичных) и солярных (более поздних) мифов. Лунарная мифопоэтика, соответствующая женскому началу, со временем утрачивает былое значение, уступая вселенскую центричность солярной символике, эмблематике мужского принципа и воплощения абсолютной власти на земле (Мифы..., 1992. Т. 2. С. 78–80).

Было бы небезынтересно статистически сопоставить соотношение ранних и поздних наборов символов и таким образом попытаться реконструиро-

вать динамику идеологических представлений на стыке матрилинейных и патрилинейных доминант. Но это вряд ли возможно, поскольку все имеющиеся в нашем распоряжении вещественные источники (металлические диски в составе очелей) были перепутаны в процессе многолетнего использования с передачами по наследству из поколения в поколение по женской линии. Нам почти не известны гарнитуры очелей, в которых орнаменты металлических блях были бы строго дублированы на одних и тех же уровнях, тем более выдержаны в единой мифопоэтической стилистике (лунарной, астральной или солярной). В данном смысле наиболее целостным представляется очелье из Кулевчи VI (рис. 1, 3), в котором абсолютное большинство составляет лунарная символика, кстати, вообще очень типичная для алакульского ареала. Следует отметить, что здесь очень важен центральный элемент – крупная полусфера, которая является универсальной объединительной деталью не только в лунарно-астральном комплексе, но и в солярных знаках (рис. 2, 1-8, 9-11, 15-18). Только очень редкий элемент вихревой свастики из поволжской Сторожовки не имеет этого универсального признака (рис. 2, 12-14). Поскольку данный мотив выбивается из общего контекста, уместно предполагать, что символика вихревой свастики включает в себе несколько иную информацию.

Во всех прочих известных наборах могут сочетаться подвески, украшенные солярными, астральными и лунарными символами. Более того, встречаются геометрические композиции, вообще не соответствующие общей циркульно-круговой трактовке, – прямые линии в обрамлении двух зигзагов, как, например, орнамент одной бляхи из набора очелья, зафиксированного в погребении 17 могильника Степное 7 [Куприянова, 2008. С. 78, фото. 9, 1]. В интересующих нас гарнитурах волго-уральского региона отмечены различные сочетания. В Ново-Ябалаклы все символы солярные (рис. 2, 9, 11, 15, 16): крест, построенный четырьмя криволинейными сегментами с концевыми завитками; четырехлучевая криволинейная свастика; крест, построенный четырьмя прямоугольными сегментами; шестилучевая криволинейная свастика – «сегнерово колесо» [Горбунов, 1977. С. 158, рис. 8]. В Белогорском 2 астральные, причем, очень разные символы (рис. 2, 6-8) сочетаются с редкой четырехлучевой криволинейной свастикой (рис. 2, 10). В Сторожовке три варианта свастики, показанной в вихревом вращении (рис. 2, 12-14), сочетаются с солярным символом «киммерийского» типа (рис. 2, 18). Думается, что данный символ, как наиболее оптимальный знак, завершает линию развития в группе солярных фигур, образованных четырьмя сегментами (рис. 2, 15-18). Здесь также вызывает интерес почти абсолютное сходство ново-ябалаклинского диска из Южного Приуралья (рис. 2, 16) с бляхой из зауральской Балакты (рис. 2, 17). Этот орнамент (двойной крест, образованный криволинейными

сегментами с закрученными окончаниями), вероятно, восходит к более раннему двойному кресту, образованному прямоугольными сегментами (рис. 2, 15), а позже сменяется солярным символом «киммерийского» типа, образованным простыми криволинейными сегментами (рис. 2, 18).

Семантическое содержание свастической символики, чрезвычайно сложное и всегда трактуемое в солярной плоскости, приобретает несколько уточненное звучание, в связи с открытием на поселении Нижняя Красавка 2 костяного псалія с редким орнаментом [Лопатин, 2010; он же, 2013; он же, 2014]. Этот декор в виде трехлучевой криволинейной свастики впервые трактован как упряжка солнечной колесницы, на окончаниях лучей показаны стилизованные конские головки. Поэтому семантические инварианты свастического символа могут быть многозначными (простой солярный знак, эмблема солнечной колесницы или вихревого солнцеворота). В этой множественности смыслов особым образом подчеркивается значение высшего солнечного божества, покровительствующего патриархальному укладу.

Обобщенные модели двух женских убранных из Белогорского могильника и Сторожовки, обнаруженные в нижневолжском правобережье (рис. 3, 4), реконструированы по наборам сохранившихся артефактов и на основе сравнительно-типологического анализа. По всей вероятности, правы те исследователи, которые объясняют присутствие подобных украшений в комплексах поздней бронзы Волго-Уралья прямым или опосредованным влиянием восточного андроновского мира.

Несомненно, что лунарная, астральная, солярная эмблематики металлических дисков отражают формирование древнейших мифопоэтических эпосов космогонического, теогонического и этногонического характеров, соответствующих не балкано-дунайским или евразийским приоритетам, а еще более ранним индоевропейским началам и былому греко-индоарийскому единству [Клейн, 2010. С. 463–464].

Представляется также, что знаковая символика погребальной обрядности значительно усложняет задачу полной реконструкции женского убранства. Согласно принципу «pars pro toto» (часть вместо целого) родственники умерших сокращали материальную расходность и вносили известную условность в обязательный ритуал: один наконечник стрелы, положенный в могилу, символизировал полный колчаный набор; голова и ноги лошади на краю могильной ямы означали колесницу; обрывок очелья, и даже единственный диск с чеканным узором, подменяли богатый убор женщины. Эта ритуалистика содержала в себе множество других похоронных обычаев: посмертные символические дары мужа жене (просверленный волчий клык из мужского ожерелья) или жены мужу (швейная игла); преднамеренная порча

погребального инвентаря (разбивание сосуда, слом ножа, шила, иглы – высвобождение души предмета из материальной оболочки).

В соответствии с этим, уместно предположить, что канонически полными вариантами женского убранства являются гарнитуры, обнаруженные в Кулевчи-VI, Алексеевке и Ново-Ябалаклы, где очелья представлены в единых комплексах с наконечниками. Все прочие могли быть в той или иной степени редуцированы. Не исключено также, что недостающие детали полной комплектации могли подменяться органическими аналогами (стеблями трав, листьями и цветами), что неоднократно отмечалось в этнографических комплексах традиционного убранства.

Литература:

Беседин В.И. «Микенский» орнаментальный стиль эпохи бронзы в Восточной Европе // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Вып. 13. Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж, 1999.

Бочкарев В.С. Карпато-Микенский орнаментальный стиль в Восточной Европе // Доклад на II Рыковских чтениях. 26 октября 1991 г. Саратов, 1991.

Виноградов Н.Б. Кулевчи VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. 1984. № 3.

Виноградов Н.Б. Новые материалы для реконструкции облика алакульских женщин (по результатам изучения могильника Кулевчи VI) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VI. М., 1998.

Горбунов В.С. Курганы эпохи бронзы на правобережье р. Демы (Башкирия) // СА. 1977. № 1.

Дремов И.И. Грунтовые могильники эпохи средней бронзы Белогорское I, II // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996.

Зудина В.Н. Андроновские элементы в срубной культуре Куйбышевского Заволжья // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.

Клейн Л.С. Время кентавров. Степная прародина греков и Ариев. СПб., 2010.

Козенкова В.И. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. III. М., 2002.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ. Вып. XVII. М., 1948.

Круглов А.П. Северо-Восточный Кавказ во II-I тысячелетии до н.э. // МИА, № 68. М., 1958.

Кузнецов П.Ф. Хронология памятников среднего бронзового века Волго-Уральского междуречья // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии: Тез. докл. конф. СПб., 1992.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе, 2008.

Кузьмина О.В. Соотношение абашевской и покровской культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Часть II. Мат-лы конф. 21–25 августа 1995 года, Саратов. СПб., 1995.

Куприянова Е.В. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск, 2008.

Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978.

Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М., 1984.

Лопатин В.А. Покровский культурный комплекс поселения Нижняя Красавка-II (по материалам исследований 2007–2009 годов) // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 8. Саратов, 2010.

Лопатин В.А. О бесшипных дисковидных псалиях покровского типа // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 10. Материалы IV Нижне-волжской международной археологической конференции (18–21 октября 2013 года). Саратов, 2013.

Лопатин В.А. Начало эпохи поздней бронзы на севере Нижнего Поволжья. Саратов, 2014.

Малов Н.М. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 3. Саратов, 1992.

Марковин В.И. Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969.

Мифы народов мира / Энциклопедия под ред. С.А. Токарева. Т. 2. М. 1992.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж, 1988.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И. Новостроечные раскопки древних курганов в воронежской области. Воронеж, 1990.

Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль // Материалы и исследования по археологии Сибири. Том I. МИА, № 24. М., 1952.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.) // Древности Нижнего Поволжья (итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Том I. МИА, № 60. М., 1959.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976.

Тихонов В.В. Курганный могильник Сторожовка (исследования 2011 года) // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 11. Саратов, 2013.

Трифонов В.А. К абсолютному датированию «микенского» орнамента эпохи развитой бронзы Евразии // Радиоуглерод и археология: ежегодник радиоуглеродной лаборатории. Вып. 1. СПб., 1996.

Трофимова Т.А. Антропологический состав древнейшего населения Прикамья и Приуралья // МИА. № 22. Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. М.: изд-во АН СССР, 1951.

Усманова Э.Р., Ткачев А.А. Головной убор и его статус в погребальном обряде (по материалам андроновских некрополей) // ВДИ. № 2. 1993.

Юдин А.И. Курганы эпохи бронзы у села Новопокровка и станции Чернавка // Археологические памятники Саратовского правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам исследований в 2005–2006 гг.). Саратов, 2010.

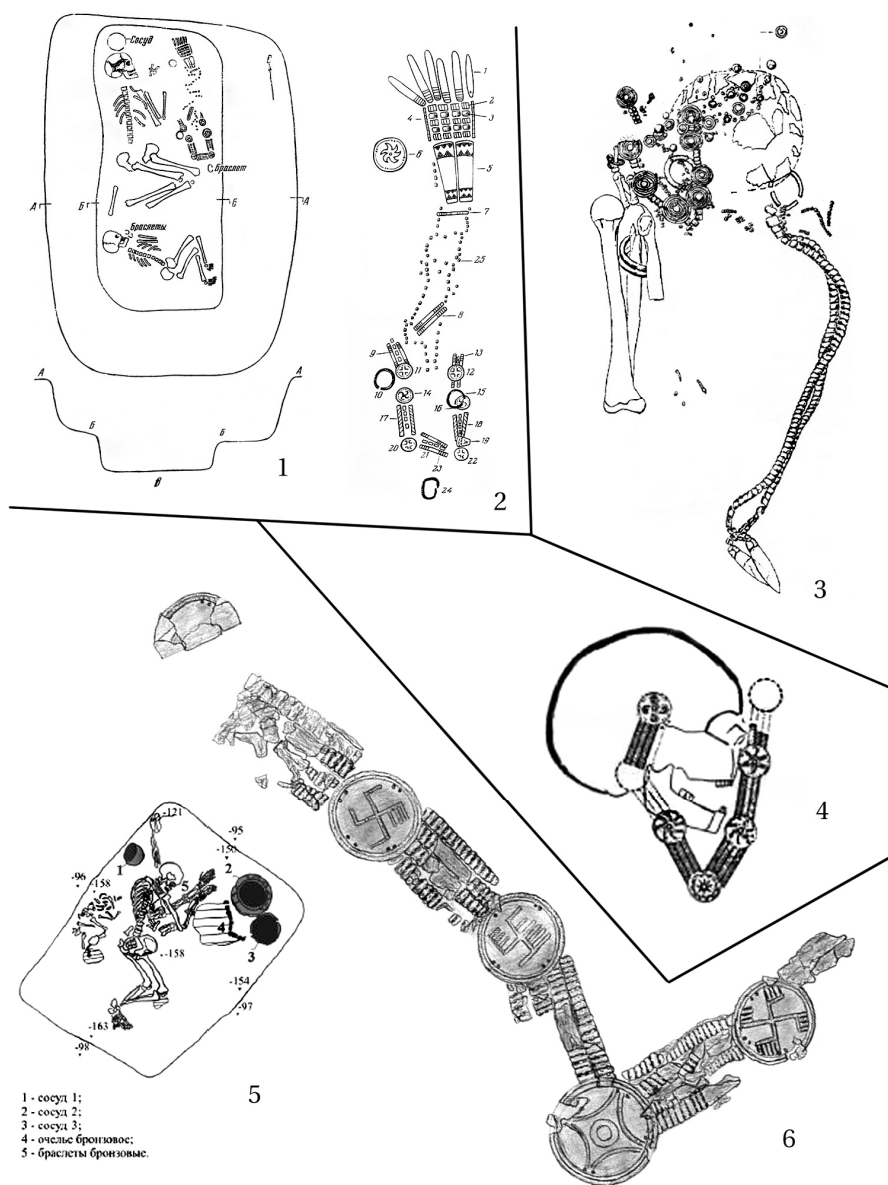

Рис. 1. Волго-уральские погребальные комплексы с очельями:
 1, 2 - Ново-Ябалаклинский могильник (по В.С. Горбунову); 3 - Кулевчи-VI (по Н.Б. Виноградову);
 4 - Белогорское-II (по И.И. Дремову); 5, 6 - Сторожовка (по В.В. Тихонову)

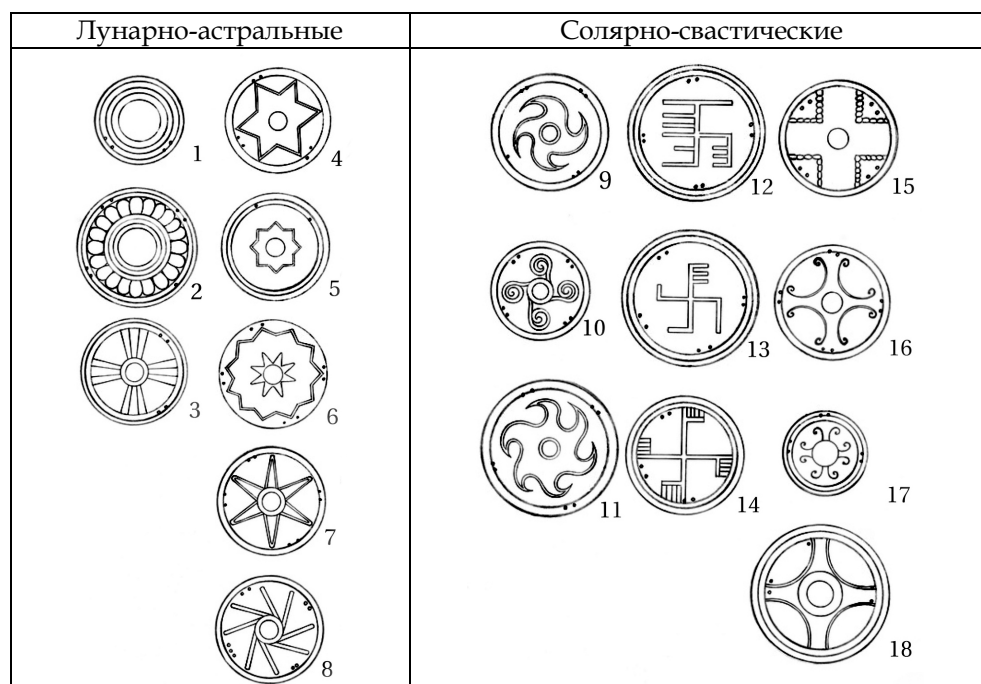

Рис. 2. Два основных мифопоэтических класса символов на металлических дисках очелий:

1-8 - лунарно-астральные; 9-18 - солярно-свастические. 1 - Кулевчи-VI; 2 - Алакуль;
 3 - Раскатиha; 4 - Бережновка; 5 - Шкарин; 6-8, 10 - Белогорское-II; 9, 11, 15, 16 - Ново-Ябалаклы;
 12-14, 18 - Сторожовка; 17 - Балакты

Рис. 3. Реконструкция очелья из Белогорского могильника
(авторская разработка И.С. Кудриной)

Рис. 4. Реконструкция очелья из Сторожовки
(авторская разработка И.С. Кудриной)

УДК 902(470.44/.47)
ББК 63.4(235.54)

Малов Н.М.

СОСНОВО–МАЗИНСКИЙ КЛАД

Статья посвящена истории обнаружения, комплектования музейных коллекций и интерпретации Сосново-Мазинского клада позднего бронзового века. В научный оборот вводятся архивные источники о кладе, обнаруженном в 1901 г. Публикуются вещи, поступившие в Саратовский и Хвалынский музеи краеведения. Автор относит к кладу 85 экспонатов, суммарный вес которых около 22,5 кг. Сосново-Мазинский клад является крупнейшим и редчайшим в бронзовом веке Восточной Европы.

Ключевые слова: археология, Сосново-Мазинский клад, поздний бронзовый век, хвалынская культура валиковой керамики, Восточная Европа, Саратовская область

Malov N.M.

THE SOSNOVAYA MAZA HOARD

The paper deals with the history of discovery, stockpiling of museum collections and with interpretation of the Sosnovaya Maza hoard that dates back to the Late Bronze Age. The archive sources, relevant to the hoard, found in 1901, are introduced into scientific circulation. The items have entered the Saratov and the Khvalynsk museums of local lore are published. The author believes the hoard to comprise 85 articles with the common weight of 22.5 kg. The Sosnovaya Maza hoard is the largest and the rarest one from the Bronze Age of East Europe.

Keywords: archaeology, Sosnovaya Maza hoard, Late Bronze Age, Khvalynsk culture of beaded pottery, East Europe, Saratov Region

Начало XX в. ознаменовалось в истории изучения позднего бронзового века Нижнего Поволжья и Восточной Европы знаковым событием – открытием уникального Сосново-Мазинского клада медных вещей. Село Сосновая Маза основано в 1669 г. беглыми староверами, затем сюда сослали участников стрелецкого бунта. Деревня расположена в центральной части самого северного Хвалынского района Саратовской области, примерно в 20 км от Хвалынска [Шабанов, 1960. С. 222–229; Воскресенский и др., 2008. С. 111–112]. Село, около которого был обнаружен клад, находится на Приволжской возвышенности (Хвалыньские горы) у истоков небольшой речки Мазы, впадающей в р. Терешку (рис. 1). Топографическую и ландшафтную характеристику окрестностей Сосновой Мазы и гор «Кучугур» дополняет обширный широколиственный лесной массив, сильно пересеченная местность с абсолютными высотами 120–180 м.

Основную часть клада составляли «косари», а также несколько кинжалов, кельтов, копьевидное долото и слиточек меди. Почти все вещи не отделаны и не были в употреблении, в составе металла некоторых изделий сохранилось железо [Спицын, 1909. С. 65–67]. На основе спектрального анализа металла Е.Н. Черных выделил специфичную химическую группу чистой меди, представленную преимущественно в кладе из Сосновой Мазы [Черных, 1970. С. 17–20]. Кинжалы с цельнолитой прорезной рукоятью и грибовидным навершием [Тихонов, 1960. С. 77; Черных, 1970. С. 51], а также косари-секачи [Черных, 1970. С. 63–64; Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 48–58] из Сосновой Мазы выделяют в особые группы.

Таким образом, для Сосново-Мазинского клада присущ своеобразный химический состав меди, типологические разряды кинжалов и косарей. Сосново-Мазинский клад представляет особую культурно-историческую и источниковедческую ценность, отражая сферу накопления металлургической продукции и сырья. Это древнее сокровище – богатство играет важную роль при изучении очагов металлургии, металлообработки и в разработке проблем абсолютной хронологии эпохи поздней бронзы северной Евразии.

Однако не полностью введены в научный оборот документы об условиях его обнаружения и комплектовании музейных коллекций. К тому же, не все сосново-мазинские вещи, поступившие в Саратовский областной музей краеведения (СОМК) и Хвалынский краеведческий музей (ХКМ), подробно опубликованы. Автор непосредственно познакомился со всеми вещами, хранящимися в СОМК и ХКМ, где был определен вес каждого предмета.

Условия обнаружения и комплектование музейных коллекций. При весеннем посеве поля крестьянин Тимофей Михайлов Токарев случайно «зацепил» клад плугом в промоине. На пологом спуске пашни межи Токаревых к промоине, около подъема и была вывернута при повороте плуга «груда медных

вещей». Место обнаружения клада располагалось верстах в 2–2,5 к западу от с. Сосновая Маза и северо-западнее от гор «Кучугур», около летней дороги на с. Елховку [Рыков, 1923. С. 14]. Процедура фиксации вещественного источника, соответствующая нормам полевой археологии, не была осуществлена специалистами.

Исправник, занимавшийся сбором предметов из клада, представил находки в управление Саратовского губернатора [Малов, 2008. С. 420–422; Малов, 2013. С. 89–91]. Саратовские губернские власти направили собранные вещи в Императорскую Археологическую комиссию (ИАК). Официальная информация была изложена на одном листе сопроводительного письма (исходящий № 1743) от 7 августа 1901 г. [О находках древностей в Саратовской губ., 1901 г. Л. 1]. Текст этого документа: «Согласно циркуляру Министерства Внутренних Дел от 27 ноября 1886 г., за № 25, имею честь препроводить на рассмотрение Императорской Археологической Комиссии представленные Хвалынским Уездным исправником разное оружие старого образца и другие предметы из красной меди, найденные крестьянином села Сосновой Мазы, Хвалынского уезда, Тимофеем Михайловым Токаревым во время пашни своего поля, в местности между упомянутым селом и деревнею Елховкой. Приложение: опись препровождаемым вещам» (рис. 2). Саратовский губернский секретарь доставил клад, оцененный в 100 рублей, в ИАК 13 августа 1901 г. [Книга для внесения кладов, 1901. Л. 250 об. – 251]. После получения клада, на письме Управления Саратовского губернатора в ИАК были сделаны записи, о результатах химического анализа ряда медных изделий, которые содержали от 0,20% до 8,30% железа.

Согласно сопроводительной Описи вещей общий вес предметов, сданных в ИАК, был 1 пуд 8 фунтов (рис. 3) [О находках древностей в Саратовской губ., 1901 г. Л. 2]. Всего передали 78 вещей (рис. 5–7) [О находках древностей в Саратовской губ., 1901 г. Л. 5, 6, 17]: «1. Четыре штуки оружия в форме тесака, из которых два с ручками, а два без ручек. 2. Четыре штуки двух форм наконечников. 3. Двадцать семь разных ломатых кусков. 4. Сорок три штуки изделий одной формы, в виде косыря, с пробитым в конце каждого предмета отверстием».

ИАК подтвердила получение вещей, а затем сообщила (5 ноября 1901 г. исх. № 1858), что М.Т. Токареву выплатят денежное вознаграждение в размере «ста рублей», за приобретение у него древних медных предметов (рис. 4) [О находках древностей в Саратовской губ., 1901 г. Л. 3, 4]. Для этого ИАК выдало соответствующий документ: «УДОСТОВЕРЕНИЕ. Дано ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической комиссией г. Хвалынскому Уездному Исправнику, Саратовской губернии, на получение из Хвалынского Уездного Казначейства ста рублей, переведенных туда Кабинетом ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА через Главное

Казначейство» [О находках древностей в Саратовской губ., 1901 г. Л. 7; Малов, 2013. С. 90]. Российский исторический музей (ГИМ) уведомил 25 ноября 1901 г. о том, что препровожденный ИАК клад получен [О находках древностей в Саратовской губ., 1901 г. Л. 13; Малов, 2013. С. 89–90].

Спустя несколько лет, хвалынские археологи М.А. Радищев и В.Ф. Орехов обследовали место обнаружения Сосново-Мазинского клада, пополнив его коллекцию другими вещами [Малов, 2013. С. 90–91]. В 1922 г. П.С. Рыков также посетил то место, где выпахали клад [Малов, 2016. С. 346]. Тогда Алексей Токарев – брат находчика, непосредственно присутствовавший при открытии клада, сообщил профессору: «Их нашли больше, чем сдали начальству, т. к. соседи много вещей растащили» [Рыков, 1923. С. 14]. Это подтверждается изделиями, которые потом передали в СОМК и ХКМ.

Предметы, поступившие в СОМК. За период с 1909 по 1913 гг. в СОМК было передано 4 медных предмета (кельт, два кинжала и косарь-секач), с указанием того, что они происходят из клада, обнаруженного около с. Сосновой Мазы в 1901 г. Кельт и кинжал священник Саратовской Горинской общины Казанского храма Григорий Прохорович Фомичев подарил музею СУАК (рис. 9, 3). Вероятнее всего они попали к нему через сосново-мазинских староверов. По недоразумению два сосново-мазинских косаря, экспонирующиеся в СОМК, размещены на фотографии, как подаренные Г.П. Фомичевым [Беднякова, 2011. С. 70–71]. Они поступили в СУАК от М.А. Радищева (рис. 8, 1, 2; рис. 9, 1, 2).

В 1912 г. учитель с. Алексеевка передал в дар музею СУАК еще один кинжал из Сосново-Мазинского клада [Зайковский. 1913. С. 213]. После Великой Отечественной войны оба кинжала не были обнаружены в СОМК при сверке фондовых коллекций в 1948 г [Малов, 2008. С. 420–422]. Кинжалы пропали из СОМК. Вероятно, это случилось во время Великой Отечественной войны, когда Саратов стал прифронтовым городом и ситуация с музейными фондами хранения стала чрезвычайной [Малов, Миронова, 2005. С. 21–23]. В музее хранится еще один косарь без отверстия, но он происходит не из клада, а обнаружен при распашке насыпи, проходящей через крестьянские огороды (рис. 8, 2, В; рис. 9, 1).

В.А. Городцов был достаточно осведомлен о всех сосново-мазинских предметах, представленных в СОМК и ХКМ. Он целенаправленно интересовался данным кладом, основная часть которого хранилась в ГИМ, поддерживал контакты с саратовскими и хвалынскими археологами, бывал в Саратове и Хвалынске [Малов, 2010. С. 37–39]. В.А. Городцов использовал в своих исследованиях несколько сосново-мазинских вещей из музея СУАК и кинжал из частного собрания М.А. Радищева. Он предполагал, что здесь могла существовать «очень сильная» культура типа Сосново-Мазинского клада, происхож-

дение которой связывал с донским лучом сибирского течения конца бронзовой – начала железной эпохи [Малов, 2010. С. 37]. Кроме того, профессор первым выделил курганный памятник срубной культуры в Саратовской губернии, раскопанный В.Ф. Ореховым около с. Адоевщина Хвалынского уезда.

В архиве В.А. Городцова, присутствуют альбомы и рисунки вещей из Покровского, Саратовского, Сталинградского и Хвалынского музеев, а также рукописи В.А. Орехова о разведках на городище Попово Блюдце и отчет Ф.В. Баллода о раскопах в Нижнем Поволжье [Розенфельд, 1964. С. 342, 345]. Профессор отметил, что в СОМК хранилось 5 сосново-мазинских вещей, среди которых два, хорошо заточенных, кинжала [Архив В.А. Городцова, 1927]. Схематичные рисунки кинжалов с указанием размеров и некоторыми уточнениями сохранились в рукописном архиве В.А. Городцова, откуда они были скопированы В.С. Бочкаревым. Благодарю В.С. Бочкарева за предоставленные архивные сведения и рисунки данных кинжалов (рис. 10).

Кельт (рис. 8, 3; 9, 3) с двумя ушками и орнаментальным пояском из рельефных валиков. Поступил в музей СУАК 9 марта 1909 г, в качестве подарка от Г.П. Фомичева [Книга записи. Т. I. № 929 (140)]. Были указаны следующие размеры: длина 2 вершка, ширина около 1 вершка. Он найден около с. Сосновой Мазы в 1901 г.

Изделие хранится в СОМК (СМК 08 № 929/568) и неоднократно публиковалось [Максимов, 1962. С. 283–284, рис. 2, 4; Черных, 1962. С. 125, рис. 47, 4; Черных, 1970. С. 57, 19, с. 134, табл. II, шифр лаб. 1679; Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 318, табл. 108, 2]. Вес кельта 422 гр. Высота орудия 10,5 см, глубина внутренней втулки 5 см, толщина ее стенок вверху 1,1–1,5 см. Из литейного дефекта от выхода газов на лицевой и тыльной сторонах клина образовалось отверстие, а внутри – полость [Малов, 2008. С. 421, рис. 1, 3].

Кинжал (рис. 10, 1) обнаружен в 1901 г. около с. Сосновой Мазы, там же где и кельт. Поступил в СУАК одновременно и вместе с кельтом в качестве дара священника Г.П. Фомичева [Книга записи. Т. I. № 929 (140)]. Длина клинка 4 вершка, длина рукоятки 2 вершка, наибольшая ширина клинка 1 вершок. Вероятно, при записи вещей произошла ошибка в указании длины клинка(?), поскольку сосново-мазинские кинжалы обычно более длинные. Их длина от 33 до 35 см [Спицын, 1909. С. 66]. В архиве В.А. Городцова зарисован кинжал, с показателями более близкими к обозначенным А.А. Спицыным. Его общая длина 31,2 см, длина рукоятки 11 см, ширина клинка 4 см [Архив В.А. Городцова, 1927].

Это хорошо заточенный кинжал сосново-мазинского типа с цельнолитой прорезной рукоятью, грибовидным навершием и ребром жесткости на клинке. Перекрестие серповидное, без волот-завитков. Кинжалы с массивным серповидным перекрестием присутствуют среди аналогичного оружия

ближнего боя Сосново-Мазинского клада (рис. 5, 7) [Спицын, 1909. С. 67, рис. 4, 14; Черных, 1966. С. 125, рис. 47, 11, 12].

Кинжал (рис. 10, 2). В 1912 г. земский учитель с. Алексеевка Хвалынского уезда Исаев передал в дар музею СУАК кинжал из Сосново-Мазинского клада [Зайковский, 1913. С. 213]. Поступил в музей 1 сентября 1912 г. через Б.В. Зайковского [Книга записи. Т. II. № 2029 (484)]. Он найден в 1901 г. близ с. Сосновой Мазы, вместе с большим количеством разных бронзовых орудий. В инвентарной книге были указаны следующие размеры: длина клинка 21,5 см, ширина 4,5 см, длина ручки 10 см. По данным архива В.А. Городцова его размеры: общая длина 31,2 см, длина рукоятки 11 см, ширина клинка 4 см.

Кинжал с цельнолитой прорезной рукоятью. Он хорошо заточен, перекрестие серповидное с волотами-завитками, на клинке ребро жесткости. Навершие грибовидное, в прорезной рукояти есть поперечная перемычка. Кинжалы с аналогичным массивным волотным перекрестием присутствуют среди вещей клада (рис. 5, 7) [Спицын, 1909. С. 67, рис. 4, 12, 13; Черных, 1966. С. 125, рис. 47, 10, 13, 14].

Косарь (рис. 8, 1) с прямым лезвием и округлым отверстием на черенке был найден вместе с другими бронзовыми вещами близ с. Сосновой Мазы. Хранится в СОМК (СМК № 38584/571). После отливки изделие не обработано. Результаты анализа металла опубликованы [Черных, 1970. С. 134, табл. II, № 1693]. Косарь в музей СУАК передал 24 сентября 1912 г. М.А. Радищев [Малов, 2008. С. 421]. В Книге поступлений СУАК указали некоторые его параметры: длина 23 см, ширина 3–5,5 см, утолщенный «обух» 0,7 см. К этим показателям следует добавить, что диаметр отверстия 0,5–0,7 см, вес изделия 269 гр. Спинка имеет ребро жесткости, в виде утолщенного бортика. Она ассиметрично изогнута, вершина ее дуги смещена к заостренному носку, а ближе к тупой пятке сохранился литейный наплыв.

Косарь (рис. 8, 2; 9, 1), происходящий с сельских огородов, был сдан М.А. Радищевым 22 апреля 1913 г. в музей СУАК. В книге СУАК (№ 572) указаны следующие размеры: длина 23 см, ширина 4–6 см, ширина обуха 6 мм. Косарь хранится в СОМК, его вес 318 гр. (СМК № 38584). Он без отверстия, сильно прокован, отбит по непрямому лезвию и полотну с обеих сторон. На дугообразной спинке с бортиком отчетливо заметен короткий след от ударов, нанесенных сверху, Т-образного профиля. Хотя Е.Н. Черных и учитывал данный косарь, как происходящий из рассматриваемого клада, однако внешний вид и особенно его металл существенно отличались, поэтому исследователь отделил изделие от всех других [Черных, 1966. С. 125–126, рис. 47, 9; рис. 48, анализ № 63].

К тому же, со слов находчиков, М.А. Радищеву не было вполне ясно, когда он был найден и в том ли месте, где и клад? По мнению М.А. Радищева,

косарь уже побывал в руках кузнеца, пытавшегося его расплавить. Он сообщил С.А. Щеглову уточнения, подтверждающие эти сомнения: «К находке медного косаря на огородах с. Сосновой Мазы добавлю некоторые подробности, которые мне сообщил Чербаев: косырь найден в насыпи длиной 36 саж., шириной 15 с. и вышиной печатная сажень, которая проходит через огороды крестьян: Чербаева, Калыдина и еще какого-то третьего крестьянина. Насыпь сделана из камня, песку и груды наваленных, ныне сгнивших, деревьев. Вместе с косырем найден рог (о котором я писал) и куски истлевшей кожи. Насыпь уже несколько лет стараются уничтожить, так как она мешает распахивать огородов» [Малов, 2008. С. 421–422; Малов, 2013. С. 90]. Следовательно, изделие нельзя включать в состав клада, поскольку оно найдено в насыпи на огородах, вместе с рогом и кусками истлевшей кожи.

Предметы, хранящиеся в ХКМ. Три предмета были переданы М.А. Радищеву в 1906 г. находчиком клада Т.М. Токаревым. Это кинжал, косарь-секач и обломок от косаря. Общий вес всех вещей около 830 гр.

Кинжал (рис. 11; 16). Вес 501–502 гр. (ХКМ № 3237). Параметры: общая длина 34 см, длина рукоятки до перекрестия 9,5 см, максимальная ширина клинка 5,5 см. Диаметр грибовидного навершия 3,5 см. Перекрестие серповидное, волнитообразное с завитками. Рукоять прорезная, вдоль клинка проходит нервюра – ребро жесткости. Он обработан после отливки, лезвийная часть прокована с двух сторон и заточена. Аналогичное оружие с такой формой перекрестия присутствует среди вещей клада [Спицын, 1909. С. 65–67, рис. 4, 12; Черных, 1966. С. 68, рис. 59, 8, 10, 12]. Фотография этого кинжала опубликована в работе В.А. Городцова, как хранящегося в частной коллекции М.А. Радищева [Городцов, 1914. С. 83, 106, рис. 51].

Косарь (рис. 12; 15, 1). Вес 300–301 гр. (ХКМ № 3238). Обработан и прокован после отливки с обеих сторон. Большая часть лезвия сильно раскована, отбита, начиная с переднего загнутого острого конца. Ближе к заднему концу лезвие не расковано. Около тупого конца на полотне овальное отверстие диаметром 7 мм. Острый раскованный конец шириной около 1 см. Толщина дугообразного ребра жесткости с бортиком 0,9 см. В одном месте на нем есть вмятина, длиной 5,5 см, образовавшаяся на дуге от ударов сверху. Общая длина секача 22,8 см, максимальная ширина 5,5 см, ширина тупой хвостовой части 3,5 см.

Косарь с аналогичной расковкой острого конца и лезвия есть среди предметов клада, переданных в ГИМ (рис. 6) [Спицын, 1909 С. 67, рис. 16]. Лабораторией естественнонаучных методов Института археологии РАН выполнен спектральный анализ косаря (№ 13397). По информации сотрудников лаборатории Л.Б. Орловской и С.В. Кузьминых состав его металла следующий: Cu – основа, Fe – 1,8%, Ni – 0,15%. Другие макропримеси не отмечены.

Это так называемая «железистая медь», характерная для некоторой литейной продукции клада. Ее присутствие может свидетельствовать о переходе к выплавке меди из колчеданных руд [Черных, 1966. С. 126-129].

Фрагмент косаря (рис. 13; 15, 2). Его вес 32-31 гр. Он представляет собой бракованный литейный обломок острого конца секача (ХКМ № 3239). Длина фрагмента около 5 см, толщина 0,5-1 см. Спинка с ребром жесткости, в виде утолщенного бортика.

Первые сведения о кладах были опубликованы в 1903 г. в Отчете Императорской Археологической комиссии за 1901 г. [Отчет ИАК, 1903. С. 140, 170]. Из Описи о передаче вещей и заметки ИАК явствует, что в ГИМ передали 78 предметов, включая обломки. С учетом 8 вещей, поступивших в СОМК и ХКМ, перед началом Великой Отечественной войны в музейных коллекциях хранилось 86 предметов из Сосновой Мазы.

Один косарь-секач без отверстия нельзя включать в коллекцию клада, поскольку условия его обнаружения иные, да и происходит он из насыпи. В конечном итоге непосредственно к Сосново-Мазинскому кладу следует отнести не 84, а 85 музейных экспонатов [Малов, 2008. С. 422]. Можно предполагать, что он содержал еще большее число вещей, которые частично «разошлись по рукам».

Вопрос о функциональном предназначении косарей-секачей до сих пор окончательно не определен. Термин «косарь» был представлен в Описи вещей управления Саратовского губернатора, составленной в качестве сопроводительного перечня вещей Сосново-Мазинского клада, направленного в ИАК. Трактовку этого термина уездный исправник и составители описи могли заимствовать не только из толкового словаря В.И. Даля, но также от сосново-мазинских крестьян. Примечательно то, что и в словаре один из вариантов его толкования – «тяжелый и широкий нож, использовавшийся для расщепления лучины и рубки костей» [Даль, 2010. С. 289-290, 433].

Видимо А.А. Спицын не был уверен в том, что они могли служить серпами, поэтому и называл их ножами-серпами или ножами [Спицын, 1909. С. 65-66; Гольмстен, 1933. С. 33]. Серпами их именовали В.А. Городцов и А.М. Тальгрэн [Круглов, Подгаецкий, 1935. С. 81-82, рис. 10]. В.В. Гольмстен возразила против того, что это серпы. Она отнесла их к земледельческим орудиям, или косарям – массивным ножам, пригодным для вырубki бурьяна, мелких, но густых и гибких кустов [Гольмстен, 1933. С. 33-36]. П.С. Рыков, ссылаясь на практические опыты Н.К. Арзютова, также полагал, что они не были «серпами». Однако, по мнению профессора они служили в качестве небольших «кос», которыми косили траву в лесистой местности [Рыков, 1936. С. 41; Малов, 2016. С. 348]. А.В. Арциховский согласился с В.В. Гольмстен: «Ве-

роятно, это косари для расчистки от кустарника участков под посев [Арциховский, 1955. С. 78, рис. 24].

Можно полагать, что косарь-секач, у которого через отверстие, расположенное около тупого прямого его конца, крепилась деревянная рукоять, было универсальным ударно-режущим инструментом скотоводов позднего бронзового века. Оно могло использоваться для заготовки и резки различных сенокосных кормов при стойловом содержании скота в зимний период [Бочкарев, 2012. С. 209]. Судя по двум косарям из СОМК и ХКМ, с вмятинами от ударов на дуговидном ребре жесткости, скотоводы позднего бронзового также могли ими рубить крупные кости животных, раскалывать дрова на поленья и лучину.

Сосново-Мазинский клад был использован В.А. Городцовым в качестве основы для выделения хвалынской культуры, пришедшей в Нижнем Поволжье на смену срубной культуре [Городцов, 1927. С. 622, рис. 100–104]. Как верно отметил П.С. Рыков, именно В.А. Городцовым культура типа Сосново-Мазинского клада и была названа «хвалынской» – по Хвалынскому уезду, где «более всего выявлялась» [Малов, 2010. С. 37]. Вслед за В.А. Городцовым, П.С. Рыков относил Сосново-Мазинский клад первоначально к хвалынской, а затем к срубно-хвалынской культуре [Малов, 1986. С. 21–23, рис. 1; Малов, 2014. С. 85]. В последующие годы термины «хвалынская» и «срубно-хвалынская» культуры получают широкое распространение и присутствуют в работах многих исследователей (В.В. Гольмстен, М.П. Грязнов, П.С. Рыков и др.).

С середины XX в. Сосново-Мазинский клад и селище близ с. Ивановки Хвалынского района стали трактоваться как опорные комплексы второго хвалынского этапа поздней срубной культуры [Кривцова-Гракова, 1955. С. 38–49; Малов, 1986. С. 22–25, рис. 1]. Н.Я. Мерперт и Е.Н. Черных вполне аргументированно распределили поволжские памятники с валиковой керамикой на два хронологических этапа-периода. Кроме того, Е.Н. Черных первый достаточно обоснованно возразил против безоговорочного отождествления срубного и сосново-мазинского металла [Черных, 1970. С. 93]. В последующем исследователь включил срубно-хвалынскую культуру с Сосново-Мазинским кладом в восточную зону общности культур валиковой керамики [Черных, 1983. С. 83, 88, 92, рис. 1, 6; 9, 28–37].

Сейчас клад относят к третьей фазе позднего бронзового века (ПБВ III) времени распада Евразийской металлургической провинции [Черных, 2008. С. 50]. В пределах этой фазы его включают в IV период, который ориентировочно датируется 1300–1200 гг. до н. э. [Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 12, рис. 1, IV]. Именем Сосново-Мазинского клада, являющегося самым выразительным памятником четвертого периода, может быть названа вся волгоуральская серия металлических изделий [Бочкарев, 2016. С. 122].

В Нижнем Поволжье, а также на прилегающих территориях Волго-Уральского и Волго-Донского междуречий, поздний бронзовый век подразделяется на три фазы (Таблица), синхронные соответствующим фазам Евразийской металлургической провинции [Малов, 2012. С. 96–100; Малов, 2014. С. 86–92]. На каждой из них преобладают артефакты определенной археологической культуры. Первая фаза (ПБВ1) соответствует покровской культуре, вторая (ПБВ2) – срубной культуре, третья (ПБВ3) – хвалынской культуре валиковой керамики (Таблица).

При смене фаз сложно осуществить твердое разграничение между сосуществующими комплексами, содержащими элементы предшествующей и последующей культур. Поэтому стадия ПБВ 2.1 названа покровско-срубной, а стадия ПБВ 3.1 срубно-хвалынской. Сосново-Мазинский клад включается в стадию ПБВ 3.2. На этой стадии носители ХКВК уже начинают использовать новый металл – железо [Малов, 2012. С. 97–98; Малов, 2013 а. С. 112]. Вещи, представленные в кладе, не встречаются в погребениях. Представители элиты общества предпочитали депонировать их в кладах [Малов, 2018. С. 101–103].

Таблица

Фаза	Датировка	Культура	Стадия
ПБВ 1	20–18/17 вв. до н. э.	Покровская	ПБВ 1. Покровская
ПБВ 2	17–16 вв. до н. э.	Поздняя покровская – ранняя срубная	ПБВ 2.1 Покровско-срубная.
ПБВ 2	16–14 вв. до н. э.	Срубная	ПБВ 2.2 Срубная
ПБВ 3	14–13 вв. до н. э.	Поздняя срубная – ранняя ХКВК	ПБВ 3.1 Срубно-хвалынская
ПБВ 3	13–12 вв. до н. э.	ХКВК	ПБВ 3.2 ХКВК

Как было указано выше, общий вес медных вещей, полученных ИАК, составлял 1 пуд 8 фунтов или около 20 кг. В статье Е.Н. Черных в качестве веса клада также обозначено 20 кг [Черных, 1966. С. 129]. Однако Н.Я. Мерперт полагал, что клад весил 21 кг [Мерперт, 1971. С. 354]. Чтобы уточнить вес вещей, хранящихся в музейных коллекциях, к 20 кг предметов, переданных в ГИМ, необходимо добавить вес находок из ХКМ (830 гр.) и СОМК. Если полагать, что два кинжала СОМК, ориентировочно весили 1 кг, то вес изделий, хранившихся здесь, был около 1,7 кг. Следовательно, в три музея поступило вещей из Сосново-Мазинского клада общим весом 22,5 кг. Скорее всего, он

весил больше, поскольку неизвестное количество предметов осталось у местных жителей.

В бронзовом веке Восточной Европы, по этому показателю, Сосново-Мазинский клад является вторым, после Бориславского, общий вес которого составил 30,585 кг) [Добровольский, 1948. С. 152–163]. Однако в Бориславском кладе большую его весовую часть (24 кг) составляют, не готовые изделия с их фрагментами, а обломки лепешкообразных слитков, отражающие его основную металлургическую ценность. По показателю металлоемкости готовых изделий Сосново-Мазинский клад является крупнейшим археологическим источником бронзового века Восточной Европы.

Литература:

Арциховский А.В. Основы археологии. Учебник для исторических факультетов университетов и педагогических институтов. 2-е изд. Москва, 1955.

Архив В.А. Городцова // Государственный исторический музей. Отдел письменных источников. Рукописный архив В.А. Городцова. Фонд № 431. 1927 г. Дело № 89. Альбомы и рисунки вещей из музеев.

Беднякова Н.Н. Музей Саратовской губернской ученой архивной комиссии. Страницы истории. 1886–1919. Саратов, 2011.

Бочкарев В.С. К вопросу об использовании металлических серпов и серповидных орудий в степных (скотоводческих) культурах эпохи поздней бронзы Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. № 2. СПб., 2012.

Бочкарев В.С. Периоды развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 12. Саратов, 2016.

Воскресенский С.Г., Демин А.М., Купцова Ю.А., Уставщикова С.В., Уставщиков В.В. Административно-территориальное деление Саратовской Губернии // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002.

Гольмстен В.В. Серпы из Сосновой Мазы // Проблемы истории материальной культуры. № 5–6. Л.: Гос. акад. истории материальной культуры, 1933.

Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Исторического музея за 1914 год. М., 1914.

Городцов В.А. Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. М., 1927. Т. 7.

Даль В.И. Большой толковый словарь русского языка: современное написание более 70 000 слов и выражений. М.: АСТ: Астрель, 2010.

Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Высшая антропологическая школа. Кишинев, 2002.

Добровольский А. Бериславський скарб бронзової доби // Археологія. Т. II. Київ, 1948.

Зайковский Б.В. Краткий отчет об археологических разведках в 1912 г. // Труды СУАК. Вып. 30. Саратов, 1913.

Книга записи вещей СУАК. В двух томах. Хранится в СОМК.

Книга для внесения кладов и коллекций древностей, поступивших в Археологическую комиссию с 1895 года // Архив ИИМК РАН. Фонд 1. Опись 1. 1895 г. Дело № 293.

Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. № 6. М., 1955.

Круглов А.П., Подгаецкий Г.В. Родовое общество степей Восточной Европы. Основные формы материального производства // Известия ГАИМК. Вып. 110. Москва-Ленинград: «Огиз», 1935.

Максимов Е.К. Материалы из Хвалынского музея // СА. 1962. № 3.

Малов Н.М. Историография вопроса о срубно-абашевском взаимодействии в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986.

Малов Н.М. Сосново-Мазинский клад: история обнаружения и комплектования коллекции // Тр. II (XVIII) Всерос. Археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 1.

Малов Н.М. Василий Алексеевич Городцов и археология Нижнего Поволжья (к 150-летию со дня рождения исследователя) // Изв. СГУ. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Т. 10. Вып. 2. 2010.

Малов Н.М. Культурогенез в эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья // Изв. СГУ. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Т. 12. Вып. 1. 2012.

Малов Н.М. Изучение памятников позднего бронзового века Нижнего Поволжья: 1900–1917 годы // Изв. СГУ. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Т. 13. Вып. 1. 2013.

Малов Н.М. Хронология и периодизация позднего бронзового века Нижнего Поволжья: хвалынская культура валиковой керамики // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции. СПб., 2013а.

Малов Н.М. Памятники срубной культурно-исторической области в Нижнем Поволжье: концептуальные основы культурогенеза // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии. М., 2014.

Малов Н.М. Профессор П.С. Рыков – исследователь позднего бронзового века Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречья // Изв. СГУ. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Т. 16. Вып. 3. 2016.

Малов Н.М. Металлические швейные иглы позднего бронзового века в Нижнем Поволжье // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 14. Саратов, 2018.

Малов Н.М., Миронова А.И. Саратовский областной музей краеведения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Саратовский край в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Труды СОМК, Вып. 6. Саратов, 2005.

Мерперт Н.Я. Сосново-Мазинский клад // Советская историческая энциклопедия. Т. 13. М., 1971.

О находке древностей в Саратовской губ. Переписка. Фотографии находок // Архив ИИМК РАН. Фонд 1. 1901 г. Арх. № 191.

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1901 год. СПб., 1903.

Розенфельд Р.Л. Рукописный архив В.А. Городцова // СА. № 1. 1964.

Рыков П.С. Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уезд., Саратовской губ. в 1922 г. // Труды Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском государственном университете. Вып. 34. Ч. 1. 1923.

Рыков П.С. Очерки по истории Нижнего Поволжья. По археологическим материалам. Саратов, 1936.

Спицын А.А. Некоторые находки медного века // Изв. ИАК. № 29. СПб., 1909.

Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // Гришин Ю.С., Тихонов Б.Г. Очерки по истории производства в Приуралье и южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. МИА. № 90. М., 1960.

Черных Е.Н. О химическом составе металла клада из Сосновой Мазы // КСИА. Вып. 108. 1966.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА, № 172. М., 1970.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.

Черных Е.Н. Формирование Евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2008. № 3(35).

Шабанов М.А. Хвалынские горы // Труды СОМК. Вып. 3. Саратов, 1960.

Рис. 1. Расположение сел Сосновая Маза и Елховка на карте Хвалынского района Саратовской области

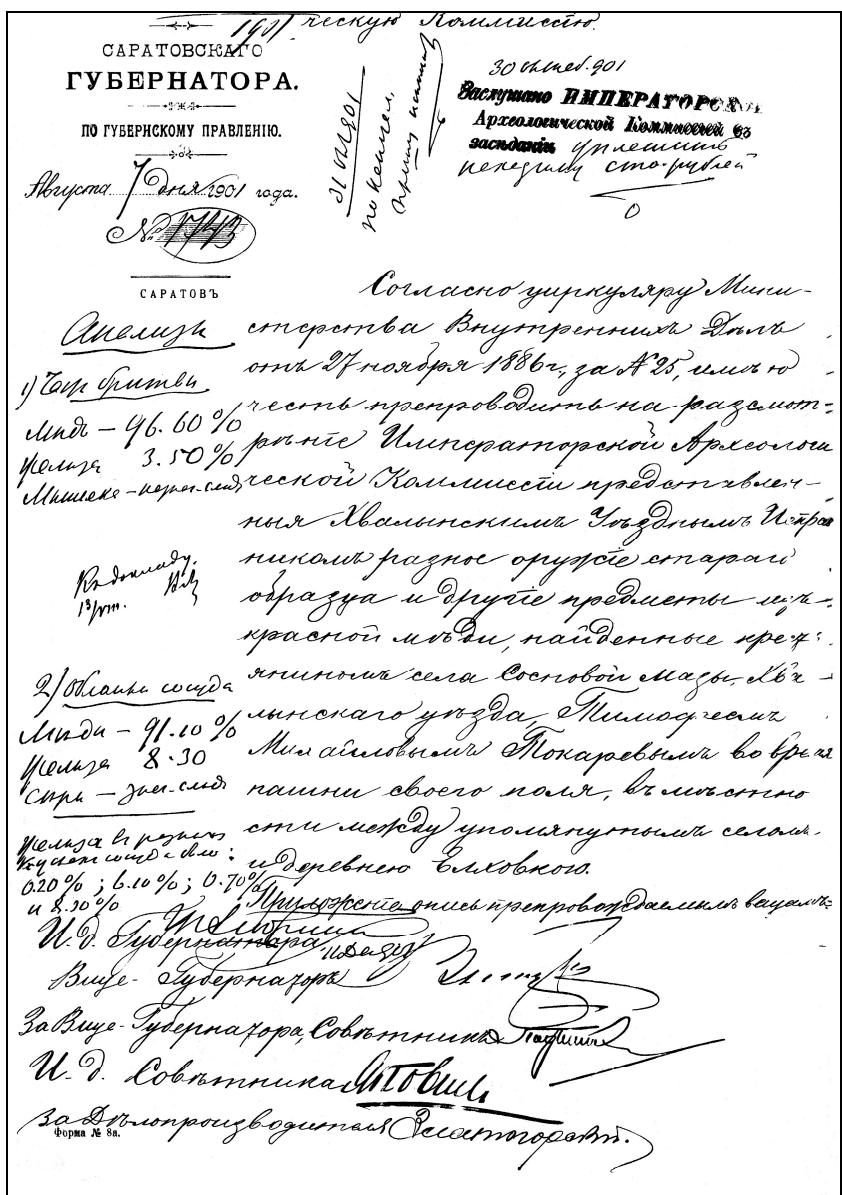

Рис. 2. Письмо правления Саратовского губернатора в ИАК. № 1743 от 7 августа 1901 г. Архив ИИМК РАН

2

Опись

разных старинных вещей предшественников из красной земли, найденных крестьянином села Сосновой Мазы, Хвалынского уезда Тимофеем Михайловичем Токаревым.

№ по порядку	Наименование предметов	примечание
1.	Четыре штуки орудий в форме тесла, из которых два с ручками, а два без ручек.	Вот одна из них из красной земли.
2.	Четыре штуки двух форм наконечника.	из красной земли.
3.	Двадцать семь разных ломаных кусков.	зеленоватой, в саже.
4.	Сорок три штуки из одной формы, в виде ковра, из красной земли, найденных в котле на месте предмета отверстия.	из красной земли.

За Уездным правлением Тимофеем Михайловичем Токаревым

Рис. 3. Опись предметов, найденных крестьянином села Сосновой Мазы Хвалынского уезда Тимофеем Михайловичем Токаревым. Архив ИИМК РАН

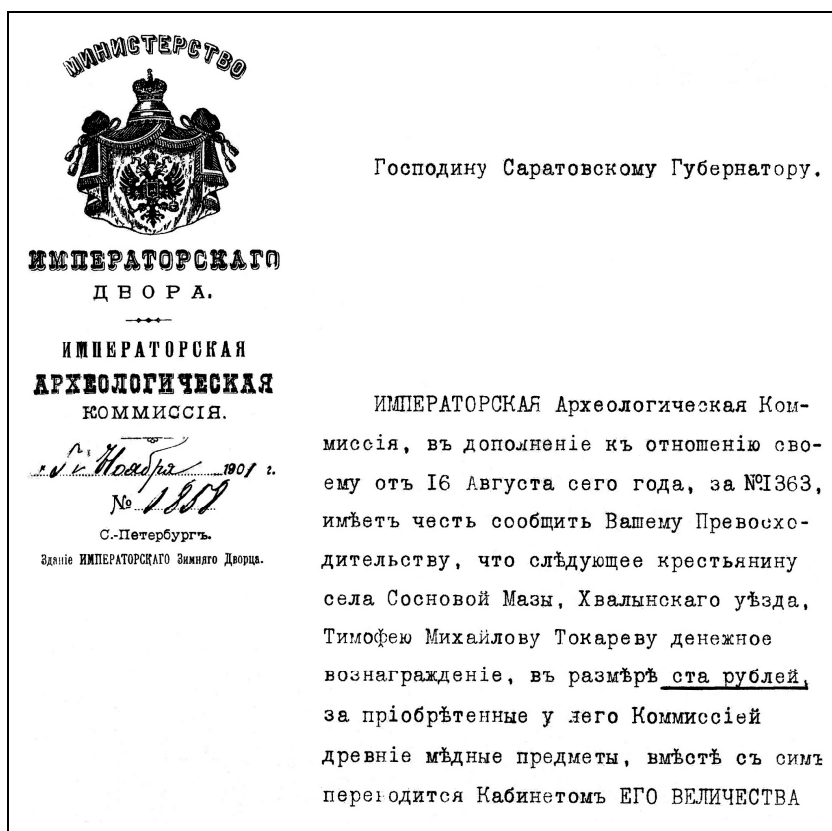

Рис. 4. Письмо ИАК Саратовскому губернатору. № 1858 от 5 ноября 1901 г.
Архив ИИМК РАН

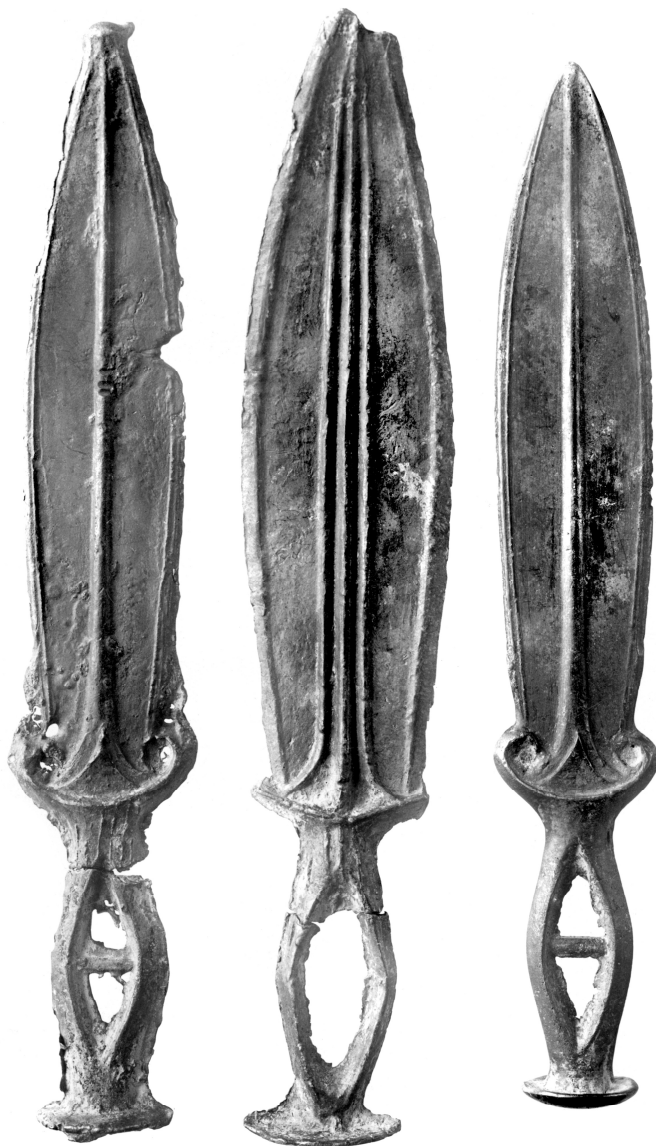

Рис. 5. Кинжалы из Сосново-Мазинского клада. Архив ИИМК РАН

Рис. 6. Косари-секачи из Сосново-Мазинского клада. Архив ИИМК РАН

Рис. 7. Вещи из Сосново-Мазинского клада. Архив ИИМК РАН

Рис. 8. Вещи из Сосново-Мазинского клада и с. Сосновой Мазы, хранящийся в Саратовском областном музее краеведения

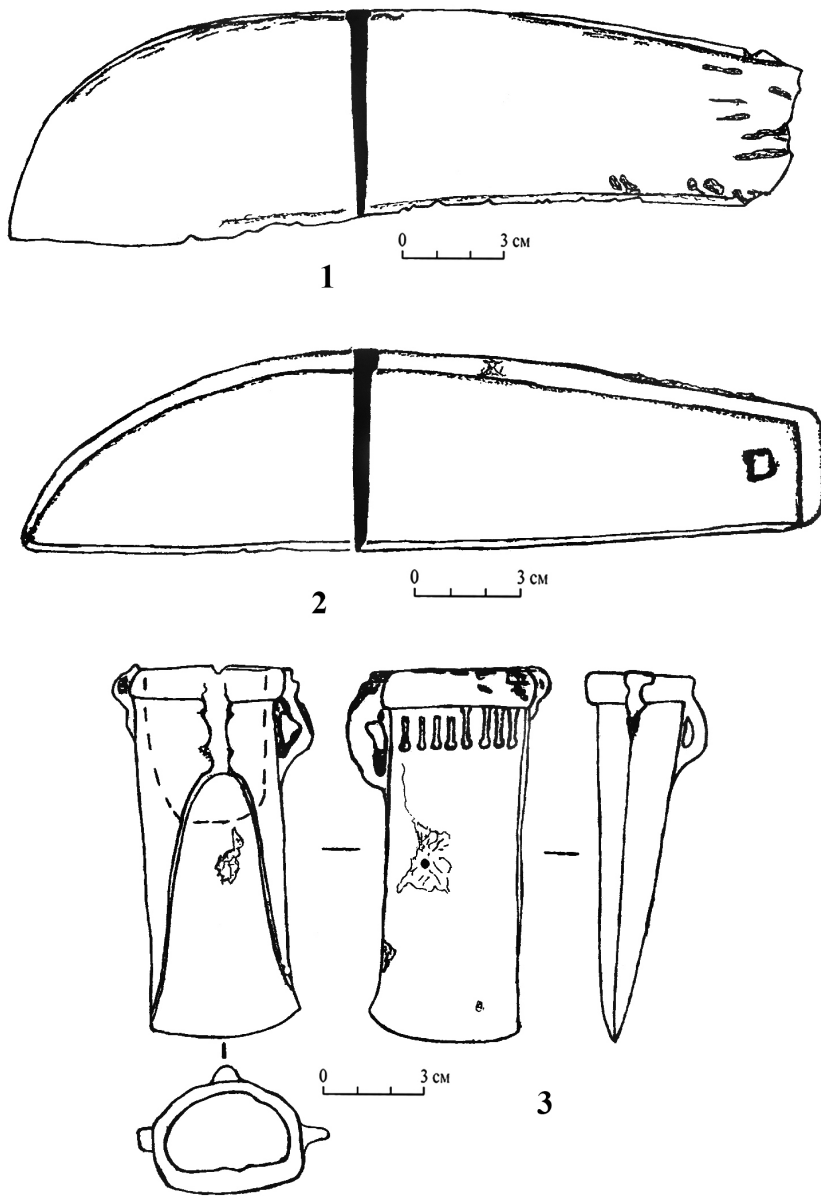

Рис. 9. Вещи из Сосново-Мазинского клада и с. Сосновой Мазы, хранящиеся в Саратовском областном музее краеведения

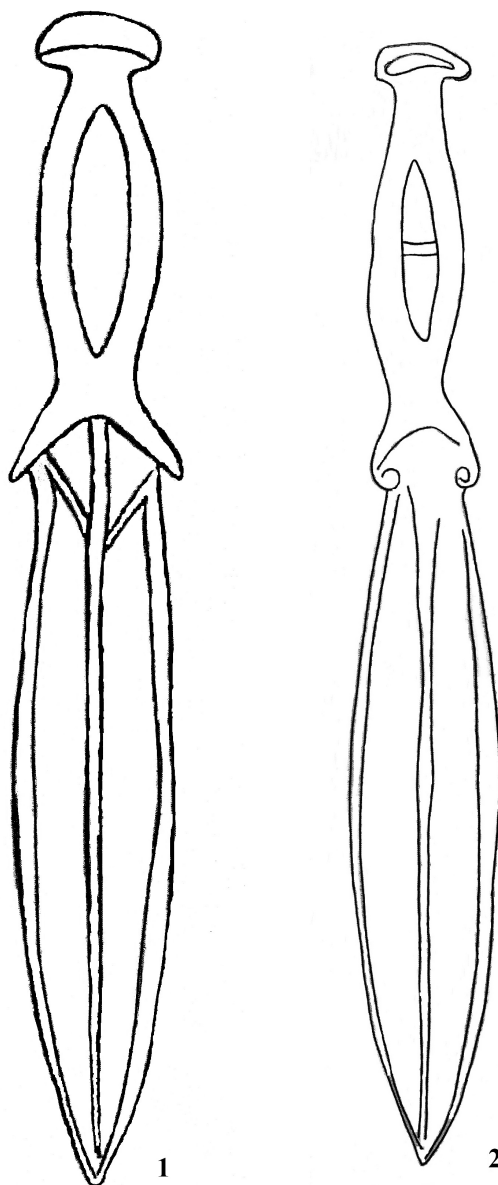

Рис. 10. Кинжалы из Сосново-Мазинского клада, поступившие в Саратовский областной музей краеведения. По В.А. Городцову. Архив ГИМ

Рис. 11. Кинжал из Сосново-Мазинского клада. Хвалынский краеведческий музей

Рис. 12. Косарь-секач из Сосново-Мазинского клада. Хвалынский краеведческий музей

Рис. 13. Фрагмент косаря-секача из Сосново-Мазинского клада.
Хвальинский краеведческий музей

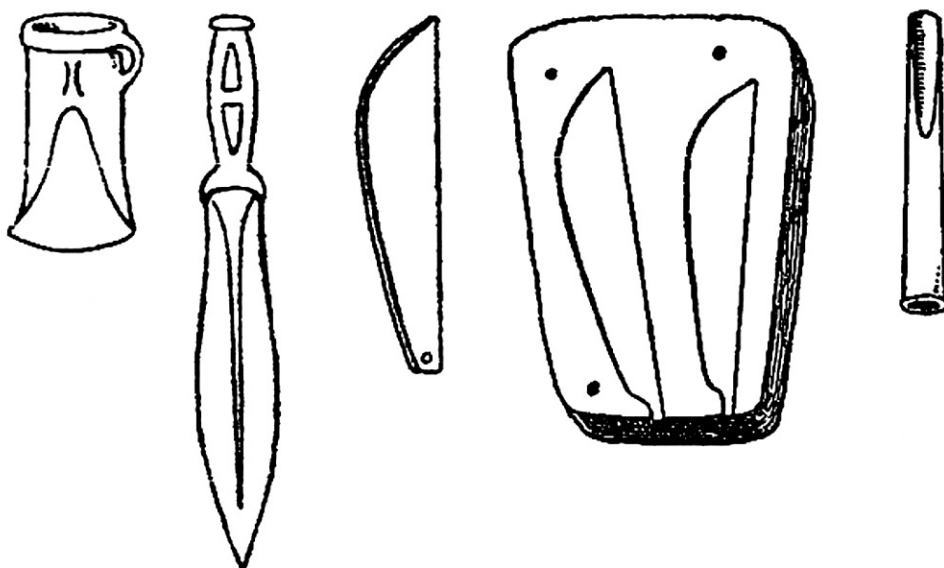

Рис. 14. Хвалынская культура эпохи поздней бронзы. По В.А. Городцову, 1927 г.

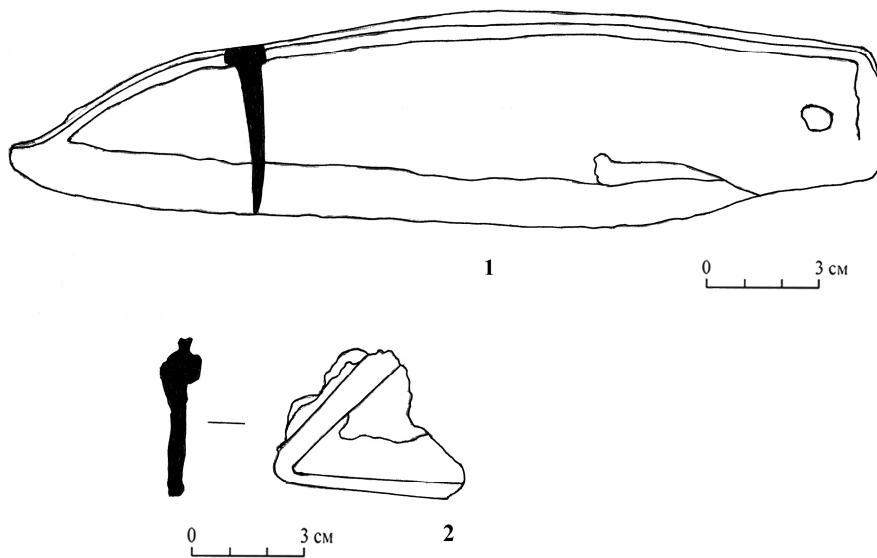

Рис. 15. Медные вещи из Сосново-Мазинского клада. Хвалынский краеведческий музей

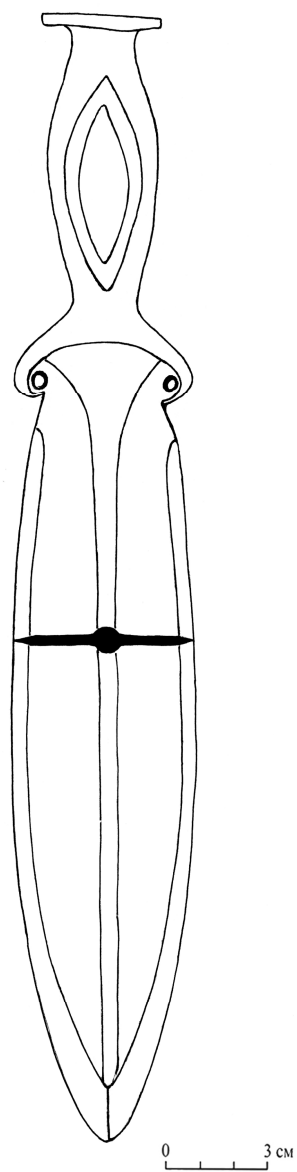

Рис. 16. Медный кинжал из Сосново-Мазинского клада.
Хвалынский краеведческий музей

ПУБЛИКАЦИИ

УДК: 902(01+62)/903(14+50)/572(02+08+70)
ББК: 63.442.6(235.7)-427.1+28.71

*Каргин Ю.Ю., Козорезов А.А.,
Зубарева Е.Г.*

КУРГАН ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ У х. ХАНЬКОВ В ДЕЛЬТЕ КУБАНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОХРАННЫХ РАСКОПОК 2013 г.)

В публикации представлены материалы эпохи средней бронзы из кургана у х. Ханьков, исследованного в дельте Кубани в 2013 г. К этой эпохе, помимо 10-ти из 14-ти выявленных погребений, относится и само сооружение кургана из 2-х насыпей. Несмотря на выраженный аскетизм погребений, отчётливо устанавливается их культурная принадлежность и хронологическая последовательность. Первая насыпь с уплощённой вершиной возведена в самом начале эпохи средней бронзы над группой из трех погребений позднего этапа новотитаровской культуры и раннекатакомбной культуры, вторая – чуть позже, над 5-ю радиально расположенными впускными погребениями степной северокавказской культуры. Прослежена синхронность и общность погребений позднего этапа новотитаровской культуры и раннекатакомбной культуры, расширен ареал распространения степной северокавказской культуры, выявлена обособленность и последовательная сменяемость этих двух групп населения. Особый интерес вызывает центральное катакомбное погребение взрослого человека, раненного кремневой стрелой и сопровождаемого в шахте погребением архаического облика, но с признаками декарнирования и декапитации. В целом подтверждена актуальность сложившейся в науке системы представлений об эпохе средней бронзы Северного Кавказа и Прикубанья. Несомненна важность и двух новых комплексов, дополняющих общую картину расселения племён финала эпохи средней бронзы.

Ключевые слова: эпоха средней бронзы, курган, насыпь, погребение, дельта Кубани, новотитаровская культура, раннекатакомбная культура, степная северокавказская культура, кубанская группа посткатакомбных погребений, долинская культура

*Kargin Yu.Yu., Kozorezov A.A.,
Zubareva E.G.*

THE MOUND OF THE MIDDLE BRONZE EPOCH
NEAR THE KHAN'KOV FARM IN THE KUBAN RIVER DELTA
(BASED ON THE 2013 EXCAVATION DATA)

The paper deals with Middle Bronze Age materials from the mound near the Khan'kov farm examined in the Kuban delta in 2013. Along with 10 of 14 detected burials the made-up of 2 fills mound's building applied to this epoch. In spite of the burials' austerity, its culture identity and chronological consecution are determined. The first fill with flat top was built over the group of 3 burials of Novotitarovskaya culture's last phase and early catacomb culture at the Middle Bronze Age beginning. The second fill was built over the group of 5 located around inlet burials of the North Caucasus culture of the steppes slightly later. The synchronicity and the community between Novotitarovskaya culture's last phase burials and early catacomb culture burials are traced, the geographic range of the North Caucasus culture of the steppes enlarged, the apartness and the replacement from the first population group to another are detected. The principal burial of the wounded with flinty arrow adult subject in catacomb is regarded as the most interesting one. It was accompanied in the shaft with the burial of the archaic image but with such innovating features as decarnation and decapitation. Considered all the actuality of the established representation system about the North Caucasus and Kuban regions' Middle Bronze Age was confirmed. The importance of both new later complexes is also indubitable in context with the overall population settlement picture in the end of the Middle Bronze Age.

Keywords: Middle Bronze Age, mound, fill, burial, Kuban delta, Novotitarovskaya culture, early catacomb culture, North Caucasian culture of the steppes, Kuban burial group of the post-catacomb period, Lola culture

В августе–сентябре 2013 г. экспедиция ООО «Археологическое общество Кубани» под руководством А.А. Козорезова и Ю.Ю. Каргина проводила охранные раскопки курганов у х. Ханьков Славянского района Краснодарского края, в зоне проектируемого строительства объекта «УЗРГ Анастасиевский с газопроводом-отводом». Полученные материалы вызывают живой интерес,

поскольку позволяют восполнить некоторые пробелы в представлениях о заселении дельты Кубани в различные исторические периоды. Первичный обзор итогов этих работ был опубликован ранее [Каргин и др., 2015. С. 369–371]. В данной статье речь пойдёт о представительной выборке погребений эпохи средней бронзы из кургана, обозначенного среди памятников археологии Славянского района под № 48.

В археологическом отношении дельта Кубани до недавнего времени относилась к числу наименее исследованных районов Краснодарского края. Географически основная часть её территории располагается в переделах Славянского муниципального района, к западу от Краснодара. Этот район занимает дельтовую, низменную, аллювиально-морскую, заболоченную равнину. На северо-западе она ограничена побережьем Азовского моря с плавнями и лиманами, на юге – нижним течением р. Кубань, на востоке – отходящим от неё главным дельтовым рукавом – р. Протока, впадающей в Азовское море.

Десятки тысяч лет назад современная дельта Кубани представляла собой залив Азовского моря, который простирался в ширину от современного Таманского полуострова до Приморско-Ахтарска, а в глубину – вплоть до Краснодара. Постепенно, в результате деятельности реки и моря, появилась пересыпь, отделившая море от залива. Образовавшаяся лагуна со временем заполнилась речными наносами и превратилась в низменную дельту Кубани с многочисленными мелководными лиманами, соединяющими их протоками и обширными болотистыми плавнями. Сама Кубань неоднократно разливалась, менялось расположение её русла и притоков.

В настоящее время поверхность дельтовой равнины почти совершенно ровная, иногда слабо вогнутая низменность с абсолютными отметками 0,1–2,0 м и лишь изредка превышающими 3 м. Она сложена речными наносами, имеет слабый уклон в сторону Азовского моря, а в зоне лиманов и плавней подходит к нулевой отметке. Наиболее характерными элементами рельефа являются прирусловые гряды высотой до 1,5 м, сопровождающие водные артерии, и межривные плоские депрессии, часто занятые озёрами.

Наиболее высокие отметки над уровнем моря имеются в южной части района, где расположена Анастасиевская возвышенность и её наиболее высокая точка – крупный курган, за которым закрепилось название «Ханьковская Гора» (25,5 м над уровнем моря). На возвышенности сосредоточен основной массив курганных могильников, тянущихся с востока на запад. С конца XX в. здесь активно разрабатываются нефтяные и газовые месторождения, осуществляется строительство трубопроводов.

Почва Славянского района разнообразна, в основном – луговая, лугово-болотная, переувлажненная, тяжёлая и перенасыщенная агрессивными минеральными солями. В лиманно-плавневой зоне почвы представлены не-

сколькими солончаковатыми разновидностями. На небольших участках, в основном на гряде, но иногда даже в лиманной зоне, имеется хорошая чернозёмная почва.

Среди растительности в Славянском районе распространены водные виды, на берегах лиманов и рек растут камыш, рогоз и куга, имеются пойменные леса, представленные вербой, ивой, тополем, ольхой, дубом, бузиной, тёрном, на возвышенных местах произрастают грецкий орех, шалфей, полынь, амброзия. Животный мир изобилует водоплавающими птицами (чайки, утки, гуси, пеликаны), в зарослях камыша водятся кабан, норка, а также ондатра, завезённая из Северной Америки. На более возвышенных степных пространствах из птиц распространены воробей, горлинка, фазан, перепел, пустельга, из животных – мыши-полёвки, суслики, слепыши, зайцы, ежи, лисицы. Из земноводных наиболее часто встречаются лягушки, жабы, из пресмыкающихся – ящерицы, болотные черепахи, змеи, ужи. Ихтиофауна насчитывает более 90 видов речных и морских рыб.

С середины XX в. вся территория района была подвержена тотальному антропогенному переустройству. В 1950-е – 1970-е гг. в междуречье Кубани и Протоки осуществлялось строительство Петровско-Анастасиевской оросительной системы, включавшее нивелировку и планирование местности, в том числе засыпку лиманов и проток. Всё это коренным образом изменило природно-климатические условия этой местности: вместо заводей и плавней возникли рисовые чеки и каналы, климат стал более сухим и умеренным, что позволило выращивать зерновые, крупяные, бобовые и плодовые культуры, осваивать месторождения природного газа и нефти. К сожалению, все землеустроительные работы проводились без участия археологов, что нанесло непоправимый и пока ещё недооценённый урон археологическому наследию.

Раскопки могильников на территории Славянского района представлены всего несколькими эпизодами.

В 1978 г. экспедицией под руководством В.А. Сафронова в зоне строительства мелиоративной системы у х. Коржевский было раскопано 2 кургана: у х. Прикубанский и на территории рисового чека Петровско-Анастасиевской системы. Всего было исследовано 11 погребений, относившихся к майкопской, куро-араксской, сарматской и аланской культурам, а также 10 отдельных комплексов [Сафронов, 1979]. Автор раскопок привлёк эти материалы для разработки хронологии бронзового века степных районов бассейна Кубани [Сафронов, 1980].

В начале 2000-х гг. Южнороссийская комплексная экспедиция Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва под руководством И.В. Волкова исследовала 62 средневековых адыгских погребения (XIV–XV вв.) в крупном курганном могильнике Чёрный Ерик-1 к югу от од-

ноименного села [Волков, 2001; 2002a]. Некоторые сведения об этих раскопках опубликованы [Волков, 2002б; 2007; Волков и др., 2017].

Наконец, в 2005 г. силами двух отрядов ГУП «Наследие Кубани» под руководством А.А. Сазонова и Е.И. Нарожного проводились раскопки ранне-средневекового поселения «Ханьков-1» (VII–IX вв.) и небольшого кургана, расположенного поблизости. На исследованном участке поселения площадью 1550 м², под культурным слоем, выявлено 49 захоронений, большинство которых относилось к синхронному некрополю. Прочие погребения, совершённые в эпоху бронзы и раннем железном веке, по предположению авторов раскопок, могли находиться в более ранних курганах, разрушенных хозяйственной деятельностью той эпохи. Кроме того, в небольшом кургане было исследовано 2 разрушенных погребения раннего железного века и раннего средневековья [Нарожный, 2005; Сазонов, 2007]. Краткие результаты этих раскопок опубликованы в нескольких обзорных статьях [Нарожный и др., 2007а; 2007б].

На сегодняшний день на территории Славянского района известно около 100 археологических памятников – преимущественно, курганных могильников, большинство которых локализуется в пределах Анастасиевской возвышенности.

Исследованный в 2013 г. курган был расположен на западном склоне этой возвышенности, у её подножия, в 0,9 км к востоку-юго-востоку от наивысшей точки – 6-метрового кургана № 11, т. н. Ханьковской Горы (рис. 1, 1–2). Памятник выявлен в 2005 г. сотрудником ГУП КК «Наследие Кубани» А.П. Кононенко в рамках реализации проекта по формированию государственного реестра памятников истории и культуры на территории Славянского района и обозначен на картографических материалах под № 48 [Кононенко, 2005]. В сентябре 2012 г. курган был вторично обследован специалистом ООО «Археологическое общество Кубани» М.А. Бакушевым в ходе разведочных работ в зоне проектируемого объекта «УЗРГ Анастасиевский с газопроводом-отводом» и получил название «Курган № 48» [Бакушев, 2013].

Курган находился на пахотном поле, в 1,1 км к северо-востоку от северной окраины х. Ханьков, в 0,7 км к югу от узла нефтедобычи «Групповая 5» и в 30 м к востоку от УЗРГ (рис. 1, 3). К северу от его вершины, на краю поля, находится бетонная опора № 15 ВЛ 110 кВ. В непосредственной близости от юго-восточной полы кургана проходит трасса подземного газопровода. Насыпь сегментовидной формы была вытянута по линии «запад-юго-запад – восток-северо-восток», её длина – 50 м, ширина – 40 м, высота достигала 1,7 м. Координаты условного центра кургана в системе WGS-84: N 45°10′11.8″; E 037°52′17.1″.

Раскопки кургана осуществлялись при помощи бульдозера. Антропологические определения выполнила Е.Г. Зубарева. Полученные находки переданы на хранение в ГБУК КК «Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына».

С учётом особенностей местности, основная часть кургана была раскопана на снос с оставлением для стратиграфических наблюдений центральной, северо-западной и юго-восточной бровок, а также северо-западного борта, ориентированных по линии «запад-юго-запад – восток-северо-восток» (рис. 2). Затем большая часть оставшейся северо-западной половины также была раскопана с оставлением северо-восточного борта в пределах охранной зоны по периметру опоры ВЛ 110 кВ.

Древняя стратифицированная насыпь кургана просматривалась во всех бровках и бортах (рис. 2–3). Установлено, что она была вытянута по линии «северо-запад – юго-восток», её высота достигала 2,05 м, размеры – 38 x 36 м, причём с северо-восточной стороны её перекрывал слой хутора XX в., включавший хозяйственные ямы, заполненные бытовым мусором.

В ходе разбора насыпи были выявлены и исследованы грабительская яма и 14 разновременных погребений. К эпохе средней бронзы и её финалу отнесены 10 из них. Данные стратиграфии показывают, что возведение насыпи завершилось в это же время.

Яма 1 (рис. 2–4). Профиль ямы 1 прослежен в северо-западном и юго-восточном фасах северо-западной стратиграфической бровки (рис. 3). Обширная воронкообразная грабительская яма до 7,5 м в диаметре начиналась от самой вершины кургана, прорезала насыпи 1 и 2, заглубляясь в материк. Помимо панцирей черепашьих из заполнения происходили 2 фрагмента плечика и стенки крупного лепного сосуда эпохи средней бронзы: пологое плечо покрыто характерными вертикальными расчёсами, у основания зауженного горла имеется валикообразный уступ (рис. 4, 1).

После разбора северо-западной стратиграфической бровки выяснилось, что яма завершалась на уровне соприкосновения с материковой глиной. Вероятно, она частично затронула заполнение шахты основного погребения 14, откуда могли происходить вышеописанные фрагменты лепного сосуда. Встретив первые находки, грабители заглубились в материковую глину чуть севернее, где на уровне материка, в 0,9 м к северо-востоку от центра бровки, на глубине 2 м от «0R», было зафиксировано пятно ямы 1 (рис. 4). Яма овальной формы 1,2 x 1 м с вертикальными, почти отвесными стенками и плоским дном. Её глубина – 0,47 м от уровня материка (-2,48 м от «0R»), заполнение – тёмно-коричневый суглинок.

Таким образом, грабительская яма практически не повредила подкурганное пространство. При последующей засыпке в яму вместе с фрагментами

лепного сосуда попало несколько черепашек. Рыхлое заполнение оказалось удобным для поселения крупной колонии грызунов, которые прорыли многочисленные ходы в стороны от воронки – преимущественно, в пределах насыпи 1. При фиксации стратиграфических бровок эти ходы были ошибочно приняты за грунтовые блоки [Козорезов, 2015. С. 56–65, 93, 99].

Погребение 1 (рис. 4). Впускное. Обнаружено в насыпи кургана, в 7,8 м к юго-востоку от его условного центра (рис. 2). Яма прослежена с глубины 1,81 м от «0R», она выделялась на фоне насыпи темно-коричневым пятном, имела неправильную форму и была вытянута по линии «северо-запад – юго-восток». Длина ямы 2,6 м, ширина до 1,72 м, глубина от зафиксированного верхнего края – 0,46 м (-2,27 м от «0R»). Стенки отвесные, плавно переходящие в неровное, наклоненное в западном направлении дно. Заполнение – серо-коричневый плотный суглинок, в котором обнаружены мелкие фрагменты костей.

По всей вероятности, погребение является кенотафом и с определённой долей вероятности может быть отнесено к степной северокавказской культуре эпохи средней бронзы, на что косвенно указывают его место в подкурганном пространстве и форма ямы. Исследователи определяют такой вид захоронений как традиционный для культур эпохи средней бронзы на Северном Кавказе [Рысин, 1997. С. 115]. Аналогии известны в курганах Таманского полуострова [Крайнева, 2013].

Погребение 3 (рис. 5). Впускное. Обнаружено в насыпи 1, в 4 м к западу-северо-западу от условного центра кургана, в ходе расчистки более позднего погребения 2, которое разрушило его северный угол (рис. 2). Яма была прослежена с уровня -1,63 м от «0R», из-за сильного разрушения норами грызунов её контур практически не просматривался. Погребение 3 прорезало слой погребённой почвы, насыпь 1 и немного заглублялось в материк.

Погребальная яма имела подпрямоугольную форму и была вытянута по линии «запад-северо-запад – восток-юго-восток». Длина ямы – 2,09 м, ширина – 1,25 м, глубина с уровня обнаружения – 0,44 м (-2,07 м от «0R»). Стенки отвесные, плавно переходящие в ровное дно. Заполнение – коричневый плотный суглинок.

На дне ямы в центре расчищен скелет взрослого человека очень плохой сохранности, потревоженный норами грызунов. Он лежал вытянуто на спине, головой на восток-юго-восток, по направлению к центру кургана. Череп находился на своём основании, теменным отделом вверх. Фрагмент челюсти с зубами обнаружен на некотором расстоянии от черепа. Инвентарь отсутствовал.

Отмеченные особенности обряда позволяют отнести погребение 3 к степной северокавказской культуре эпохи средней бронзы [Нечитайло, 1978. С. 51; Шишлина, 2007. С. 140–142]. Они наиболее характерны для погребений

1-го варианта типа 9 (с восточной ориентировкой) по В.А. Трифонову, датированных в пределах конца 1-го – начала 2-го этапа развития этой культуры [Трифонов, 1991. С. 136–145], что сопоставимо с I этапом по А.Л. Нечитайло [Нечитайло, 1978. С. 103], а также группами погребений II и IV по В.А. Сафронову [Сафронов, 1970. С. 29–30].

Погребение 4 (рис. 5). Впускное. Зафиксировано в юго-восточном фазе центральной стратиграфической бровки, в 4,2 м к юго-западу от её центра (рис. 2–3). Неглубокий пробой со слабонаклонными стенками глубиной до 0,9 м от дневной поверхности и шириной до 1,8 м в верхней части отмечен под слоем пашни: он прорезал насыпь 2, слой погребённой почвы и немного заглублялся в слой насыпи 1.

После разбора участка бровки над погребением контур ямы в насыпи был слабо заметен, тем не менее, удалось установить её форму и границы. Яма имела подпрямоугольную с сильно округлёнными углами форму, вытянутую по линии запад–восток. Юго-восточная половина погребения утрачена. Размеры ямы – 1 x 0,8 м. Стенки были прослежены на незначительную глубину, не превышающую 0,06 м. Дно ямы ровное. Заполнение – плотный серо-коричневый пылеватый суглинок.

На дне ямы расчищен скелет ребенка плохой сохранности. Он располагался по длинной оси ямы в северной её половине. Погребённый лежал скорченно на правом боку, головой на восток. Правая рука согнута в локте и помещена кистью к лицевому отделу черепа. Левая рука вытянута вдоль туловища. Ноги согнуты в коленях и подтянуты к телу. В ногах находились кости животного, которые из-за плохой сохранности трудно идентифицировать.

Зафиксированные особенности обряда позволяют отнести погребение 4 к выделенной Р.А. Мимоходом кубанской группе посткатакомбных культур финала эпохи средней бронзы [Мимоход, 2006. С. 250].

Погребение 6 (рис. 5). Обнаружено в материке по едва заметному могильному пятну на глубине -2,42 м от «0R», в 8 м к западу от условного центра кургана (рис. 2). Погребальная яма имела прямоугольную со скруглёнными углами форму и была вытянута по линии «север-северо-восток – юг-юго-запад». Длина ямы – 1,36 м, ширина – 0,87 м, глубина от уровня обнаружения – 0,18 м (-2,56 м от «0R»). Заполнение – коричневый плотный суглинок, повреждённый норами грызунов. Отвесные стенки плавно переходили в относительно ровное дно. На дне ямы, в её северо-восточном углу, обнаружен череп человека. Череп очень плохой сохранности лежал на основании, теменной частью вверх, и был окрашен красной охрой, пятно которой зафиксировано и на дне, непосредственно под черепом. Сопровождающего инвентаря не обнаружено.

Отмеченные особенности позволяют отнести погребение 6 к началу эпохи средней бронзы Прикубанья. Такие черты как прямоугольная форма ямы и использование охры свойственны т. н. предкатакомбной группе погребений и, по-видимому, являются отражением поздних традиций местной новотитаровской культуры [Трифонов, 1991. С. 123–125]. На это указывает и северо-восточная ориентировка, характерная для группы погребений I по В.А. Сафронову [Сафронов, 1970. С. 27]. Декапитация же считается одним из новационных обрядовых явлений, изначально проявляющихся в памятниках дольменной культуры Кавказа и получающих дальнейшее развитие в южно-русских степях уже в рамках раннекатакомбной культуры [Рысин, 1997. С. 99].

Погребение 7 (рис. 6). Впускное. Обнаружено в материке, на глубине – 1,75 м от «0R», в 8 м к востоку-северо-востоку от условного центра кургана (рис. 2). Границы ямы прослеживались плохо, однако удалось установить её форму и размеры. Яма имела подпрямоугольную со скруглёнными углами форму, её длина 1,22 м, ширина в юго-западной части 0,83 м, в северо-восточной 0,65 м, глубина от уровня обнаружения 0,1 м (-1,85 м от «0R»). Стенки ямы слабонаклонные, переход в ровное дно плавный. Заполнение – тёмный серо-коричневый суглинок средней плотности с белёсыми карбонатами.

На дне ямы расчищен скелет очень плохой сохранности в скорченном на левом боку положении, головой ориентированный на юго-запад, а лицом – на северо-запад. Степень скорченности – сильная. Руки согнуты в локтях, кисти рук – перед лицом. Ноги согнуты и поджаты, почти касаясь коленями локтей. За тазом погребённого, в восточном углу погребения, обнаружен крупный кусок охры каплевидной формы. Перед лобными костями, в западном углу погребения, расчищены кости животного плохой сохранности (вероятно, альчики барана). Иного погребального инвентаря не обнаружено.

Зафиксированные особенности обряда позволяют отнести погребение 7 к блоку посткатакомбных культурных образований финала эпохи средней бронзы [Мимоход, 2005. С. 70–74]. Южные ориентировки и левобочное положение костяка среди прикубанских погребений этого периода встречаются редко, в отличие от более восточных областей, где в это время распространена выделенная Р.А. Мимоходом лолинская культура [Мимоход, 2006. С. 250; он же, 2007. С. 143–154]. Такое труположение с использованием кусков охры и костей мелкого рогатого скота наиболее характерно для её позднего этапа [Мимоход, 2013. С. 226].

В ходе палеоантропологического исследования осмотрены сохранившиеся фрагменты черепа, рёбер, крестца, позвоночника, левой лучевой и правой малой берцовой костей. Судя по черепу, в погребении была захоронена женщина 45–50 лет. Из патологических отклонений следует указать на деформации суставных поверхностей на длинных костях скелета, среднераз-

витый мышечный рельеф на костях верхних конечностей и слабо развитый на костях нижних, что в целом характерно для данной половозрастной группы [Добровольская, 2016. С. 105–106]. На втором поясничном позвонке отмечены краевые разрастания и центрально ориентированная хрящевая грыжа на верхней междисковой поверхности.

Погребение 8 (рис. 6). Обнаружено после зачистки уровня материка, на глубине –2,33 м от «0R», в 11,5 м к югу-юго-западу от условного центра кургана (рис. 2). Яма имела прямоугольную, вытянутую по линии «запад-восток» форму со скруглёнными углами. Длина ямы по верхнему краю 2,06 м, ширина по верхнему краю 1,12 м. Западная и южная стенки покатые, восточная и северная – подбойные, переход в относительно ровное дно плавный. Размеры дна: длина 2,05 м, ширина 1,05 м. Глубина ямы от зафиксированного уровня материка 0,33 м (–2,66 м от «0R»). Заполнение – тёмно-коричневый суглинок средней плотности с белёсыми карбонатами, сильно изрытый норами грызунов.

На дне ямы, по ее длинной оси, ближе к восточной стенке, располагался скелет в слабо скорченной на правом боку позе. Западная треть могильной ямы была пуста. Погребённый ориентирован головой на запад, лицом на юг. Правая рука вытянута и кистью направлена к коленям. Левая рука согнута, фалангами пальцев касаясь запястья правой руки: плечевая кость уложена вдоль тела, кости предплечья расположены параллельно бедренным. Ноги сильно согнуты в коленях и поджаты к тазу таким образом, что бедренные кости образовывали острый угол с берцовыми и прямой угол с осью тела. Под костями рук, телом и берцовыми костями ног были прослежены следы органической подстилки коричневого цвета. Сопровождающего инвентаря не обнаружено.

Отмеченные особенности позволяют отнести погребение 8 к группе V по В.А. Сафронову [Сафронов, 1970. С. 31], но более предпочтительно – к погребениям типа 4 по В.А. Трифонову, идентифицируемым как погребения предкатакомбной культурной группы [Трифонов, 1991. С. 123–125]. Эти черты также характерны для предшествующих погребений позднего этапа новотитаровской культуры раннего бронзового века и, очевидно, отражают одну из её эволюционных линий [Гей, 2000. С. 203–204].

В ходе палеоантропологического исследования осмотрены сохранившиеся фрагменты черепной коробки и посткраниальный скелет. Установлено, что в погребении был захоронен мужчина 17–25 лет. Краниологический тип характеризуется мезокранией, черепная коробка среднелинная, узкая и низкая. Лоб среднеширокий, плоский и наклонный. Лицо узкое, высокое, клиногнатное и ортогнатное. Сочетание низкого черепа с довольно низким и узким лицом симптоматично для краниологических комплексов эпохи бронзы Восточ-

ного Средиземноморья и Балкан [Шевченко, 1986. С. 166]. Ближайшие морфологические аналогии известны в Закавказье [Казарницкий, 2012. С. 183].

Из патологий на зубах верхней и нижней челюстей зафиксированы минерализованные отложения светло-жёлтого цвета и горизонтально ориентированные линии эмалевой гипоплазии. Эмалевую недостаточность специалисты обычно считают показателем общего состояния здоровья древней популяции, а причины её развития связывают с эпизодическими стрессами, перенесёнными в период роста и формирования зубной системы. К таким стрессам относятся плохое питание, инфекционные заболевания, паразитарные инвазии, ранний переход от грудного вскармливания к обычной пище [Добровольская, 2005. С. 107; Перерва, 2013. С. 51–52; он же, 2014. С. 95]. При этом отложения зубного камня в сочетании с отсутствием кариеса рассматриваются как показатель доминирования в рационе белков животного происхождения и преобладания сырых, термически необработанных компонентов вязкой консистенции [Добровольская, 2005. С. 106; Перерва, 2013. С. 52]. Вышеуказанные особенности в целом характерны для населения эпохи средней бронзы Юго-Восточной Европы [Перерва, 2014. С. 95–96].

Анализ сохранившихся костей посткраниального скелета показал слабую изношенность суставных площадок и умеренное развитие на них мышечного рельефа, что характерно, в первую очередь, для погребений катакомбной культурно-исторической общности и знаменует собой существенное снижение нагрузок по сравнению с более ранним периодом [Добровольская, 2016. С. 106]. Патологических отклонений не выявлено.

Погребение 9 (рис. 6). Впускное. Пробой погребения шириной 1 м и воронкообразным расширением в верхней части до 1,8 м был зафиксирован в юго-восточном фазе центральной стратиграфической бровки, к юго-западу от её центра (рис. 2–3). Он начинался от границы насыпей 1 и 2, прорезал слой погребённой почвы, заглублялся в насыпь 1 и далее в материк. Заполнение – плотный тёмно-коричневый суглинок.

При зачистке материка на глубине –2,02 м от «0R» выявлено чёткое могильное пятно, повреждённое норами грызунов. Яма имела неправильную узкую подпрямоугольную форму с закруглёнными углами, была вытянута по линии «северо-запад – юго-восток». Длина ямы по верхнему краю 1,98 м, ширина в северной части 1,05 м, в южной 0,85 м. Стенки слабонаклонные, переход в дно плавный. Размеры дна: длина – 1,88 м, ширина в северной части 0,95 м, в южной 0,7 м. Дно относительно ровное, немного заглубленное в середине. Глубина ямы от уровня материка 0,22 м (–2,24 м от «0R»), от верхнего края пробоя около 1,6 м.

На дне ямы расчищен скелет взрослого человека плохой сохранности, немного смещённый от её центральной оси к юго-западу. Он располагался

вытянуто на спине, головой на северо-запад. Череп немного завален на левую сторону. Голова втянута в плечи, что может свидетельствовать об использовании подушки. Руки вытянуты вдоль туловища: правая расположена вплотную к нему, левая немного отведена в сторону. Ноги вытянуты параллельно друг другу, но немного сходятся в районе коленей, что может свидетельствовать об обряде пеленания ног. Под костями ног и непосредственно на них, ниже тазовых костей, прослежена посыпка красной охрой. Сопутствующего инвентаря не обнаружено.

Отмеченные особенности позволяют отнести погребение 9 к степной северокавказской культуре эпохи средней бронзы [Нечитайло, 1978. С. 51; Шишлина, 2007. С. 140–142]. Они наиболее характерны для погребений 2-го и 3-го вариантов типа 9 (с северной и западной ориентировкой) по В.А. Трифонову, датируемых в пределах второго этапа развития этой культуры [Трифонов, 1991. С. 136–145], что сопоставимо с концом I-го – началом II-го этапов по А.Л. Нечитайло [Нечитайло, 1978. С. 103] и IV группой погребений по В.А. Сафронову [Сафронов, 1970. С. 29–30].

Погребение 12 (рис. 7). Впускное(?), парное. Выявлено после зачистки уровня материка на глубине -2,15 м от «0R», в 7,1 м к югу-юго-западу от условного центра кургана (рис. 2–3). Яма неправильной подтрапециевидной формы с сильно округлёнными углами, немного вытянута по линии «запад-восток». Длина ямы 1,69 м, ширина 1,2 м, глубина от зафиксированного уровня материка 0,12 м (-2,27 м от «0R»). Заполнение – тёмно-коричневый плотный суглинок, сильно повреждённый норами грызунов. Стенки наклонные, переход в дно плавный. Дно немного заглублялось в восточном направлении – к изголовью усопших, его размеры: длина 1,61 м, ширина 1,13 м.

На дне ямы, в её центральной части, по длинной оси были вытянуты скелеты двух детей очень плохой сохранности, повреждены норами грызунов. Сопутствующего инвентаря не обнаружено.

Костяк 1. Располагался в северной половине ямы. Судя по сохранившимся костям, поза погребённого – вытянутая на спине, головой на восток. Череп со следами прижизненной деформации имел дынеобразную форму, лежал на затылке, лицом вверх, немного завалившись на левую сторону. От скелета сохранилась правая плечевая кость, несколько ребер, фрагмент таза, бедренная кость правой ноги, а также фрагменты большой и малой берцовых костей левой ноги. Ноги, судя по всему, были вытянуты, а руки расположены вдоль туловища. За черепом обнаружено несколько крупных кусков охры. Под черепом и за ним, практически вплоть до восточной стенки ямы, была прослежена мощная прослойка бесформенного пятна охры. Слой охры зафиксирован также в черепе, на внутренней стороне затылочной кости, что свидетельствует о прижизненной травме насильственного характера.

Костяк 2. Располагался в южной половине ямы, в непосредственной близости от костяка 1 со смещением к востоку, почти касаясь черепом восточной стенки. От скелета сохранились лишь фрагмент нижней челюсти, несколько позвонков, грудина, фрагмент правой плечевой кости, фрагменты таза, левая нога и фрагмент правой бедренной кости. Судя по расположению сохранившихся костей, погребённый близкого возраста также был ориентирован головой на восток, руки и ноги вытянуты.

Отмеченные особенности обряда позволяют отнести погребение 12 к степной северокавказской культуре эпохи средней бронзы [Нечитайло, 1978. С. 51; Шишлина, 2007. С. 140–142]. Они наиболее характерны для погребений 1-го варианта типа 9 (с восточной ориентировкой) по В.А. Трифонову, датированных в пределах конца первого – начала второго этапа развития этой культуры [Трифонов, 1991. С. 136–145], что сопоставимо с I этапом по А.Л. Нечитайло [Нечитайло, 1978. С. 103] и стратиграфическим горизонтом С по В.А. Сафронову [Сафронов, 1970. С. 29–30]. При этом выраженная искусственная деформация черепа у костяка 1 и сочетающаяся с ней травма черепа насильственного характера являются признаками, более характерными для погребений раннекатакомбной культуры, отражая особый социальный или профессиональный статус индивида [Перерва, 2014. С. 101].

Погребение 13 (рис. 7). Впускное. Пробой был зафиксирован в юго-восточном фазе центральной стратиграфической бровки, в 2,2 м к северо-востоку от её центра (рис. 2–3). Он начинался от границы насыпей 1 и 2, прорезал слой погребённой почвы, заглубляясь в насыпь 1 и далее в материк. Его северо-восточная стенка – вертикальная, юго-западная – наклонная. С обратной стороны бровки этот же пробой был зафиксирован в 2,5 м от её центра: его ширина в верхней части составляла 1,8 м, а книзу он плавно закруглялся, заканчиваясь на уровне материка.

После разбора центральной стратиграфической бровки на уровне материка, на глубине -1,96 м от «0R», в 8 м к юго-востоку от условного центра кургана, зачищено могильное пятно с размытыми границами (рис. 2). Крупная яма погребения имела неправильную скруглённую форму, чуть вытянутую по линии «северо-запад – юго-восток». Северо-западная стенка округлая, все остальные чуть более прямые с сильно закруглёнными краями. Длина ямы по зафиксированному верхнему краю 2,27 м, ширина 1,86 м, глубина от уровня материка 0,72 м (-2,68 м от «0R»), а от верхнего края пробоа около 1,6 м. Заполнение – серо-коричневый плотный суглинок, сильно повреждённый норами грызунов. Все стенки, кроме северо-восточной, были слабонаклонные, что особенно заметно по данным стратиграфии (рис. 3). В нижней части стенки плавно переходили в дно размерами 2,24 x 1,71 м. Дно неровное, в се-

веро-западной части, вблизи головы погребённого, имелось небольшое возвышение высотой до 7 см от общей поверхности дна.

На дне ямы, почти по её оси, с некоторым отклонением к западу, на органической подстилке коричневого цвета располагался погребённый в вытянутой на спине позе, ориентированный головой на запад-северо-запад. Череп лежал на небольшом 7 см возвышении дна, на затылке, лицом вверх, с завалом в правую сторону. Руки вытянуты вдоль туловища, левая прижата к телу, правая немного отведена в сторону. Ноги вытянуты. Сопровождающего инвентаря не обнаружено.

Отмеченные особенности обряда позволяют отнести погребение 9 к степной северокавказской культуре эпохи средней бронзы [Нечитайло, 1978. С. 51; Шишлина, 2007. С. 140–142]. Эти признаки наиболее характерны для погребений 2-го и 3-го вариантов типа 9 (с северной и западной ориентировкой) по В.А. Трифонову, датируемых в пределах 2-го этапа развития этой культуры [Трифонов, 1991. С. 136–145], что сопоставимо с концом I-го – началом II-го этапов по А.Л. Нечитайло [Нечитайло, 1978. С. 103] и IV группой погребений по В.А. Сафронову [Сафронов, 1970. С. 29–30].

В ходе палеоантропологического исследования осмотрены сохранившиеся фрагменты черепа, длинные кости верхних и нижних конечностей, кости таза. Установлено, что скелет принадлежал женщине 20–25 лет. Патологических отклонений не обнаружено. Исследование костей посткраниального скелета показало сильную развитость мышечного рельефа на костях верхних и нижних конечностей, что не типично для этой половозрастной группы [Добровольская, 2016. С. 105–106] и, вероятнее всего, является следствием стабильных и продолжительных физических нагрузок с раннего возраста – таких как длительные переходы и тяжёлая физическая работа.

Погребение 14 (рис. 8–9). Основное. Чёткое пятно погребения было обнаружено после разбора северо-западной стратиграфической бровки на уровне материка, на глубине -2,05 м от «0R», к юго-востоку от условного центра кургана (рис. 2). Судя по стратиграфии, погребение 14 было устроено на специально подготовленной площадке, очищенной от плодородного грунта, после чего над ним была возведена насыпь 1 с уплощённой вершиной (рис. 3).

Шахта, или привходовая площадка погребения, была трапециевидной формы, с закруглёнными углами, ориентированной по направлению восток-запад. Она незначительно заглублялась в материк, при этом её юго-западный угол и прилегающая половина южной стенки прерывались входной ямой катакомбы, начинавшейся сразу от этой ямы, без выделенного спуска, и продолжавшейся в южном направлении. Входная яма была прямоугольной формы с закруглёнными краями и также была ориентирована по линии «восток-запад», её стенки – подбойные, в южной, западной и восточной частях пере-

ходили в низкий свод округлой в плане катакомбы. Юго-западный край шахты частично оплыл во входную яму. Размеры шахты 2,3 x 1,9 м, глубина 0,06–0,08 м от уровня материка (-2,13 м от «0R»), размеры входной ямы 1,4 x 0,7 м. Плоское дно входной ямы, одновременно являющееся и дном катакомбы, находилось на глубине 0,58 м от зафиксированного уровня материка (-2,63 м от «0R»). В юго-западной части дна шахты, вблизи входной ямы, а также отдельными небольшими участками в её северной и северо-восточной частях зафиксированы следы тёмно-коричневой войлочной подстилки, местами покрытой тонкой древесной корой чёрного цвета. На подстилке зафиксированы остатки костяка 1.

Размеры округлой в плане катакомбы с учётом пространства под входной ямой составляли 2 x 2 м, высота свода, постепенно понижающегося по мере удаления от входа, около 0,4 м. Дно катакомбы в том же направлении немного повышалось – до глубины 0,53 м от уровня материка (-2,58 м от «0R»). В катакомбе на органической подстилке белёсого цвета зафиксирован костяк 2.

Костяк 1 (рис. 8). Обнаружен на дне шахты, заполнение которой разрушено многочисленными норами грызунов. Сохранность плохая, *in situ* сохранились кости правого плеча и предплечья, берцовых костей левой и правой ног, бедренная кость левой ноги, фаланги пальцев левой руки и левой ноги, пяточная кость левой стопы. Кости левой ноги, правой руки и пальцев левой руки находились на фрагментарно сохранившейся тёмно-коричневой войлочной подстилке и были покрыты плотным чёрным налётом. Следы подстилки обнаружены также поверх некоторых костей. Судя по размеру сохранившихся костей, скелет принадлежал взрослому человеку. Он лежал головой на северо-восток, ноги были расставлены в позе всадника (колени в стороны, стопы вместе) при этом руки были раскинуты в стороны, под углом около 30° к несохранившемуся туловищу. Сопутствующего инвентаря не обнаружено.

Костяк 2 (рис. 8). Зафиксирован на дне катакомбы. Располагался на меловой подсыпке или органической подстилке белёсого цвета, занимающей практически всю площадь дна катакомбы. Скелет плохой сохранности, судя по всему, принадлежал взрослому человеку. Поза, слабо скорченная на правом боку с завалом на спину. Головой ориентирован на запад с незначительным отклонением к югу, лицом обращён на юго-восток. Ноги слабо согнуты в коленях. Правая рука вытянута по направлению к коленям, левая отведена назад и согнута в локте почти под прямым углом, основанием ладони касаясь костей таза. Кости покрыты плотным чёрным налётом. Под головой, руками и туловищем до середины бёдер, а также в районе стоп поверх белёсой органической подстилки зафиксированы следы тёмно-коричневого войлочного покрывала со следами окраски красной охрой. Следы покрывала обнаруже-

ны также над костями рук и стоп. Лицевые кости и фаланги пальцев правой руки были уничтожены норами грызунов. Голова, туловище, руки и кости таза погребённого покрыты серым тонким слоем глинистого вещества с мелкими угольками. В ходе расчистки это вещество отслаивалось от костей.

Инвентарь:

1. Набор из 30-ти однотипных бронзовых пронизей со сквозным отверстием (рис. 8; 9, 1) зафиксирован между кистями рук на уровне таза, на глубине -2,58 м от «0R» в бесформенном скоплении красно-коричневого войлока. Пронизи изготовлены из тонкой прямоугольной бронзовой пластины с 2-3-мя продавленными продольными ложбинками. Каждая пластина плавно согнута пополам (вокруг твёрдой технологической основы) и плотно сжата у краёв, часто с образованием закраин. Размеры пронизей немного колеблются. Их ширина в среднем составляет 0,3 см, длина от 0,4 до 0,5 см, толщина самой пластины около 0,1 см, диаметр отверстия 0,1–0,15 см. В отверстиях кое-где сохранились остатки войлока. По-видимому, пронизи являлись украшениями, окаймлявшими край войлочной сумки. Аналогии этим изделиям известны в раннекатакомбных погребениях Прикубанья, в частности, у х. Верхний (курган 19, погребение 8) [Трифонов, 1991. С. 142, рис. 20, 22].

Между рёбер, в верхней части правой стороны грудной клетки, на глубине -2,56 м от «0R», обнаружен кремневый наконечник стрелы симметричной треугольной формы, со слабоокруглёнными, покрытыми мелкой струйчатой ретушью гранями и глубокой овальной выемкой в основании (рис. 8; 9, 2). Один «ус» обломан. Длина наконечника 2,6 см, реконструируемая ширина нижней части 1 см, толщина 0,45 см, глубина выемки 0,7 см. Сырьё для изготовления стрелы – кремень матового светло-серого цвета. Форма стрелы типична для начала эпохи средней бронзы и находит аналогии в материалах развитого этапа степной северокавказской культуры [Клещенко, 2018. С. 89–91]. Местонахождение наконечника, по нашему мнению, однозначно свидетельствует о ранении и попытке извлечения стрелы, в результате чего был обломан один «ус», а сам наконечник остался в теле. Данная ситуация в полной мере характеризует поражающие особенности такого типа стрелкового вооружения [Разумов, 2009. С. 198]. Поэтому к сопровождающему инвентарю наконечник относить не следует.

В раннекатакомбных погребениях Прикубанья находки кремневых наконечников стрел ранее не фиксировались [Трифонов, 1991; Клещенко, 2018. С. 90]. Тем не менее, они хорошо известны в погребениях эпохи бронзы степей Северного Причерноморья, прежде всего, в качестве причины смерти или ранения. Встречаемость таких погребений заметно выше, чем погребений с производственными или колчанными наборами [Разумов, 2010. С. 21]. Наиболее ранними находками выемчатых наконечников в Прикубанье яв-

ляются экземпляры из могильников Абинский и Бейсужек XXXV, относящиеся к раннему бронзовому веку, причём в последнем случае наконечник оказался вросшим в бедренную кость погребенного [Клещенко, 2018. С. 92].

Хронологическое соотношение костяков 1 и 2 в погребении 14 на первый взгляд не вполне ясно. Причиной тому является отсутствие стратиграфических данных из-за разрушения центральной части насыпи грабительской ямой 1. Тем не менее, о единовременном захоронении обоих умерших свидетельствует целая совокупность признаков:

- отсутствие в шахте следов контура впускного погребения;
- одинаковая степень сохранности костных остатков;
- однотипное покрытие костей чёрным налётом;
- использование в обоих случаях одинакового по цвету и фактуре войлочного покрывала;

- проседание части относящегося к костяку 1 войлочного покрывала вместе с юго-западным краем дна шахты во входную яму до самого дна катакомбы.

Таким образом, оба костяка предпочтительнее относить к единому погребению, в котором центральное место занимает представитель раннекатакомбной культуры. Однако ситуации, в которых один из костяков расположен в шахте, среди прикубанских катакомб нам не известны. В нашем случае архаичная поза костяка на привходовой площадке и его северо-восточная ориентировка находят параллели в новотитаровской культуре [Гей, 2000. С. 105] или в I группе погребений по В.А. Сафронову [Сафронов, 1970. С. 27]. Прочие особенности этого захоронения заключаются в отсутствии головы и многих костей скелета. Это может указывать на посмертные ритуалы декапитации и декарнирования, которые для эпохи средней бронзы юга России считаются новационными, возникающими под восточносредиземноморским влиянием [Рысин, 1997. С. 115]. Показательно, что расцвет таких ритуалов отмечен в погребениях дольменной культуры Кавказа [Рысин, 1997. С. 99]. В данном контексте любопытна находка одиночного черепа со следами охры в расположенном западнее, судя по всему, синхронном погребении 6. Не исключено, что этот череп мог принадлежать индивидууму, захороненному в шахте погребения 14.

Обратимся к самой катакомбе. Её конструкция – с овальной камерой и прямоугольной шахтой с горизонтальным дном, без соединяющего их коридора – аналогична выделенным В.А. Трифоновым раннекатакомбным погребениям типа 2 [Трифонов, 1991. С. 153]. Прочие признаки более характерны для 1-го и 2-го вариантов погребений типа 1 [Трифонов, 1991. С. 147–148]:

- редкое, но встречающееся положение костяка спиной к входу;
- положение рук – одна вытянута, другая согнута в локте;

– обмазка трупа серым глинистым веществом с мелкими угольками, выполнявшим, судя по всему, функцию посмертного очищения и в этом смысле аналогичная охре или гетиту;

– сплошное белёсое покрытие дна камеры;

– немногочисленный сопровождающий инвентарь.

Описанный обряд захоронения в целом типичен для группы погребений V по В.А. Сафронову [Сафронов, 1970. С. 31], но при этом, очевидно, относится к самому раннему пласту древностей начала эпохи средней бронзы Прикубанья [Трифонов, 1991. С. 150]. В этом плане погребение 14 сопоставимо с первой и второй раннекатакомбными группами по В.И. Мельнику [Мельник, 2016].

* * *

Стратиграфические данные и материалы раскопок кургана у х. Ханьков в дельте Кубани позволяют проследить основные этапы его сооружения и использования в различные исторические периоды.

Первая насыпь с уплощённой вершиной была сооружена в самом начале эпохи средней бронзы над погребениями позднего новотитаровского – раннекатакомбного времени, совершёнными на заранее расчищенной от грунта площадке (погребения 6, 8 и 14). Немного позднее, когда над насыпью 1 уже успел сформироваться тонкий слой гумуса, в неё была впущена группа захоронений степной северокавказской культуры (погребения 1, 3, 9, 12 и 13), а над ними возведена насыпь 2. После завершения формирования кургана впускные погребения совершались уже только в финале эпохи средней бронзы (погребения 4 и 7), а затем – лишь в раннем железном веке, в период доминирования в регионе сарматских культур II в. до н. э. – I в. н. э. (погребения 2, 5, 10 и 11). Значительно позже центр кургана до самого материка был нарушен крупной грабительской ямой, которая, однако, не нанесла ощутимого вреда подкурганному пространству. В течение XX в. при участии сезонного стока с северо-восточной стороны на насыпь наплыл слой хутора, нарушенный в нескольких местах ямами с современным бытовым мусором. Ещё одна яма в центре кургана, судя по всему, появилась во время Великой Отечественной войны.

Подкурганые погребения эпохи средней бронзы отличаются аскетизмом, что в целом характерно для Прикубанья и Таманского полуострова. Зафиксированные черты обрядности в полной мере вписываются в местный культурно-хронологический контекст, сформированный двумя основными компонентами: с одной стороны – поздней новотитаровской и раннекатакомбной культурами, с другой – степной северокавказской.

Погребения новотитаровской и раннекатакомбной культур в Прикубанье и на Тамани широко известны. Комплексы из раскопок последних лет

позволяют расширить ареал их распространения вплоть до западной оконечности Таманского полуострова [Богословский, 2000. С. 2–5; Крайнева, 2013; Успенский и др., 2016. С. 209–210; Горошников, 2018. С. 141]. То же касается и степной северокавказской культуры. До недавнего времени её западной границей считалось левобережье Нижнего Прикубанья в окрестностях современного г. Крымск [Трифонов, 1991. С. 137, рис. 16–17], а правобережье, включающее Кубанскую дельту, вообще было «вынесено за скобки» [Сафронов, 1980. С. 6–9; Николаева, 2011. С. 30]. Однако, совсем недавно погребения этой культуры были обнаружены в центральной и западной частях Таманского полуострова [Шишлов и др., 2012; Крайнева, 2013]. Таким образом, на основании последних данных, бассейн Кубани и Таманский полуостров следует рассматривать как линию соприкосновения поздней новотитаровской – раннекатакомбной и степной северокавказской культур.

В исследованном кургане центральное положение под первичной насыпью закреплено за раненным стрелой взрослым представителем раннекатакомбной культуры начала эпохи средней бронзы (погребение 14, костяк 1). Обнаруженные при нём бронзовые пронизи имеют кавказское происхождение. В шахте катакомбы расчищено синхронное захоронение взрослого человека без черепа с признаками декарнирования в архаичной позе на спине (погребение 14, костяк 2), восходящей к местной новотитаровской культуре [Гей, 2000. С. 105]. К нему же, по всей видимости, относились фрагменты лепной керамики с вертикальными расчёсами на плечике из заполнения грабительской ямы. К западу от основного погребения обнаружена небольшая прямоугольная яма с отдельным захоронением черепа с северо-восточной ориентировкой (погребение 6). Ряд признаков может указывать на синхронность этих памятников, а также на вероятную принадлежность одному индивидууму костяка с привходовой площадки катакомбы и отдельно захороненного черепа. К югу от основного погребения, на периферии насыпи 1, в прямоугольной яме было совершено ещё одно синхронное захоронение молодого мужчины в позе и с ориентировкой идентичными костяку в катакомбе (погребение 8). Погребения такого типа принято считать предкатакомбными, продолжающими традиции местной новотитаровской культуры раннего бронзового века [Трифонов, 1991. С. 123–125; Гей, 2000. С. 203–204]. Таким образом, можно сделать вывод о сосуществовании поздних новотитаровских и раннекатакомбных памятников, что отмечалось и ранее [Клещенко, 2014. С. 449]. При этом новационные для степи обрядовые черты, зафиксированные в погребениях 14 и 6, а также выраженный лептоморфизм черепа из погребения 8 очевидно являются признаками диффузной миграции новой группы населения из Закавказья. Схожие явления фиксируются на протяжении эпохи средней бронзы на территории от Северного Кавказа до Северо-

Западного Прикаспия и Нижнего Дона [Рысин, 1997. С. 115; Казарницкий, 2012. С. 181–183]. Характерные патологии зубной системы и отсутствие свидетельств экстремальных нагрузок на посткраниальный скелет, отмеченные у индивидуума из погребения 8, отражают общее состояние здоровья древней популяции, указывают на улучшение качества её жизни и на ведущую роль в хозяйстве малоподвижных форм скотоводства [Перерва, 2013. С. 52; он же, 2014. С. 95]. Над погребением 14 и, вероятно всего, над одновременными ему погребениями 6 и 8, была возведена насыпь 1 с уплощённой вершиной, хотя позиция этих комплексов в стратиграфии кургана достоверно не установлена.

Следующим этапом формирования кургана стало сооружение нескольких впускных погребений степной северокавказской культуры (1, 3, 9, 12, 13) вокруг условного центра кургана, на относительно равной дистанции от него (5–7 м), с последующим сооружением насыпи 2. На синхронность погребений указывают их радиальное расположение, схожие черты погребальной обрядности и одинаково плохая сохранность костных остатков. Погребение 1, являющееся, по-видимому, кенотафом, отнесено к этой группе захоронений с некоторой долей достоверности, так как, помимо отсутствия костяка и сопровождающего инвентаря, не ясна его позиция в стратиграфии кургана. Прочие погребения, за исключением парного № 12, являются индивидуальными. Среди характерных признаков – овальная или прямоугольная с округлыми углами форма ямы, вытянутое на спине положение костяков, пеленание ног и их окраска охрой (№ 9), наличие органической подстилки (№ 13), вероятное наличие подушки под головой, отсутствие сопутствующего инвентаря [Нечитайло, 1978. С. 51, 104; Шишлина, 2007. С. 140–142]. Помимо типичных черт в парном погребении 12 отмечено катакомбное влияние на одного из подростков, проявившееся в прижизненной деформации головы и её травматическом повреждении [Перерва, 2014. С. 101]. Прочие же параллели, такие как использование охры и наличие растительной подстилки, скорее всего, являются отражением «общего духовного фона» степи и Кавказа [Кияшко и др., 1992. С. 7]. Об этом же свидетельствует радиальное расположение и ориентировка впускных погребений на условный центр кургана – традиция, характерная для прикубанских культур на всём протяжении эпохи средней бронзы [Клещенко, 2011. С. 9; он же, 2013. С. 180]. В целом следует отметить относительную замкнутость группы населения степной северокавказской культуры по отношению к окружающему миру, что отмечалось исследователями и ранее [Клещенко, 2011. С. 21].

Согласно В.А. Грифонову, все погребения степной северокавказской культуры из кургана у х. Ханьков следует относить к концу первого – началу второго этапов её развития [Грифонов, 1991. С. 120, 136–144], что совпадает с

мнением А.Л. Нечитайло [Нечитайло, 1978. С. 51, 104]. Это означает, что они, как и предшествующие поздние новотитаровские – раннекатакомбные, были совершены в конце 4-го – начале 5-го этапов культурного развития энеолита – средней бронзы степного Прикубанья [Трифонов, 1991. С. 120] и могут быть синхронизированы со стратиграфическим горизонтом С для Калмыкии [Сафронов, 1970. С. 29–30], а также с началом раннедонецкого периода на Нижнем Дону [Кияшко, 1999. С. 175–176]. Таким образом, хронологический разрыв между обеими группами населения представляется незначительным, хотя при этом бросается в глаза их взаимная обособленность.

Через некоторое время после завершения формирования курганной насыпи, в финале эпохи средней бронзы, в ней появляются ещё 2 аскетичных впускных погребения, относящиеся к блоку посткатакомбных культурных образований. Одно из этих погребений – детское с типичными чертами кубанской группы (№ 4) [Мимоход, 2006. С. 250]. Второе – зрелое женское, находящееся аналогии среди распространённых на северо-востоке захоронений позднего этапа лолинской культуры [Мимоход, 2013. С. 226]. Несмотря на отношение обоих посткатакомбных погребений из кургана к единому культурному кругу Лола [Мимоход, 2016. С. 45], разные традиции погребальной обрядности могут указывать как на пестроту немногочисленного населения дельты Кубани в этот период, так и на вероятную сменяемость одного типа памятников другим.

Подводя итог, отметим, что исследования кургана у х. Ханьков позволили расширить представления о населении кубанской дельты, его антропологическом облике и погребальных традициях в эпоху средней бронзы. Несмотря на кажущуюся невыразительность практически безынвентарных комплексов, отчётливо устанавливаются их культурная принадлежность и хронологическая последовательность. В целом памятник хорошо вписывается в сложившуюся систему представлений об эпохе средней бронзы Северного Кавказа и Прикубанья. Тем не менее, он интересен по целому ряду причин. Во-первых, погребальные комплексы с выраженной местной спецификой позволяют проследить синхронность и общность погребений позднего этапа новотитаровской и раннекатакомбной культур. Во-вторых, здесь выявлены погребения степной северокавказской культуры, которые, в сочетании с тождественными комплексами из Темрюкского района, позволяют заметно расширить ареал её распространения. В-третьих, удалось проследить относительную хронологию между довольно обособленными друг от друга группами населения, что делает актуальным вопрос об их сменяемости или сезонном характере пребывания на данной территории. Несомненна важность и двух новых комплексов, дополняющих общую картину расселения племён финала эпохи средней бронзы.

Литература:

Бакушев М.А. Отчёт об археологических разведках у ст. Анастасиевская Славянского района Краснодарского края в 2012 году. Ростов-на-Дону // Архив ИА РАН. 2013. Р-1.

Богословский О.В. Отчёт Янтарской экспедиции за 1998 год. Краснодар // Архив ИА РАН. 2000. Р-1. №№ 22935, 22936.

Волков И.В. Отчёт о раскопках курганного могильника Чёрный Ерик-1 в Славянском районе Краснодарского края и разведках на Азовском побережье в Славянском и Темрюкском районах Краснодарского края в 2000 г. // Архив ИА РАН. 2001. Р-1. № 24559.

Волков И.В. Отчёт о раскопках курганного могильника Чёрный Ерик-1 в Славянском районе Краснодарского края и разведках на Азовском побережье в Славянском и Темрюкском районах Краснодарского края в 2001 г. М. // Архив ИА РАН. 2002а. Р-1. № 22487.

Волков И.В. Археологические памятники Ачуевского мыса // МИАК. Вып. 2. Краснодар: 2002б.

Волков И.В. Поливная керамика могильника Чёрный Ерик-1 // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв. II Междунар. науч. конф. Тез. конф. Ялта, 2007.

Волков И.В., Лопан О.В. Комплексные исследования Института Наследия на средневековых городищах юга России // Журнал Института Наследия. М., 2017. № 3(10).

Гей А.Н. Новотитаровская культура. М.: ТОО «Старый сад», 2000.

Горошников А.А. Исследования курганного могильника Панагия 2 на Таманском полуострове // НАВ. Т. 17. № 2. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2018.

Добровольская М.В. Население эпохи бронзы в Прикубанье: некоторые аспекты изучения антропологического источника // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии: Сб. ст. М.: ИА РАН, 2005. Вып. 4.

Добровольская М.В. О населении Прикубанья раннего и среднего бронзового века по данным скелетной биологии // Археологическая наука: Практика, теория, история. Сб. ст. памяти И.С. Каменецкого. М.: ИА РАН, 2016.

Казарницкий А.А. Население Азово-Прикаспийских степей в эпоху бронзы (антропологический очерк). СПб.: Наука, 2012.

Каргин Ю.Ю., Козорезов А.А., Зубарева Е.Г., Соломаха В.В. Раскопки у х. Ханьков в Славянском районе Краснодарского края в 2013 г. // Археологические открытия 2010–2013 годов. М.: ИА РАН, 2015.

Кияшко А.В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.

Кияшко В.Я., Кияшко А.В. К вопросу о связях племён Подонья-Приазовья и Кавказа в бронзовом веке // Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1992.

Клещенко А.А. Северокавказская культура Закубанья: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 2011.

Клещенко А.А. Суворовская катакомбная культура: предварительная характеристика // КСИА. Вып. 228. М., 2013.

Клещенко А.А. Северкавказско-новотитаровский симбиоз в Предкавказье // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 1. Казань: Отечество, 2014.

Клещенко А.А. Кремневые выемчатые наконечники стрел эпохи средней бронзы Предкавказья // XXX Крупновские чтения. Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. Матер. Междунар. науч. конф. Карачаевск, 2018.

Козорезов А.А. Отчёт об археологических исследованиях курганов № 2 и 3 курганной группы № 46 и кургана № 48 у х. Ханьков Славянского района Краснодарского края в 2013 году. Ростов-на-Дону, 2015 // Архив ИА РАН. 2015. Р-1. № 50145, 50146.

Кононенко А.П. Материалы для формирования государственного реестра памятников истории и культуры по памятникам археологии Славянского района (92 объекта). Краснодар // Архив Управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. 2005. № Р 103.

Крайнева А.А. Отчёт о проведении археологических исследований (раскопок) кургана № 1 в составе выявленного объекта археологического наследия «Курганный группа 27 А» у п. Волна Темрюкского района Краснодарского края в 2012 году. Краснодар // Архив ИА РАН. 2013. Р-1. № 34765.

Мельник В.И. Особенности наиболее ранних катакомбных погребений степного Прикубанья // XXIX Крупновские чтения. Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. Матер. Междунар. науч. конф. Грозный: Изд-во Чеченского гос. ун-та, 2016.

Мимоход Р.А. Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ, 2005.

Мимоход Р.А. Погребения финала средней бронзы бассейна р. Кубань // Первая Абхазская Международная археологическая конференция: Материалы. Сухум, 2006.

Мимоход Р.А. Лолинская культура финала средней бронзы Северо-Западного Прикаспия // РА. 2007. № 4.

Мимоход Р.А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего бронзового века // Материалы охранных археологических исследований. Т. 16. М.: ИА РАН, 2013.

Мимоход Р.А. Блок посткатакомбных культурных образований в Восточной Европе: структура и содержание // XXIX Крупновские чтения. Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. Матер. Междунар. науч. конф. Грозный: Изд-во Чеченского гос. ун-та, 2016.

Нарожный Е.И. Отчёт о проведении охранно-спасательных археологических исследований в Новокубанском и Славянском районах Краснодарского края, проводившихся летом 2005 года. Армавир // Архив ИА РАН. 2005. Р-1. № 33731, 33732, 33733.

Нарожный Е.И., Сазонов А.А., Соков П.В. Охранно-спасательные раскопки в Славянском районе // Археологические открытия на Кубани в 2005–2006 годах. Сборник памяти П.А. Дитлера. Краснодар, 2007а.

Нарожный Е.И., Сазонов А.А., Соков П.В. Охранно-спасательные раскопки в Славянском районе Краснодарского края // Центр археологических исследований АГПУ. Армавир: АГПУ, 2007б.

Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. К.: Наукова Думка, 1978.

Николаева Н.А. Этно-культурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М.: Изд-во МГОУ, 2011.

Перерва Е.В. Палеопатологические особенности населения Нижнего Поволжья из подкурганых захоронений эпохи ранней бронзы // Известия ВГСПУ. № 8(83). Волгоград: Изд-во ВГСПУ, 2013.

Перерва Е.В. Палеопатологический анализ серии с искусственно деформированными черепами (по материалам из погребений эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья) // НАВ. Вып. 14. Волгоград: Издатель, 2014.

Разумов С.Н. Технология изготовления наконечников стрел ингульской катакомбной культуры: результаты анализа «набора стрелодела» // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Вип. 9. Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2009.

Разумов С.Н. Наконечники стрел в погребениях эпохи бронзы Северного Причерноморья: вопросы терминологии // Проблемы истории и археологии Украины. Матер. VII Междунар. науч. конф. Харьков: ООО «НТМТ», 2010.

Рысин М.Б. Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб., 1997.

Сазонов А.А. Отчёт о производстве раскопок поселения «Ханьков-1» в Славянском районе Краснодарского края (на участке реконструкции газо-

провода) (Открытый лист от 17.06.2005 г. № 602, форма № 4). Краснодар // Архив ИА РАН. 2007. Р-1. № 33734, 33735.

Сафронов В.А. Хронология памятников II тыс. до н. э. юга Восточной Европы. Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1970.

Сафронов В.А. Исследование курганов в Славянском и Темрюкском районах Краснодарского края в 1978 году (Раскопки Северо-Кавказской археолого-этнографической экспедиции Северо-Осетинского государственного университета им. К. Хетагурова и научно-реставрационной экспедиции Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации музейных художественных ценностей Министерства культуры СССР) // Архив ИА РАН. 1979. Р-1. № 7500.

Сафронов В.А. Хронология бронзового века степных районов бассейна Кубани // X Крупновские чтения. Тез. докл. М., 1980.

Трифонов В.А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. Л.: Наука, 1991.

Успенский П.С., Мимоход Р.А. Раскопки курганных могильников на Таманском полуострове // Археологические открытия 2014 года. М.: Изд-во ИА РАН, 2016.

Шевченко А.В. Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л.: Наука, 1986.

Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н.э.) // Труды ГИМ. Вып. 165. М., 2007.

Шишлов А.В., Федоренко Н.В., Колпакова А.В. Погребения эпохи бронзы, выявленные при раскопках курганов на г. Зеленской в Темрюкском районе Краснодарского края // XXVII Крупновские чтения. Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. Матер. Междунар. науч. конф. Махачкала: Мавраевъ, 2012.

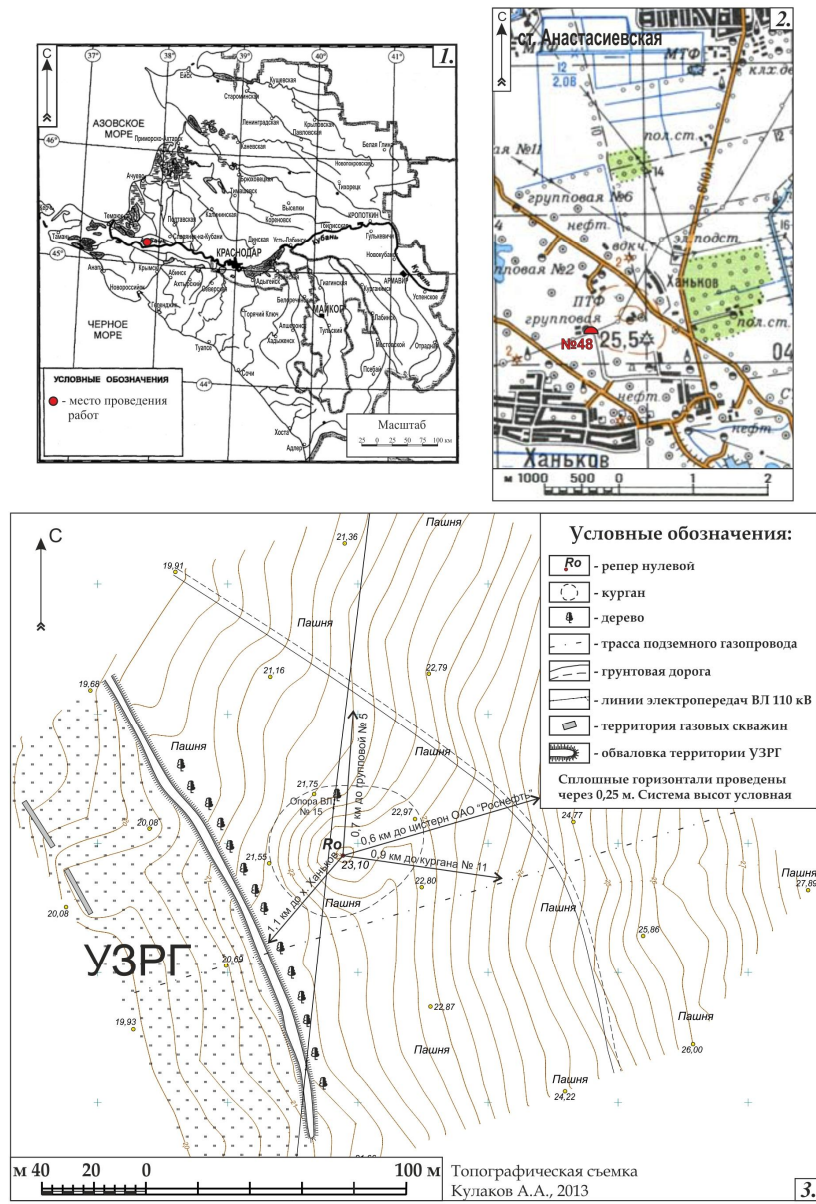

Рис. 1. Курган у х. Ханьков (№ 48) на топооснове:
1 - на карте-схеме Краснодарского края; 2 - на фрагменте карты Генштаба (L-37-100);
3 - топоплан А.А. Кулакова, 2013 г.

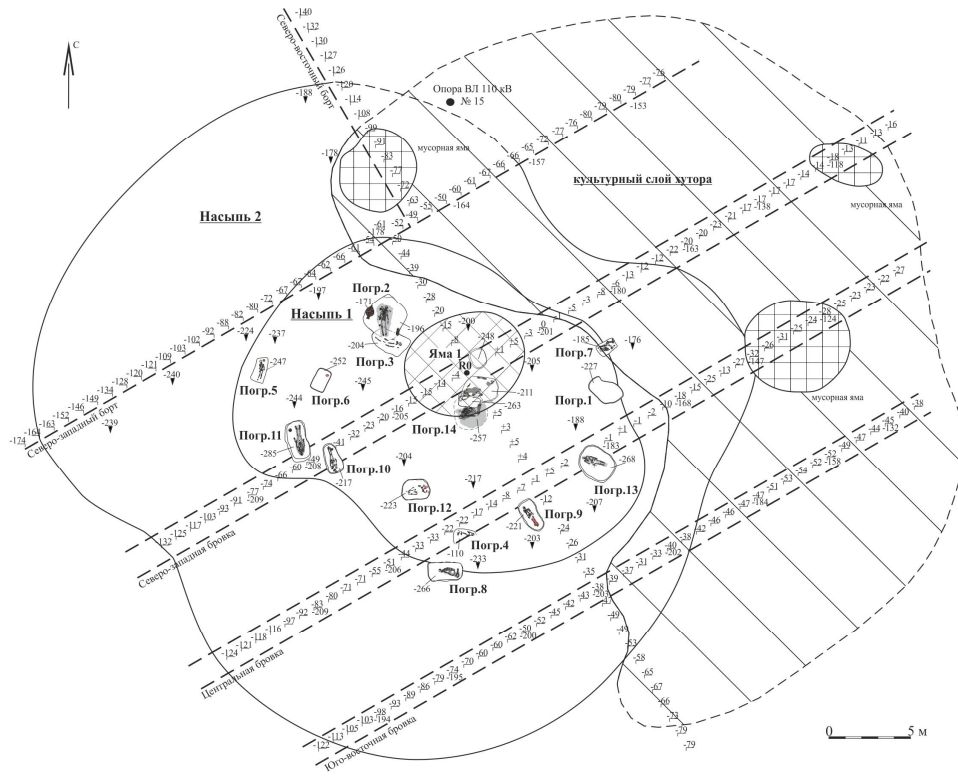

Рис. 2. Курган у х. Ханьков (№ 48). План

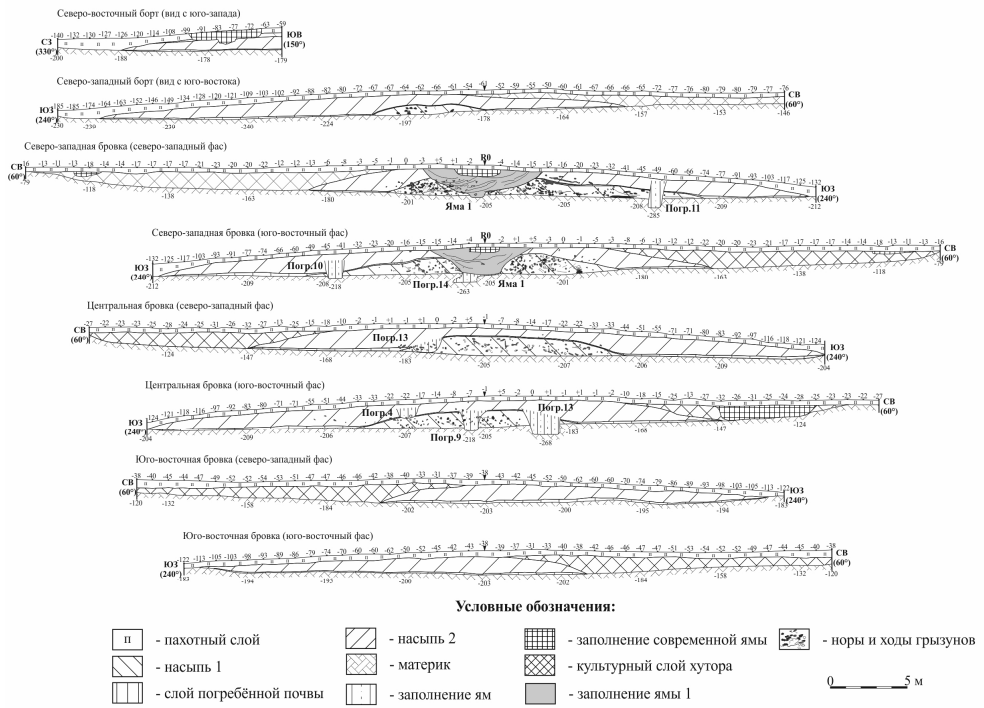

Рис. 3. Курган у х. Ханьков (№ 48). Стратиграфия насыпи

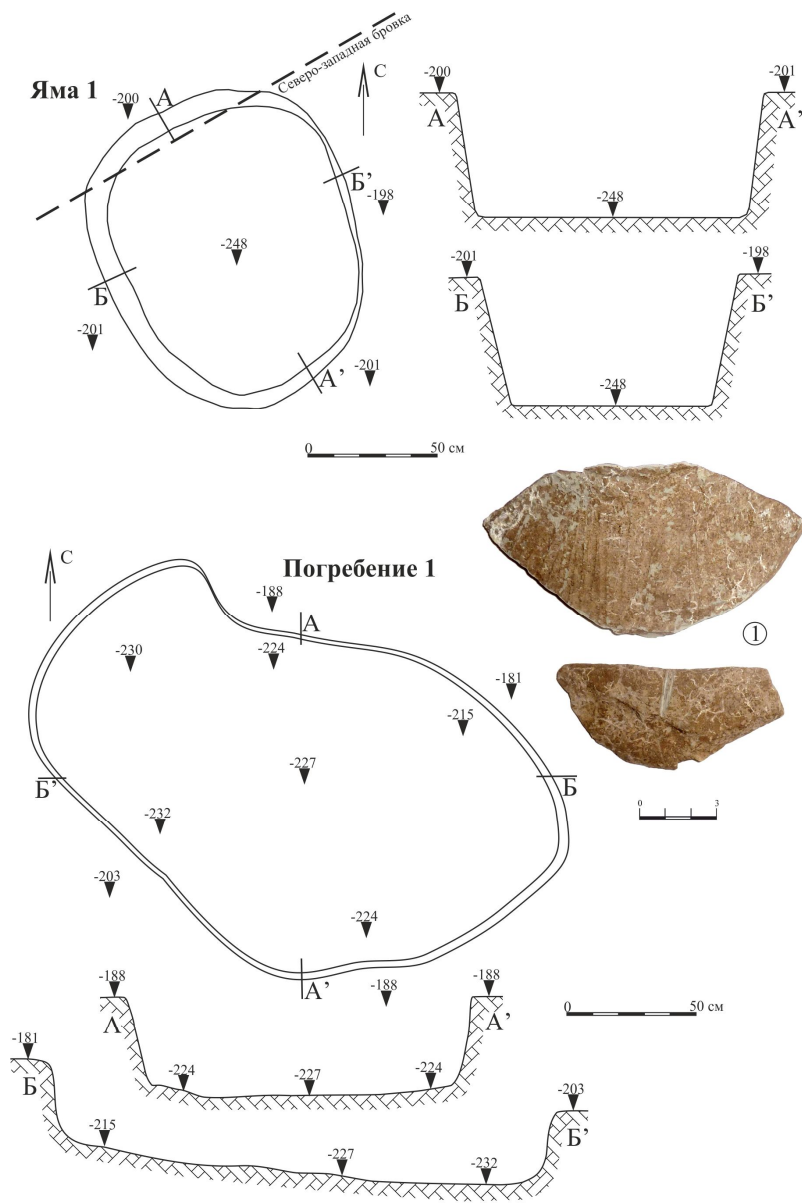

Рис. 4. Курган у х. Ханьков (№ 48). План и профили ямы 1 и погребения 1.
1 – фрагменты лепной керамики из заполнения ямы 1

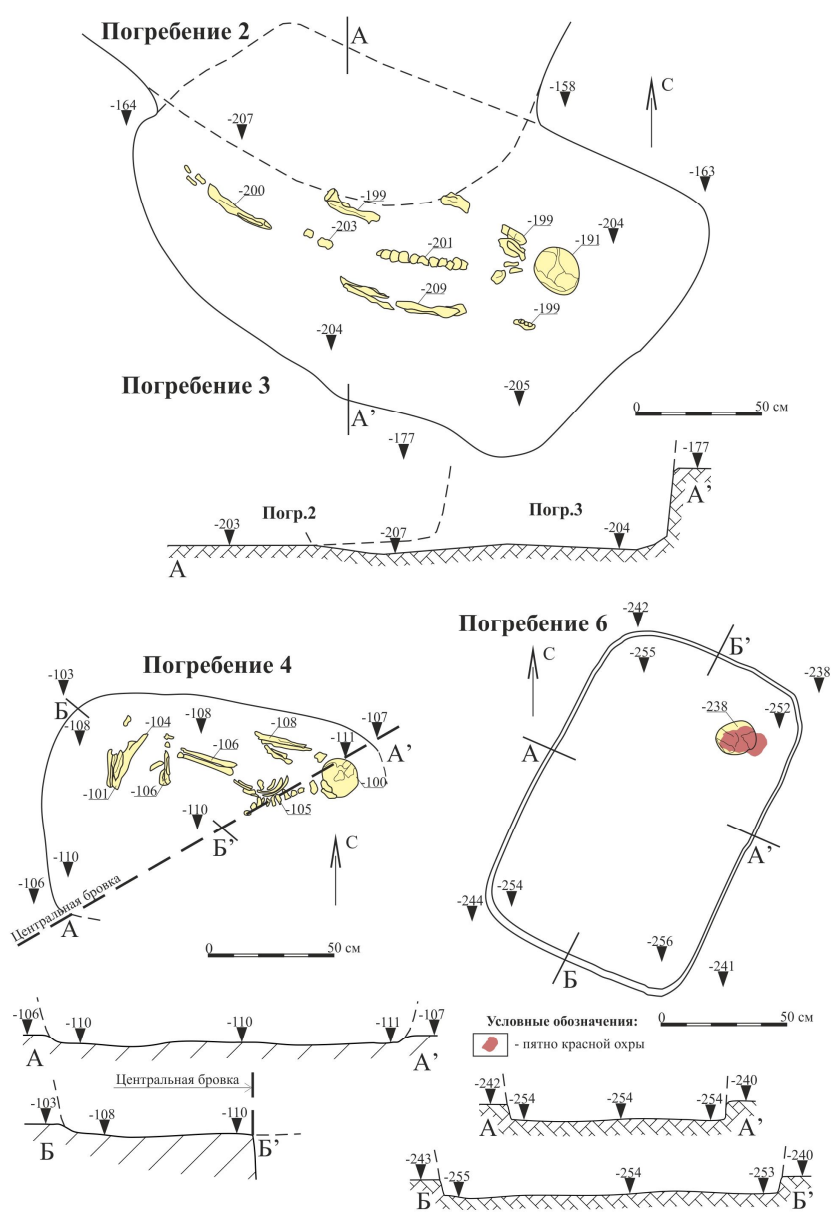

Рис. 5. Курган у х. Ханьков (№ 48). Планы и профили погребений 3, 4 и 6

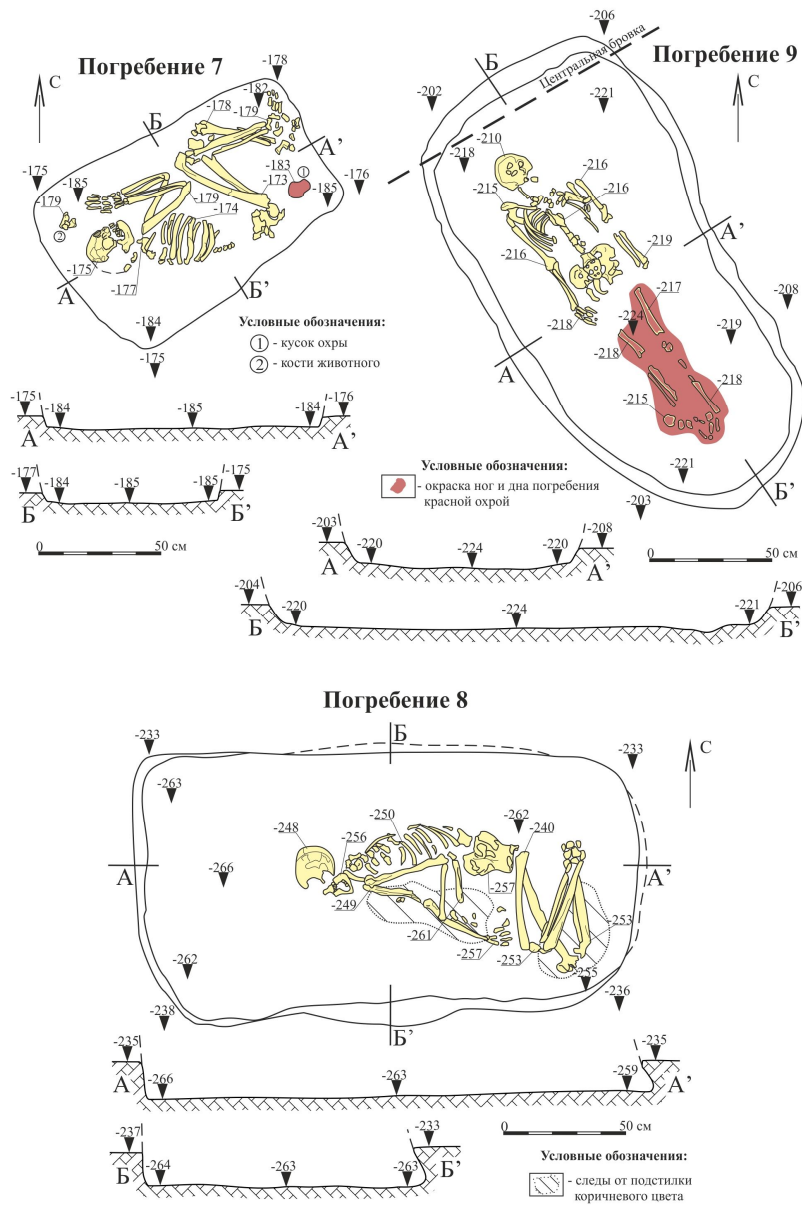

Рис. 6. Курган у х. Ханьков (№ 48). Планы и профили погребений 7-9

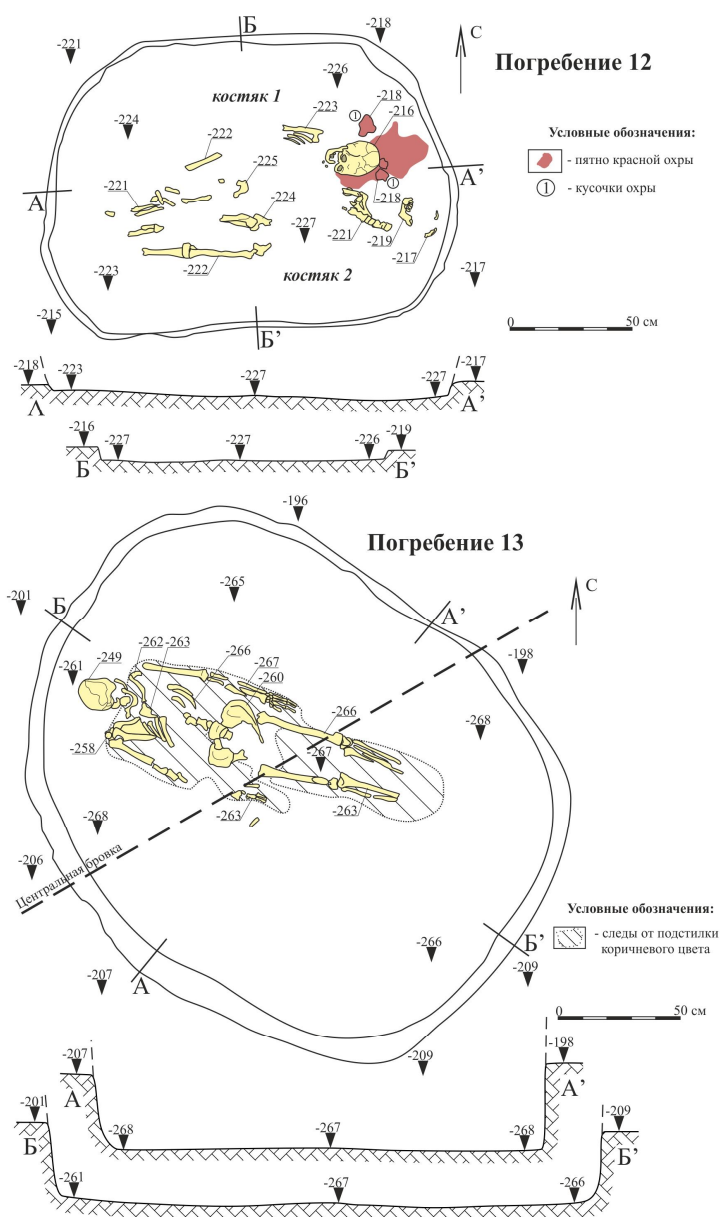

Рис. 7. Курган у х. Ханьков (№ 48). Планы и профили погребений 12 и 13

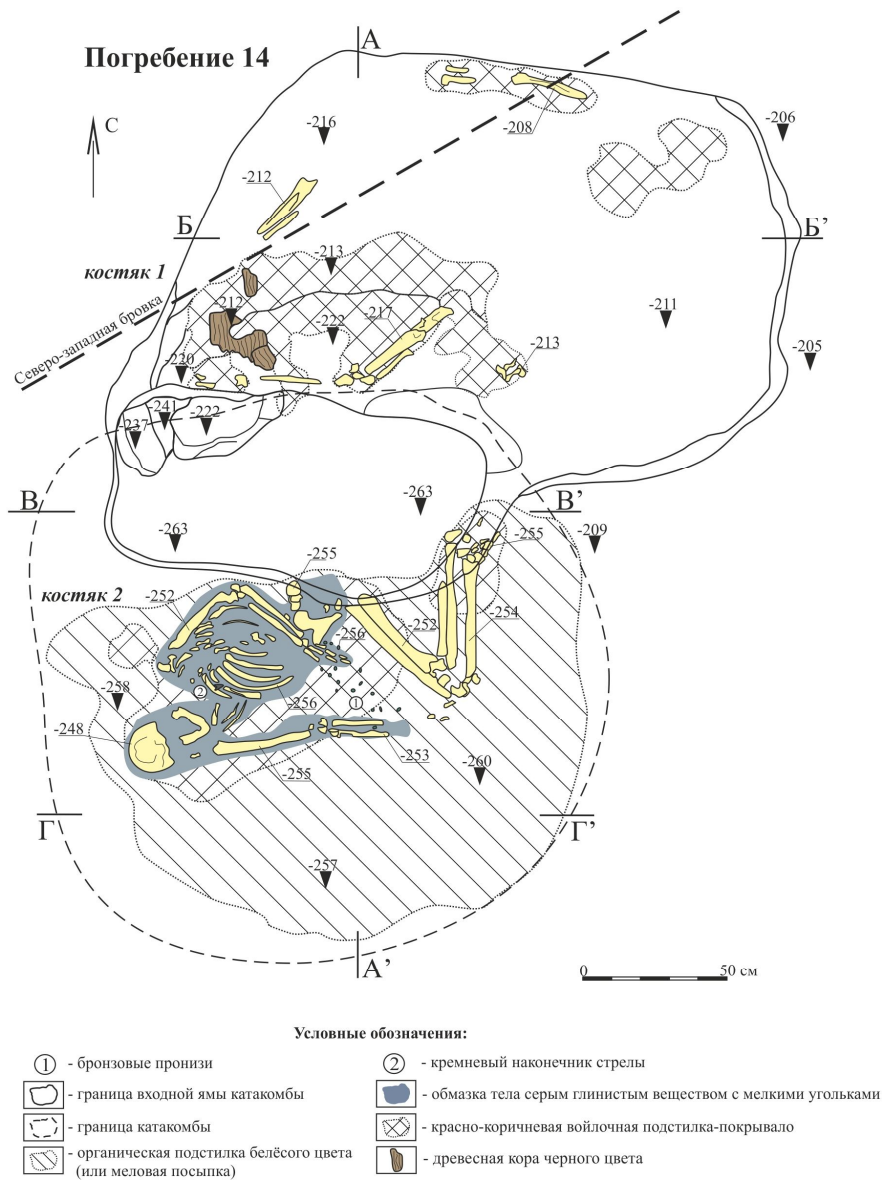

Рис. 8. Курган у х. Ханьков (№ 48). План погребения 14

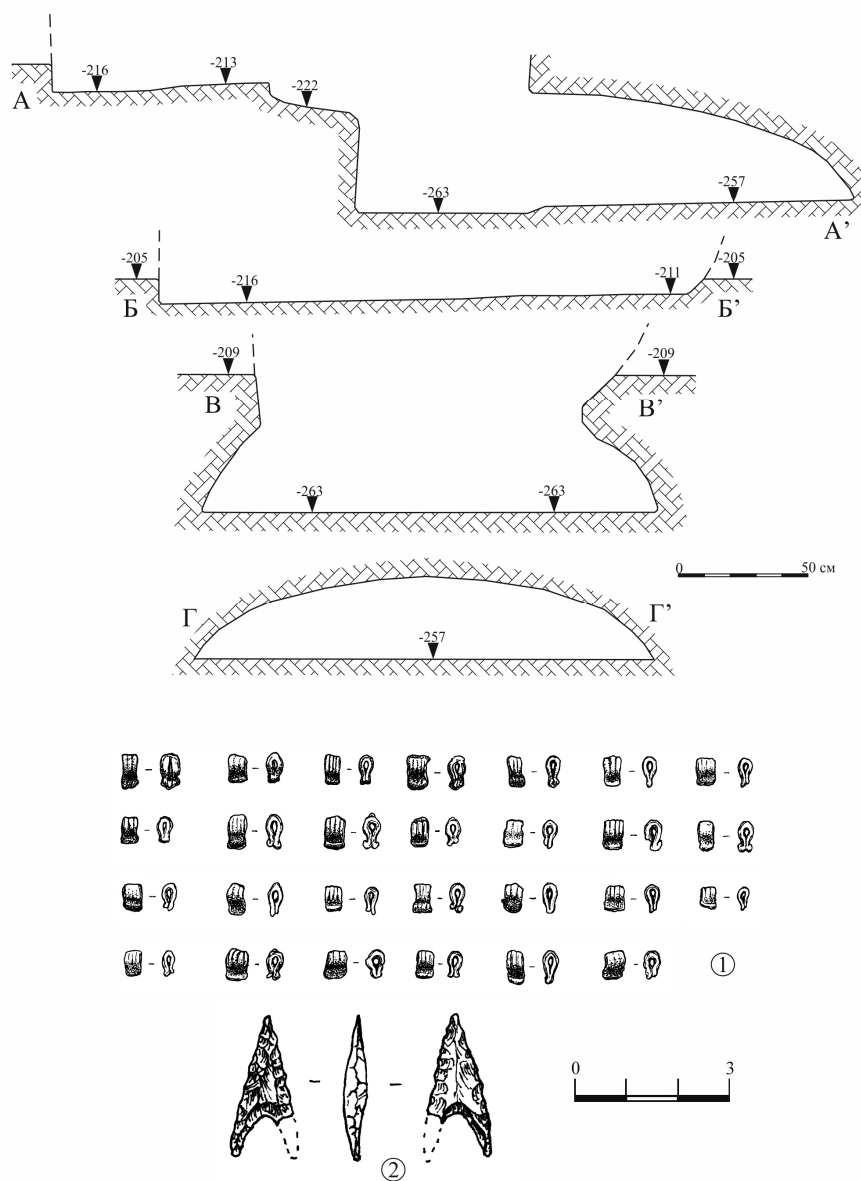

Рис. 9. Курган у х. Ханьков (№ 48). Профили и разрезы погребения 14, находки из погребения.
1 - бронзовые проники; 2 - кремневый наконечник стрелы

УДК 902(470.61)|637|
ББК 63/4(235/7)

Юдин А.И., Кочетков Ю.Е.

РИТУАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ПОСЕЛЕНИЯ МАЛАЯ СОПКА
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

В 2017 г. было исследовано поселение Малая Сопка в Октябрьском районе Ростовской области на площади 10050 м². Наибольший интерес представляют ритуальные комплексы в виде рвов различной формы. Жилища, хозяйственные ямы и очаги отсутствовали. Находки в нижней части культурного слоя относятся к бабинской культуре эпохи бронзы и датируются XX–XVIII вв. до н. э. Данный памятник следует отнести к особой категории – культовому месту.

Ключевые слова: эпоха бронзы, бабинская культура, ритуальный комплекс

Yudin A.I., Kochetkov Y.E.

RITUAL COMPLEXES OF MALAYA SOPKA SETTLEMENT
(PRELIMINARY REPORT)

In 2017, we studied the Malaya Sopka settlement in the Oktyabrsky district of Rostov region on the area of 10050 m². Most interest are the ritual complexes in the form of ditches of various shapes. Dwellings, household pits and hearths were absent. Finds at the bottom of the cultural layers belong to the Babinskaya culture of the bronze age and date back to the XX–XVIII centuries BC. This monument should be attributed to a particular category – a cult place.

Keywords: bronze age, Babinskaya culture, ritual complex

В июле-сентябре 2017 года исследовалось поселение Малая Сопка в (рис. 1), выявленное Т.Е. Прокофьевой в ходе археологического обследования трассы проектируемой ВЛ-500 кВ «РоАЭС-ПС Ростовская». Трасса проходит

по центральной части древнего поселения. Археологические раскопки проводились на площади в 10030 м². Первоначально поселение было отнесено к срубной культуре эпохи поздней бронзы (вторая половина II тыс. до н. э.) с единичными находками салтово-маяцкой культуры (VIII–X вв). Однако дальнейшие работы, связанные со строительством ВЛ, уточнили не только хронологические рамки культурных отложений, но и изменили вид памятника с поселения на культовое место.

Памятник расположен в Октябрьском районе Ростовской области, в 1,2 км к западу-северо-западу от х. Малая Сопка, напротив южной окраины х. Миллерово, на небольшом локальном возвышении в излучине левого берега р. Аюта.

Планиграфические наблюдения. Весь раскоп был разбит на квадраты размерами 5 x 5 м вдоль линии строящейся ВЛ (рис. 2). Раскопками установлено, что культурный слой за пределы раскопа распространяется, в основном, вдоль юго-восточной стенки, с 11 по 40 линии квадратов. Также культурный слой выходил за пределы раскопа по северо-западной стенке по линиям квадратов 19–40. Западные квадраты по линиям Г–Д, кв. 5–18 содержали уже плавно выклинивающийся слой, а самые западные по линиям А–В, на протяжении квадратов 9–18 слоя уже не содержали. Культурный слой менее чем в центральных квадратах выражен по северо-восточной (торцевой) стенке, находки здесь немногочисленны. Приблизительно в 80 метрах к северо-востоку от борта раскопа находилось распаханное и хорошо проборонованное поле. Самый тщательный осмотр поля не выявил каких-либо культурных остатков поселения или кочевья, причем, два верхних раскопчных слоя на памятнике содержали находки средневекового времени.

По короткой торцевой юго-западной стенке культурный слой не выклинивался, но залегал над пойменными отложениями. Возможно, он оказался здесь в результате сползания с более высокого участка памятника.

Судя по произведенным раскопкам, памятник занимал гребень небольшой пойменной возвышенности, плавно поднимающейся к краю террасы, и именно по этому гребню прошел раскоп, вскрывший, вероятно, большую часть культовых комплексов, описанных ниже.

Несмотря на тщательные горизонтальные зачистки, после снятия каждого раскопчного пласта никаких объектов, связанных с проживанием людей, на исследованном участке памятника (остатки жилищ, бытовых построек, хозяйственных ям и т. п.) не встречено.

Исключение составили 10 ритуальных комплексов и одна крупная, но пустая яма, описание которых приводится ниже.

Стратиграфия, зафиксированная в ходе раскопок, достаточно проста и одина на всем исследованном участке. Фактически все культурные напласто-

вания представляют собой гумусированный слой, по своей мощности редко превышающий 0,7–0,8 м вместе с бывшим пахотным слоем.

Серый пахотный слой в верхней части более темный, чем нижележащий осветленный почвенный горизонт, не затронутый распашкой. Нижняя часть гумусного горизонта осветляется постепенно, сверху вниз. Контакт с подстилающим темным слоем, включающим карбонаты, четко прослеживается. Основная часть находок залегала в этом осветленном гумусе, практически на стыке с карбонатным прослоем, который, в свою очередь, в результате «диффузии», практически не контрастирует с нижележащим материковым суглинком.

Материк – светло-желтый суглинок прослеживается на большей части раскопа. По окраинам раскопа суглинок заменяется темно-серыми аллювиальными отложениями – смесью суглинка и гумуса. Стратиграфическая колонка напластований на всех разрезах выглядит примерно одинаково:

1. Верхний пахотный слой – темно-серый гумус. Его мощность колеблется в пределах 0,25–0,5 м вместе с дерниной, он плавно переходит в слой 2, граница между ними весьма условна;

2. Серый осветленный гумусный слой мощностью от 0,3 м и до 0,5 м на повышенных участках раскопа в его центральной части;

3. Погребенная почва(?) – светло-коричневый суглинок с обильными включениями белых карбонатов. Контакт с вышележащим слоем выражен хорошо, с нижележащим – расплывчато. Толщина 0,2–0,3 м.

4. Материк – светло-желтый тяжелый суглинок.

Слои 1 и 2 – собственно культурный слой. Слой 1 связан с отложениями средневекового времени, но в нем могут встречаться и находки бронзового века. Более светлый слой 2 сформировался на рубеже средней и поздней бронзы.

Слой 3 – погребенная почва(?) темного цвета и все перекопы, связанные с деятельностью человека, после зачистки были слабо заметны. В связи с этим пласт приходилось прокапывать до светло-желтого суглинка, на котором следы жизнедеятельности более отчетливы.

Особенно тщательно фиксировались уровни внедрения в слой ровиков культовых комплексов. Установлено, что они сооружались с верхнего уровня слоя 3. Подтверждением этому служит также залегание находок эпохи бронзы, подавляющее большинство которых располагалось в нижнем уровне слоя 2.

На прибрежных участках культурный слой постепенно выклинивался, и почвенный горизонт постепенно смыкался с черным плотным гумусом аллювиальных отложений.

Стратиграфические наблюдения, проводившиеся в процессе исследования культурного слоя, показали, что слой 3 – светло-коричневый суглинок с примесью белых карбонатов является уровнем древнего горизонта, на котором залегали почти все объекты и с верхнего уровня которого сооружались ровики культовых комплексов.

Культовые комплексы. В процессе исследования культурного слоя была зафиксирована система рвов, неглубоких ровиков и ямок. Планиграфически они были обособлены друг от друга и поэтому получили условное название «культовые комплексы», поскольку их нельзя отнести ни к погребальным объектам, ни к жилым постройкам. Условность вызвана тем, что они в нескольких случаях расположены рядом и могут быть объединены, а также тем, что значительная их часть, вероятно, была сооружена в погребенной почве и планиграфически не прослеживалась полностью.

Культовый комплекс 1 (рис. 3, 1, 2) обнаружен в северной части исследованного участка поселения, в кв. КЛ – 6–8. Он представляет собой кольцевой ров диаметром 8,5–9 м. Ширина траншеи по материка 0,6–0,3 м. Поскольку поселение раскапывалось квадратами 5 x 5 м, было отмечено, что ров впущен с верхнего уровня слоя погребенной почвы вглубь материка и, соответственно с учетом толщины слоя, в момент сооружения он имел несколько большую ширину и глубину. Невзирая на то, что в бровках заполнение рва немного темнее, при горизонтальных зачистках на уровне погребенной почвы он нигде отчетливо не выделялся. Четкие контуры рва прослеживались только на уровне материка. Все это касается как рвов, так и ровиков остальных ритуальных комплексов. Ров прерывается в двух местах неширокими (до 0,25 м) перемычками с южной и северной сторон. С северной стороны, слева и справа от перемычки и на некотором удалении от нее, ров расширяется и углубляется, образуя две ямы овальной формы длиной 2,3 м и 1,5 м и шириной до 0,8 м и 0,6 м соответственно. Глубина их превышает глубину рва на 0,17–0,19 м. В этих углублениях встречались обломки костей животных.

Рвы в разрезе имеют наклонные стенки, на некоторых участках внешняя стенка более покатая. Дно плоское, но чаще полукруглое.

В центральной части площадки, окруженной рвом, на уровне древней дневной поверхности (основание культурного слоя) лежала небольшая каменная плита размерами 0,4 x 0,4 м и толщиной 0,2 м из светло-серого ракушечника. Рядом с этой плитой и на той же глубине обнаружен развал лепного сосуда эпохи бронзы. Сосуд имеет неравномерный обжиг и грубую бугристую поверхность. Восстанавливается графически. Это банка с прикрытым устьем, небольшим поддоном и маленьким наплывом по внешнему краю венчика. Размеры сосуда: высота 11 см, диаметр венчика 11,3 см, диаметр мак-

симального расширения тулова 11,7 см, диаметр дна 7,8 см, толщина стенок от 0,4 до 0,7 см (рис. 3, 3).

Культовые комплексы 2 и 8 (рис. 4, 1, 2) располагались в разных раскопных линиях, и их рвы не соединялись, хотя конфигурация рвов допускает их смыкание на уровне древней дневной поверхности.

Условный комплекс 2 располагался в квадратах КЛ-13, 14. В плане он представляет собой вытянутый полуовальный ров. Северные края его плавно поднимались в материке и вероятно уже на уровне погребенной почвы смыкались с двумя концами комплекса 8, образуя вытянутый овал длиной до 18 м (по внешним краям рвов и шириной 5–8 м (также по внешним краям)). Ров впущен в материк с верхнего уровня слоя 3. В трех местах ров пересекался с бровкой, и было хорошо видно, что культурный слой с внешней и внутренней стороны рва был идентичен по цвету и структуре. Стенки рва полого снижаются ко дну. Дно в профиле – полукруглое, средняя ширина 0,5 м, глубина от верхнего уровня материка – до 0,28 м. В северной части восточного окончания ров заканчивается неглубокой округлой ямкой. В южной части ровик прерывается перемычкой шириной 0,45 м. В заполнении рва встречено несколько мелких обломков костей животных.

Условный культовый комплекс 8 располагался в 5,8 м к востоку от комплекса 7, в кв. КЛ-11, 12. Ров комплекса 8 имел вытянутую полуовальную форму. Северное окончание полуовала раздваивалось. Длина менее глубокого участка раздвоения, находящегося во внутренней части полуовала, равнялась 3,5–4 м. Вероятно, этот полуовал составлял единое целое с комплексом 2, как уже было сказано выше, так как окончания рвов плавно поднимались из материка и, возможно, они продолжались в погребенной почве, образуя незамкнутый с восточной стороны овал длиной около 17 метров.

Ширина рва зависит от его глубины в материке – от 0,2 м до 0,7 м. Максимальная глубина 0,22 м. В сечении рвы полукруглые. В центральной части дуги рва, в культурном слое найдены кварцитовые отщеп и скол, а также каменный пест (индивидуальные находки 38, 66 и 64 соответственно).

38. Отщеп из светло-серого крапчатого кремня найден в квадрате Е-17 на глубине 74 см от нулевого репера (рис. 4, 3).

64. Пест из плотной мелкозернистой породы зеленовато-серого цвета. Торцевая часть и плоские боковые грани заполированы. Верхний торец использовался в качестве отбойника. На одной стороне сохранилась желвачная корка светло-коричневого цвета. Размеры: 10 x 6,8 x 4,9 см. Квадрат К-12, слой 3, гл. – 69 см от репера (рис. 4, 5).

66. Скол серого кремня прямоугольной формы. Размеры: 2,5 x 1,7 x 0,7 см. Квадрат К-12, слой 3, глубина 75 см от репера (рис. 4, 4).

Культовый комплекс 3 (рис. 5, 1, 2) располагался в 5,7 м к западу от комплекса 2 в пределах шести квадратов по линиям ЖЗИ-14, 15. Ров этого комплекса в плане имел подпрямоугольную форму с сильно скругленными углами. Размеры: 8 x 6,2 м по внешним краям рва. Ширина рва от 0,2 до 0,7 м. Глубина до 0,27 м. В профиле ров был как полукруглым, так и с почти вертикальными стенками и даже слегка выпуклым дном. Ров прерывался в нескольких местах перемычками шириной 0,2 и 0,3 м в западной части по длинной стороне (рис. 5, 1) и в южной, в квадрате И-15. В последнем случае ров перед перемычкой расширялся, что четко проявилось при зачистке. В южной части ров не достигал материка. Длинными сторонами ров ориентирован по линии «северо-запад – юго-восток». В пределах внутреннего пространства, ограниченного рвом, в культурном слое найдены два нуклеидных скола темно-серого кремня (индивидуальные находки 39 и 40).

39. Нуклеидный скол. Продольный скол серого кремня с пластинчатого нуклеуса. Спинка и грани неровные, на дистальном конце – галечная корка. Найден в квадрате З-15, слой 3, глубина 69 см от репера (рис. 5, 3).

40. Обломок нижней части продольного скола нуклеуса из белого молочно-серого кремня. Квадрат И-15, слой 3, глубина 61 см от репера (рис. 5, 4).

Культовый комплекс 4 (рис. 6, 1, 2).

Обнаружен в квадратах НОП-17-19. Комплекс представлял из себя кольцевой ров слегка овальной в плане формы диаметром 9-10,5 метров. С северной и восточной сторон этот кольцевой ров на расстоянии 0,7-1 м от его края был опоясан еще одним ровиком, менее выраженным в материке. В западной части этот второй ровик почти смыкается с внутренним. В южной и юго-западной частях внешний ровик отсутствовал. Внутренний ров перемычек не имеет, внешний прерывается в нескольких местах из-за простого недокопа до материка. Средняя ширина внутреннего рва 0,5 м, внешнего – 0,5-0,3 м. Внутренний ров в профиле разнообразен – полукруглый, подтрапециевидный, подтреугольный. Максимальная глубина до 0,35 м. В трех местах ров пересекался бровками, по которым видно, что он и внешний ровик впущены с верхнего уровня слоя 3. Внешний ровик в профиле выражен как пологое и плавное заглубление в материк, за исключением части северного участка, где стенки более круто опускаются ко дну.

В заполнении внутреннего рва обнаружены кости животных и керамика – около дюжины фрагментов. В большинстве это неорнаментированные стенки лепных сосудов, идентичные находкам в культурном слое на всей площади памятника. Но встречен и фрагмент неорнаментированного венчика, а также украшенный оттисками крупнозубчатого штампа, и два фрагмента боковин с налепными валиками, на которых имеются пальцевые защиты (рис. 6, 4-7).

В непосредственной близости от края внешнего рва, на уровне древней погребенной почвы, найден отщеп светло-серого кремня с ретушью (индивидуальная находка 32). По верхнему краю нанесена мелкая притупляющая ретушь. Квадрат П-18, слой 4, глубина 102 см от репера.

С северо-западной стороны к этому комплексу примыкал ещё один культовый комплекс, получивший очередной номер 5.

Культовый комплекс 5 (рис. 6, 1, 2), судя по заполнению рва, перекрывавшего на участке контакта заполнение ровиков комплекса 4, был сооружен несколько позднее. Он представлял собой овал, вытянутый по направлению «северо-запад – юго-восток» размерами 6,4 x 10 м. Комплекс занимал квадраты ЛМН – 16–18. Весь ров испещрен перемычками различной ширины, но определить были ли это именно перемычки, или ровик в некоторых местах не достигал материка, затруднительно. Северная часть рва постепенно выклинивается вверх и здесь он практически не заметен. Средняя ширина рва 0,5 м. В квадрате М-17 ров пересекается с бровкой, где хорошо видно, что внутренняя сторона более круто опускается к округло-желобчатому дну, а внешняя плавно поднимается, в том числе и в слое погребенной почвы. Северная часть рва была устроена в погребенной почве и едва достигала предматерикового уровня.

В квадрате М-16, 17 в заполнении рва найдена кость животного и фрагмент венчика лепного сосуда (рис. 6, 3).

На площадке, окруженной рвом, обнаружен пластинчатый отщеп из светло-серого кремня. Длина 4,7 см, ширина до 2 см. Квадрат М-18, слой 3, глубина 65 см от репера.

Культовый комплекс 6 (рис. 7, 1, 2) располагался в южной части раскопа в квадратах КЛМ – 34–36. Представляет собой округлый в плане кольцевой ров диаметром 9,8–10 м с тремя перемычками в северо-западной, северо-восточной и южной частях шириной 0,25–0,35 м. Перемычки разделяют круг рва на три приблизительно равных сектора. Ширина рва колеблется от 0,35 м в северо-восточном секторе до 0,7 м в южном секторе и даже до 0,8 м в расширяющихся окончаниях. Глубина рва достигала 0,66 м в южной части и 0,39 м в северной относительно верхнего уровня материка. На разных участках ров в профиле имел различную конфигурацию: подтреугольную (разрез 1), воронковидную (разрез 2), с небольшой ступенькой с внешней стороны (разрез 3), с наклоном к центральной части (разрез 4).

Ров пересекался с 6 стратиграфическими разрезами бровок, которые показали, что он был впущен с верхнего уровня погребенной почвы (слой 3), которая не была нарушена ни с внешней, ни с внутренней сторон. Культурный слой внутри рва также не отличался от слоя снаружи. Во внутренних

границах рва обнаружены нуклевидный скол кремня (индивидуальная находка 28) и каменный отбойник (№ 62).

28. Скол нуклеуса. Нижняя часть нуклеуса с желвачной коркой и небольшим участком серого кремня. Квадрат Л-35, слой 2, глубина 74 см от репера.

62. Галечная заготовка нуклеуса. Галька серого кремня расколота пополам и вдоль. Желвачная корка во внутренней структуре гальки, вероятно, послужила препятствием для дальнейшего использования заготовки. Квадрат О-15, слой 2, глубина 35 см от репера.

Культовый комплекс 7 (рис. 8, 1, 2) располагался в линиях ЖЗ – 11, 12. Представлял собой систему из овальных и одного прямого ровиков, наложенных друг на друга. Судя по цвету заполнения, первым был сооружен северо-западный ровик, близкий в плане к полукругу. Диаметр полукольца – около 5,2 м. Затем был выкопан второй дуговидный ров длиной 6 м, рассекающий пополам первое полукольцо по линии «юго-запад – северо-восток». Из южной части этой дуги отходит ответвление в восточном направлении, которое через 2–3 метра смыкается с полукольцевым ровиком. Еще один прерывистый ровик, читающийся в материке на протяжении 4,5 м, выкопан в 3 метрах параллельно восточной части кольцевого рва. Вероятно это часть второго полукольца, расстояние между окончаниями которого составляет 5,9 м. Южная часть второго полукольца в материке не читалась, но в бровке между квадратами Ж-12 и З-12 в погребенной почве было заметно более темное заполнение рва, а это свидетельствует о том, что на данном участке ров также имелся, но не достигал материка. Таким образом, возможно, комплекс состоял из двух кольцевых ровов, наложенных друг на друга. Глубина их окончаний в материке плавно выклинивается вверх, поэтому они могли иметь продолжение в погребенной почве.

Рвы и ровики из-за различной степени заглубленности в материк имели соответственно разную ширину – неглубокие от 20 см, глубокие – до 0,55 м. Максимальная глубина 0,24 м. В профиле все ровики полукруглые.

В заполнении ровов найдено 5 фрагментов лепной керамики, в том числе фрагмент неорнаментированного венчика (рис. 8, 3).

Из находок в непосредственной близости следует отметить абразивную плитку (индивидуальная находка № 67) в 1 м к юго-западу от второго полукольца.

67. Абразивная плитка из плотной мелкозернистой породы серого цвета подпрямоугольной формы. Рабочей являлась верхняя плоскость, заполированная при использовании. Размеры: 18,5 x 7 x 5,5 см. Квадрат Ж-12, слой 3, глубина 85 см от репера (рис. 8, 4).

Культовый комплекс 9 (рис. 9, 1; 10, 1–3) представляет собой сложную систему двойных и тройных ровов, ровиков и канавок в материке, вытянутую в

направлении «юго-юго-запад – северо-северо-восток» на протяжении 24,7 м. В плане все эти рвы представляют собой сильно вытянутый полуовал в виде скобы. Его «торцевые» участки короткие – 3,5 м в северной части и 4,1 м – в южной. В северной части это двойной ров, плавно выклинивающийся в материке на восточном окончании (рис. 10, 3). Ниже, с квадрата Н-28, он разделяется на три ровика различной ширины. Общая ширина ровиков достигает 1,6 м. В квадратах Н – 29, 30 два ровика выходят на поверхность материка, сливаются и далее, на протяжении 5 метров, проходит один ров шириной до 0,6 м. Далее он опять разделяется на два – с западной стороны параллельно основному на расстоянии 0,15–0,2 м проходит меньший по ширине ровик на протяжении 4,5 метров. Затем меньший ровик, увеличившись в ширине с 0,2 м до 0,45 м, продолжается еще на 2,4 м к югу, а больший плавно поворачивает в восточном направлении и на границе квадратов Н-31 и О-31 заканчивается ямой (рис. 10, 1).

Яма овальной формы ориентирована длинной стороной по линии «север-юг». Длина 0,7 м, ширина 0,4 м, глубина до 154 см от репера и 0,49 м от верхнего уровня материка, тогда как глубина собственно рвов колебалась в пределах 0,15–0,4 м от уровня материка. Восточный край ямы наклонный, а западный слегка уходит под ров. Северная и южная стенки вертикально опускаются вниз. Заполнение ямы не отличалось от заполнения рвов – темно-серый гумусированный суглинок. В заполнении ямы обнаружены два фрагмента венчиков с одним и двумя орнаментированными валиками, фрагмент боковины с валиками и два фрагмента днища от одного сосуда (рис. 9, 2). Эта ямка четко ограничивает восточный предел распространения рва.

По внутренней стороне части рва в квадрате Н-28 прослежена каменная кладка из ракушечника. Кладка состояла из 7 обломков ракушечника, поставленных вплотную друг к другу на ребро под небольшим наклоном к внешней стороне рва (рис. 10, 2). Нижний край камней касался верхнего уровня материка. Кладка располагалась на протяжении полутора метров, толщина плит 10–14 см, как и большинства других, встреченных на раскопе. Это обстоятельство, а также однообразный материал (желтый ракушечник), позволяют считать наличие на памятнике прочих камней, зафиксированных как отдельные объекты, не случайными явлениями.

Такие же камни лежали вдоль стенок рва в кв. Н-26, в кв. Н-28 в 1,6 м южнее вымостки, на границе квадратов Н-28 и Н-29.

Во рвах комплекса кроме костей животных найден фрагмент неорнаментированного венчика лепного сосуда (рис. 9, 3).

Непосредственно со временем сооружения комплекса можно связать следующие находки, обнаруженные с «внутренней» стороны комплекса.

20. Скол подправки верхней площадки нуклеуса из серого кремня. Квадрат О-30, слой 3, глубина 76 см от репера. Размеры: 6,2 x 4,2 см (рис. 9, 4).

42. Концевой скребок выполнен на крупном пластинчатом отщепе с высокой спинкой (8,5 x 3,1 x 1,9 см). Ретушь нанесена на дистальном конце отщепе и по самой высокой части грани на спинке. Темно-серый кремнь с переходом в молочно светло-серый и с остатками желвачной корки по спинке. Квадрат Н 26, слой 3, глубина 53 от репера (рис. 9, 5).

44. Путовая кость лошади с отверстием. Метакарпаль II. В верхней части кости в продольном направлении просверлено отверстие. Ширина входного отверстия – 1,5–1,8 см; во внутренней части оно сужается до 0,8 см. Вся остальная поверхность кости обработке не подвергалась. Квадрат Н-27, слой 2, глубина 33 (рис. 9, 6).

59. Костяная подвеска(?) с отверстиями. Это дистальный конец лопатки КРС. На нем сразу за эпифизом сделаны два глубоких пропила, вероятно, для крепления, а далее высверлены четыре отверстия, по двум из которых в древности прошел разлом предмета. Края длинных сторон заполированы. Квадрат Н-31, слой 3, глубина 73 см от репера (рис. 9, 7).

60. Абразивная плитка из темно-серого сланца. Верхняя и нижняя плоскости заполированы. Один из узких концов приострен с обеих сторон. Квадрат Н-32, слой 3, глубина 81 см от репера.

Судя по размерам комплекса и двух аналогичных «полуовалов» (комплексы 2 и 8), вполне возможно наличие его продолжения в зеркальном отражении к востоку, но уже за пределами раскопа.

Культовый комплекс 10 (рис. 11, 1, 2) располагался в южной части раскопа, к западу от комплекса 6, в квадратах ЗИ – 34–36. В отличие от остальных, он не имел кольцевой или полукольцевой структуры, а представлял собой прямой неглубокий ровик в материке и систему ямок. Ровик вытянут по линии «юго-запад – северо-восток» на протяжении 5,7 м в квадратах З-34 и З-35. Ширина рва 0,3 м, глубина до 0,19 м. В сечении полуокруглый, заполнение – темно-серый гумусированный суглинок. В его северной (неглубокой в материке) части имеется примыкающая к нему с восточной стороны ямка диаметром 0,35 м и глубиной 0,25 см.

В 2,7 метрах к северу от этой ямки имелась еще одна (яма «И» на плане) диаметром 0,6 м по верхнему уровню погребенной почвы. В материк она была заглублена на 0,06 м при диаметре 0,5 м, но хорошо читалась уже с верхнего уровня погребенной почвы благодаря очень темному гумусному заполнению. В этом заполнении была обнаружена бронзовая обойма-скрепка (индивидуальная находка № 56) (рис. 11, 4).

В 2,3 м к востоку от этой ямы залегал крупный обломок ракушечника в виде плоской каменной плитки размерами 0,2 x 0,3 м толщиной 0,15 м. Ниж-

ний уровень залегания плиты 141 см от репера, что соответствует верхнему уровню погребенной почвы.

К юго-востоку от центральной части ровика, в квадратах И – 35, 36 обнаружено семь ямок различного диаметра и глубины (рис. 11, 2). Все ямки содержат одинаковое заполнение – темно-серый гумусированный суглинок.

В заполнении ямы «Е» с уровня погребенной почвы были компактно уложены 33 кости животных: 8 ножных костей овцы/барана и 25 суставных костей (бабок) коровы.

Также найдено бронзовое шило. Орудие сильно патинизировано, оба окончания утрачены. Сохранившаяся длина 7,7 см. Квадрат 3–36, слой 4, глубина 149 см от репера (рис. 11, 3).

Кроме культовых комплексов в культурных напластованиях исследовано 12 различных объектов. Это каменные плитки различных размеров, залегающие по отдельности, или совместно по две-четыре, и развалы сосудов. Встречена одна крупная округлая яма (диаметр 1,20–1,45 м по верхнему краю, глубина до 0,67 м от верхнего уровня материка), единственная на раскопе (рис. 2), в заполнении которой обнаружена створка раковины *Unio*.

Исследованные десять комплексов и двенадцать объектов позволяют поставить вопрос о характере исследованного памятника. В основном это касается его вида. Относительно верхней части культурного слоя вопросов не возникает – это типичное кочевье средневекового времени с рассеянными на большой площади артефактами. Но встает вопрос о культурных отложениях эпохи бронзы. Следует ли считать их остатками поселения эпохи бронзы?

Памятник исследован не полностью, но судя по распространению находок, всё же на большей его площади. Причем, вскрытая площадь превышает десять тысяч квадратных метров. На подобной площади исследовано не так и много поселений в регионе. И везде они имеют остатки жилищ, очаги, хозяйственные ямы и т. п. В данном случае на столь значительной площади ничего подобного не встречено.

В культурных отложениях эпохи бронзы остатки стационарных построек (полуземлянок или наземных жилищ) отсутствовали. Обращает на себя внимание малое количество керамики и костей, слой очень слабо насыщен находками по сравнению с известными поселениями эпохи бронзы. Имеющиеся же находки залегают не равномерно, а в виде отдельных скоплений. Особенно хорошо это видно на примере керамики, которая часто встречалась в виде развалов сосудов или их придонных частей. Именно подобное залегание керамики является одним из признаков, диагностирующих культовое место [Груфанов, 1983. С. 66].

Наблюдения за стратиграфией и планиграфией распределения находок показали, что все десять исследованных комплексов никоим образом не могут

считаться остатками жилых или хозяйственных построек. Единственное объяснение для данного памятника – мы имеем дело с каким-то культовым комплексом, который посещался людьми, но хозяйственная деятельность там осуществлялась в ограниченном объёме и люди постоянно там не проживали.

Находки в нижней части культурного слоя относятся к бабинской культуре эпохи средней бронзы, скорее всего, к её позднему этапу. Относительная хронология бабинской культуры основывается на погребальных памятниках, и при сравнении керамики Малой Сопки с погребальной керамикой III этапа днепро-донской бабинской культуры, что не вполне корректно, все же можно заметить ряд значительных параллелей в формах и орнаментации сосудов [Литвиненко, 2016. С. 23, рис. 14]. Проводить сравнения с поселенческими материалами пока сложно ввиду малочисленности однослойных бабинских поселений.

Судя по наличию ритуальных комплексов, составу находок, объектов с использованием каменных плит и полному отсутствию жилых построек и даже открытых очагов, мы в данном случае имеем дело не столько с поселением эпохи бронзы, сколько с каким-то культовым местом, а многочисленные рвы и каменные плиты являются остатками святилищ. Судя по стратиграфии и планиграфии расположения рвов, большая часть ритуальных комплексов в виде системы рвов сооружалась в почвенном горизонте и археологически не фиксируется. Святилища и культовые места обычно включают комплекс почитаемых объектов с едиными территориальными границами, на которых совершались ритуальные действия. Комплекс состоит из иконографического объекта (петроглиф, изваяние на могильнике, фетиш в жилище) и жертвенника с жертвоприношениями [Тиваненко, 1989. С. 5].

В данном же случае мы имеем дело с совершенно новым видом культового места населения бабинской культуры, где жертвенниками можно считать каменные плиты, жертвоприношениями – скопления керамики и развалы сосудов, а функции отсутствующих иконографических объектов, вероятно, выполняли комплексы рвов и ровиков, образующих в планиграфии некую символику и не обнаруживающих аналогий с известными ранее памятниками – святилищами или культовыми местами.

Единственной и наиболее близкой аналогией ритуальным комплексам Малой Сопки, как в территориальном, так и в хронологическом отношении, является поселение Журавка 1 на юге Воронежской области, где также обнаружены 5 рвов. Примечательно, что совпадают не только размеры рвов (ширина, диаметр), но и их форма: круглый, подквадратный, овальный. Автор раскопок поселения Журавка 1 связывает их сооружение с населением поселка срубной культуры, расположенного неподалеку, и предполагает сакральный характер этих рвов [Сурков, 2016. С. 60, 63, рис. 2, 1; Сурков, 2017. С. 75–

77, рис. 4; 6]. В данном случае для срубной культуры подобные рвы также встречены впервые, так как ранее для срубных поселений какие-либо культовые сооружения не были зафиксированы [Отрощенко, 1990. С. 6].

Памятник Малая Сопка занимал гребень небольшой пойменной возвышенности, плавно поднимающейся к краю террасы. Раскопом в 10030 м² вскрыта, вероятно, большая часть его площади. Учитывая всю совокупность полученных фактов, более правильным будет отнести его к особому виду археологических памятников – культовому месту или святилищу.

Литература:

Литвиненко Р.О. Пізній етап дніпро-донської бабинської культури // Донецький археологічний збірник. 2016. № 20.

Отрощенко В.В. Идеологические воззрения племен эпохи бронзы на территории Украины (по материалам срубной культуры) // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев: «Наукова думка», 1990.

Сурков А.В. Исследование поселений поздней бронзы на границе степи и лесостепи Восточной Европы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Материалы V Международной Нижневолжской конференции, 15–18 ноября 2016 года. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та. 2016.

Сурков А.В. Исследование поселений поздней бронзы // Археологические исследования в Центральном Черноземье. Липецк, Воронеж: Полиграфическое издание «Новый взгляд», 2017.

Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. Новосибирск: «Наука. Сиб. отд-ние», 1989.

Труфанов А.Я. Жертвенное место Хутор Бор-1 (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири / отв. редактор Матющенко В.И. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983.

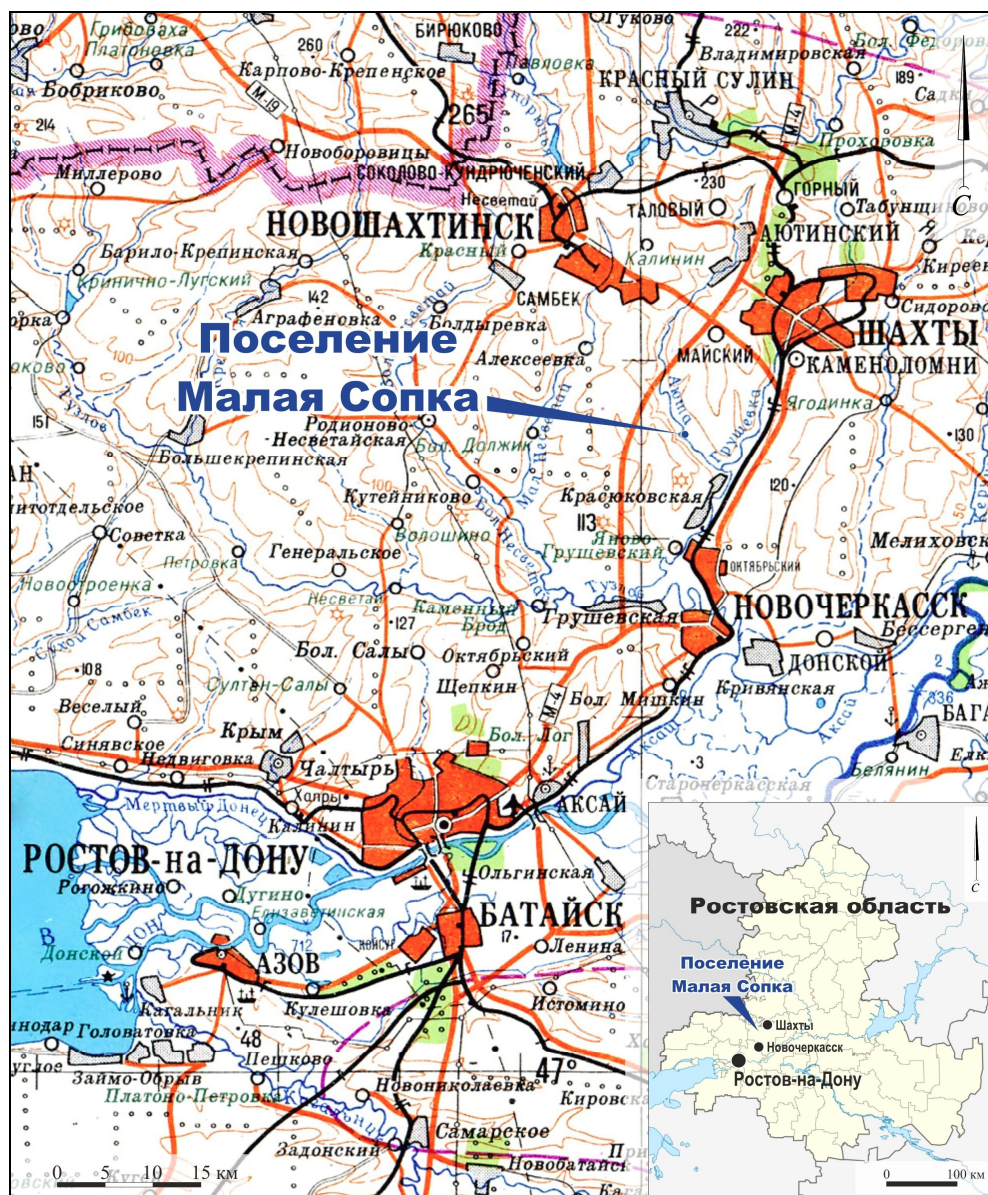

Рис. 1. Место расположения культового места Малая Сопка

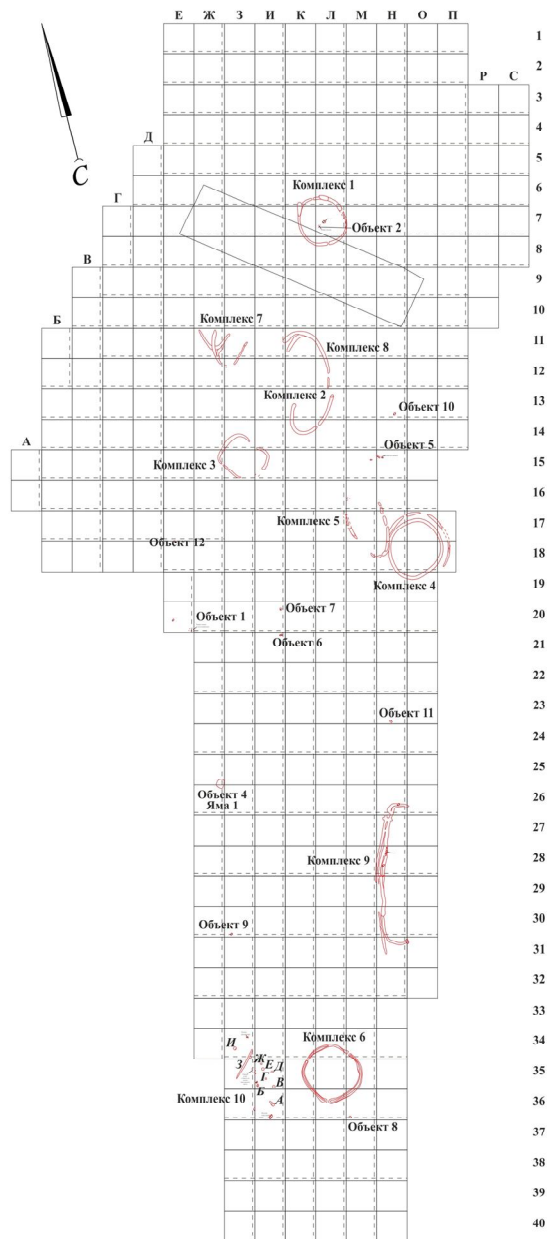

Рис. 2. Малая Сопка. План раскопа

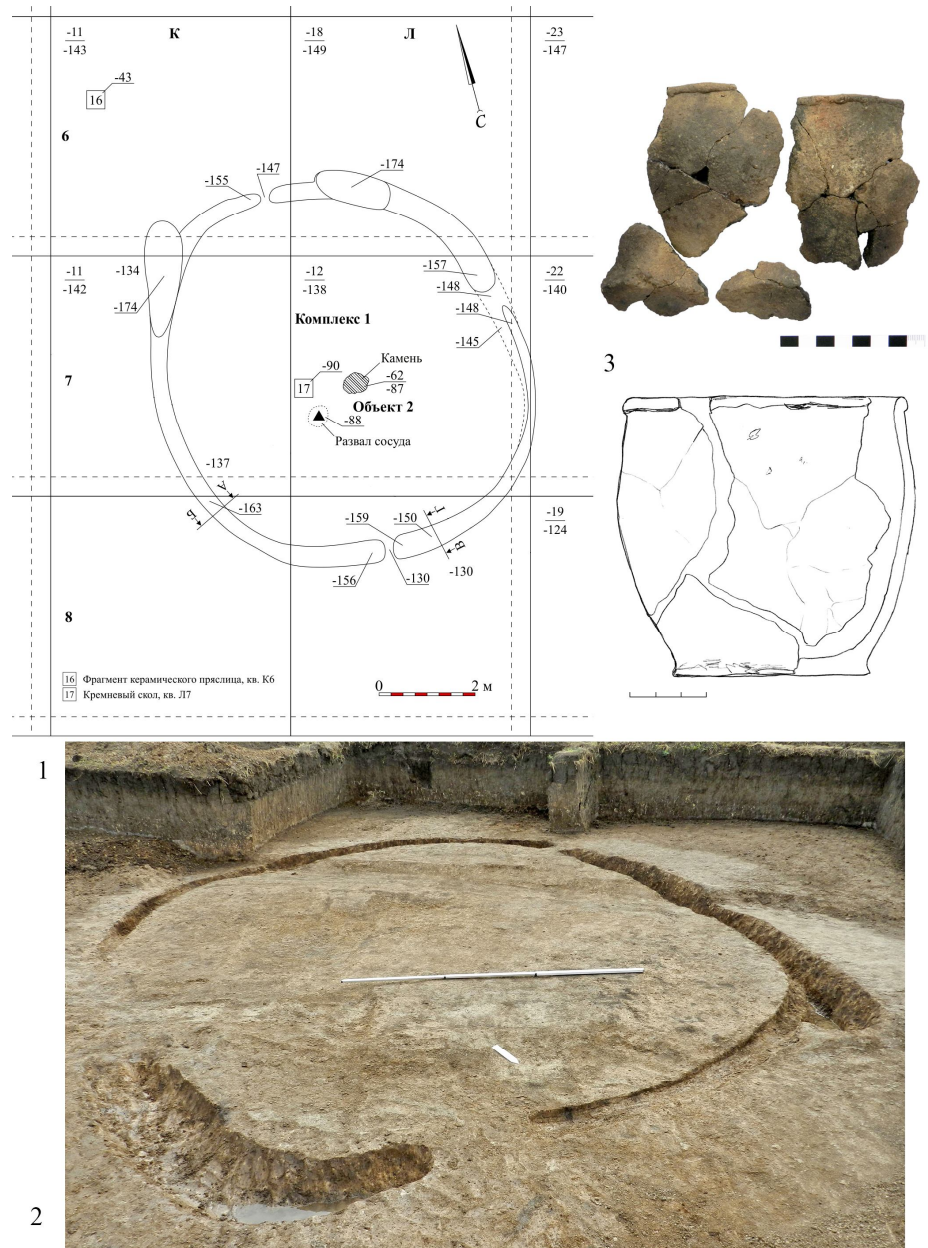

Рис. 3. Малая Сопка. Комплекс 1. 1 - план комплекса; 2 - вид комплекса 1 с северо-востока

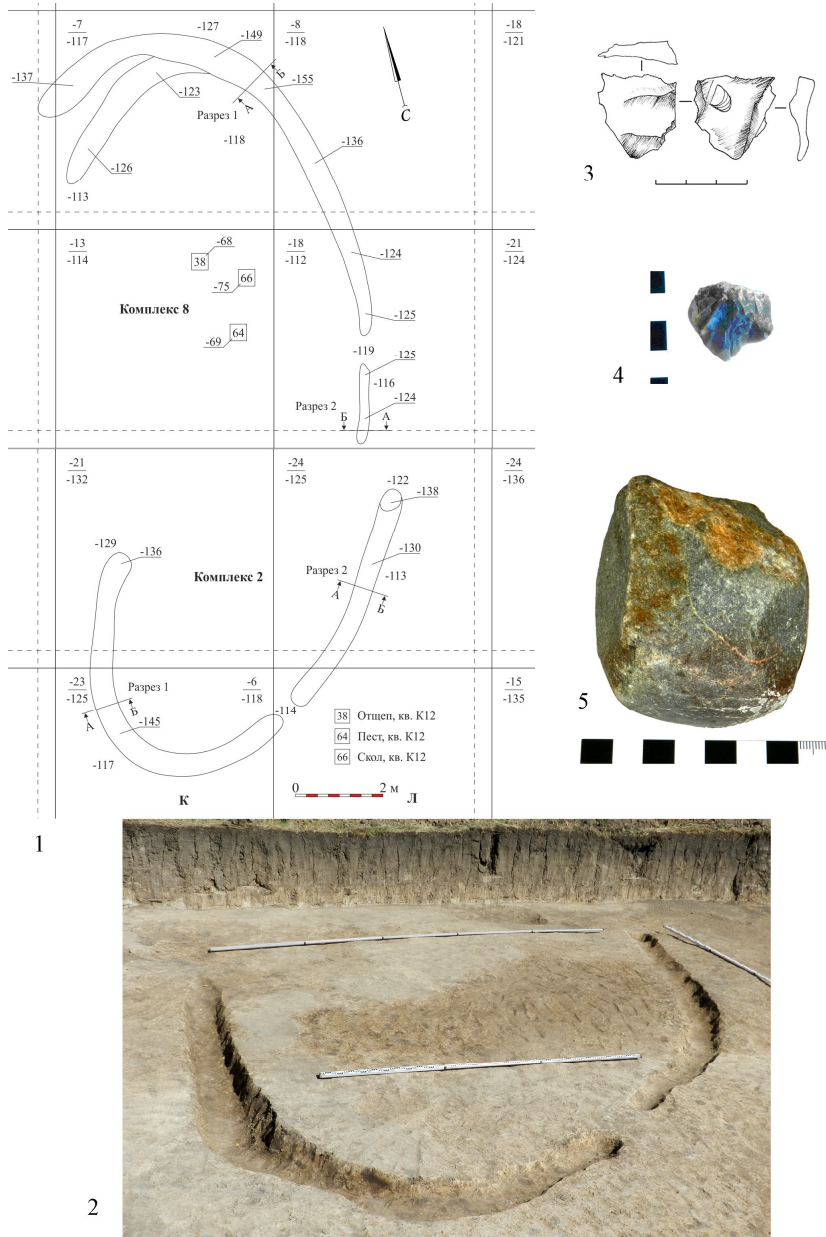

Рис. 4. Малая Сопка. 1 – комплексы 2 и 8; 2 – комплекс 2, вид с юго-запада; 3, 4 – кремневые отщепы; 5 – пест

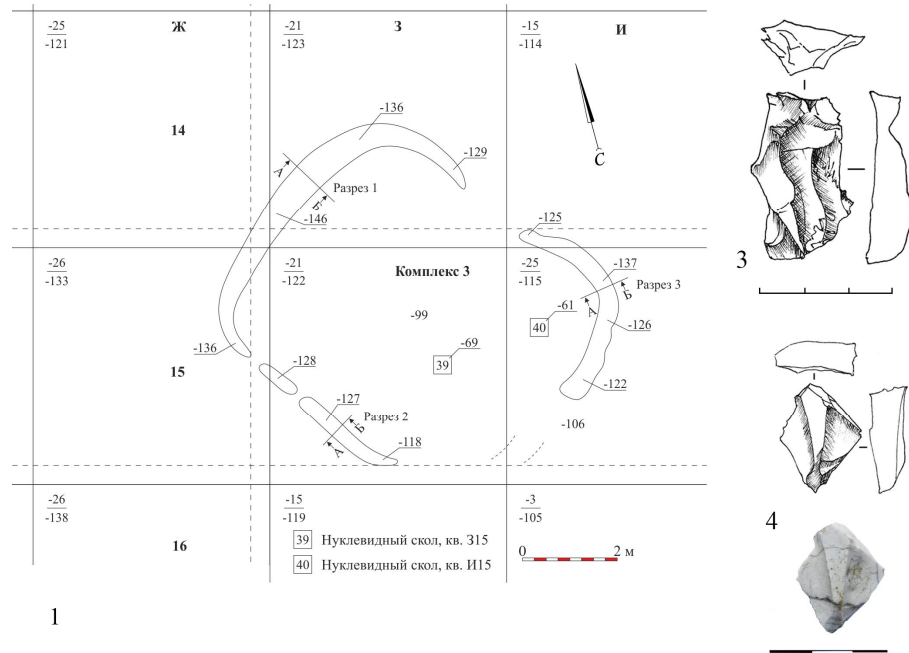

Рис. 5. Малая Сопка. Комплекс 3. 1 – план комплекса; 2- комплекс 3, вид с северо-запада; 3, 4 – нуклевидные сколы

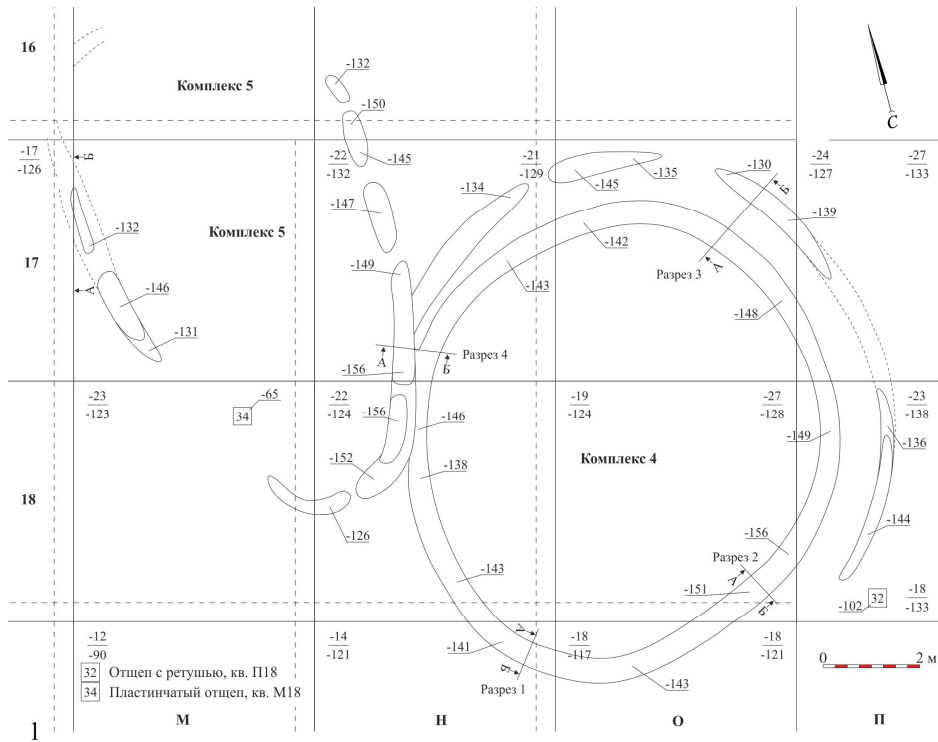

Рис. 6. Малая Сопка. Комплексы 4 и 5. 1 – план комплексов; 2 – вид на комплексы 4 и 5 с севера; 3 – керамика из рва комплекса 5; 4–7 – керамика из рва комплекса 4

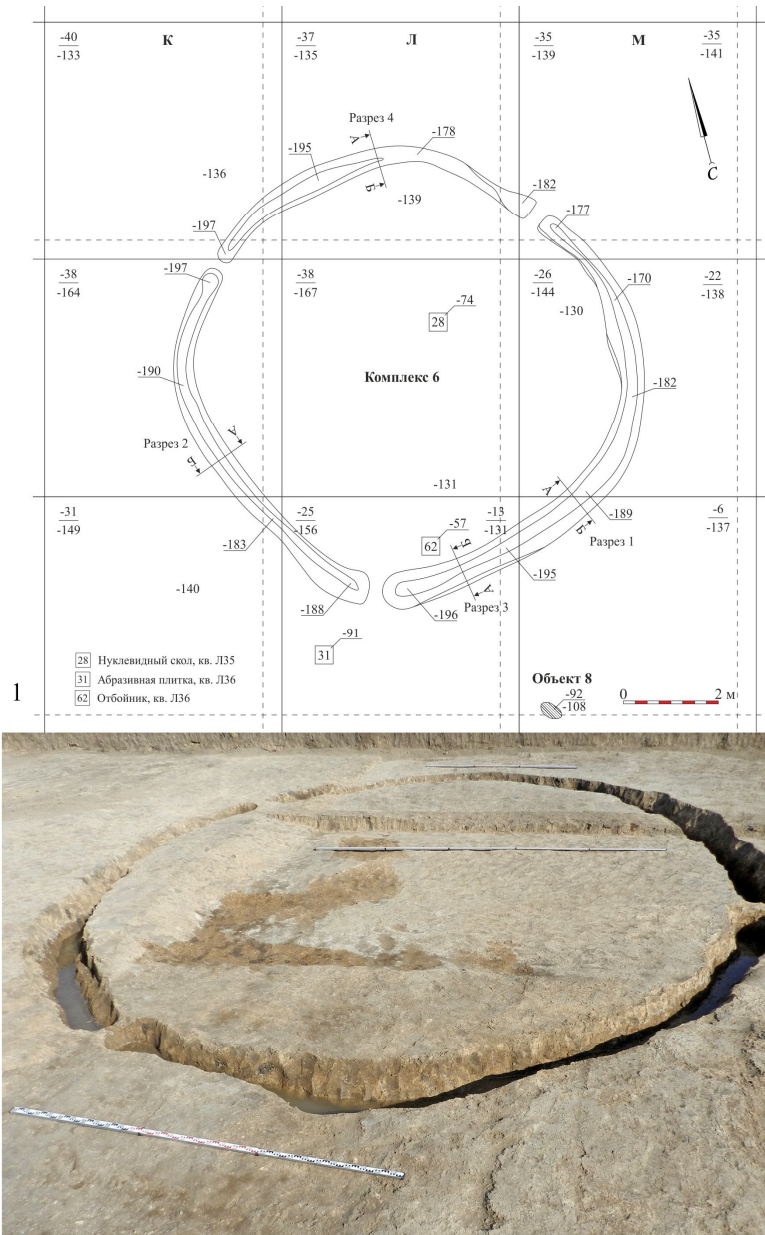

Рис. 7. Малая Сопка. Комплекс 6. 1 – план комплекса; 2 – комплекс 6, вид с юга

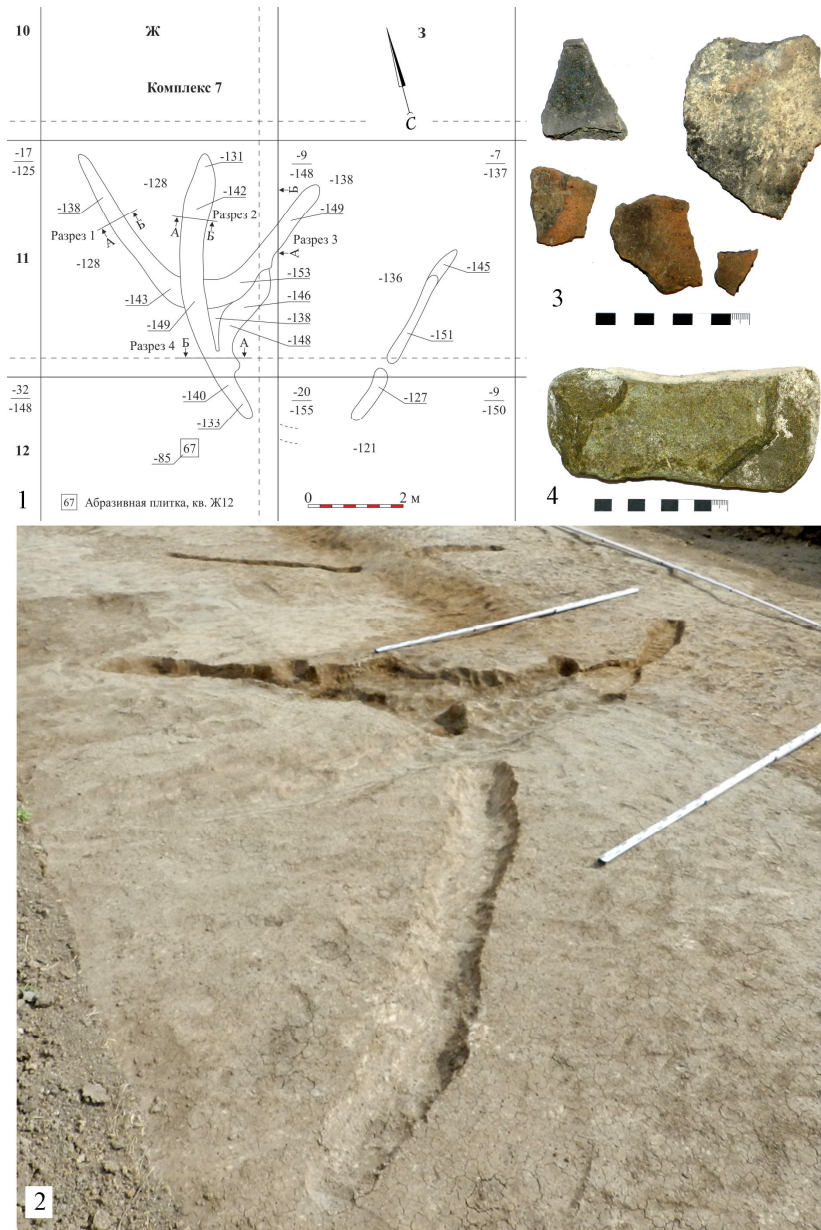

Рис. 8. Малая Сопка. Комплекс 7. 1 – план комплекса; 2 – комплекс 7, вид с севера; 3 – керамика из заполнения рвов; 4 – абразивная плитка (и.н. 67)

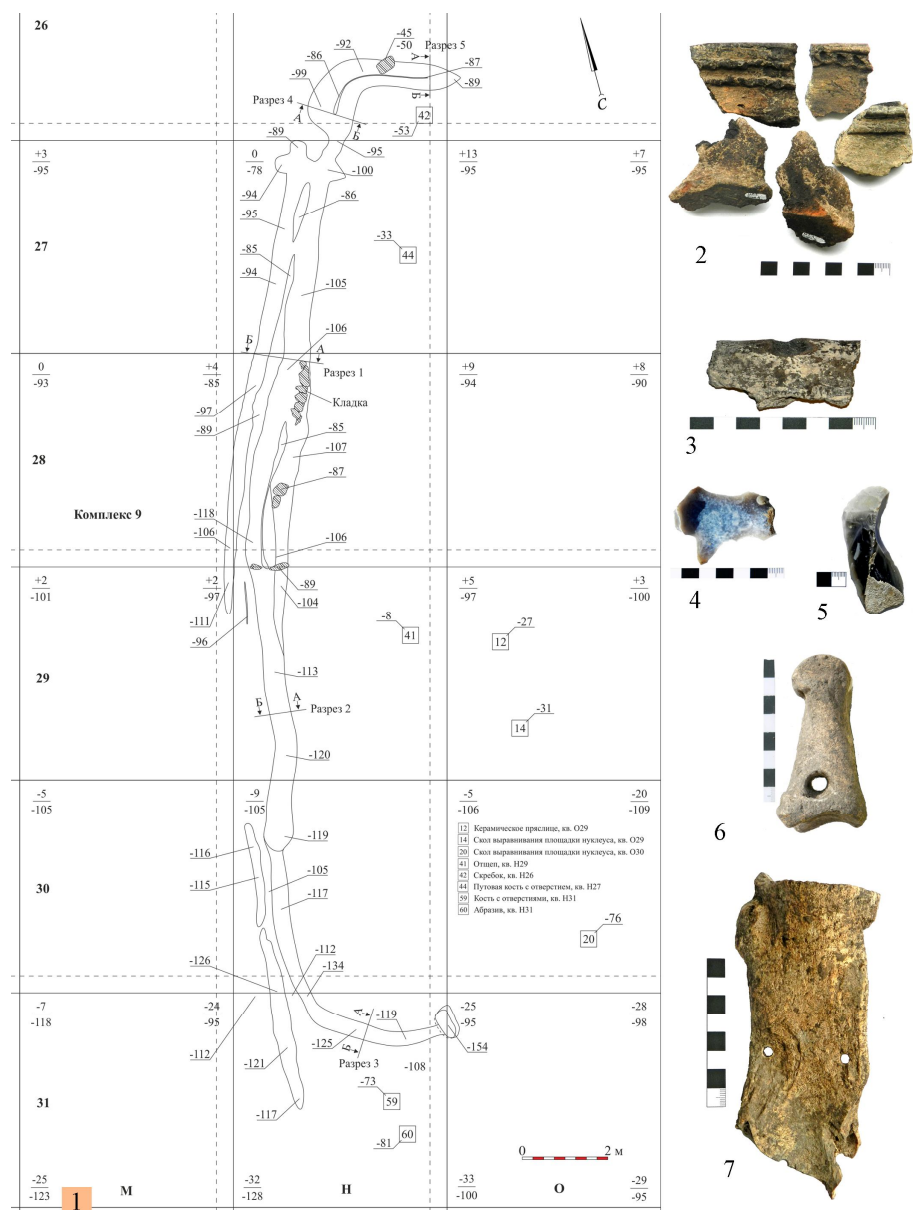

Рис. 9. Малая Сопка. Комплекс 9. 1 - план комплекса, 2 - керамика из заполнения ямы в южном окончании рва; 3 - фрагмент венчика из заполнения рва; 4 - скол выравнивания площадки нуклеуса (и.н. 20); 5 - скребок (и.н. 42); 6, 7 - изделия из кости (и.н. 44 и 59)

1

2

3

Рис. 10. Малая Сопка. Комплекс 9. 1 – южная часть комплекса, вид с юго-востока; 2 – центральная часть комплекса, вид с севера; 3 – северная часть комплекса, вид с северо-востока

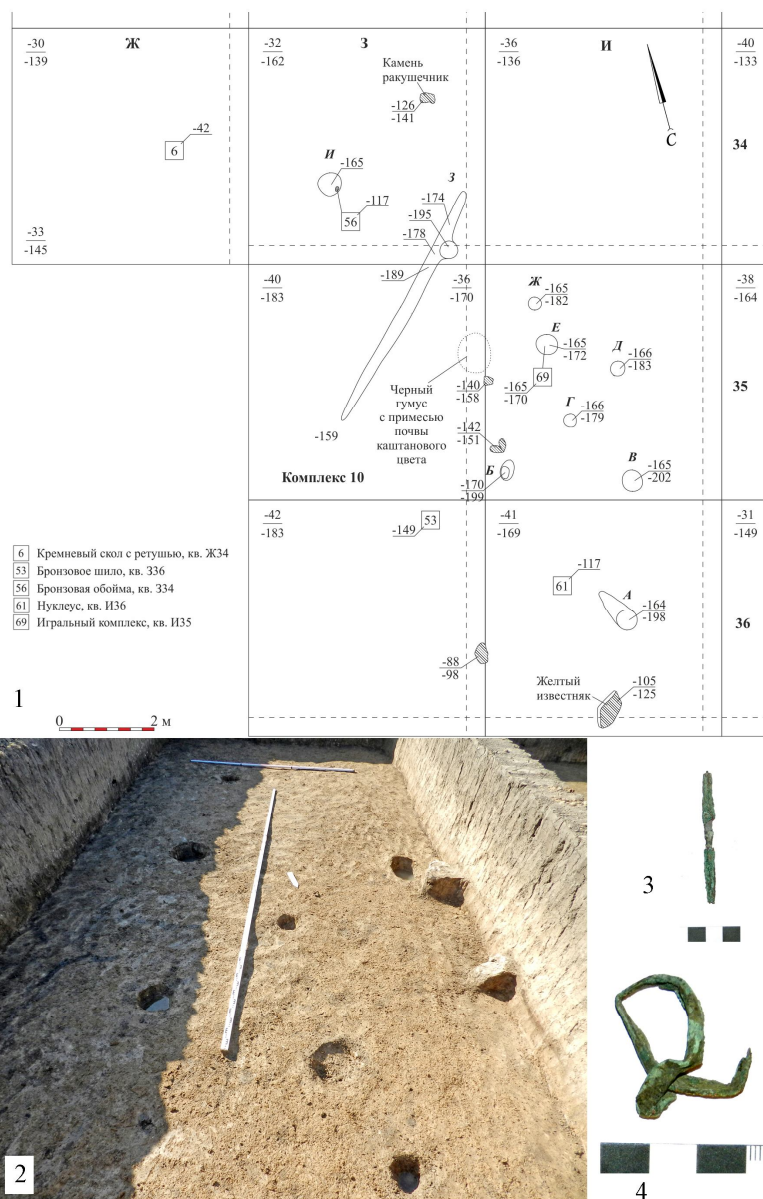

Рис. 11. Малая Сопка. Комплекс 10. 1 - план комплекса; квадраты И-35, 36, вид с севера; 3 - бронзовое шило (и.н. 53); 4 - бронзовая обойма (и.н. 56)

УДК 902(470.44)|637.7|
ББК 63.4(235.54)

*Жемков А.И., Ким М.Г.,
Кочерженко О.В., Слонов В.Н.*

ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНА 3 У С. ДМИТРИЕВКА
И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ГЕНЕЗИСА СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

В работе публикуются результаты раскопок кургана 3 у с. Дмитриевка Вольского района Саратовской области, проводившихся экспедицией под руководством М.Г. Кима в 1978 году. Время бытования кургана определяется началом периода поздней бронзы. Подробно рассматривается уникальная находка в одном из погребений кургана двух камней с петроглифами. Приводится аргументация в пользу того, что данные камни представляют собой модель колес повозки и принадлежат к обрядовой традиции помещения в могилу деталей повозки, существовавшей в периоды ранней и средней бронзы.

Ключевые слова: погребальный обряд, срубная культура, переходный период от средней к поздней бронзе, камни с петроглифами

*Zhemkov A.I., Kim M.G.,
Kocherzhenko O.V., Slonov V.N.*

STUDY OF THE BURIAL MOUND 3 NEAR THE VILLAGE OF DMITRIEVKA
AND SOME ISSUES OF THE GENESIS OF THE TIMBER-GRAVE CULTURE

The paper contains the results of excavations of the burial mound 3 in the village of Dmitrievka, Volsky district of the Saratov region, made by an expedition led by M.G. Kim in 1978. The time of existence of the mound is determined by the beginning of the Late Bronze Age. The unique find of two stones with petroglyphs in one of the burials of the mound is discussed. The argument is made in favor of the fact that these stones are a model of the wheels of a wagon and belong to the funeral rite of placing wagon details in the grave that existed during the Early and Middle Bronze Ages.

Keywords: funeral rite, timber-grave culture, transition from Middle to Late Bronze Age

В настоящей работе авторы продолжают публикацию материалов раскопок курганной группы у с. Дмитриевка Вольского района Саратовской области¹.

Описание материалов:

Курган 3 самый большой в группе, его диаметр составлял 30 м, высота 0,8 м (рис. 1). Курган был сооружен в два строительных периода. Диаметр первичной насыпи составлял 18 м. При этом указать его первоначальную высоту не представляется возможным, поскольку весь центр кургана был сильно изрыт землеройными животными. Погребенная почва четко разделяется на дерновинный прослой толщиной 10 см более темного цвета и остальной, более светлый слой, толщина которого также составляла 10 см. Сооружение двух насыпей было разделено некоторым временным интервалом, поскольку в профиле бровки фиксировался более темный дерновой слой под первичной насыпью.

Помимо погребений, с данным курганом было связано несколько отдельных находок, обнаруженных на современной дневной поверхности.

У северного подножия был найден фрагмент боковой стенки лепного сосуда темно-коричневого цвета. Его размеры 2,5 x 1 см. Толщина стенки 0,8–0,9 см.

В 20 м южнее кургана было найдено 3 небольших фрагмента лепных сосудов:

- первый – светло-коричневого цвета, толщина стенки 0,5 см;
- второй – белесый, толщина стенки 0,7 см;
- третий – фрагмент острореберного сосуда светло-коричневого цвета, по его ребру гребенчатым штампом нанесена одиночная горизонтальная линия², выше ребра также присутствует орнамент, толщина стенки 0,8–0,9 см.

В 50 м к югу от кургана на пашне был найден фрагмент венчика лепного сосуда. Под венчиком присутствуют оттиски зубчатого штампа. Цвет поверхности светло-коричневый. Размеры 3,0 x 3,0 см, толщина стенки 1,0 см.

В 15 м к западу от «0R», установленного на условной вершине кургана, на глубине 0,5 м обнаружено 3 фрагмента лепного сосуда. Один из них – венчик, отогнут наружу, срез горизонтальный. Цвет черный. Под венчиком прочерчен зигзаг. Предполагаемый диаметр устья сосуда 12–6 см. Размеры данного фрагмента 6,0 x 5,0 см, толщина стенок 0,7–0,8 см.

¹ Результаты исследований курганов 1, 2, 4 и 5 опубликованы в работах: [Жемков и др., 2017. С. 154–163; Жемков и др., 2016. С. 202–223].

² Здесь описание зон сосуда и орнамента нами дается в соответствии с терминологией, введенной в работе: [Кочерженко и др., 1994. С. 74–79].

В 2 м к востоку от «0R» на глубине 0,3 м был найден фрагмент лепного острореберного сосуда. Цвет поверхности кирпичный. Размеры 6,0 x 5,0 см.

В отвале был обнаружен фрагмент боковой стенки лепного острореберного сосуда. По его скругленному ребру прочерчена одиночная горизонтальная линия. Выше и ниже этой линии гребенчатым штампом нанесены наклонные вправо короткие лункообразные ямки. Выше ребра прочерчены треугольники вершинами вверх. Цвет черепка коричнево-красный. Размеры 7,5 x 8,0 см. Толщина стенок 0,7–0,9 см.

Южнее погребения 16 в пахотном слое, на границе пахотного слоя и насыпи, были обнаружены кости крупного животного.

Всего в кургане были обнаружены 22 погребения. Первичная насыпь связана с погребением 3, являющимся основным в кургане. К следующему горизонту, связанному с досышкой кургана, относятся погребения 1, 2, 7–16, для которых фиксируется желтый материковый выкид. При этом они находятся в пределах первичной насыпи. Погребение 22, также относящееся к горизонту вторичной насыпи, находилось в ее поле вне пределов первичной насыпи.

Определить стратиграфическую позицию погребений 5, 6, 17–21 затруднительно ввиду отсутствия для этого фиксируемых признаков. Они могли быть впускными в первичную насыпь до досышки кургана, либо впускными во вторичную насыпь.

Погребальная яма 1 (рис. 2, 1). Располагалась в юго-западном секторе кургана, в 0,4 м к югу и в 7,8 м к западу от «0R». Глубина ямы составляла 1,63 м от «0R». Яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована продольной осью по линии «СВ–ЮЗ». Размеры ямы в верхней части 1,10 x 0,85 м, в нижней – 1,20 x 0,90 м. В заполнении, на глубине от 0,85 до 1,50 м, встречались разрозненные фрагменты деревянного поперечного перекрытия могилы. Одно бревно длиной 0,6 м и диаметром 0,12 м лежало на дне ямы у длинной северо-западной стенки.

В центральной части ямы находился скелет подростка с прорезающимися постоянными зубами. Поза – скорченно на левом боку, головой на восток. Руки согнуты в локтях, кисти перед лицом. Колени согнутых ног подтянуты к локтевым суставам. Сохранность костей плохая.

Перед лицом погребенного находился раздавленный лепной сосуд – банка открытого типа (рис. 7, 2). Край венчика снаружи немного скруглен, у дна – небольшая закрайка. Снаружи поверхность сосуда покрыта мелкими расчесами. Как внешняя, так и внутренняя поверхности имеют коричневый цвет. В тесте – примесь известняка. Внутри и снаружи сосуда имеются сажевидные подтеки. Высота сосуда 8,8 см. Диаметр устья 13,2 см, дна – 8,6 см. Толщина стенок 0,5–0,6 см.

У груди погребенного стоял второй сосуд – лепной острореберный с отогнутым наружу венчиком и вогнутыми плечиками (рис. 7, 1). Ребро несколько сглажено и находится немного ниже середины высоты сосуда. Сосуд орнаментирован гребенчатым штампом: под венчиком и по ребру оттиснуто по 2 горизонтальные линии, между этими линиями располагаются равносторонние треугольники вершинами вверх, заполненные отпечатками этого же штампа. Между вершинами треугольников – по 3 отпечатка короткой гребенки. Поверхность сосуда коричневого и черного цветов. Обжиг неравномерный. В тесте – примесь известняка. Высота сосуда 14,0 см. Диаметр устья 17,3 см, шейки – 16,6 см, максимального расширения тулова – 18,2 см, дна – 8,9 см.

Дно могилы покрыто растительным тленом, под тленом – меловая подсыпка.

Погребальная яма 2 (рис. 2, 2). Располагалась в юго-восточном секторе кургана, в 0,8 м к югу и в 4,9 м к востоку от «0R». Глубина ямы составляла 1,92 м от «0R». Яма прямоугольной формы с закругленными углами, продольной осью ориентирована по линии «СВ-ЮЗ». Размеры ямы 1,05 x 0,60 м. В заполнении ямы встречались фрагменты деревянного поперечного перекрытия. В центральной части ямы на глубине 1,07 м от «0R» был обнаружен небольшой кусок охры.

На дне погребальной ямы, ближе к северо-восточной короткой стенке, находился скелет подростка с прорезающимися постоянными зубами. Поза погребенного – скорченно на левом боку. Левая рука была согнута в локте под углом в 80°, правая согнута под меньшим углом, и ее кисть располагалась перед лицом. Ноги согнуты в бедренном суставе под углом около 90°.

Перед грудью погребенного располагалась лепная банка закрытого типа (рис. 7, 4). Обрез венчика немного скруглен. Один край сосуда несколько выше другого, в верхней трети общей высоты намечено ребро. Внешняя поверхность бурая, внутренняя – черная, обжиг слабый. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 6,5–7,2 см, диаметр устья – 9,4 см, дна – 5,8 см. Толщина стенок – 0,6 см.

Ближе к юго-восточной длинной стенке стоял лепной горшок (рис. 7, 3). Край венчика срезан горизонтально. Бока сильно раздуты, один бок выше другого. Под венчиком и по максимальному расширению тулова располагаются оттиснутые крупнозубчатым штампом одиночные линии, а между ними – оттиснутые тем же штампом равносторонние треугольники, обращенные вершинами вверх. В один из треугольников вписан второй поменьше, в остальные вписаны по два. Дно чуть вогнутое, с большой закрайкой. Поверхность сосуда рыхлая, с внешней стороны светло-коричневого, с внутренней – серо-черного цвета. Обжиг слабый. В тесте примесь известняка. Высота сосуда

9,0–10,5 см. Диаметр устья – 15,2 см, шейки – 14,6 см, наибольшего расширения тулова – 17,0 см, дна – 9,4 см. Толщина стенок – 0,6 см.

В районе головы и перед лицевым отделом черепа, ближе к сосудам, дно могилы было посыпано красно-бурой охрой. Под охрой все дно покрыто сиреневым глинцем.

Погребальная яма 3 (рис. 2, 3). Располагалась в северо-западном секторе кургана, в 0,50 м к северу и в 1,70 м к западу от «0R». Глубина ямы составляла 2,56 м от «0R». Яма прямоугольной формы с закругленными углами, продольной осью ориентирована по линии «СВ–ЮЗ». Размеры ямы 2,20 x 1,60 м. Погребение сильно попорчено землеройными животными: стенки и дно ямы изрыты норами. В заполнении ямы на разной глубине встречались фрагменты деревянного перекрытия, куски дерева волокнами лежали поперек могилы.

В верхней части ямы в беспорядочном положении находилось около 30 камней размерами от 5 x 10 x 15 см до 50 x 60 x 20 см. На двух плоских камнях имелись петроглифические изображения.

Камень 1 (рис. 10, 1, 3) обнаружен на глубине 0,9 м от «0R». Известняковая неровная плита размерами 33 x 28 x 14 см. На плоской поверхности вырезана неровная окружность с отходящим углом. Нижняя часть угла вырезана на боковой поверхности камня. Диаметр округлой фигуры от 11,5 до 13,0 см, отходящий угол составлен двумя отрезками по 7 см. Цвет камня серый.

Камень 2 (рис. 10, 2, 4). Известняковая неровная плита размерами 36 x 34 x 12 см. На плоской поверхности вырезана неровная окружность с отходящим углом, ориентированным противоположным, относительно первого камня, образом. Диаметр округлой фигуры от 9,5 до 10,0 см, угол составляют два отрезка длиной 7,5 и 4,0 см. Цвет камня серый.

В заполнении ямы были также обнаружены локтевая кость человека (глубина 1,80 м от «0R») и часть бедренной кости с коленным суставом (глубина 2,20 м от «0R»).

На дне ямы в центральной ее части находились кости человека высокого роста. От скелета остались позвоночник, ребра, левая часть таза и часть правой бедренной кости.

Судя по сохранившимся фрагментам, погребенный лежал скорченно на левом боку головой на северо-восток. Непотревоженная часть дна ямы густо посыпана мелом. Поверх мела, под тазом и плечами, дно посыпано красно-бурой охрой.

Незначительные фрагменты выкида, зафиксированные на погребенной почве к востоку и северу от ямы, свидетельствуют о том, что данное погребение является основным для первичной насыпи.

Около погребения 3 в насыпи был найден фрагмент донца и боковой стенки лепного сосуда серого цвета. В тесте примесь известняка. Дно плоское, диаметр дна 10,0–12,0 см. Толщина стенки 0,6 см, дна – 0,8 см.

Погребальная яма 4 (рис. 3, 1). Располагалась почти в центре кургана в 0,3 м к югу и в 0,3 м к западу от «0R». Погребение впускное в насыпь, сильно разрушено норами землеройных животных. Яма прямоугольной формы с закругленными углами шириной 1,65 м. Длина оставшейся части – также 1,65 м. Яма ориентирована предполагаемой длинной осью по линии «СЗ–ЮВ». Северо-западная короткая стенка попала на основное погребение 3.

В погребении нетронутыми в анатомическом порядке остались только кости левой ноги. Нога вытянута, ступня развернута внутрь. Погребенный, по всей вероятности, был ориентирован головой на северо-запад.

Погребальная яма 5 (рис. 3, 2). Располагалась в северо-западном секторе кургана, в 4,2 м к северу и в 8,0 м к западу от «0R». Глубина ямы составляла 2,50 м от «0R». Яма подпрямоугольной формы с длинной стороной 1,35 м. Короткие стороны несколько отличаются по своей длине – 0,65 м и 0,80 м. Длинной осью яма ориентирована по линии «ССВ–ЮЮЗ».

На глубине 1,20–1,30 м от «0R» были обнаружены обугленные продольные бревна перекрытия диаметром 10–15 см. На глубине 1,60 м от «0R» находились фрагменты поперечного деревянного перекрытия. У самого дна в южном углу по диагонали лежало бревно диаметром 15–20 см.

На дне ямы находился костяк взрослого человека в положении скорчено на левом боку, ориентированного головой на северо-северо-восток. Левая рука согнута в локте под углом 45°, правая – под углом 100°. Ноги сильно скорчены и поджаты к животу.

Между черепом и восточной стенкой могилы находился лепной округлобокий сосуд с отогнутым наружу венчиком, край которого скошен наружу (рис. 7, 5). Максимальное расширение тулова располагается немного выше середины высоты сосуда. По нему прочерчена одиночная горизонтальная линия. Между этой линией и венчиком располагается ряд прочерченных равнобедренных треугольников, обращенных вершинами вверх. Внутри треугольники заполнены тремя либо двумя наклонными вправо отрезками, в одном случае заполнение произведено двумя вписанными треугольниками. Зоны между вершинами треугольников заполнены тремя либо двумя прочерченными отрезками с наклоном влево. Цвет поверхности сосуда различный, от черного до коричневого. Обжиг неравномерный. В тесте примесь известняка и охры. Высота сосуда 12,1 см. Диаметр устья 17,0 см, шейки – 16,3 см, максимального расширения тулова – 17,2 см, дна – 8,9 см. Толщина стенок 0,7 см.

Второй сосуд, лепной острореберный (рис. 7, 6), находился в ногах ниже колен. Венчик отогнут, его край скошен наружу. Ребро располагается в верхней трети сосуда. Немного выше ребра прочерчена одиночная линия, а между ней и венчиком – ряд прочерченных треугольников, каждый из которых заполнен четырьмя отрезками с наклоном влево. Промежутки между вершинами треугольников заполнены наклонными вправо отрезками по 2 или 3 в каждом из этих промежутков. Цвет поверхности сосуда черный, с желтыми и коричневыми пятнами. Обжиг неравномерный. Высота сосуда 21,2 см. Диаметр устья 23,5 см, шейки – 23,0 см, максимального расширения тулова – 25,0 см, дна – 11,0 см. Толщина стенок 0,6 см.

Между сосудами на дне ямы лежали 3 сурьмяные бусины. Цвет серый, в изломе – белый. Формы: цилиндрическая, боченковидная (рис. 10, 6). Диаметр всех трех по 2,5 мм, толщина 2,0 мм, диаметр отверстий 1,2–1,5 мм.

Погребальная яма 6 (рис. 3, 3). Располагалась в северо-восточном секторе кургана в 3,4 м к северу и в 4,0 м к востоку от «0R». Глубина ямы составляла 1,98 м от «0R». Яма подпрямоугольной формы с длинной стороной 1,40 м. Короткие стороны несколько отличаются по своей длине – 0,60 м и 0,80 м. Длинной осью яма ориентирована по линии «СВ-ЮЗ». В заполнении ямы на глубине 1,58 м от «0R» встречен фрагмент дерева от продольного перекрытия могилы.

На дне ямы находился костяк взрослого человека. Поза – скорченно на левом боку с завалом на грудь. Ориентирован головой на северо-восток. Руки согнуты, кисти перед лицом. Стопы поджаты к тазу.

У восточной стенки ямы, перед грудью погребенного стоял лепной сосуд – банка закрытой формы (рис. 7, 8). Бока округло-выпуклые, особенно в верхней трети. Венчик загнут внутрь, край округлый. Обжиг неравномерный. Цвет поверхности сосуда – светло-коричневый, с черными пятнами. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 14,6 см. Диаметр устья – 13,7 см, максимального расширения тулова – 16,7 см, дна – 11,3 см. Толщина стенок 0,7 см.

У живота лежала на боку маленькая банка закрытой формы с выделенным венчиком (рис. 7, 7). Край венчика скруглен. Обжиг неравномерный. Внешняя поверхность коричневого цвета с переходом в черный оттенок. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 8,1 см. Диаметр устья – 9,6 см, максимального расширения тулова – 10,4 см, дна – 7,4 см. Толщина стенок 0,5–0,6 см.

Под погребенным, на дне ямы прослеживался сиреневый глен.

Погребальная яма 7 (рис. 3, 4). Располагалась в юго-западном секторе кургана, в 8,6 м к югу и в 6,0 м к западу от «0R». Глубина ямы составляла 1,84 м от «0R». Яма прямоугольной формы с закругленными углами, расширяющаяся ко дну. Размеры ямы 0,75 x 1,0 м на уровне материка и 0,85 x 1,10 м на уровне дна. Ориентирована продольной осью по линии «В-З». В заполнении ямы на

глубине 1,14–1,24 м встречались куски дерева от поперечного перекрытия могилы.

На дне ямы находился костяк ребенка. Положение – скорченно на левом боку, ориентирован головой на юго-юго-восток. Руки согнуты, правая под прямым углом, левая – под углом 135° и протянута к коленям. Перед лицом погребенного стоял лепной округлобокий горшок (рис. 7, 10). Край венчика горизонтально срезан, линия максимального расширения тулова находится в верхней трети высоты сосуда. Под венчиком гребенчатым штампом оттиснуты треугольники, образуемые тремя наклонными вправо отрезками. Обжиг сильный. Цвет поверхности кирпичный, в некоторых местах имеются черные пятна. В тесте примесь известняка и охры. Высота сосуда 9,8 см. Диаметр устья 12,4 см, шейки – 12,2 см, максимального расширения тулова – 12,9 см, дна – 6,5 см. Толщина стенок 0,5 см.

Рядом с этим сосудом перед грудью погребенного стоял еще один лепной горшок (рис. 7, 9). Край венчика срезан горизонтально и чуть скруглен. Дно имеет закрайку. По шейке проходит небрежно нанесенная двойная прорезанная линия, местами сливающаяся в одинарную. Другая двойная прорезанная линия проходит по максимальному расширению тулова. Между этими линиями гребенчатым штампом оттиснуты равнобедренные треугольники вершинами вверх, заполненные внутри наклонными вправо отрезками, выполненными таким же зубчатым штампом. У одного из треугольников поместились только левая сторона и левое внутреннее заполнение из коротких (по 3 зубца) оттисков гребенки. Области между вершинами треугольников заполнены наклонными отпечатками гребенки по 2–3 зубца. Под линией максимального расширения тулова расположена «бахрома» из отпечатков короткой гребенки. Обжиг неровный. Цвета поверхности сосуда – серый и черный. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 12,9 см. Диаметр устья 18,0 см, шейки – 17,4 см, максимального расширения тулова – 19,4 см, дна – 8,6 см. Толщина стенок 0,6–0,7 см.

Погребенный лежал на сиреневом тлене от подстилки. Ниже этого тлена все дно ямы было посыпано мелом. Мелом были засыпаны и сосуды.

Погребальная яма 8 (рис. 3, 5). Располагалась в юго-восточном секторе, в 9,4 м к югу и в 4,7 м к востоку от «0R». Глубина ямы составляла 2,05 м от «0R». Яма подпрямоугольной формы с закругленными углами размерами 1,2 x 0,85–0,95 м. Продольной осью ориентирована по линии «СВ–ЮЗ». В заполнении ямы на глубинах от 1,15 до 1,65 м встречались фрагменты мощного деревянного поперечного перекрытия. Диаметр бревен 15–20 см.

На дне ямы находился костяк ребенка с прорезающимися постоянными зубами. Поза – скорченно на левом боку, ориентировка – головой на северо-

восток. Руки согнуты, кисти перед лицом. Левая нога поджата сильнее правой. Сохранность костей плохая.

Перед лицом погребенного находился развал лепного острореберного сосуда (рис. 7, 11). Венчик срезан горизонтально. Ребро расположено немного выше середины высоты. По ребру проходит одиночная линия, выполненная гребенчатым штампом. Под ней располагается ряд из ромбов, выполненных тем же гребенчатым штампом. Внутри каждого ромба оттиснут отрезок с наклоном влево. Цвет поверхности сосуда светло-коричневый. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 12,2 см. Диаметр устья 17,9 см, шейки – 17,5 см, максимального расширения тулова – 19,4 см, дна – 9,8 см. Толщина стенок 0,5–0,8 см.

У локтей погребенного стоял второй острореберный сосуд (рис. 7, 12). Край венчика срезан горизонтально. Ребро расположено немного выше середины высоты сосуда и чуть скруглено. Часть венчика сверху по срезу и внутри подмазывалась дополнительно после высыхания глины. Толщина нового слоя составила 1–2 мм. Дно имеет закрайку. По шейке гребенчатым штампом оттиснута одиночная прямая линия. Выше и ниже ребра оттиснуты такие же линии, причем, верхняя неровная и в одном месте смыкается с нижней. Между этими линиями гребенчатым штампом нанесены короткие отрезки с наклоном вправо. Между этим поясом и верхней одиночной линией зубчатым штампом оттиснуты равнобедренные треугольники вершинами вверх, заполненные внутри оттиснутыми зубчатым штампом отрезками с наклоном влево. Цвет поверхности сосуда в основном черный, внизу – светло-коричневый. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 10,0 см. Диаметр устья 11,6 см, шейки – 11,1 см, максимального расширения тулова – 13,4 см, дна – 8,8 см. Толщина стенок 0,5 см.

Дно могилы покрыто сиреневым тленом.

Погребальная яма 9 (рис. 4, 1). Располагалась в юго-восточном секторе кургана, в 4,9 м к югу и в 5,9 м к востоку от «0R». Глубина ямы составляла 2,23 м от «0R». Яма прямоугольной формы с закругленными углами. Размеры по материке 1,25 x 0,85 м, по дну – 1,35 x 1,0 м. Продольной осью яма ориентирована по линии «СВ–ЮЗ». В заполнении встречались незначительные остатки дерева. Яму прорезали норы землеройных животных, испорчены стенки и часть дна.

Погребение совершено в центре ямы. Костяк ребенка лежал скорченно на левом боку, головой ориентирован на северо-восток. Правая рука была согнута, кисть находилась перед лицом, левая рука отсутствовала. Левая нога была поджата, пятка – у таза. Правая нога отсутствовала.

У лица погребенного стояла лепная банка закрытого типа (рис. 7, 13). Цвет поверхности светло-коричневый, местами – черный. Высота сосуда

9,3 см. Диаметр устья – 12,4 см, максимального расширения тулова – 12,6 см, дна – 8,7 см. Толщина стенок 0,6 см.

У колен находился второй сосуд – лепной острореберный (рис. 7, 14). Ребро расположено в верхней трети сосуда. По ребру и по горлу прочерчены одиночные линии. Между ними прочерчен ряд из треугольников, направленных вершинами вверх с заполнением из прочерченных отрезков. В основаниях треугольников и между вершинами расположены каплевидные вдавления. Обжиг неравномерный. Цвет поверхности – от светло-коричневого до черного. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 13,2 см. Диаметр устья 19,5 см, шейки – 19,2 см, максимального расширения тулова – 20,3 см, дна – 10,4 см. Толщина стенок 0,8 см.

Дно могилы покрыто сиреневым тленом, под ним – меловая подсыпка.

Погребальная яма 10 (рис. 4, 2). Располагалась в юго-восточном секторе кургана, в 9,5 м к югу и в 2,4 м к востоку от «0R». Глубина ямы составляла 1,53 м от «0R». Яма прямоугольной формы, с чуть закругленными углами, продольной осью ориентирована по линии «СВ-ЮЗ». Размеры в материке 1,05 x 0,55 м, по дну – 1,10 x 0,70 м. В заполнении встречались незначительные остатки дерева.

На дне ямы находился костяк ребенка с молочными зубами. Скелет почти полностью истлел. Сохранились лицевая и лобная части черепа, а также кости ног. От позвоночника и ребер остался тлен. Погребенный лежал скорченно на левом боку, головой на северо-восток. Положение рук неустановимо. Ноги скорчены, правая чуть сильнее.

Перед лицом погребенного стояла лепная банка закрытой формы (рис. 8, 2). Дно имеет закрайку. Цвет поверхности светло-коричневый с черными пятнами. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 8,0 см. Диаметр устья 11,2 см, максимального расширения тулова – 12,0 см, дна – 9,3 см. Толщина стенок 0,5–1,2 см.

Перед грудью погребенного стоял второй сосуд – лепной острореберный (рис. 8, 1). Венчик срезан горизонтально, ребро расположено чуть выше середины высоты. Цвет поверхности коричневый с серыми и черными пятнами. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 10,8 см. Диаметр устья 14,3 см, шейки – 14,0 см, максимального расширения тулова – 15,8 см, дна – 9,4 см. Толщина стенок 0,6–1,0 см.

Под черепом погребенного и сосудами отмечена меловая подсыпка.

Погребальная яма 11 (рис. 4, 3). Располагалась в юго-западном секторе кургана, в 5,25 м к югу и в 2,55 м к западу от «0R». Глубина ямы 1,47 м от «0R». Форма – прямоугольная со скругленными углами, ориентирована продольной осью по линии «СЗЗ-ЮВВ». Размеры 1,00 x 0,70 м. стенки аккуратно выработаны, в восточной стенке фиксировался вертикальный срез полукруглым

инструментом шириной до 4 см. В заполнении ямы на глубине 0,97 м в западной части были обнаружены остатки от одного из бревен поперечного перекрытия.

На дне ямы находился костяк ребенка с молочными зубами. Положение – скорченно на левом боку, головой на юго-восток-восток. Правая рука немного согнута в локте, кисть – между бедренных костей, левая рука протянута к коленям. Левая нога поджата сильнее правой.

Перед лицом погребенного стоял лепной горшок (рис. 8, 3). По шейке нанесен одиночный ряд из крупных округлых ямок. Ряд из мелких ямок проходит по линии максимального расширения тулова. Между этими рядами расположены зигзагообразные двойные линии из мелких ямок. В одном месте двойной зигзаг не поместился, и ямки расположены в один ряд. Дно имеет закрайку. Цвет поверхности серый, с черными и коричневыми пятнами. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 13,9 см. Диаметр устья 16,9 см, шейки – 16,7 см, максимального расширения тулова – 19,9 см, дна – 13,8 см. Толщина стенок – 0,6–0,8 см.

Второй сосуд – лепная банка закрытого типа (рис. 8, 4) – стоял ближе к нижней челюсти погребенного. Поверхность темно-серого и светло-коричневого цветов. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 5,9 см. Диаметр устья 9,2 см, максимального расширения тулова – 10,1 см, дна – 7,2 см. Толщина стенок – 0,6–1,0 см.

Стенки сосудов засыпаны мелом. Вокруг черепа погребенного и за спиной – темно-бурая охра.

Погребальная яма 12 (рис. 4, 4). Располагалась в юго-восточном секторе кургана, в 4,30 м к югу и в 1,15 м к востоку от «0R». Глубина ямы составляла 1,47 м от «0R». Форма – прямоугольная с чуть скругленными углами, продольной осью ориентирована по линии «СВ–ЮЗ». Размеры ямы 1,30 x 1,17 м. В заполнении ямы на глубине 0,97 м был встречен небольшой фрагмент от деревянного перекрытия.

На дне ямы находился костяк ребенка с молочными зубами. Положение – скорченно на левом боку, головой на северо-восток-восток. Руки согнуты, кисти перед лицом. Правая нога согнута чуть сильнее левой.

У длинной юго-восточной стенки на уровне лица погребенного стоял лепной округлобокий горшок (рис. 8, 5). Венчик плоскосрезанный. Линия максимального расширения тулова находится в верхней трети сосуда. По ней проходит одиночная линия, выполненная вдавлениями палочки. Такими же вдавлениями над ней нанесена линия зигзагов. Дно имеет закрайку. Цвет поверхности – пятнами: красноватыми, черными, серыми, светло-коричневыми. На внутренней поверхности – черный нагар. В тесте примесь меловых камешков и

охры. Высота сосуда 13,9 см. Диаметр устья 15,2 см, шейки – 24,4 см, максимального расширения тулова – 17,1 см, дна – 9,8 см. Толщина стенок 0,6 см.

Рядом с первым сосудом на кистях рук погребенного стоял второй – лепная банка открытой формы (рис. 8, 6). Край венчика срезан горизонтально. Стенки тщательно заглажены. Дно с расширяющимся поддоном. Под венчиком крупнозубчатым штампом нанесен ряд ромбов. Цвета поверхности сосуда: светло-коричневый, серый. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 9,2 см. Диаметр устья 10,8 см, дна – 6,8 см. Толщина стенок 0,4 см.

Дно ямы было покрыто сиреневым тленом.

Погребальная яма 13 (рис. 4, 5). Располагалась в юго-восточном секторе, в 6,0 м к югу и в 2,60 м к востоку от «0R». Глубина ямы 1,29 м от «0R». Яма прямоугольной формы со скругленными углами, продольной осью ориентирована по линии «СВ–ЮЗ». Дно сильно изрыто норами землеройных животных. На глубине 0,29 м от «0R» могила была перекрыта поперечными бревнами диаметром до 20 см. Часть бревен наклонно завалилась к середине ямы.

На дне ямы находился костяк ребенка, у которого часть зубов – молочные. Поза – скорченно на левом боку, головой ориентирован на северо-восток. Левая рука была согнута, кисть перед лицом. Правая рука была согнута в локте немного меньше, кисть находилась в стороне от лица. Ноги скорчены, колени подтянуты к животу, при этом левая нога скорчена сильнее. Сохранность костей плохая, от ребер и позвоночника остался только тлен.

Перед лицом погребенного стоял лепной острореберный сосуд (рис. 8, 8). Ребро расположено в верхней трети сосуда. Чуть выше ребра имеется одиночный ряд, выполненный вдавлениями торца палочки. Такой же ряд проходит по шейке сосуда. Дно имеет закрайку. Обжиг неровный. Цвета поверхности: светло-коричневый, черный. В тесте примесь известняка и охры. Высота сосуда 11,9 см. Диаметр устья 16,8 см, шейки – 16,2 см, максимального расширения тулова – 17,9 см, дна – 11,2 см. Толщина стенок 0,6 см.

На кисти правой руки погребенного стояла лепная банка закрытой формы (рис. 8, 7). Под венчиком нанесен ряд из наклонных вправо штрихов. Ниже его – ряд из равнобедренных треугольников, образованных вдавлениями полой трубочки. Треугольники размещены попеременно вершинами вверх и вниз. Дно имеет закрайку. Обжиг сильный. Цвет поверхности – светло-коричневый, с черными пятнами. В тесте примесь известняка и охры. Высота сосуда 10,9 см. Диаметр устья 11,9 см, дна – 7,2 см. Толщина стенок 0,6 см.

Дно могилы покрыто сиреневым тленом.

Погребальная яма 14 (рис. 5, 1). Располагалась в юго-западном секторе в 4,00 м к югу и в 5,80 м к западу от «0R». Глубина ямы 2,36 м от «0R». По материку фиксировалась яма прямоугольной формы с чуть скругленными углами размерами 1,40 x 1,20 м, продольной осью ориентированная по линии

«СВВ-ЮЗЗ». Стенки аккуратно выработаны. На них видны борозды шириной 3 см от инструмента, которым зачищали стенки. Ко дну яма расширяется до трапеции с длинами оснований 1,2 и 1,4 м и высотой 1,6 м. В заполнении ямы на разной глубине были зафиксированы остатки от поперечного перекрытия из бревен диаметром до 15 см. Непосредственно у дна вдоль длинной северной стенки и у короткой восточной лежало по бревну (возможно, это венец сруба).

На дне ямы в центральной ее части находился костяк взрослого человека. Бугорки на зубах не стертые. Поза – скорченно на левом боку, головой на юго-восток-восток. Руки согнуты в локтях, правая сильнее. Правая кисть лежала у лица ладонью вниз. Левая кисть согнута пальцами к лицу. Ноги скорчены, правая – сильнее.

На левой руке, на середине локтевых костей, поперек, лежала низка бусин. Бусины были плотно прижаты одна к другой, возможно, ими были расшиты рукава. Такие же бусины лежали в районе шейных позвонков (всего 159 целых и 5 обломков). Материал, из которого изготовлены бусы, металл (сурьма?). Цвет серый, в изломе белый, блестящий. Формы: цилиндрические, конусовидные, бочонковидные. Диаметры 2,0–2,5 мм, высота 1,0–3,5 мм, диаметр отверстий 1,5–2,0 мм. Этими бусами, по-видимому, был расшит головной убор.

Против черепа, у длинной южной стенки лежал лепной сосуд – банка закрытого типа (рис. 8, 10). Венчик срезан горизонтально. Линия максимального расширения тулова располагается в верхней четверти высоты. Под венчиком зубчатым штампом нанесен ряд из наклонных вправо отрезков. Внутри сосуда горизонтальные расчески, снаружи у дна – вертикальные. В тесте примесь известняка. Цвет поверхности серый. Внутри сосуда нагар. Высота сосуда 16,1 см. Диаметр устья 17,7 см, максимального расширения тулова – 19,3 см, дна – 10,6 см. Толщина стенок 0,6 см.

У локтей погребенного стоял второй сосуд, также банка закрытого типа (рис. 8, 9). На внешней поверхности имеются следы вертикального заглаживания. Под венчиком нанесен ряд из коротких штрихов, выполненных острым предметом по сырой глине. Дно имеет закрайку. Обжиг неровный. Цвет поверхности – светло-коричневый, с темными пятнами. В тесте примесь известняка и охры. Высота сосуда 12,5 см. Диаметр устья 13,5 см, максимального расширения тулова – 13,9 см, дна – 8,8 см. Толщина стенок 0,6 см.

Между сосудами и кистями рук находились кости животного в количестве 7 шт., по-видимому, барана.

Рядом с коленями погребенного лежали, остриями к нему, бронзовое шило с костяной рукоятью (рис. 10, 5) и игла (рис. 10, 7). Шило в сечении прямоугольное, от середины к обоим концам заостряется. Длина 8,5 см, сече-

ние в середине 0,5 x 0,3 см. Рукоять изготовлена из трубчатой кости. Внутри, на насаде шила, свободное пространство было заполнено кожей. Под шилом сохранились кусочки кожи от чехла. У иглы острый кончик обломлен, тупой загнут в ушко. Игла в сечении круглая. Длина 8,4 см, диаметр – 1,0 мм.

Все дно могилы густо засыпано мелом. Поверх мела – сиреневый глен от подстилки. Толщина подстилки 5–10 мм. Вокруг черепа и под ним – ярко-красная охра. Оба сосуда находились на подстилке, под ними был особенно толстый слой мела 3–5 мм. Костяк сверху был накрыт берестой.

Погребальная яма 15 (рис. 5, 2). Располагалась в юго-западном секторе кургана, в 5,0 м к югу и в 10,2 м к западу от «0R». Глубина ямы составляла 2,44 м от «0R». Яма подпрямоугольной формы размерами 1,60 x 1,20–1,30 м, ориентирована продольной осью по линии «СВ–ЮЗ». В заполнении на разной глубине встречались фрагменты дерева от поперечного перекрытия ямы, а также кости человека и фрагмент сосуда.

На дне ямы находился костяк взрослого человека, по всей видимости, женщины. Многие кости отсутствовали. На месте находились череп без нижней челюсти, правая рука без кисти, колени с коленными чашечками, левая стопа, плюсна правой стопы. Поза – скорченно на левом боку, головой – на северо-восток. Правая рука так сильно согнута в локте, что плечевая и локтевая кости плотно прижаты. Под коленями, по направлению к голове лежала кисть правой руки в полусогнутом положении: большой палец сверху, фаланги остальных – к тазу. Под локтем правой руки лежал уголек.

Перед лицом погребенной стоял лепной горшок со сглаженным ребром (рис. 8, 11). Венчик отогнут и скошен наружу. Скругленное ребро находится в верхней трети сосуда. Дно имеет закрайку. Под венчиком прочерчен тройной зигзаг с незамкнутыми углами. Обжиг неровный. Цвет поверхности светло-коричневый с черными пятнами. В тесте примесь известняка. Внутри сосуда нагар. Высота сосуда 11,9 см. Диаметр устья 13,8 см, шейки – 13,4 см, максимального расширения тулова – 15,3 см, дна – 8,6 см. Толщина стенок 0,5–1,0 см.

Между локтем и длинной юго-восточной стенкой стоял второй сосуд, лепной острорезный (рис. 8, 12). Венчик слегка отогнут и скошен наружу. Ребро расположено в верхней трети сосуда. По ребру проходит одиночная линия, выполненная мелкой гребенкой. Таким же штампом между этой линией и венчиком нанесены косые линии, образующие сетку ромбов. Обжиг сильный, но неровный. Цвет поверхности – коричневый с черными пятнами. На внешней поверхности сажевидные натёки. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 17,8 см. Диаметр устья 23,5 см, шейки – 23,2 см, максимального расширения тулова – 24,5 см, дна – 9,8 см. Толщина стенок 0,7–0,8 см.

Дно ямы было засыпано мелом толщиной 3 мм, поверх мела – сиреневый глен от подстилки.

Погребальная яма 16 (рис. 6, 1). Располагалась в юго-западном секторе кургана в 7,60 м к югу и в 2,40 м к западу от «0R». Глубина ямы 2,89 м от «0R». Яма трапециевидной формы со скругленными углами. Размеры в материке 1,70 x 1,20–1,05 м, по дну – 1,70 x 1,30–1,15 м. Продольной осью яма ориентирована по линии «СВ–ЮЗ». В заполнении ямы на разной глубине встречались фрагменты мощного деревянного поперечного перекрытия, а также несколько угольков. В 20 см от дна в юго-восточном углу находились 2 обломка костей, одна из которых трубчатая.

На дне ямы, в центральной ее части, находился костяк взрослого человека, по-видимому, мужчины. Зубы стертые, коренные почти разрушены. Поза – скорченно на левом боку с завалом на спину, ориентация головой на северо-восток-восток. Руки согнуты в локтях. Левая рука подогнута кистью к лицу, большим пальцем вниз. Правая рука лежит кистью на левом запястье. Ноги сильно согнуты, левая – сильнее. На позвоночнике и коленях большие наросты. Между черепом и северо-восточной стенкой лежала бабка лошади.

Перед руками погребенного стоял сосуд – лепная банка закрытого типа (рис. 9, 1). Венчик скруглен, под венчиком прочерчены косые кресты. Между крестами – короткие штрихи, преимущественно с наклоном вправо. При нанесении орнамента один крест, по-видимому, не поместился, и была проведена одна черта с наклоном влево. Дно имеет закрайку. Обжиг неравномерный. Цвета поверхности: светло-коричневый и серый. В тесте примесь известняка и охры. Высота сосуда 14,5 см. Диаметр устья 14,3 см, максимального расширения тулова – 15,8 см, дна – 9,9 см. Толщина стенок 0,8 см.

У колен лежал второй сосуд – лепная банка, также закрытой формы (рис. 9, 2). Край венчика срезан горизонтально. Дно имеет небольшую закрайку. В верхней части сосуда прочерчены кресты. Пространство между крестами заполнено короткими штрихами. При нанесении орнамента один крест, по-видимому, не поместился, и была проведена лишь наклонная влево черта. Поверхность тщательно обработана. Цвет светло-коричневый, венчик – черный. В тесте примесь известняка и охры. Высота сосуда 8,8 см. Диаметр устья 11,2 см, максимального расширения тулова – 11,6 см, дна – 6,5 см. Толщина стенок 0,6–1,2 см.

За большим сосудом лежало несколько ребер животного, судя по размеру – ягненка. Дно густо посыпано мелом, выше мела – сиреневый глен от подстилки.

Погребальная яма 17 (рис. 5, 3). Располагалась в юго-восточном секторе кургана, в 2,80 м к югу и в 7,70 м к востоку от «0R». Глубина ямы составляла 2,26 м от «0R». Яма прямоугольной формы с чуть скругленными углами, продольной осью ориентирована по линии «СВ–ЮЗ». Размеры в материке

1,10 x 0,75 м, у дна – 1,20x 0,85 м. В заполнении встречались незначительные фрагменты деревянного перекрытия.

На дне ямы был обнаружен костяк ребенка, зубы у которого сменились на постоянные. Поза – скорченно на левом боку, ориентация головой – на северо-восток. Руки согнуты, кисти перед лицом, правая кисть лежала под левой.

Перед лицом погребенного стоял лепной горшок (рис. 9, 3). Венчик чуть отогнут и срезан наружу. Линия максимального расширения тулова находится в верхней трети сосуда. Под венчиком нанесен ряд овальных вдавлений. Обжиг ровный. Цвет поверхности – светло-коричневый. Поверхность отслаивается. В тесте примесь известняка и охры. Высота сосуда 7,7 см. Диаметр устья 11,5 см, шейки – 11,0 см, максимального расширения тулова – 11,4 см, дна – 7,1 см. Толщина стенок 0,5–0,6 см.

Перед грудью погребенного стоял еще один лепной горшок (рис. 9, 4). Край венчика срезан горизонтально. Плечики чуть выделены в верхней четверти сосуда. С одного бока плечико почти незаметно. Дно имеет закрайку. Под венчиком прочерчены перекрещивающиеся линии, образующие горизонтальную елочку, углом влево. Ниже по плечикам нанесены треугольники из вдавлений поллой трубочки, образующих окружности диаметром 4,0 и 2,5 мм. Обжиг неравномерный. Цвет поверхности – от светло-коричневого, внизу сосуда, до черного вверху. В тесте примесь известняка и охры. Снаружи и внутри сосуда – толстые сажевидные потеки. Высота сосуда 17,7 см. Диаметр устья 15,3 см, шейки – 14,9 см, максимального расширения тулова – 16,5 см, дна – 11,2 см. Толщина стенок 0,6–0,7 см.

Под сосудами – меловая посыпка. Дно могилы покрыто черным тленом.

Погребальная яма 18 (рис. 6, 2). Располагалась в северо-восточном секторе кургана, в 1,30 м к северу и в 5,30 м к востоку от «0R». Глубина ямы составляла 2,23 м от «0R». Яма прямоугольной формы с чуть скругленными углами, ориентирована продольной осью по линии «С-Ю». Стенки вертикальные. В заполнении встречались незначительные фрагменты деревянного перекрытия. В центре ямы на глубине 0,73 м от «0R» было обнаружено ребро крупного животного.

На дне ямы находился костяк подростка. Поза – скорченно на левом боку с завалом на грудь, ориентация головой на северо-северо-восток. Левая рука согнута в локте под углом 70°, правая рука согнута под углом 20–25°. Кисти рук находились у лица.

Между левой плечевой костью и локтем стояла небольшая асимметричная лепная банка открытого типа (рис. 9, 5). Край венчика скруглен, бока немного раздуты. В верхней части сосуда прочерчен орнамент в виде зигзага. Количество линий в зигзаге от 1 до 3. Поверхность сосуда темно-серого и ко-

ричногого цветов. Высота сосуда 6,4-7,2 см. Диаметр устья 12,2 см, дна – 8,2 см. Толщина стенок 0,6 см.

Между руками погребенного и восточной стенкой стояла лепная банка закрытого типа (рис. 9, 6). Край венчика скруглен. Один бок выше другого. Линия максимального расширения тулова находится в верхней трети сосуда. Поверхность темно-серого и черного цветов. Внутри сосуда сильный нагар. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 12,4-13,2 см. Диаметр устья 13,6 см, максимального расширения тулова – 14,7 см, дна – 10,0 см. Толщина стенок 0,6-0,7 см.

Погребальная яма 19 (рис. 6, 3). Располагалась в юго-западном секторе кургана, в 1,0 м к югу и в 10,30 м к западу от «0R». Глубина ямы 1,87 м от «0R». Погребальная яма на уровне материка имеет подпрямоугольную форму с размерами 0,90 x 0,55 м, на уровне дна – 0,90 x 0,65 м. Яма продольной осью ориентирована по линии «СВ-ЮЗ». В заполнении ямы были встречены фрагменты деревянного перекрытия и два уголька, один из которых находился в 5 см от дна у затылка погребенного.

На дне ямы был обнаружен костяк ребенка, у которого часть зубов сменялась на постоянные. Поза – скорченно на левом боку, ориентировка головой на северо-восток-восток. Руки согнуты, кисти перед лицом. Правая рука согнута сильнее. Колени прижаты к животу.

Вдоль длинной северо-восточной стенки стояли 3 сосуда. Напротив лица находилась лепная миска (рис. 9, 7). Венчик слегка отогнут наружу, край скруглен. Линия максимального расширения тулова находится в верхней трети сосуда. Поверхность аккуратно заглажена. Под венчиком нанесен одиночный ряд из подтреугольных и округлых вдавлений. На плечике расположен двойной ряд из таких же вдавлений. Между этими рядами прочерчен ряд ромбов, заштрихованных линиями с наклоном вправо. Дно имеет поддон. Внешняя поверхность черная, внутренняя – светло-коричневая и черная. В тесте примесь известняка и охры. Высота сосуда 8,2 см. Диаметр устья 15,9 см, шейки – 15,4 см, максимального расширения тулова – 16,2 см, дна – 8,0 см. Толщина стенок 0,5 см.

У колен находился второй сосуд – банка закрытого типа (рис. 9, 9). Край венчика срезан немного внутрь. В верхней части сосуда под венчиком прочерчены взаимоперекрещивающиеся линии, образующие сетку. Дно имеет закрайку. Цвета поверхности сосуда: светло-коричневый, серый, черный. На боках в верхней части имеются сажевидные потеки, внутри сосуда – остатки черного нагара. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 13,8 см. Диаметр устья 15,0 см, максимального расширения тулова – 15,7 см, дна – 9,0 см. Толщина стенок 0,6 см.

В ногах погребенного стоял третий сосуд – банка закрытого типа с едва выделенным венчиком (рис. 9, 8). Край венчика срезан внутрь, грани его чуть скруглены. Линия максимального расширения тулова находится в верхней четверти высоты сосуда. Под венчиком нанесены 3 ряда коротких вдавлений, частично вертикальных, прочие с правым наклоном. Дно имеет закрайку. Поверхность сосуда темно-бурая. Внутри имеются следы нагара. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 14,0 см. Диаметр устья 15,8 см, максимального расширения тулова – 16,6 см, дна – 9,5 см. Толщина стенок 0,6 см.

На дне ямы местами прослежены сиреневый тлен от подстилки и посыпка мелом.

Погребальная яма 20 (рис. 6, 4). Располагалась в юго-западном секторе кургана в 2,70 м к югу и в 8,90 м к западу от «0R». Глубина ямы 1,39 м от «0R». Яма подпрямоугольной формы со скругленными углами, продольной осью ориентирована по линии «СВВ-ЮЗЗ». Размеры ямы 0,70 x 0,55 м. Дно неровное, в центре обнаружен фрагмент ребра ребенка. Вдоль юго-юго-восточной стенки, ближе к ее восточному краю, лежала фаланга пальца руки.

В том же восточном углу стояла лепная банка закрытого типа (рис. 9, 10). Край венчика срезан горизонтально. Под венчиком расположен ряд из продолговатых наклонных вправо вдавлений. Поверхность сосуда светло-коричневого, серого и черного цветов. Сосуд, по-видимому, в употреблении не был. В тесте примесь известняка и охры. Высота сосуда 6,6–6,7 см. Диаметр устья 9,6 см, максимального расширения тулова – 10,1 см, дна – 7,8 см. Толщина стенок 0,5–0,6 см.

Очевидно, скелет ребенка истлел. Ориентирован он был, судя по форме ямы и местоположению фаланги пальца, головой на северо-восток.

На дне в некоторых местах прослеживается меловая подсыпка.

Погребальная яма 21 (рис. 6, 5). Располагалась в юго-восточном секторе, в 3,60 м к югу и в 3,60 м к востоку от «0R». Глубина ямы составляла 2,14 м от «0R». Яма подпрямоугольной формы со скругленными углами, продольной осью ориентирована по линии «СВ-ЮЗ». Северо-западная длинная стенка длиннее противоположной юго-восточной. Северный угол менее скруглен, чем все остальные. Стенки вертикальные. Размеры 1,45–1,25 x 0,85 м. В заполнении ямы встречались фрагменты деревянного перекрытия.

На дне ямы был обнаружен костяк ребенка. Зубы сменялись на постоянные, прорезался последний коренной зуб. Поза – скорченно на левом боку, головой ориентирован на северо-восток. Руки согнуты в локтях, кисти перед лицом. Правая рука согнута сильнее. Левая нога согнута сильнее правой.

Возле живота погребенного лежал на боку лепной сосуд – банка открытого типа (рис. 9, 11). Край венчика скошен наружу и примят. В верхней половине сосуда мелкой гребенкой нанесены отрезки с наклоном вправо. Цвета

поверхности – коричнево-красный и черный. Внутри сосуда следы нагара. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 8,3 см. Диаметр устья 10,5 см, дна – 7,1 см. Толщина стенок – 0,6 см.

У юго-восточной стенки, перед руками погребенного находился развал лепного горшка (рис. 9, 12). Высота слегка отогнутого наружу венчика, край которого срезан наружу, неодинакова. По зоне максимального расширения тулова проходит нанесенная гребенчатым штампом одиночная прямая линия. Выше нее таким же штампом оттиснут ряд треугольников вершинами вверх, а ниже нее – ряд треугольников вершинами вниз. Нижние треугольники заполнены короткими штрихами. Такие же штрихи обрамляют эти треугольники снаружи, а также венчик. На внутренней поверхности сосуда – грубые расчесы. Цвет поверхности черный со светло-коричневыми пятнами. В тесте примесь известняка и охры. Высота сосуда 14,4 см. Диаметр устья 17,3 см, шейки – 16,2 см, максимального расширения тулова – 16,9 см, дна – 9,4 см. Толщина стенок 0,6–0,7 см.

Погребенный лежал на сиреневой растительной подстилке. Под подстилкой все дно было покрыто мелом.

Погребальная яма 22 (рис. 6, 6). Располагалась в северо-восточном секторе, в 7,00 м к северу и в 8,0 м к востоку от «0R». Глубина ямы составляла 1,92 м от «0R». Яма трапециевидной формы со скругленными углами размерами 0,60–0,78 x 1,10 м, ориентирована продольной осью по линии «СВ–ЮЗ». В заполнении встречались незначительные фрагменты деревянного перекрытия.

На дне ямы, ближе к северо-западной стенке находился костяк ребенка. Поза – скорченно на левом боку, головой ориентирован на северо-восток. Руки согнуты в локтях, кисти перед лицом. Ноги поджаты к животу, левая скорчена сильнее.

У лица погребенного стоял лепной сосуд – банка закрытого типа (рис. 9, 13). Край венчика срезан наружу и чуть примят, отчего на внешней стороне образовалась небольшая закрайка. В верхней трети сосуда расположено сильно сглаженное ребро. Цвета поверхности – темно-серый и черный. Внутри сосуда следы сильного нагара, особенно на дне. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 15,2 см. Диаметр устья 17,6 см, максимального расширения тулова – 18,2 см, дна – 10 см. Толщина стенок 0,5–0,6 см.

Ниже, у локтей, стоял другой лепной сосуд – банка закрытой формы (рис. 9, 14). Край венчика срезан горизонтально. Сосуд асимметричный, стенки в средней части неравномерно выпуклые. Под венчиком зубчатым штампом нанесены знаки: ромбы, треугольники, параллелограммы, косые линии. Дно имеет небольшую закрайку. Фактура глины рыхлая. Цвет поверхности темно-серый с черными и светло-коричневыми пятнами. В тесте примесь из-

вестняка. Высота сосуда 10,6 см. Диаметр устья 12,4 см, максимального расширения тулова – 13,1 см, дна – 8,2 см. Толщина стенок 0,5 см.

Под костяком имелся незначительный слой меловой подсыпки.

* * *

Представленные материалы погребений кургана 3 позволяют выявить взаимосвязь с другими курганами группы (речь идет об уже опубликованных курганах 1, 2, 4 и 5, см. выше) и высказать предположение о принадлежности всех этих курганов единому, в обрядовом и культурном отношении, коллективу. Сопровождающие погребения вокруг основного погребения 3, несмотря на достоверные выкиды на поверхности древнейшей насыпи, составляют единый обрядовый комплекс³. Их объединяют глубокие могильные ямы, близкое соотношение линейных размеров могил, наличие охры (в некоторых) и меловой подсыпки (в большинстве) погребений, а также – сиреневого тлена от подстилок, наличие деревянного перекрытия, единство керамического комплекса. Представляется очевидным, что вокруг центрального погребения с каменной конструкцией создавалось родовое кладбище в единой погребальной традиции в течение не слишком продолжительного периода времени.

Особенно близкой является аналогия центрального погребения 3 кургана 3 с погребением 2 кургана 5, которое также располагалось в центре и было заполнено камнями. Кроме того, курганы 3 и 5 сближает наличие погребения, смежного с центральным, с не до конца ясной стратиграфической позицией. Возможно, оно сооружалось одновременно с главным (для кургана 3 это погребение 4, для кургана 5 – погребение 1). По аналогии с курганом 5, для кургана 3 можно предполагать обрядовую связь погребений 3 и 4 в рамках общей погребальной конструкции.

Каменная конструкция над центральным погребением 3, вероятно, первоначально была сооружена как надмогильная и, возможно, данное сооружение первоначально функционировало как склеп с соответствующими такой ситуации ритуалами. И лишь после разрушения деревянного перекрытия яма погребения 3 оказалась заполненной камнями.

Особый интерес представляют находившиеся среди этих камней две каменные плиты с петроглифами – изображениями кругов с отходящими от них отрезками прямых, образующих углы (рис. 10, 1–4). Подобные изображения ранее не встречались на памятниках срубной культуры Нижнего Поволжья и, насколько нам удалось установить, вообще нигде на памятниках сред-

³ Обрядовую близость погребений курганов 1, 2 и 4 мы уже отмечали ранее [Кочерженко и др., 2016. С. 208].

ней и поздней бронзы степей Восточной Европы. В связи с этим они заслуживают особого рассмотрения.

В погребении 3, где данные плиты были обнаружены, костяк погребенного, к сожалению, сохранился лишь частично. С уверенностью можно говорить лишь о левобочной позе с подогнутыми ногами и ориентировке головой на северо-восток. Инвентарь, помимо плит с петроглифами, в этом погребении отсутствует. Однако расположение и особенности сооружения могилы позволяют проводить прямые параллели с курганом 5. А центральное погребение 2 из кургана 5 содержало хорошо сохранившийся сосуд, безусловно, срубного облика. Таким образом, данное погребение, да и курган в целом, даже с учетом наличия реликтовых обрядовых признаков предшествующего времени (положение погребенного на правом боку, наличие каменного пестта, а также каменной конструкции), могут быть атрибутированы как раннесрубные [Кочерженко и др., 2017. С. 157]. С большой вероятностью аналогичное погребение кургана 3 с такой же, или близкой конструкцией, как самой могилы, так и каменного сооружения в рамках единой курганной группы можно отнести к этому же периоду.

Общий культурный контекст обряда рассматриваемых погребений (значительная глубина ямы, заполнение ее камнями, предположительное сооружение каменной конструкции над могилой) дает направление для поиска аналогий в более южных регионах, в среде катакомбных памятников Предкавказья и Нижнего Подонья [Корневский, 1990. С. 29]. И здесь, с нашей точки зрения, особое значение имеют те параллели, которые можно установить для обнаруженных в кургане 3 камней с петроглифами.

Нам представляется, что аналогами для них являются находимые в погребениях детали повозок, причем не целых, а именно фрагментированных. Подробно такие захоронения изучались Е.В. Избицер [Избицер, 1993]. Впервые погребение, содержавшее колеса и другие детали нескольких повозок, было открыто П.С. Рыковым в 1935 г. в Калмыкии в одном из курганов группы «Три брата» [Избицер, 1993. С. 5]. В погребениях колеса разобранных повозок размещались, как правило, плашмя рядом с осями и деталями кузовов, зачастую на перекрытии могилы [Избицер, 1993. С. 6]. Камни, оказавшиеся в погребении 3 кургана 3, по-видимому, первоначально также находились на перекрытии, а в могилу попали, когда перекрытие обветшало и разрушилось. Изображены на них круги с отходящими от них углами, что может быть интерпретировано как сплошное колесо с осью и деталью кузова.

Погребения именно с парами колес, а также с деталями и фрагментами повозок зарегистрированы от Урала до Днепра в памятниках ямной, новотитаровской и катакомбной культур, и Е.В. Избицер считает, что с завершением позднекатакомбного времени данная традиция прекращает свое существова-

ние. Для позднекатакомбных памятников ростово-луганской группы отмечает наличие колес и частей повозок Н.М. Власкин [Власкин, 2010. С. 20]. Е.В. Избицер отмечал, что помимо погребений с частями повозок, зафиксированы также 22 погребения с моделями повозок.

Нам видится, что камни с изображением кругов из погребения 3 кургана 3 у с. Дмитриевка следует отнести к тому же кругу артефактов «деталей и изображений повозок», а сам памятник рассматривать в культурном контексте «погребений с повозками». Данное предположение находит свое подтверждение в целом ряде других аналогий, возможных для погребений дмитриевских курганов 3 и 5. Так, в захоронениях с повозками исследователями нередко фиксируется правобочное расположение костяков [Избицер, 1993. С. 6, 8] – так же, как и в погребении 2 кургана 5 у Дмитриевки. Еще в таких погребениях встречаются чернолощенные сосуды [Избицер, 1993. С. 8] – чернолощенный сосуд обнаружен и в погребении 19 кургана 3 у Дмитриевки. Кроме того, в них встречаются песты [Избицер, 1993. С. 5] – как в погребении 2 кургана 5 у Дмитриевки.

Еще одной линией аналогий могут послужить формы сосудов из погребений 11 и 12 кургана 3 Дмитриевки, пропорции которых (широкое дно, резко расширяющиеся округлые плечики и короткий выделенный венчик) находят параллели в маньчжских катакомбных формах. Орнаментация, подобная дмитриевским сосудам из погребений 11 и 12 кургана 3, фиксировалась В.А. Лопатиным на памятнике Алтата [Лопатин, 2014. Рис. 49, 26], при этом посуда с подобной орнаментацией была отнесена исследователем к реликтовым формам. Форма шила из погребения 14 кургана 3 – прямоугольное с уплощенным профилем В.А. Лопатиным также атрибутируется как ранняя [Лопатин, 2014. Рис. 49, 19, 20].

Таким образом, совокупность артефактов и культурных признаков различных погребений кургана 3 позволяют сделать вывод о том, что мы имеем дело, скорее всего, с единым погребальным комплексом, создававшимся в течение не очень продолжительного времени членами коллектива, жизнь которого может быть отнесена к раннесрубному времени. Но еще важнее то, что данный сложный погребальный комплекс, содержащий, как мы пытались доказать, изображения колес и частей повозок, является логичным продолжением в срубных комплексах одной из древнейших индоевропейских традиций размещения деталей повозок в погребениях. Е.В. Избицер отмечает, что такие погребения были зафиксированы в памятниках от ямного до позднекатакомбного времени. Присутствие такой традиции в срубном могильном комплексе может послужить еще одним подтверждением известной преемственности и прямого влияния катакомбного мира на формирование срубных памятников Нижнего Поволжья.

В связи с этим уместно будет высказать предположение о том, что пути сложения срубной культуры на разных территориях могли существенно отличаться друг от друга, как по компонентам, принимавшим участие в культуругенезе, так и по времени. Дмитриевский курганный могильник явно демонстрирует черты влияния более ранних культурных образований катакомбного мира и, прежде всего Предкавказья.

Процесс культуругенеза рубежа средней и поздней бронзы уже достаточно долго и активно изучается исследователями. В работе, посвященной публикации конкретного археологического памятника, едва ли будет уместен подробный анализ различных точек зрения на этот счет и приведение детальной аргументации в пользу своей точки зрения – данному вопросу мы предполагаем посвятить отдельную работу, однако мы позволим себе высказать здесь ряд общих суждений по проблеме перехода от средней к поздней бронзе.

Нам представляется, что применительно к периоду перехода от средней к поздней бронзе, как, впрочем, и к любому другому переходному периоду, понятийный аппарат, в центре которого находится категория «археологической культуры», если и применим, то с очень большими оговорками. Да и сам археологический материал в подобной ситуации не укладывается в «прокрустово ложе» некоторых культурных моделей⁴. Содержанием переходного периода, который не является хронологически коротким, а, надо полагать, вполне сравним по продолжительности с периодами стабилизации, является существование значительного числа различных культурных групп, не обладающих структурой и внутренней связностью, характерных для «классической» археологической культуры периода стабилизации. В это время распадаются старые культурные связи, меняются направления взаимодействия, какие-то группы исчезают, а какие-то становятся центрами консолидации и роста новых культурных образований. В переходный период (а лучше, наверное, будет сказать – в период деструкции⁵) между средней и поздней бронзой появляются первые «ростки» срубного мира.

Здесь нам кажется уместным упомянуть еще об одном наблюдении, касающемся связи некоторых срубных комплексов с предшествующим временем. Это наблюдение требует отдельного самостоятельного исследования, и

⁴ Показательным примером подобного рода, на наш взгляд, является ситуация с попыткой выделения сначала «криволукской культурной группы», а затем – «волго-донской бабинской культуры» [Мимоход, 2014. С. 100-119] на основе материалов, внутренняя связность которых является дискуссионной.

⁵ Термин Е.Н. Черныха, введенный им в очень значимой, хотя и незаслуженно мало упоминаемой работе, посвященной как раз проблематике механизма смены археологических культур [Черных, 1988. С. 37-57].

поэтому мы выскажем его как осторожное предположение. Ранние срубные могильники в ряде случаев формируются вокруг центрального захоронения с реликтовыми чертами, и далеко не всегда такие черты свидетельствуют об иной культурной принадлежности центрального погребения – ранние черты могут быть своего рода «стилизацией» в рамках идеи преемственности. Возможно, такая традиция продолжает существовать и в более поздние периоды развития срубной культуры, являясь «идеологическим стержнем», объединяющим родовое кладбище.

И очень важно не отрывать от срубного культурного массива все то, что какими-то признаками отличается от классической срубной культуры, объявляя эти материалы новыми культурами и оставляя при этом срубные памятники без начала и конца, лишая культуру своего естественного развития, а наоборот – следует постараться проследить истоки формирования основных культурообразующих признаков срубного мира. Только на этом пути можно понять, как и откуда появляются и каким образом оформляются основные характеристики срубной культуры.

Процесс формирования культуры сложен и многообразен, и на примере одного могильника сложно судить обо всех «векторах»⁶, повлиявших на ее сложение. Тем не менее, на примере Дмитриевского могильника можно сделать предварительный вывод о значимом южном катакомбном импульсе в этом процессе. Слишком яркие и многочисленны в нем проявления предшествующего катакомбного пласта и, вместе с тем, срубные культурные элементы вполне очевидны и бесспорно атрибутируемы именно как срубные. Но только преемственность мира срубного от мира катакомбного следует понимать не примитивно-редуцированно как превращение катакомбной культуры в срубную, а как переход от «хаоса» посткатакомбного периода деструкции к «порядку» классической срубной культуры.

Литература:

Власкин Н.М. Сравнительная характеристика катакомбных культур маньчжского типа эпохи средней бронзы: автореферат дис. ... канд. ист. н. СПб., 2010.

Жемков А.И., Ким М.Г., Кочерженко О.В., Слонов В.Н. Курганная группа у села Дмитриевка Вольского района Саратовской области // Археология Восточно-европейской степи. Вып. 12. Саратов, 2016.

⁶ Термин В.А. Лопатина [Лопатин, 2010. С. 165].

Жемков А.И., Ким М.Г., Кочерженко О.В., Слонов В.Н. Исследования кургана 5 у с. Дмитриевка Вольского района Саратовской области // Археология Восточно-европейской степи. Вып. 13. Саратов, 2017.

Избицер Е.В. Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа III-II тыс. до н. э.: автореферат дис. ... канд. ист. н. СПб., 1993.

Корневский С.Н. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М., 1990.

Кочерженко О.В., Малов Н.М., Слонов В.Н. Орнаментация срубной погребальной керамики Нижневолжского Правобережья (пограничье степи и лесостепи) // Теория и прикладные методы в археологии. Саратов, 1994.

Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье. Саратов, 2010.

Лопатин В.А. Начало эпохи поздней бронзы на севере Нижнего Поволжья. Саратов, 2014.

Мимоход Р.А. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от криволукской культурной группы к волго-донской бабинской культуре // КСИА. Вып. 232. М., 2014.

Черных Е.Н. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.

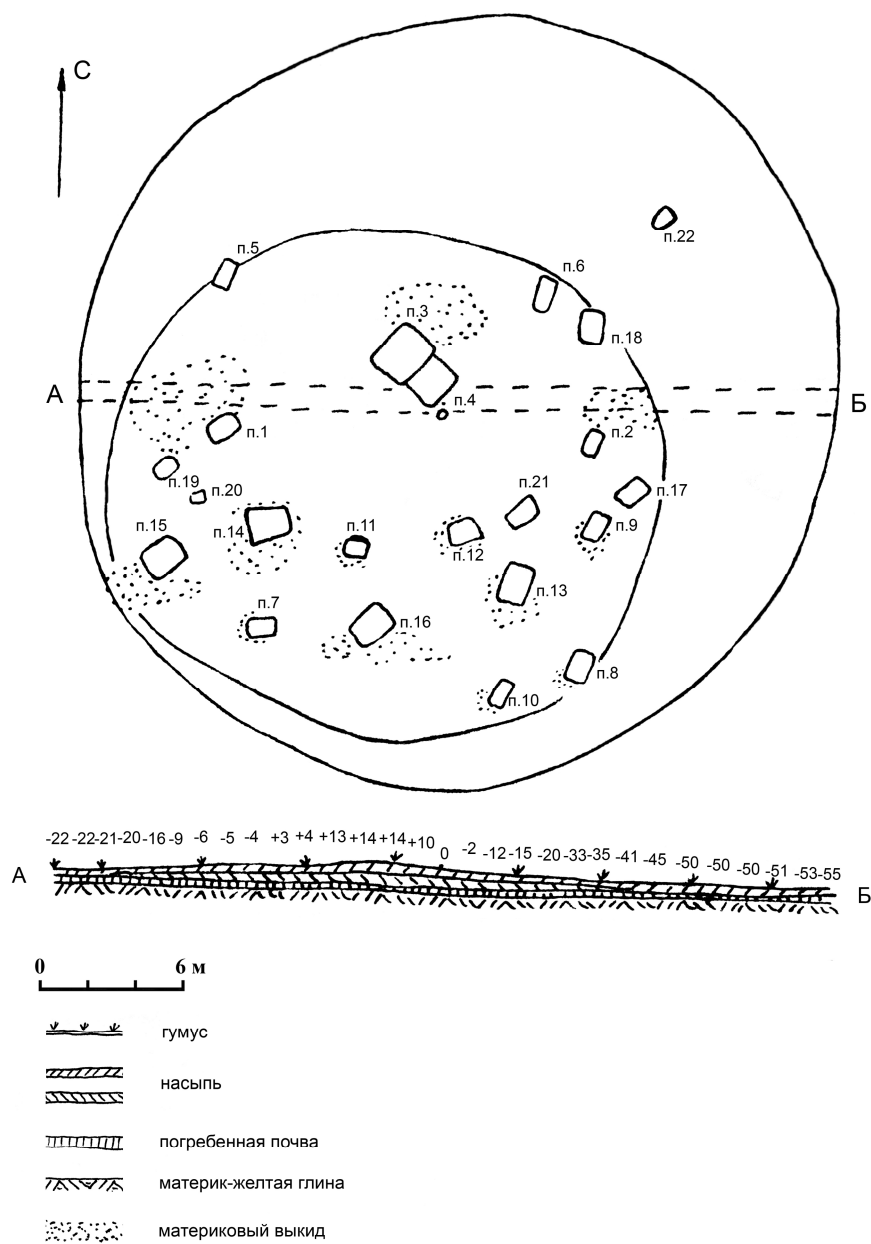

Рис. 1. План и разрез кургана

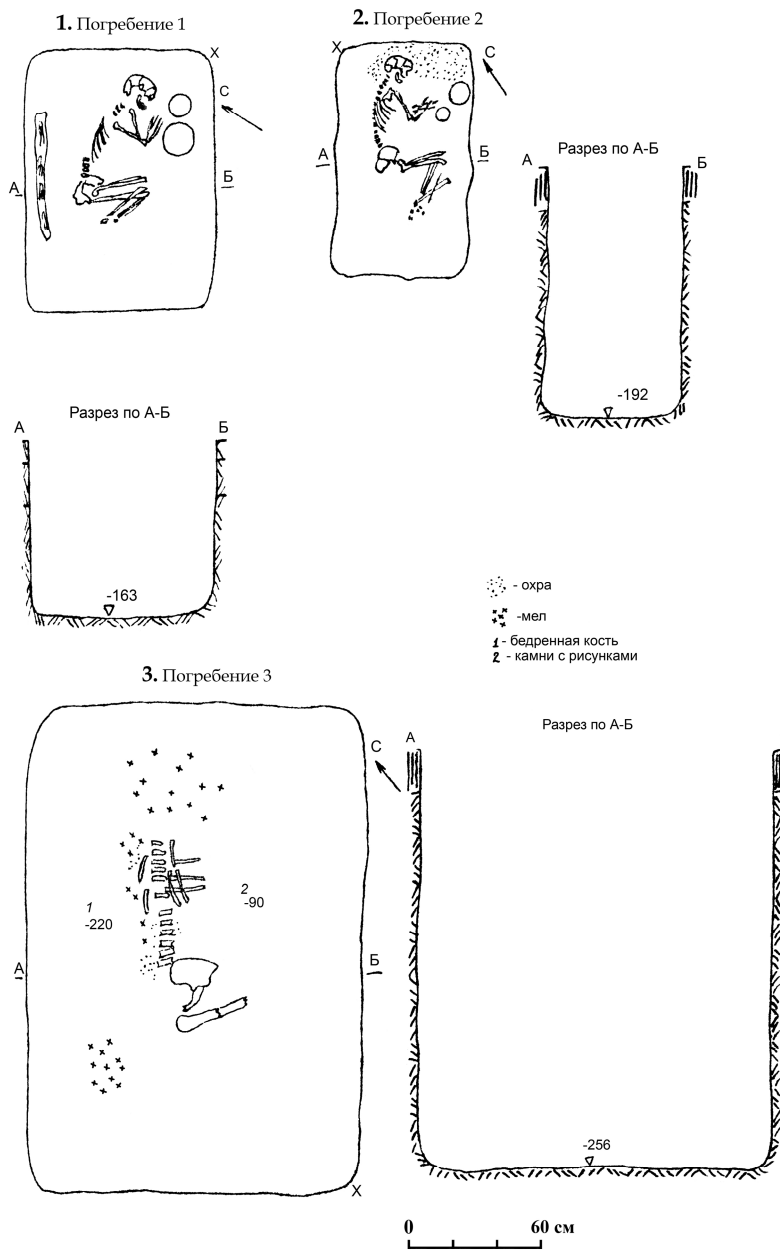

Рис. 2. Планы и разрезы погребений 1-3

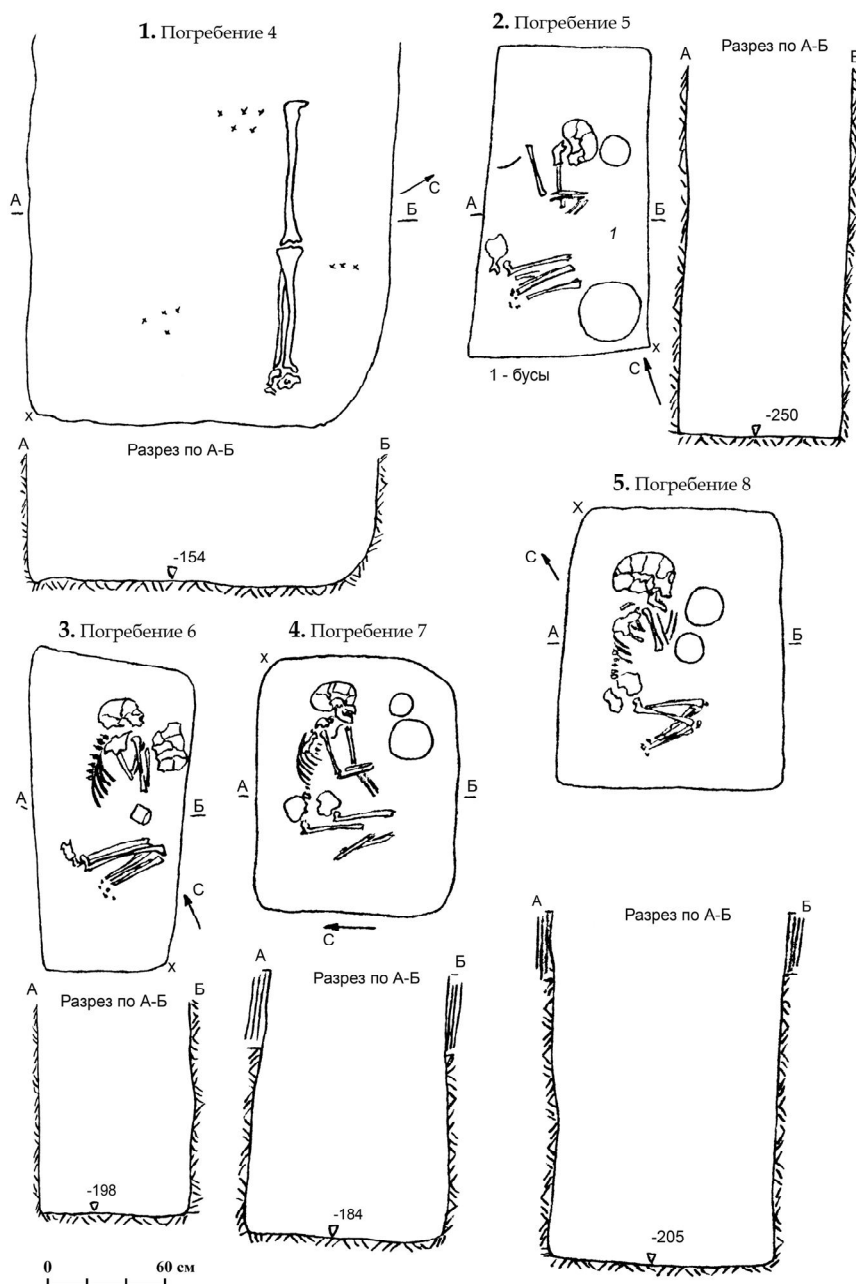

Рис. 3. Планы и разрезы погребений 4-8

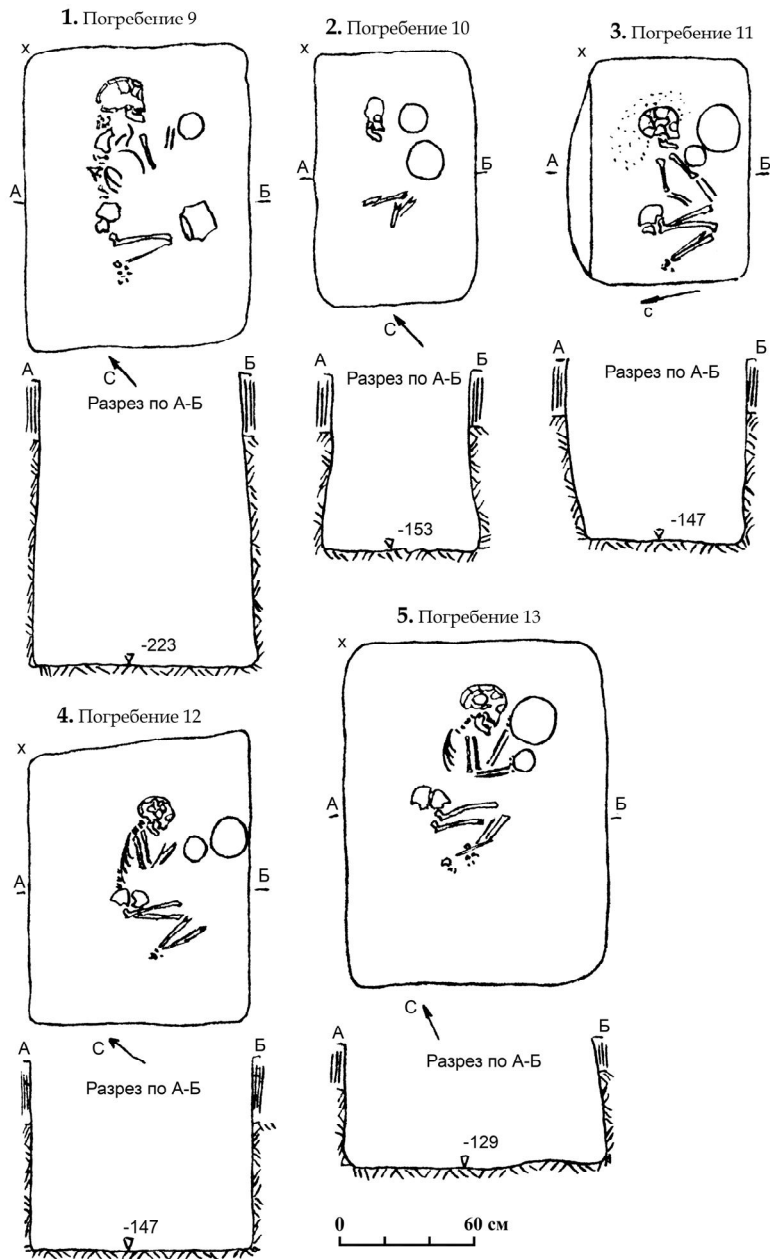

Рис. 4. Планы и разрезы погребений 9-13

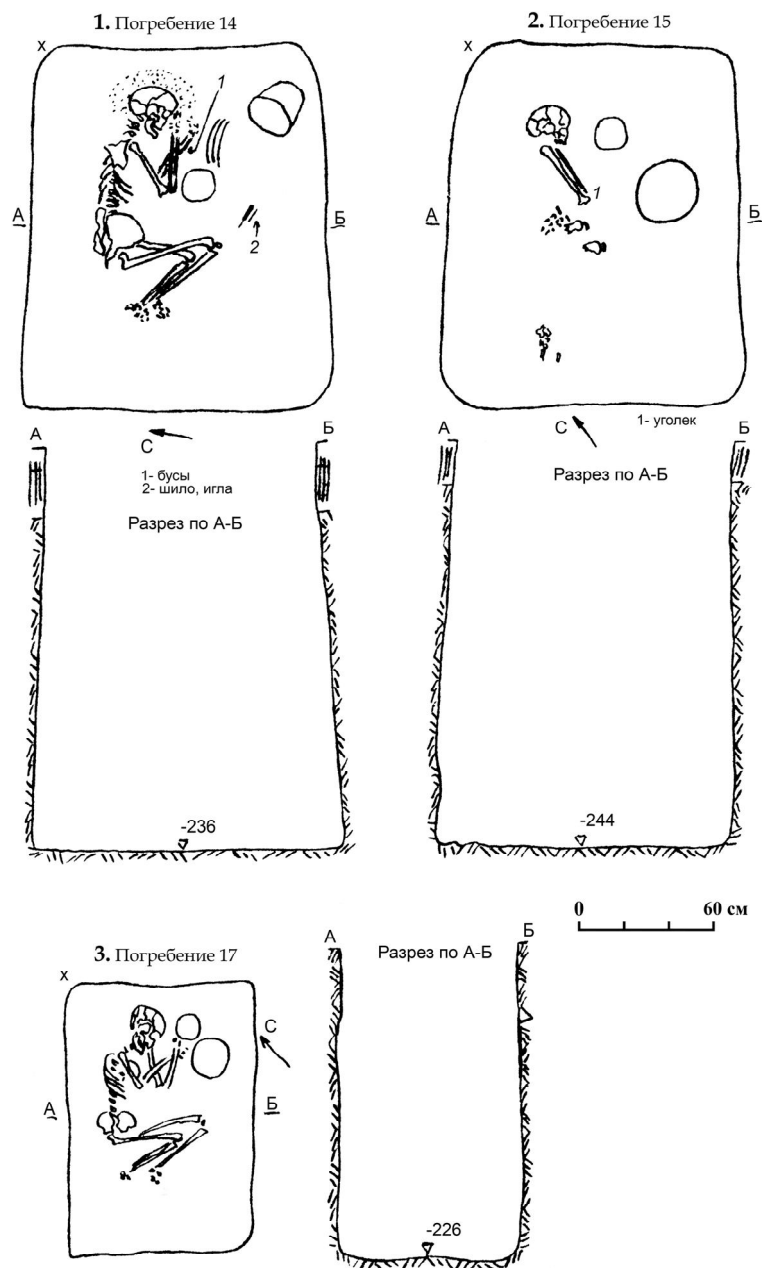

Рис. 5. Планы и разрезы погребений 14, 15, 17

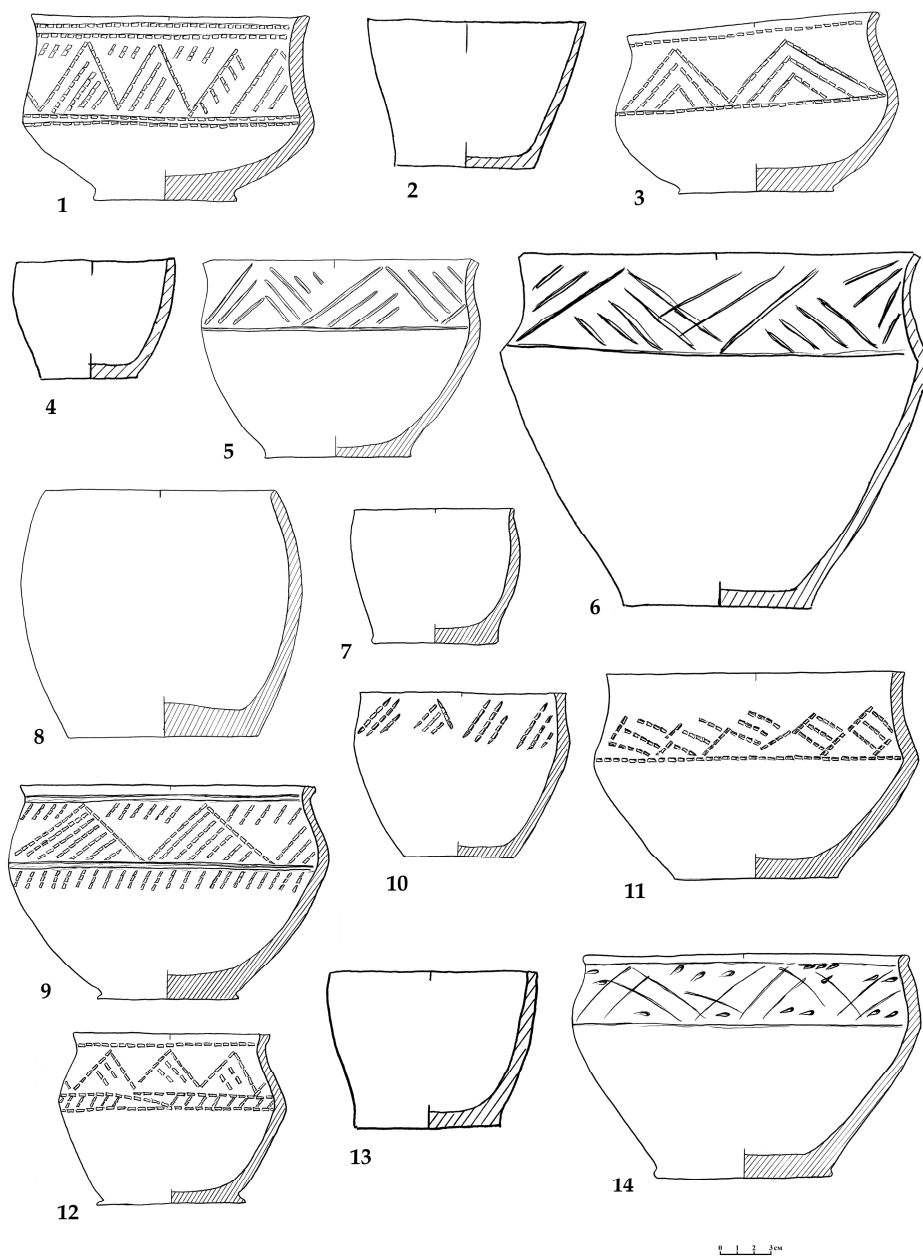

Рис. 7. Сосуды из погребений 1-9

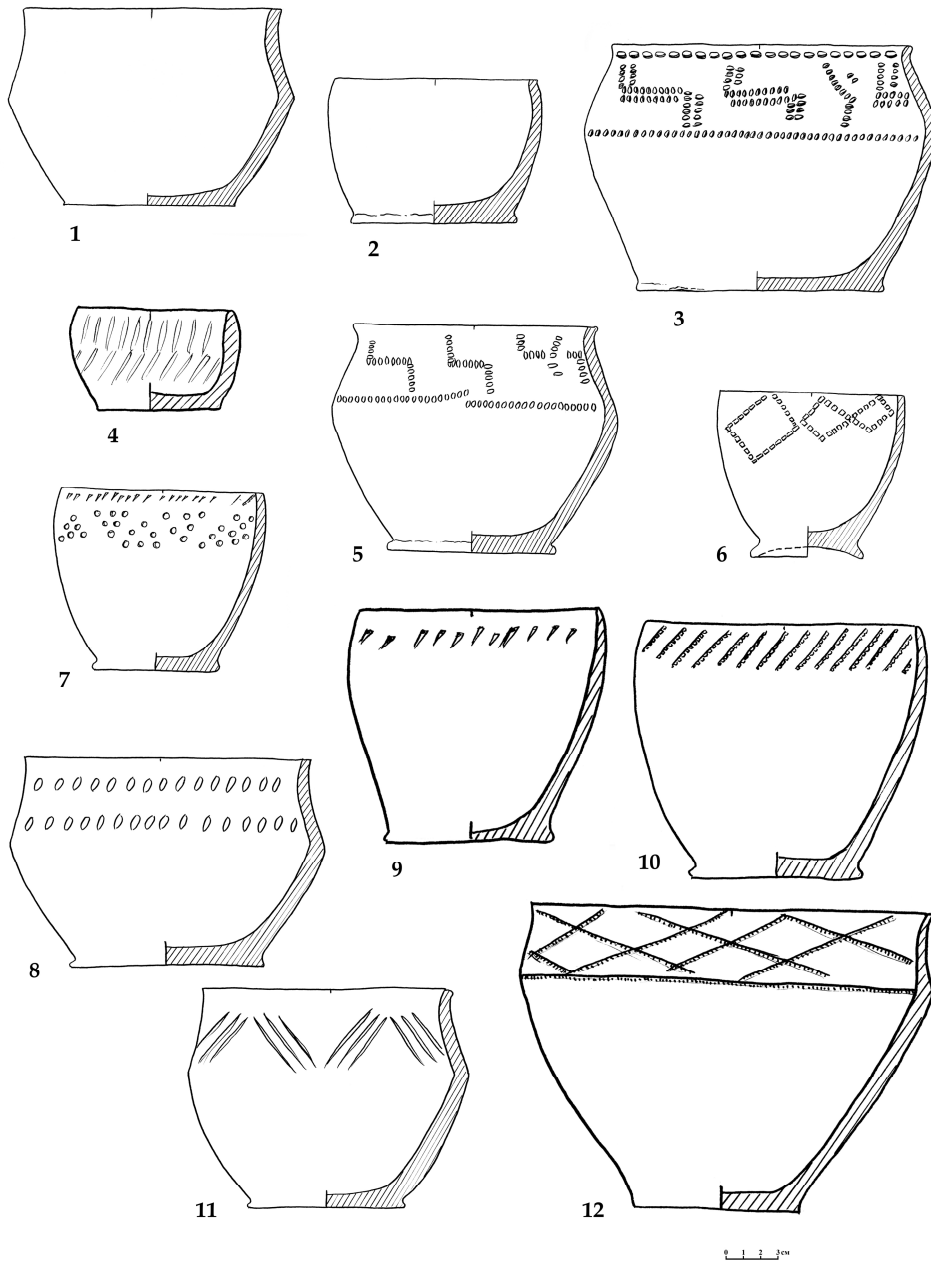

Рис. 8. Сосуды из погребений 10-15

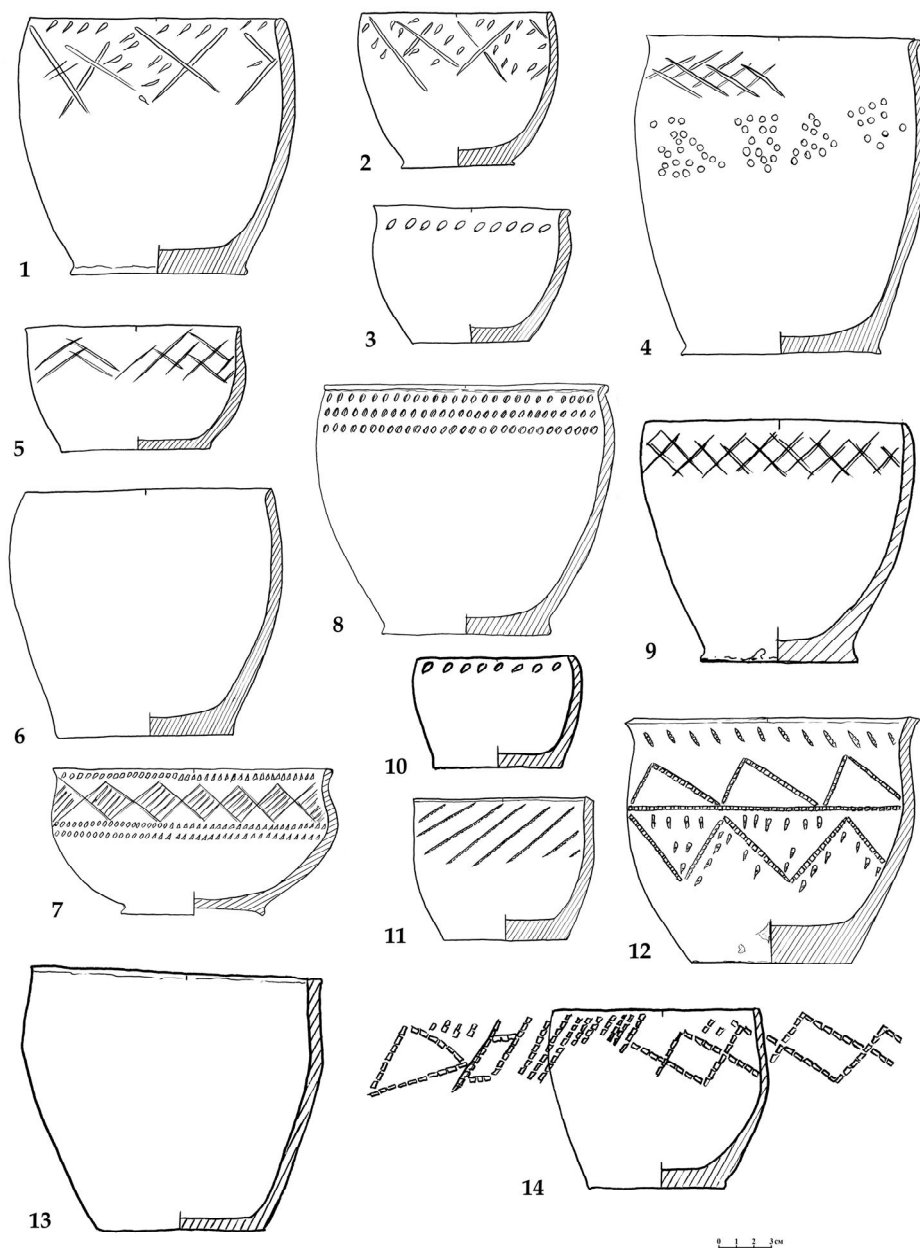

Рис. 9. Сосуды из погребений 16-22

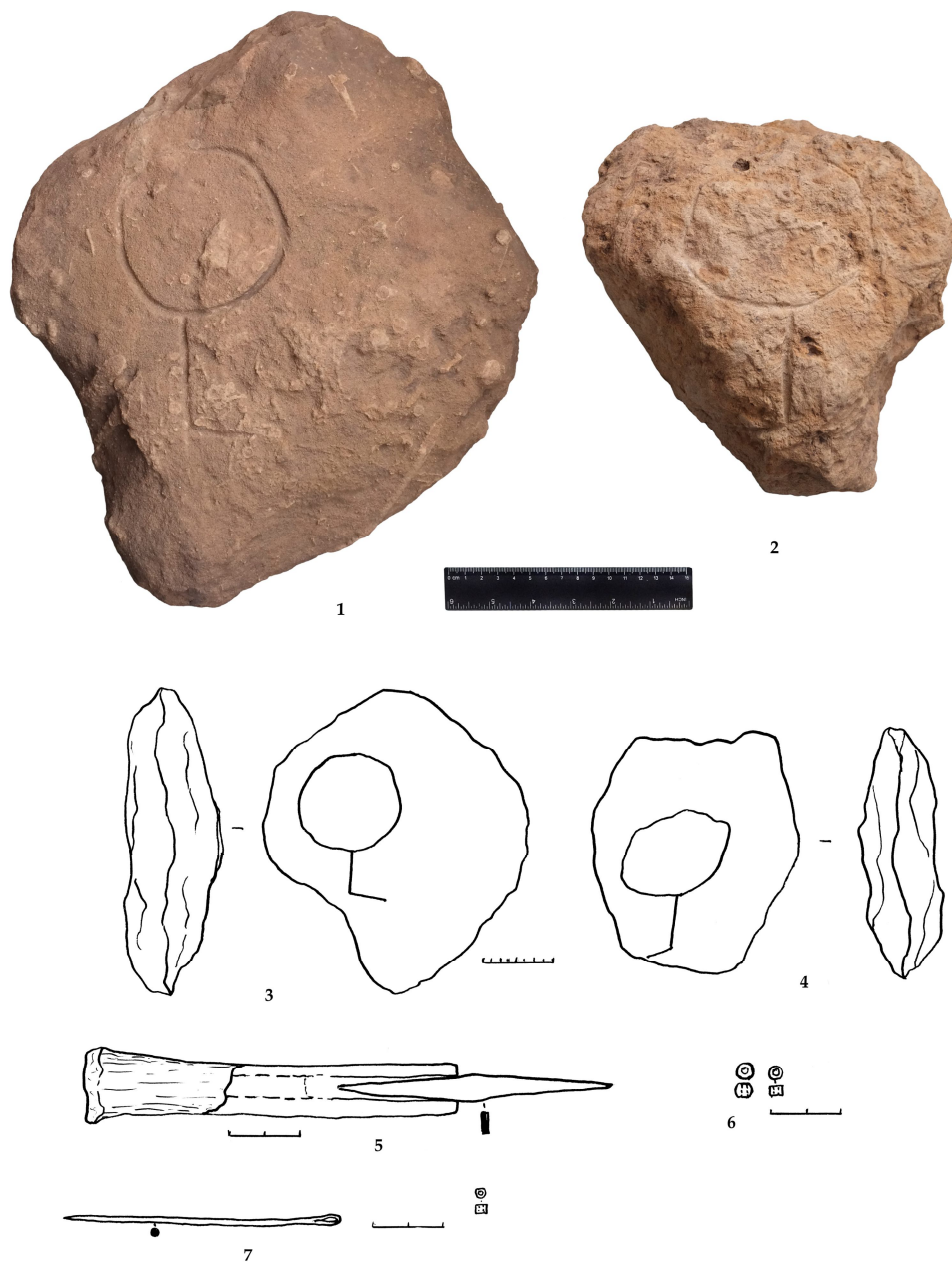

Рис. 10. Находки из погребений кургана 3

З А М Е Т К И

УДК 902(470.67)|637|
ББК 63.4(2Рос.Даг)

Сычева О.В.

СЕРИЯ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ КИНЖАЛОВ С БЕРЕГА РЕКИ ЯРЫКСУ (ДАГЕСТАН)

Автор вводит в научный оборот серию из 19 бронзовых кинжалов, происходящих с берега реки Ярыксу республики Дагестан. Ареал распространения клинков концентрируется на территории так называемого восточного варианта кобанской культуры. Датируются кинжалы концом II – началом I тыс. до н. э., а именно XII–IX вв до н. э.

Ключевые слова: Дагестан, бронзовый век, кобанская культура, бронзовые кинжалы

Sycheva O.V.

COLLECTION OF METAL DAGGERS FROM THE RIVER YARYKSU (DAGESTAN)

The author introduces a series of 19 bronze daggers comes from the river Yaryksu, Republic of Dagestan. The distribution area of the blades is concentrated on the territory of the Eastern variant of the Koban culture. The daggers are dates back to 2nd – early 1st millennium BC, more accurate 12th–9th centuries BC.

Keywords: Dagestan, Bronze Age, Koban culture, bronze daggers

Коллекция происходит с бассейна реки Ярыксу района села Симсир Казбековского района республики Дагестан на границе с Ножай-Юртовским районом Чеченской республики (рис. 4). Она состоит из 19 бронзовых кинжальных клинков.

Памятник, из которого происходят кинжальные клинки с берега р. Ярыксу, вероятней всего являлся могильником позднего бронзового века. К сожалению, учитывая характер происхождения коллекции, мы не можем с точностью говорить о достоверном контексте нахождения кинжалов. Несмотря на ряд недостатков, относящихся к источниковедческому аспекту, все же мы считаем необходимым опубликовать данный комплекс и тем самым ввести его в научный оборот. Ниже мы приводим описание коллекции.

Абсолютные размеры кинжалов находятся в диапазоне – тах длина от 13 до 21 см, тах ширина от 4,3 до 6,9 см. Исключения составляют кинжал 7 и 8. Кинжал № 7 обломан, и мы можем только предположить его изначальные размеры, а кинжал № 8 имеет нестандартно небольшие размеры. Вес кинжальных клинков колеблется от 23 до 172 граммов.

Количество отверстий (тах диаметр ~ 0,5 см) на клинках варьирует от 2 до 7. Предназначались они для крепления рукояти. Отверстия имеют круглую или прямоугольную форму. Пробивались они, вероятно, металлическим штырем. На некоторых экземплярах в таких отверстиях сохранились металлические «гвоздики», оба конца которых были расплющены (№№ 1-4, 8-11 и др.).

Химический анализ металла показал, что кинжалы № 1-5, 10, 14-17, 19 имеют в своей основе мышьяковый сплав, кинжалы № 6-9, 12-13, 19 – оловянно-мышьяковый сплав, кинжал № 18 – оловянный сплав, а у кинжала № 11 примесь мышьяка составляет < 0,9.

Кинжал 1 (рис. 1). Бронзовый клинок треугольной формы с широким закругленным верхом. На клинке виден след от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась 5-ю заклепками, которые сохранились. Клинок плоский, ближе к краям слегка истончается. Он покрыт патиной зеленого малахитового оттенка, местами она приобрела голубой цвет. Размеры: тах 16,1 x 5,8 см. Вес: 70,26 граммов.

Кинжал 2 (рис. 1). Бронзовый клинок треугольной формы с широким закругленным верхом. На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась 5-ю заклепками, 2 из них сохранились. Клинок плоский, ближе к краям слегка истончается. Его кончик слегка обломан. Он покрыт патиной зеленого малахитового оттенка, местами она голубая. Размеры: тах 19,5 x 7,2 см. Вес: 129,67 граммов.

Кинжал 3 (рис. 1). Бронзовый клинок треугольной формы с широким закругленным верхом. На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась 7-ю заклепками, 4 из них сохранились. Клинок плоский, ближе к краям слегка истончается. Он покрыт патиной зеленого малахитового оттенка, местами она голубая. Размеры: тах 18,6 x 6,7 см. Вес: 125,05 граммов.

Кинжал 4 (рис. 1). Бронзовый клинок треугольной формы с широким закругленным верхом, со слегка выраженным круглым черенком (возможно раскованный литник) с отверстием. На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась 3-мя заклепками, 1 из них сохранилась. Он плоский, ближе к краям слегка истончается. Клинок покрыт патиной зеленого малахитового оттенка, местами она голубая. Размеры: max 16,2 x 6,5 см. Вес: 94,26 граммов.

Кинжал 5 (рис. 1). Бронзовый клинок треугольной формы с широким, закругленным верхом. На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась 5-ю заклепками, 1 из них сохранилась. Клинок плоский, ближе к краям слегка истончается. Он покрыт патиной зеленого малахитового оттенка, местами она голубая. Размеры: max 20,8 x 6,9 см. Вес: 129,49 граммов.

Кинжал 6 (рис. 1). Бронзовый клинок треугольной формы с закругленным верхом. Рукоять к клинку крепилась 2-мя заклепками, которые не сохранились. Клинок плоский, у обушка имеет три продольных ребра жесткости, тогда как остальная его часть имеет сечение в форме двояковыпуклой линзы. Он покрыт патиной зеленого малахитового оттенка, местами она голубая. Размеры: max 17,1 x 4,6 см. Вес: 69,44 граммов.

Кинжал 7 (рис. 2). Бронзовый клинок треугольной формы с закругленным верхом. На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась 3-мя заклепками, которые не сохранились. Клинок плоский, ближе к краям слегка истончается. Он покрыт патиной зеленого малахитового оттенка, местами она голубая. Размеры: max 10 x 4,6 см. Вес: 44,99 граммов.

Кинжал 8 (рис. 2). Бронзовый клинок треугольной формы с закругленным верхом и выемкой посередине. На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась 2-мя заклепками, 1 сохранилась. Клинок плоский, ближе к краям слегка истончается. Он покрыт патиной зеленого малахитового оттенка, местами она голубая. Размеры: max 6,4 x 4,8 см. Вес: 23,78 граммов.

Кинжал 9 (рис. 2). Бронзовый клинок треугольной формы с широким закругленным верхом, круглым черенком (возможно, раскованный литник) и отверстием. На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась 3-мя заклепками, 2 из них сохранились. Клинок плоский, ближе к краям слегка истончается. Он покрыт патиной зеленого малахитового оттенка, местами она голубая. Размеры: max 15,5 x 6,2 см. Вес: 75,30 граммов.

Кинжал 10 (рис. 2). Бронзовый клинок треугольной формы, с подтреугольным верхом. На клинке прослеживаются следы от органической руко-

яти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась 5-ю заклепками, 1 из них сохранилась. Одно отверстие пробито по самому краю обушка. Клинок в сечении имеет форму вытянутого ромба. Он покрыт патиной зеленого малахитового оттенка, местами она голубая. Кончик острия обломан. Размеры: max 15,8 x 4,9 см. Вес: 81,05 граммов.

Кинжал 11 (рис. 2). Бронзовый клинок треугольной формы, с подтреугольным верхом. На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась 3-мя заклепками, все сохранились. Клинок плоский, ближе к краям слегка истончается. Он покрыт патиной зеленого малахитового оттенка, местами она голубая. Размеры: max 15,1 x 4,3 см. Вес: 53,84 граммов.

Кинжал 12 (рис. 2). Бронзовый клинок треугольной формы, с закругленным верхом. На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась 6-ю заклепками, которые не сохранились. Клинок плоский, ближе к краям слегка истончается. Он покрыт патиной зеленого малахитового оттенка, местами она голубая. Размеры: max 17,8 x 5,4 м. Вес: 98,78 граммов.

Кинжал 13 (рис. 3). Бронзовый клинок треугольной формы, с широким, закругленным верхом, с аморфным черенком (возможно, раскованный литник). На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась 3-мя заклепками, которые не сохранились. Клинок плоский, ближе к краям слегка истончается. Он покрыт патиной зеленого малахитового оттенка, местами она голубая. Размеры: max 17,3 x 6,5 см. Вес: 96,42 граммов.

Кинжал 14 (рис. 3). Бронзовый клинок треугольной формы, с подтреугольным верхом. На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась 3-мя заклепками, все сохранились. Клинок плоский, ближе к краям слегка истончается. Он покрыт патиной зеленого малахитового оттенка, местами она голубая. Размеры: max 13,5 x 4,6 см. Вес: 62,98 граммов.

Кинжал 15 (рис. 3). Бронзовый клинок треугольной формы, с овальным верхом. На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась 3-мя заклепками, все сохранились. Клинок плоский, ближе к краям слегка истончается. Он покрыт патиной зеленого малахитового оттенка, местами она голубая. Размеры: max 15,6 x 5 см. Вес: 73,06 граммов.

Кинжал 16 (рис. 3). Бронзовый клинок треугольной формы, с овальным верхом. На клинке прослеживаются следы и фрагменты от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась 5-ю заклепками, 4 из них сохранились. Клинок плоский, ближе к краям слегка истончается. Он

покрыт патиной зеленого малахитового оттенка, местами она голубая. Размеры: max 18,6 x 7 см. Вес: 172,61 граммов.

Кинжал 17 (рис. 3). Бронзовый клинок треугольной формы, с овальным верхом. На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась 5-ю заклепками, 1 из них сохранилась. Клинок плоский, ближе к краям слегка истончается. Он покрыт патиной зеленого малахитового оттенка, местами она голубая. Размеры: max 19,9 x 6,9 см. Вес: 103,87 граммов.

Кинжал 18 (рис. 3). Бронзовый клинок треугольной формы с овальным верхом. На клинке прослеживаются следы от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять к клинку крепилась 3-мя заклепками, все они сохранились. Клинок плоский, ближе к краям слегка истончается. Он покрыт патиной зеленого малахитового оттенка, местами она голубая. Кончик острия обломан. Размеры: max 15,9 x 5,6 см. Вес: 72,05 граммов.

Кинжал 19 (рис. 3). Бронзовый клинок листовидной формы с овальным верхом. На клинке прослеживаются следы и фрагменты от органической рукояти, вероятно, деревянной. Рукоять крепилась 3-мя заклепками, все они сохранились. Клинок плоский, ближе к краям слегка истончается. Он покрыт патиной зеленого малахитового оттенка, местами она голубая. Размеры: max 16,3 x 5,3 см. Вес: 96,84 граммов.

В соответствии с оформлением рукояти все представленные кинжалы можно разделить на два типа. К *первому типу* относятся кинжалы с небольшим черешком или «язычком», который мог образовываться путем расковки литника, с треугольным лезвием и отверстиями для крепления рукояти (№ 4, 9, 13, 18). К *второму типу* относятся кинжалы без черешка. Они делятся на три варианта по обушковой части. К первому варианту относятся изделия с овальным верхом, с треугольным клинком и отверстиями для крепления рукояти (№ 1, 2, 3, 7, 8, 12, 15, 16). Во второй вариант мы включили кинжалы с подтреугольным верхом, треугольным клинком и отверстиями для крепления рукояти (№ 5, 6, 14, 17, 19). К третьему варианту относятся кинжалы с треугольным верхом, с треугольным клинком и отверстиями для крепления рукояти (№ 10, 11).

Кинжалы этих типов встречаются в памятниках Северного и Южного Кавказа. Наиболее точные аналогии встречаются в материалах Зондакского могильника, Эльхотово, Майртупского II могильника, Сержень-Юртовского могильника, Чми и Самтавро.

Рассмотрим эти аналогии подробно. В Зондакском могильнике бронзовые кинжальные клинки встречаются в погребениях 2 и 9. В погребении 2 нет данных о местоположении кинжала. Сам кинжал имел треугольную форму и

треугольный верх с тремя отверстиями для крепления рукояти. На краях клинка заметны следы заточки. В 9 погребении кинжал имеет ромбовидную форму с треугольным верхом и шестью отверстиями для крепления рукояти, на краях также есть следы заточки. В погребении клинок располагался на костях правой руки скелета. Сам умерший лежал скорченно на левом боку, головой на юго-запад. Руки покойного согнуты и кистями направлены к лицу. Под кинжальным клинком также были обнаружены остатки деревянных ножен [Марковин, 2002. С. 22, 30–35].

В Майртупском могильнике были обнаружены три экземпляра интересующих нас кинжалов: в погребениях 5 (15), 3 (23) и 8 (28). Все скелеты в них лежали скорченно на левом боку, головой на восток. В погребении 5 (15) бронзовый кинжальный клинок лежал возле костей левой руки погребенного. В погребении 3 (23) кинжальный клинок располагался у груди погребенного. Кинжал из погребения 8 (28) был найден на груди погребенного. Клинок имеет треугольный верх, три сквозных отверстия и два гвоздика для крепления к нему деревянной рукояти [Виноградов, Дударев, 2003. С. 14–15, 18–19, 21–22].

В Сержень-Юртовском могильнике аналогии нашим кинжалам есть в 12 погребениях (6, 16, 24, 37, 38, 39, 53, 56, 63, 75, 82, 87). Все эти погребения принадлежали мужчинам-воинам. Кинжалы в погребениях располагались в основном у пояса и в районе плеча, но также встречаются у коленей и груди. Все эти кинжалы плоские треугольной или листовидной формы, с овальным или подтреугольным верхом и с отверстиями для крепления рукояти [Козенкова, 2002. С. 18, 20, 22, 25–26, 30, 31–33, 35, 37, 38].

В центральной части Кавказа аналогии встречены в Кобанском, Тлийском и Эльхотовском могильниках, а также в могильнике у с. Чми. В Кобанском могильнике (собрание графини П.С. Уваровой) есть один подобный кинжал с треугольным лезвием, овальным верхом и отверстиями для крепления рукояти [Уварова, 1900. Табл. XVIII].

В Тлийском могильнике были найдены три кинжала с овальным верхом, подтреугольным лезвием и отверстиями для крепления рукояти (погребения № 12, 32, 207). Бронзовый клинок из погребения 32 имеет четко выраженное срединное ребро, что сближает его с кинжалами могильника Самтавро [Техов, 1980. С. 11, 14, 18].

В могильнике Чми обнаружено около 11 подобных кинжалов. Экземпляры из Чми имеют тонкое лезвие листообразной или треугольной формы. Срединное ребро встречается у небольшого количества клинков. Верхняя часть овальная или подтреугольная. Один экземпляр имеет небольшой «язы-

чок». Остальные клинки имеют отверстия для крепления рукояти, а иногда и сохранившиеся заклепки. Данных о расположении кинжальных клинков в могилах, а также сочетаемости с другими категориями инвентаря нет [Уварова, 1900. С. 117, табл. LV, LVII].

В могильнике Эльхотово кинжальный клинок был обнаружен за спиной погребенного. Он имеет треугольную форму, подреугольный верх, срединное ребро. У кинжала сохранились две заклепки для крепления рукояти. Помимо клинка в погребении были обнаружены сосуды, спирали, бусинка, привеска [Чшиев, 2017. С. 124].

На Северо-Западном Кавказе также встречаются клинки, морфологически близкие кинжалам из Ярыксу. Они имеют треугольную форму, овальный или треугольный верх и отверстия для крепления рукояти. Однако их своеобразие заключается в наличии нервюр, которых нет на кинжалах восточного варианта [Козенкова, 1995. С. 47-50].

На Южном Кавказе аналогии кинжалам с Ярыксу встречаются в могильнике Самтавро. Здесь бронзовые кинжалы имеют листовидное или треугольное лезвие, с овальным или треугольным верхом, и отверстиями для крепления деревянной рукояти. Некоторые клинки оснащены небольшими черенками, как на кинжалах № 4, 9, 13, 19. Отличие самтаврских кинжалов от клинков с берега Ярыксу заключается в наличии срединного ребра [Ломтаидзе, 1974. С. 164].

Таким образом, мы можем сказать, что ареал распространения интересующих нас кинжалов концентрируется на территории так называемого восточного варианта кобанской культуры, а именно на территории Чечни и Дагестана (рис. 5).

Мы также можем предположить, по аналогичным памятникам, что кинжалы находились в мужских захоронениях на поясе, у груди или за спиной. Помимо кинжалов в погребениях, вероятно, находились другие категории инвентаря, такие как браслеты, наконечники копий, глиняная посуда и различные украшения.

Что касается датировок кинжалов с реки Ярыксу, то основанием являются аналогии из описанных выше памятников. Так кинжалы из Сержень-Юрта В.И. Козенкова относит к рубежу XI-X вв. до н. э. [Козенкова, 2002. С. 89]. В этих же диапазонах датируются кинжалы из Майгуртупского могильника [Виноградов, Дударев, 2003. С. 26]. Е.И. Крупнов относит подобные кинжалы к XII-IX вв. до н. э. [Крупнов, 1951. С. 60]. Исходя из вышесказанного, мы можем предположить, что кинжалы из района р. Ярыксу датируются концом II – началом I тыс. до н. э., а именно XII-IX вв до н. э.

Литература:

Виноградов В.Б., Дударев С.Л. Могильники позднего бронзового века у сел. Майртуп в Чечне // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. Вып. 1. Армавир, 2003.

Козенкова В.И. У Истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня // *Материалы по исследованию историко-культурного наследия Северного Кавказа*. Вып. III. Москва: «Памятники исторической мысли», 2002.

Крупнов Е.И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода (опыт периодизации памятников эпохи энеолита и бронзы) // *МИА*, № 23. М., 1951.

Ломтатидзе Г.А. Бронзовые кинжалы и мечи из древнейших погребений Самтаврского могильника (на грузинском языке). Тбилиси, 1974.

Марковин В.И. Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-Су. Северо-Восточный Кавказ. М.: «Наука», 2002.

Техов Б.В. Тлийский могильник (комплексы XVI–X вв. до н. э.). Тбилиси: «Мецниереба», 1980.

Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа графини Уваровой // *Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедицией Московского археологического общества*. Вып. 8. М., 1900.

Чишиев В.Т. Эльхотовский могильник как эталонный памятник кобанской культуры предгорной зоны Северной Осетии // *Дисс. на соиск. уч. степени канд. ист. наук*. Владикавказ, 2017.

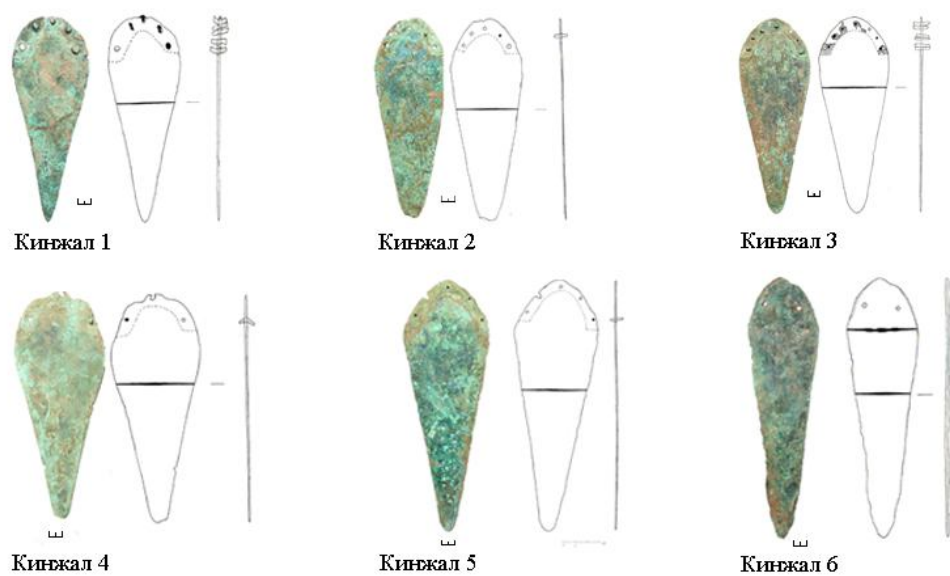

Рис. 1. Кинжалы с берега реки Ярыксу

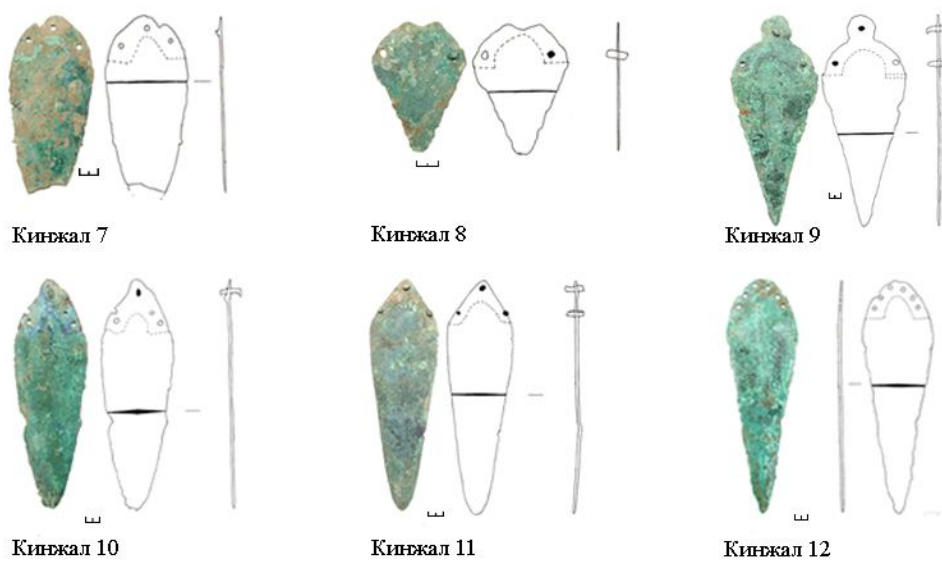

Рис. 2. Кинжалы с берега реки Ярыксу

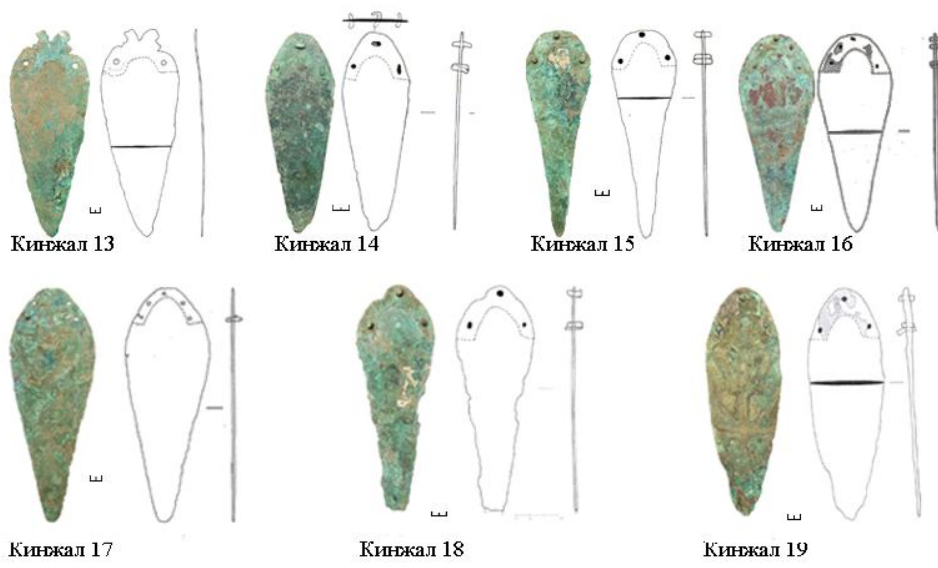

Рис. 3. Кинжалы с берега реки Ярыксу

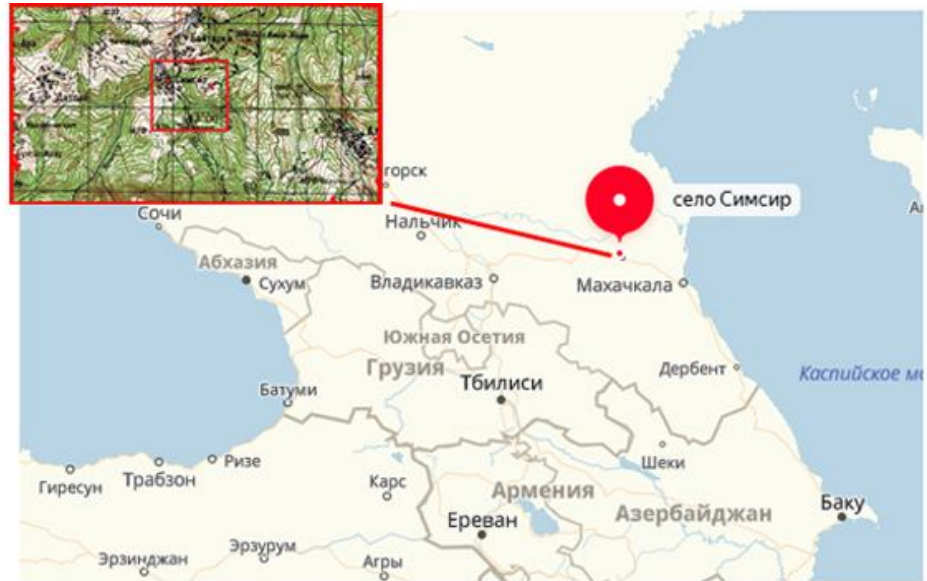

Рис. 4. Карта места нахождения коллекции

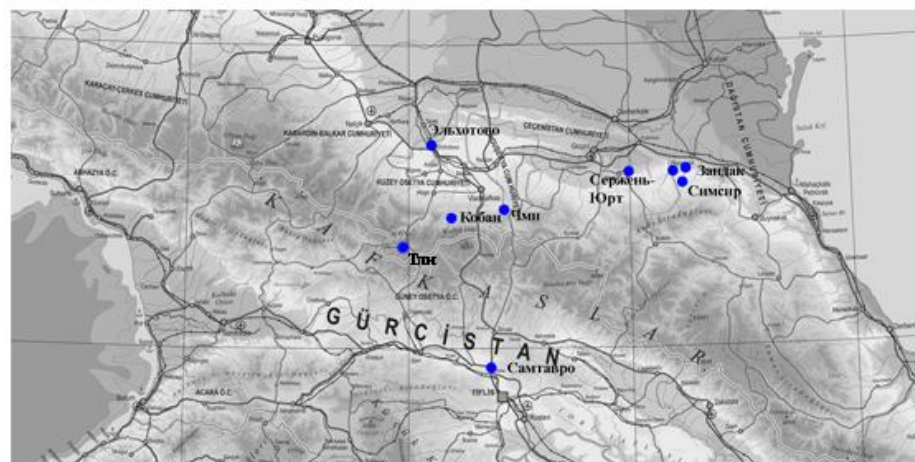

Рис. 5. Распространение кинжалов типа Ярксу

УДК 902(470.62/.67)|637|
ББК 63.4(235.7)

Климушина А.И.

ОБ ОДНОМ ТИПЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ТОПОРОВ
ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В работе анализируются металлические топоры балашовского типа эпохи бронзы Северного Кавказа. В связи с этой темой публикуются новые материалы. Указанный тип датируется временем перехода от средней – к поздней бронзе на Северном Кавказе, т. е. XIV–XIII вв. до н. э.

Ключевые слова: металлические топоры, эпоха бронзы, Северный Кавказ

Klimushina A.I.

ABOUT ONE TYPE OF METAL AXES
OF THE BRONZE AGE IN THE NORTH CAUCASUS

The article analyzes the metal axes of the Balashov type of the Bronze Age in the North Caucasus. In connection with this problem are published new archeological materials. Balashov type is dated by the time of transition from middle to late Bronze in the North Caucasus, i.e. the 14th – 13th centuries BC.

Keywords: metal axes, Bronze Age, North Caucasus

Одной из основных категорий металлического инвентаря бронзового века Кавказа являются проушные топоры. Они представлены многочисленными находками и разнообразными типами. Изучению топоров посвящено множество работ как в нашей, так и зарубежной литературе. В основном в ней рассматриваются вопросы типологии кавказских топоров, их хронология и культурная принадлежность. При этом обращает на себя внимание неравномерность в изученности топоров, относящихся к разным этапам бронзового века Северного Кавказа. Наиболее полно в литературе представлены топоры, относящиеся к эпохе ранней бронзы Северо-Западного Кавказа и эпохе

поздней бронзы Центрального Кавказа и Западного Закавказья. Во многом это связано с тем, что эта категория орудий часто встречается в составе инвентаря погребений. В то же время эпоха средней бронзы, представленная наиболее разнообразными типами топоров, не дает нам такого вида источников. Орудия этой категории редко находят в погребальных комплексах. В основном они встречаются в кладах или же являются случайными находками. В связи с этим вопросы хронологии и культурной атрибуции данной группы памятников затруднены. Между тем, видовое разнообразие топоров средне-бронзового века дает хорошее поле для их классификации и типологизации. До настоящего времени в отечественной литературе наиболее разработанной классификацией проушных топоров эпохи средней бронзы Северного Кавказа остается работа С.Н. Кореневского [Кореневский, 1981. С. 20–41]. Однако со времени выхода в свет этой работы прошло много времени. Источниковая база по металлургии эпохи бронзы существенно пополнилась. Последнее обстоятельство позволяет по-новому посмотреть на выделение тех или иных типов топоров, их хронологию и культурную принадлежность.

Данная статья посвящена анализу одного из типов топоров переходного времени от средней к поздней бронзе на Северном Кавказе. В классификации С.Н. Кореневского такие топоры относятся к группе 3. Для них характерно расположение литника на обухе орудия и овальная проушина [Кореневский, 1981. С. 32]. Для нас особенно интересен тип 3. 1 (тип Лескен), который некоторые исследователи рассматривают в качестве прямых прототипов кобанских топоров [Крупнов, 1951. С. 62; Козенкова, 1996. С. 117]. Новые данные позволяют внести некоторые поправки в характеристику этих топоров, а также уточнить их хронологию.

Согласно классификации С.Н. Кореневского к лескенскому типу отнесены топоры, отлитые со стороны обуха «с овальным отверстием, без ребер крепления на клинке, с трехжелобчатой фигурной втулкой» [Кореневский, 1981. С. 32, рис. 10, 16–19]. В этот тип были включены два топора из Лескена (Северная Осетия), и еще два топора отнесены к этому типу условно. Среди них оказался беспаспортный топор из коллекции Д.Н. Анучина (Музей ин-та антропологии МГУ). Как удалось установить по архивным данным, он входил в состав клада металлических изделий, найденных близ с. Балашовка на Кировоградчине (Украина). По сведениям А.А. Спицына кроме топора в состав клада входили еще 5 обломков, которые являются частями двух серпов (Рукописный архив ИИМК РАН, фонд А.А. Спицына, д. 298, л. 208). Эти изделия также отыскались в коллекции Д.Н. Анучина. Они уже были опубликованы в работе В.А. Дергачева и В.С. Бочкарева [Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 138, табл. 44, 576, с. 166, табл. 55, 718]. Таким образом, в состав балашовского клада входили топор и два серпа (рис. 2). Хотя нам неиз-

вестны время и обстоятельства находки этих вещей, есть все основания считать, что они составляют единый комплекс. В этой связи еще нужно сказать, что они упоминаются в третьем томе каталога находок «Археологической карты Северного Причерноморья Украинской ССР» И.К. Фабрициус (Рукописный архив НАНУ)¹.

Балашовский топор относится к разновидности прямообушных (рис. 2, 1). Он имеет слегка изогнутый клин, немного сужающийся к лезвию. Литник топора располагался со стороны так называемой «молоточной части» (обуха). Она слегка приподнята вверх и хорошо выражена в профиль. На втулке топора расположены три ребра, разделенные двумя широкими желобками. Отверстие втулки овальное. Топор отлит из комплексного сплава олова и мышьяка [Кореневский, 1981. С. 34]. Длина орудия около 20 см. Длина лезвия 4,5 см, диаметр проушины 4,4 x 2,8 см.

Топор этого же типа (рис. 3, 4) недавно был найден близ с. Павловка Азовского района Ростовской области (Азовский краеведческий музей, № 21482). Он также относится к разновидности прямообушных, имеет хорошо выраженную молоточковидную часть с остатками литника. Проушина овальная. В отличие от балашовского топора он имеет более удлиненный и прямой клин и узкое лезвие. От балашовского экземпляра он также отличается оформлением обушной части. Вместо ребер у него валики, образующие незамкнутую петлю. Длина топора 23 см, длина лезвия 6 см. Диаметр проушины 5 x 3,1 см.

Напомним, что в рассматриваемый тип С.Н. Кореневский включил два топора из Лескена и одну беспаспортную находку из Краснодарского музея [Кореневский, 1981. С. 32, рис. 10, 16–17, 19]. Лескенские топоры от балашовского и павловского отличаются меньшими размерами и укороченными пропорциями (рис. 3, 1–2). Что касается топора из Краснодарского музея, то его отнесение к этому типу вызывает сомнение. У него, в отличие от других топоров, хорошо выражен свисающий обух [Иессен, 1951. С. 96–97, рис. 26, 1].

Таким образом, рассматриваемая группа топоров, по нашим данным, насчитывает 4 экземпляра (рис. 3). Их характеристики не вполне укладываются в определение, данное С.Н. Кореневским. В частности, одной из их важных черт является отсутствие свисающего обуха. Это существенный признак, особенно характерный для топоров эпохи поздней бронзы Кавказа. Поэтому целесообразно объединить эти топоры в отдельный тип и назвать его по комплексной находке *балашовским типом*. Он включает прямообушные топоры, отлитые со стороны обуха, с овальной проушиной, прямым или слегка изогну-

¹ Выражаю большую благодарность В.С. Бочкареву за предоставленные сведения и помощь в написании статьи.

тым клином и прямым, сравнительно узким лезвием. Втулка топора может быть оформлена желобками, ребрами или валиками. Топоры этого типа между собой различаются некоторыми деталями. Так, лескенские топоры меньше других по размеру и имеют укороченные пропорции (рис. 3, 1–2).

По своей форме топоры балашовского типа наиболее близки топорам из бериславского клада. Последние в отдельный тип (2. 20) также были выделены С.Н. Кореневским [Кореневский, 1981. С. 32, рис. 10, 13]. Всего им были учтены 4 топора (по два экземпляра из бериславского и самарского кладов – рис. 4, 1–4). Недавно был опубликован еще один такой же топор из с. Засимово близ г. Варны в Болгарии [Дергачев, 2011. С. 238, рис. 152, 3; рис. 4, 5]. О сходстве бериславских и лескенских (балашовских) топоров писал С.Н. Кореневский [Кореневский, 1981. С. 32]. Среди их общих черт почти прямой обух, слабая изогнутость клина, ребра на втулке. Однако существует важное отличие – форма проушины. У бериславских топоров втулка имеет круглую форму, а у балашовских – овальную. Кроме того, литники у топоров бериславского типа располагались со стороны спинки, а у орудий балашовского типа – со стороны обуха. Отмеченные черты имеют хронологическое значение. Круглая проушина и литник со стороны спинки указывают на более древний возраст бериславских топоров по сравнению с орудиями балашовского типа. Появление топоров, изготовленных с помощью литника, располагавшегося в обухной части, является важным изобретением в технологии бронзолитейного производства Восточной Европы на рубеже эпох средней и поздней бронзы [Бочкарев, 2019. С. 170]. Возможно, топоры балашовского типа являются одними из первых на Северном Кавказе, изготовленных таким способом.

Уже упоминалось, что Е.И. Крупнов и В.И. Козенкова датировали топоры из Лескена концом II тыс. до н. э. Е.И. Крупнов видел в них «прообразы кобанских топоров» [Крупнов, 1951. С. 62]. Показательно, что и С.Н. Кореневский к эпохе средней бронзы относил их условно. По его мнению, у них уже хорошо видны признаки топоров эпохи поздней бронзы [Кореневский, 1981. С. 32].

Благодаря опознанию балашовского клада появилась возможность уточнить хронологию этих топоров. В этом комплексе было еще два серпа, важных в хронологическом отношении (рис. 2, 3–4). Такие серпы отличаются от «костромских». А.А. Иессен отнес их к позднекубанской серии и датировал эпохой поздней бронзы [Иессен, 1951. С. 108–110]. Из этого следует, что балашовский клад должен быть отнесен к этапу более позднему, чем костромской. Иными словами, он может быть датирован временем «ахметовской» группы или немного более позднее. В пользу последнего предположения говорят некоторые особенности балашовского топора. Напомним, что он имеет

овальную проушину, литник со стороны обуха и отлит из оловянно-мышьяковой бронзы. Эти признаки отсутствуют у топоров ахметовской группы, но они характерны для топоров следующей по времени «бекешевской» группы [Бочкарев, 1996. С. 96–97; Пелих, 2003. С. 15–18]. Однако отнести балашовский клад к бекешевской группе также невозможно. В его составе есть серпы с равномерно изогнутой спинкой, которые вошли во вторую подгруппу А.А. Иессена [Иессен, 1951. С. 110, рис. 48]. Как показано в ряде работ такие серпы характерны для ахметовской группы и не встречаются в бекешевской [Бочкарев, 1996. С. 96–97; Пелих, 2003. С. 15–18]. Важно также подчеркнуть, что в бекешевской группе отсутствуют топоры балашовского типа.

Учитывая все эти данные, можно заключить, что балашовский клад следует во времени ахметовской группе, но предшествует бекешевской. Такое же промежуточное положение в типологическом ряду северокавказских топоров занимает балашовский тип: он наследует ряд черт бериславского типа, но имеет и явные признаки раннекобанского времени. Ближайшим аналогом орудиям балашовского типа могут быть топоры, которые отливались в литейной форме из с. Зилги [Иессен, 1951. С. 104–105, Рис. 39]. Судя по косвенным данным бекешевский клад и одноименный тип топоров ориентировочно можно датировать XIV–XIII вв. до н. э. [Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 170].

Что касается культурной принадлежности и региона происхождения топоров балашовского типа, – то эти вопросы пока еще остаются открытыми. В настоящее время слишком мало данных, чтобы на них ответить.

Литература:

Бочкарев В.С. Новый клад прикубанских бронз из Ростовской обл. // КСИА. 1972. Вып. 132.

Бочкарев В.С. Новые данные о прикубанском очаге металлургии и металлообработки эпохи поздней бронзы // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Александровича Иессена. СПб., 1996.

Бочкарев В.С. К вопросу о периодизации памятников бронзового века Юго-Восточной Европы // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии). СПб., 2019.

Дергачев В.А. Топоры-кельты Поздней бронзы Карпато-Подунавья. Вып. 2. Кельты и серпы Нижнего Подунавья. Кишинев, 2011.

Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы / Высш. Антроп. шк., АН РМолд. ИАЭ. Кишинев, 2002.

Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. 1951. № 23.

Крупнов Е.И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода (опыт периодизации памятников эпохи энеолита и бронзы) // МИА. 1951. № 23.

Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.

Корневский С.Н. Втульчатые топоры – оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и Средневековье (история и культура). М.: Наука, 1981.

Пелих А.Л. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки и его место в системе межкультурных связей эпохи поздней бронзы Кавказа и Юго-Восточной Европы: автореф дисс. ... канд. ист. наук: 07. 00. 06 – археология. СПб., 2003.

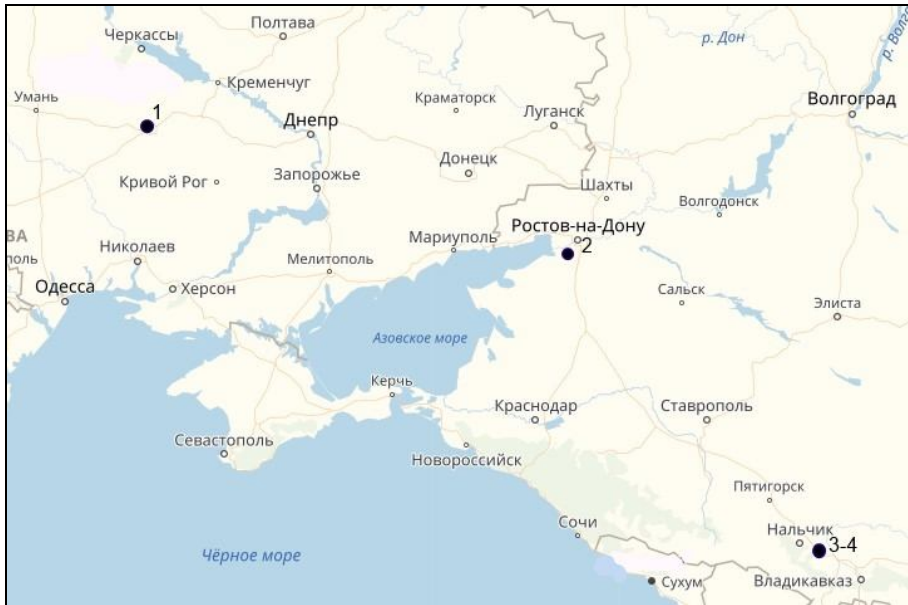

Рис. 1. Карта-схема распространения топоров балашовского типа.
1 – с. Балашовка; 2 – с. Павловка; 3-4 – с. Лескен

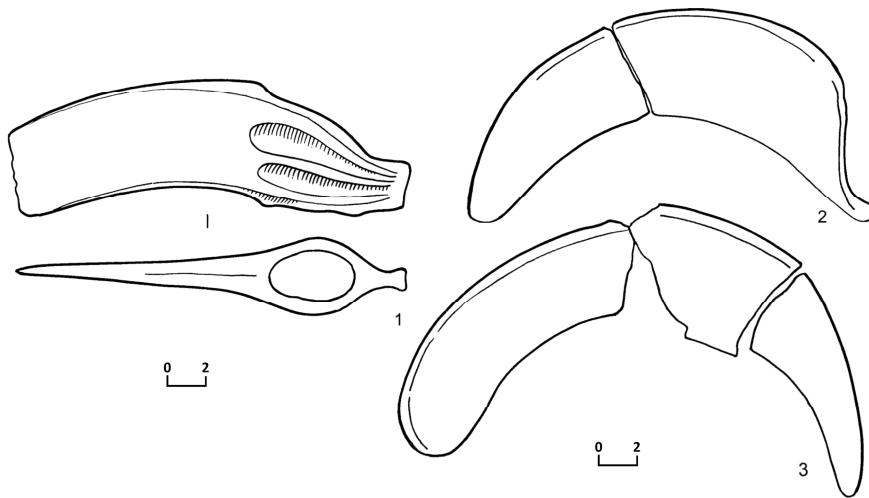

Рис. 2. Балашовский клад.
1 – рисунок из архива В.С. Бочкарева; 2, 3 – (по: Дергачев, Бочкарев, 2002)

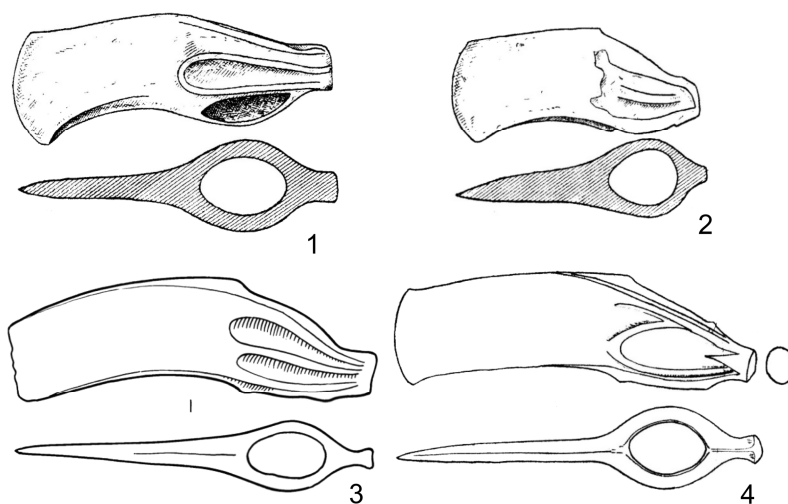

Рис. 3. Топоры балашовского типа.
1, 2 - п. Лескен (по: Крупнов, 1951); 3 - Балашовский клад (рис. В.С. Бочкарева);
4 - с. Павловка (рис. В.Я. Кияшко). Масштабы разные

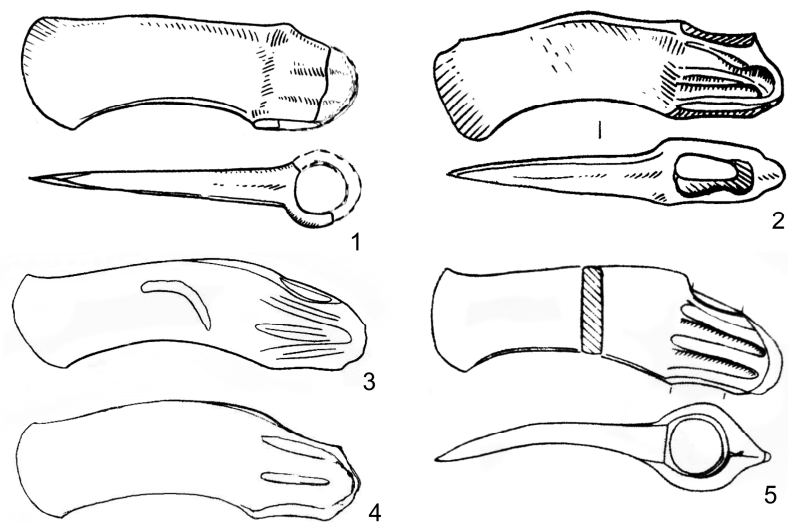

Рис. 4. Топоры бериславского типа.
1, 2 - Самарский клад (по: Бочкарев, 1972); 3, 4 - Бериславский клад
(рис. О.А. Кривцовой-Граковой и В.С. Бочкарева); 5 - с. Засимово, Болгария (по: Дергачев, 2011).
Масштабы разные

УДК 904(470.42)"653":391.7
ББК 63.444(235.54)-417

Семенов Д.Ю.

НАХОДКА ФРАГМЕНТА ДНЕПРОВСКОЙ ПОСТВОСТОЧНОГЕРМАНСКОЙ ФИБУЛЫ В ГОРОДЕ УЛЬЯНОВСКЕ

В статье представлена информация об обнаружении фрагмента днепровской поствосточногерманской фибулы на территории г. Ульяновска. Рассматриваются ее культурная принадлежность, особенности ношения, морфологические особенности и семантическое значение, а также возможные пути проникновения на север Нижнего Поволжья.

Ключевые слова: днепровская поствосточногерманская фибула, раннее средневековье, север Нижнего Поволжья, пути проникновения

Semenov D.Yu.

THE DISCOVERY OF A FRAGMENT OF THE DNIEPER POST EASTERN GERMANIC FIBULAE IN THE CITY OF ULYANOVSK

The article presents information about the discovery of a fragment of the Dnieper Post Eastern Germanic fibulae in the city of Ulyanovsk. Its cultural affiliation, features of wearing, morphological features and semantic meaning, as well as possible ways of penetration to the North of the Lower Volga region are considered.

Keywords: Dnieper Post Eastern Germanic fibulae, early Middle Ages, North of the Lower Volga region, ways of penetration

Днепровские поствосточногерманские фибулы - элемент общеевропейской моды середины и третьей четверти I тыс. н. э. [Щеглова, 1999. С. 304]. Они имеют две основные разновидности: пальчатые и с каймой из птичьих головок («птицеголовые») [Щеглова, 1999. С. 303]. Распространены преимущественно в Поднепровье и Подунавье [Щеглова, 1999. С. 288; Родинкова, 2004. С. 243; Седов, 2005. С. 220; Родинкова, 2010а. С. 274, 276]. Вероятнее всего, центром их

производства было Поднепровье, но существуют также предположения, что некоторые дериваты впервые появились и производились в Крыму [Родинкова, 2004. С. 238; Фурасьев, 2010. С. 135], в Мазурии [Curta, 2006. Р. 463] и в верховье реки Воронеж [Гавритухин, Обломский, 2018. С. 135].

Исследуемые фибулы чаще всего встречаются на памятниках пеньковской [Родинкова, 2004. С. 238; Рудницкий, 2014. С. 102; Седов, 2005. С. 220], пражской [Рудницкий, 2014. С. 102] и колочинской культур [Родинкова, 2004. С. 238; Обломский, 2016. С. 49–50].

Большинство специалистов отождествляет представителей указанных культур с раннеславянскими, но есть и иные точки зрения [Гавритухин, 2009. С. 18; Приходнюк, 1998. С. 14–15].

Как и многие ювелирные изделия раннего средневековья, фибулы исследуемого типа являются хронологическими эталонами, а не этнокультурными маркерами.

На территории Российской Федерации днепровские поствосточногерманские фибулы обнаружены в могильниках готов в Крыму [Айбабин, Хайрединона, 2008. С. 28–30], а также в культурных слоях славянских, балтских и финно-угорских культур в западных областях – Тульской, Белгородской [Курта, 2011. С. 179–180], Калужской [Родинкова, 2010. С. 78–87; Седов, 2005. С. 218], Московской [Ахмедов, 2016. С. 76], Рязанской [Ахмедов, 2016. С. 74, 77, 79] и Тамбовской [Гавритухин, Обломский, 2018. С. 135]. Ближайшая к Ульяновской области находка днепровской поствосточногерманской фибулы, но несколько иного типа, происходит из Шокшинского могильника, наиболее восточного из могильников культуры рязано-окских финнов – р. Шокша Теньгушевского района Республики Мордовия [Ахмедов, 2016. С. 77; Шитов, 1994. С. 162–164].

Фибулы данного типа являлись атрибутом женской одежды и носились в верхней части груди полукруглым щитком вниз, некоторые экземпляры даже изначально изготавливались как правая и левая [Щеглова, 1999. С. 303–308; Хайрединона, 2017. С. 233–236]. Фибулы ценились: их ремонтировали [Горюнова, Родинкова, 1999. С. 172–173] и, если фрагменты бывали утрачены, то использовали как подвески [Приходнюк и др., 1996. С. 80].

Фрагмент днепровской поствосточногерманской фибулы (фото 1, 2; рис. 1) обнаружен автором статьи 23 июля 2012 года в ходе проведения краеведческой экскурсии для обучающихся МБУ ДО «Центр детского творчества № 6» по ООПГ регионального значения «Винновская роща». Предмет находился на восточной окраине «Старого (Банного) пруда» в 15–20 м от берега в отвале ямки глубиной около 20 см, выкопанной с целью поиска земляных червей. Артефакт находится на постоянном хранении в краеведческом музее

«Винновская гора» МБУ ДО «Центр детского творчества № 6» (инвентарный номер МВГ 1/2012).

Обнаруженный фрагмент фибулы представлен шестиугольным щитком, на углах которого выделены округлые выступы, обозначающие соответственно «плечи», «кисти рук» и «ступни ног». Завершается щиток овальной антропоморфной головкой-личиной, на которой циркульным орнаментом выделены «глаза». На головке выделены три валика: один над «глазами» – вероятно, символизирует обруч, ограничивающий прическу или головной убор; два других валика расположены под «глазами» и обозначают, возможно, ротовое отверстие, шейное украшение или деталь костюма. Поверхность шестиугольного щитка покрыта циркульным орнаментом из 22 кружков с точками внутри. Всего с учетом «глаз» отмечается 24 таких кружка. Можно предположить, что шестиугольник щитка символизирует туловище человека, одетое в просторные одежды.

На оборотной стороне щитка имеется скоба для фиксации иглы и выступ-нервюра для увеличения прочности. Патинированность места разлома указывает на разрушение предмета в древности. Следы потертости отсутствуют. Литье качественное. Материал – медный сплав. Сохранность хорошая.

Фрагмент фибулы имеет следующие морфологические параметры: вес 11,6 г, длина обломка 68,5 мм, длина шестиугольного щитка 43,4 мм (эти два промера приводятся с учетом того, что фрагмент изогнут между «плечами» и «кистями рук»). Ширина щитка в районе «стоп» 26,7 мм, в районе «кистей рук» 28,1 мм, в районе «плеч» 18,5 мм. Длина головки 25,2 мм, ширина в районе «глаз» 10,5 мм. Ширина валика над «глазами» 9,5 мм, ширина валиков под «глазами» 8,7 мм. Высота «головного убора» без учета валика 7,0 мм. Ширина основания места разлома 10,5 мм. Ширина основания скобы для фиксации иглы 8,5 мм. Толщина изделия 1,3 мм. Диаметр циркульного орнамента 4,9 мм.

Интерпретацию семантического значения днепровских поствосточногерманских фибул дает Б.А. Рыбаков: верхний щиток символизирует небосвод, нижний щиток – землю и некоего «змея», который имеет сходство с красногранитным островом на реке Роси, циркульный орнамент – «белый свет» [Рыбаков, 1987. С. 205–207].

Нижний щиток фибулы, имеющий антропоморфные черты, возможно, представляет персонафицированный образ Земли (в славянской мифологии «Мать – Сыра Земля»), а циркульный орнамент, как один из древнейших солярных знаков – солнечные лучи, согревающие Землю, капли дождя (по аналогии с кругами на лужах во время дождя), прорастающие семена.

Кроме того, на нижнем щитке овальная головка-личина вместе с «плечами» образуют достаточно выраженный фаллический знак, а шестиуголь-

ник – символ женского начала, что в совокупности олицетворяет плодородие. Антропоморфные фаллические каменные и деревянные идола характерны для славянской культуры, они «выполняли функцию символа плодovitости, воздействия на рождение новой жизни» [Рыбаков, 1987. С. 234].

На территории Средней и Нижней Волги это первая находка днепровской поствосточногерманской фибулы. В последние годы от «черных копателей» поступает информация об обнаружении двух фрагментов аналогичных фибул на территории Сенгилеевского района Ульяновской области.

Пути проникновения рассматриваемой фибулы в регион могут быть разнообразны. Наиболее приемлемыми можно считать следующие три варианта:

I. *Северо-западный вектор* (финно-угорский) – через культуру рязано-окских финнов, в памятниках которых встречаются фибулы исследуемого типа, датируемые второй-третьей четвертью VII в. [Ахмедов, 2016. С. 74, 76–82]. Контакт культуры рязано-окских финнов с основными пользователями пальчатых фибул – пеньковской и колочинской культурами – доказан [Древности..., 1901. С. 88, табл. XIV, 8; Ахмедов, 2016. С. 70–71].

II. *Западный вектор* (славянский) – посредством именьковской культуры, которая, по мнению некоторых исследователей, была, в той или иной степени, славянская и проникла в исследуемый регион, вероятнее всего, из левобережного Поднепровья [Матвеева, 2004. С. 65–77; Кляшторный, Старостин, 2002. С. 215–217]. В ранних памятниках именьковской культуры обнаруживаются вещи, имеющие днепровское происхождение, например, датированная второй половиной III – первой половиной V вв. стойка от двухпластинчатой фибулы, относящейся к черняховской культуре [Сташенков, 2010. С. 274]. Не исключено, что одна из поздних групп миграций протоименьковцев могла принести исследуемую фибулу или она проникла в ходе их родственных контактов с прародиной.

III. *Юго-западный вектор* (протоболгарский) – фибула могла проникнуть в регион с представителями юго-западного этно-культурного компонента кочевников-болгар, перекочевавших из Приазовья в VII–VIII вв. и имевших украшения, происходящие с территории распространения пальчатых фибул – современные Украина, Венгрия и Словакия [Матвеева, 1997. С. 98; Зубов, 2006. С. 9–10].

Обнаруженный фрагмент фибулы имеет характер фонового культурного влияния Поднепровья и попал на север Нижнего Поволжья, вероятнее всего, по крупнейшей транспортной артерии того времени – речной сети бассейна Волги. Нельзя исключить проникновения в регион отдельных исконных носителей фибул данного типа – переселенцев или рабов. Возможно, фрагмент фибулы оказался в регионе в результате товарообмена.

Литература:

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Том I. Раскопки 1977, 1982-1984 годов. Киев: АДЕФ-Украина, 2008.

Ахмедов И.Р. Византийские и славянские находки в рязано-окских древностях // Древности Поочья: сборник научных работ к 60-летию В.В. Судакова. Рязань: РИКО, 2016.

Гавритухин И.О. Понятие пражской культуры // Труды Государственного Эрмитажа. XLIX. Сложение русской государственности в контексте ранне-средневековой истории Старого Света. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2009.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Пальчатые фибулы с ромбами на ножке, происходящие из ремесленного центра Стаево на р. Воронеж // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2018. Вып. XXIII.

Горюнова В.М., Родиноква В.Е. Раннеславянское поселение Великие Будки (Хутор) // Stratum plus. № 4. 1999.

Древности бассейнов рек Оки и Камы. В обработке члена Императорской Археологической Комиссии А.А. Спицына. Вып. I // Материалы по археологии России. № 25. СПб.: Типография «Т-ва Художественной Печати», 1901.

Зубов С.Э. Заселение кочевниками-болгарами Среднего Поволжья в VII-VIII вв. (к вопросу об этно-культурной компоненте): автореф. дис. канд. ист. наук. Казань: Институт истории им. Марджани АН РТ, 2006.

Кляшторный С.Г., Старостин П.Н. Праславянские племена в Поволжье // История татар с древнейших времен. Том I. Народы степной Евразии в древности. Казань: Рухият, 2002.

Курта Ф. Женщина из Дэнчень или к вопросу о фибулах типа II C по Вернеру // *Tyragetia, serie nouă*. 2011. Vol. V [XX]. № 1.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Самарский университет, 1997.

Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV-VII вв.: именьковская культура. Учебное пособие. Самара: Самарский университет, 2004.

Обломский А.М. Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V-VII вв.). (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 17). М.: ИА РАН, 2016.

Приходнюк О.М., Падин В.А., Тихонов Н.Г. Трубчевский клад антского времени // Материалы I тыс.н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев: Наукова думка, 1996.

Приходнюк О.М. Пеньковская культура (культурно-археологический аспект исследования). Воронеж: Воронежский университет, 1998.

Родинкова В.Е. Днепровские фибулы с каймой из птичьих голов // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье (Труды Института истории материальной культуры. Т. 11). СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 2004.

Родинкова В.Е. Куриловский клад раннесредневекового времени // Российская археология. 2010. № 4.

Родинкова В.Е. Пальчатые фибулы из Южного Побужья // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. Проблемы и материалы. (Раннеславянский мир. Вып. 13). М.: ИА РАН, 2010а.

Рудницкий М. Контакты между западными балтами и славянами в VI-VII вв.: археологические данные // Stratum plus. 2014. № 5.

Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987.

Седов В.В. Избранные труды: Славяне: Историко-археологическое исследование. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М.: Знак, 2005.

Сташенков Д.А. О хронологическом соотношении памятников лбищенского типа и ранних памятников именьковской культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 6.

Фурсьев А.Г. О времени появления пальчатых фибул днепровской подгруппы (по материалам могильников Южного Крыма) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 2. Тула: ГМЗ Куликово поле, 2010.

Хайрединова Э.А. Детское погребение первой половины VII в. с пальчатыми фибулами днепровского круга из могильника у села Лучистое в Юго-Западном Крыму // Краткие сообщения института археологии. 2017. Вып. 248.

Шитов В.Н. Работы Шокшинской экспедиции в 1991-1992 гг. // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола: МарГУ, 1994.

Щеглова О.А. Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // Stratum plus. 1999. № 5.

Curta F. Slavic bow fibulae? Werner's class I D revisited // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2006. LVII (4).

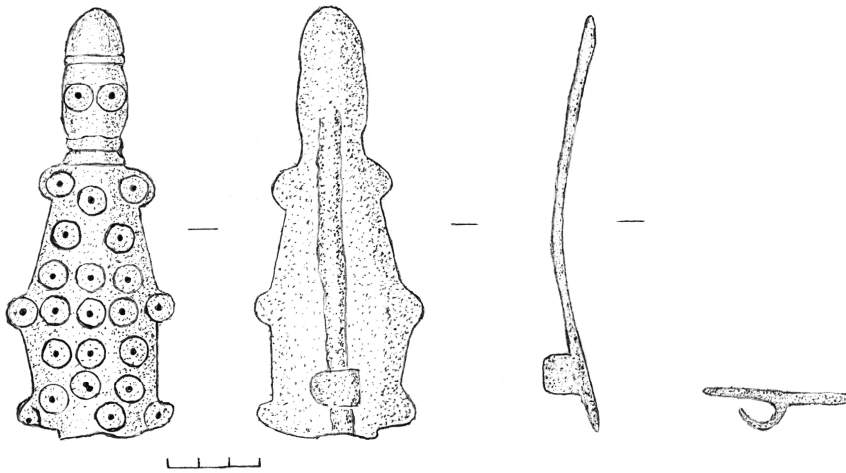

Рис. 1. Фрагмент днепровской поствосточногерманской фибулы

Фото 1. Фрагмент днепровской поствосточногерманской фибулы (лицевая сторона)

Фото 2. Фрагмент днепровской поствосточногерманской фибулы (оборотная сторона)

ИСТОРИЯ НАУКИ

УДК 902(47+57)(09)+929[Рыков+Рау]
ББК 63.4г(2)Рыков П.С.+63.4г(2)Рау П.Д.

*Детлова Е.В., Кузьминых С.В.,
Малов Н.М.*

П.С. РЫКОВ И П.Д. РАУ
В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕПИСКИ С УЧЕНЫМИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ
(А.М. ТАЛЬГРЕН, Г. МЕРГАРТ, Э.Х. МИННЗ, Т. АРНЕ)*

В статье вводится в научный оборот переписка, которая велась в 1920–30-е годы известными советскими археологами П.С. Рыковым и П.Д. Рау с учеными Западной Европы. Письма, адресованные А.М. Тальгрелю, Г. Мергарту, Э.Х. Миннзу и Т. Арне, свидетельствуют о стремлении сохранить единое интеллектуальное пространство на востоке и западе континента. Рыкову и Рау посчастливилось раскопать в те годы в Нижнем Поволжье значительный массив погребений бронзового и раннего железного веков. Вопросы, связанные с их изучением и публикацией, являются основными темами, обсуждаемыми в публикуемой переписке. Она позволяет нам, кроме того, заглянуть в «рабочую кухню» исследователей, стать соучастниками их творческого процесса. Эти письма возвращают нам живые голоса П.С. Рыкова и П.Д. Рау, творчество которых было оборвано на полуслове.

Ключевые слова: П.С. Рыков, П.Д. Рау, А.М. Тальгрелю, Г. Мергарт, Э.Х. Миннз, Т. Арне, Саратов, Покровск, археология бронзового и раннего железного веков, история отечественной археологии

* Работа выполнена С.В. Кузьминых и Е.В. Детловой в рамках исследовательских проектов РФФИ №№ 18-59-23005 и 18-09-40115.

Detlova E.V., Kuzminykh S.V., Malov N.M.

P.S. RYKOV AND P.D. RAU AS REFLECTED IN CORRESPONDENCE
WITH WEST EUROPEAN SCIENTISTS
(A.M. TALLGREN, G. MERHART, E.H. MINNS, T.J. ARNE)

Correspondence of the 1920–30s among P.S. Rykov and P.D. Rau, prominent Soviet archaeologists, and a number of West European scientists is introduced into scientific circulation through the present paper. Letters addressed to A.M. Tallgren, G. Merhart, E.H. Minns and T. Arne, are indicative of striving to maintain common intellectual space in the East and in the West of the continent. In those years, Rykov and Rau were lucky to have excavated a substantial massif of burials of the Bronze and the Early Iron Ages. The issues related to their examination and publication make the principle subjects discussed in the correspondence being published. It enables us to look into the working “behind-the-scenes” of the researchers, to become a party in their creative effort. The letters recover the live voices of P.S. Rykov and P.D. Rau whose creative work has been cut short in the mid-course.

Keywords: P.S. Rykov, P.D. Rau, A.M. Tallgren, G. Merhart, E.H. Minns, T.J. Arne, Saratov, Pokrovsk, archaeology of the Bronze and the Early Iron Ages, history of Russian archaeology

Павел Сергеевич Рыков (1884–1942) и Пауль Давидович Рау (1897–1930) – представители того поколения российских археологов, чье становление пришлось на первые годы советской власти, поколения, выросшего на традициях дореволюционной отечественной науки и культуры, поколения во многом с трагической судьбой: и Рыков, и Рау, как известно, сгинули в молохе репрессий и ГУЛАГе¹.

Русская археология до 1917 г., несмотря на свою самобытность, была тесно связана с европейской наукой, они были частями единого научного и интеллектуального пространства. После революции российским и европейским ученым стоило немалых трудов сохранять сложившиеся связи и контакты. Примером тому публикуемая ниже переписка П.С. Рыкова и П.Д. Рау с крупнейшими археологами Западной Европы (А.М. Таллгрэн, Г. Мергарт, Э.Х. Миннс, Т. Арне). Научные интересы этих ученых в начале XX в. – до и

¹ Всех читателей, интересующихся жизнью, научной, педагогической и музейной деятельностью героев нашего очерка мы адресуем к трудам: [Синицын, Степанов, 1964; Малышев, Семенова, 1989; Мерперт, Шилов, 1989; Мошкова, 1989; Сагайдак, 1989; Ерина, Малова, 1997; Максимов, 1997; Малов, 1997а; 1997б; 2006а; 2006б; 2006в; 2010; 2016; 2017; Семенова, Малышев, 1991; Семенова, Максимов, Ерина, 1997; Сухорукова, 2009; Малов, Павлова, 2010; Рау, 2014; Усманова и др., 2017].

после революции – были тесно связаны с российской наукой, и не только столичной, но и провинциальной.

П.С. Рыков и П.Д. Рау представляют в этих письмах Саратов и Покровск. На протяжении 1920-х – первой половины 1930-х гг. эти волжские города были на слуху в отечественной и европейской археологии. Сначала благодаря археологическому открытию городов Золотой Орды Ф.В. Баллодом², а затем погребений бронзового и раннего железного веков, раскопанных Рыковым и Рау. Исследование этих памятников, вопросы, связанные с их публикацией, проблемы, которые были поставлены в ходе изучения уникальных курганных древностей, – вот тот перечень основных тем, что обсуждаются в переписке российских и европейских ученых. Значительная часть археологических материалов, о которых идет речь в письмах, была опубликована Павлом Сергеевичем и Паулем Давидовичем, многое – уже позднее их учениками и последователями. Но эпистолярное наследие Рыкова и Рау позволяет нам заглянуть в «рабочую кухню» исследователей, в том числе и их европейских корреспондентов, стать соучастниками творческого процесса ученых, понять, что из намеченных планов удалось реализовать, а что, увы, нет. В официальных документах эта сторона научных поисков обычно сокрыта, а ведь она немало может рассказать не только о предыстории тех или иных событий, начинаний и идей, но и о самих героях нашего очерка, их характерах, сомнениях и надеждах.

Эпистолярный жанр источников становится все более востребованным в истории науки, в том числе археологической. Публикация писем П.С. Рыкова и П.Д. Рау ведущим европейским ученым своего времени возвращает нам имена исследователей, творчество которых было оборвано на полуслове. В этих письмах раскрываются черты характера обоих ученых, то личностное начало, которое позволило им достичь высот в науке. Введение в научный оборот переписки Рыкова и Рау, безусловно, является важной страницей в истории российской археологии.

Все публикуемые письма подлинны, их авторство уверенно атрибутируется, равно как место и даты отправок. Лишь в единичных случаях даты написания реконструируются по контексту содержания писем. Вся переписка велась П.С. Рыковым по-русски, П.Д. Рау, напротив, – по-немецки, за исключением трех писем Э.Х. Миннзу, написанных на русском языке. Английский ученый с одинаковым успехом читал на многих европейских язы-

² См. об исследованиях Ф.В. Баллода в Саратове: [Малов, 2006в; 2015; 2017; Кузнецова, 2006; Ковалев, 2018; Пигарёв, 2019].

ках³, но, судя по всему, немецкий язык в рукописном изложении Рау давался ему при чтении тяжелее, чем русский.

К сожалению, мы не можем реконструировать переписку в полном объеме, поскольку располагаем только письмами российских археологов, за исключением машинописной копии единственного отправления Г. Мергарта П.С. Рыкову (19.03.1930), сохранившегося в архиве немецкого ученого. Вся переписка Павла Сергеевича и, тем более, зарубежная, была изъята при его аресте в 1937 году. По завершении следствия ничто из конфискованных бумаг не было возвращено ни семье, ни в архивы саратовских учреждений, где работал профессор Рыков. Рау перед своим самоубийством, вероятнее всего, уничтожил личные бумаги, в том числе и переписку, чтобы обезопасить свою семью от возможного преследования. О том, что писали Рыкову и Рау их европейские коллеги, мы можем косвенно судить по контексту ответных писем из Саратова и Покровска.

Подавляющее большинство писем – рукописные (автографы); они принадлежат к категории эпистолярных исторических источников личного, частного происхождения и общения. Исключение составляют письма П.Д. Рау в Германский археологический институт, которые следует отнести к деловой переписке. В письме № 3 Рау – Тальгрёну в двух строках нарушена целостность текста, но смысл утраченных слов удалось восстановить. Авторские вкрапления в текст писем минимальны. Сокращенные и недописанные слова дополнены в квадратных скобках. В них же заключены ссылки на литературу и архивные источники в авторском очерке, примечаниях и комментариях. В ряде случаев, чтобы не перенасыщать текст писем излишними комментариями, мы ввели ссылки на труды Рыкова и Рау, в которых были опубликованы или предполагалось опубликовать те или иные материалы, о которых шла речь в письмах. Эти ссылки заключены в круглые скобки, равно как и редкие вставки слов (с указанием – *авт.*) – разъяснения публикаторов, необходимые по контексту писем. Утраты текста, крайне редкие, выделены угловыми скобками с отточием. Все подчеркивания оговорены, кем они сделаны. Текст писем приведен в соответствии с нормами современной орфографии и пунктуации при сохранении индивидуальной стилистики оригинала.

Текст писем воспроизводится по оригиналам и в одном случае по черновику (Мергарт – Рыкову, 19.03.1930), выявленным в архивах Финляндии, Германии, Великобритании и Швеции. Письма П.С. Рыкова и П.Д. Рау, адресованные А.М. Тальгрёну, хранятся в личном эпистолярном фонде финского

³ Примечательны в этой связи диалоги Э.Х. Миннза с А.М. Тальгрёном, которого он просил писать и по-шведски, и по-фински (а не только по-английски), чтобы оттачивать свою языковую практику. Судим об этом по письмам финского ученого Миннзу, хранящимся в рукописном отделе библиотеки Кембриджского университета.

ученого в рукописном отделе Национальной библиотеки Финляндии (Coll. 230.9 – Рыков, Coll. 230.8 – Рау)⁴. Кроме того, одно письмо Рыкова Тальгрёну (№ 15) обнаружено в рабочем архиве финского археолога в Музейном ведомстве Финляндии в папке «Tallgren 2. Oka, Saratov, mordva, Gootol. muistat».

Отдельные эпизоды диалога П.С. Рыкова и П.Д. Рау с научным сообществом Германии можно фрагментарно восстановить на основании документов, сохранившихся в личном архиве Геро фон Мергарта в университете Филиппа (Марбург-на-Ланне)⁵, а также в архиве Германского археологического института (DAI, Центральный архив)⁶. Письма П.Д. Рау, адресованные Э.Х. Миннзу, хранятся в рукописном отделе библиотеки Кембриджского университета [Cambridge University Library: Manuscripts. Minns. Add. 7722]⁷. Письмо П.С. Рыкова Т. Арне отложилось в антикварно-топографическом архиве Исторического музея Швеции [T.J. Arnes Arkiv: Korrespondens. Vol 11. F 2]⁸.

Анализ писем позволяет определить их информационный потенциал, обсуждаемые темы, отношения авторов к адресатам, эпистолярный этикет того времени и многое другое.

П.С. Рыков и А.М. Тальгрён (1887–1945). Переписка российского и финского ученых продолжалась десятилетие – с 1925 по 1935 год, но в реальности ее активная фаза приходится на 1925–1928 гг., затем последовал семилетний перерыв, когда контакты возобновились, но после единственного письма 1935 г. они не получили продолжения. Интенсивность писем Рыкова по годам разнится: 1925 – 4 письма, 1926 – 7, 1927 – 3 (письмо и 2 открытки), 1928 – 4 (3 письма и открытка), 1935 – одно письмо. Наиболее продолжительный цикл (9 писем) был в самом начале переписки – с сентября 1925 г. по апрель 1926 г., по одному отправлению в месяц (и даже два в феврале 1926 г.). Затем последовал перерыв до осени (письмо в октябре 1926 г.). На январь–май 1927 г. пришелся

⁴ Работа в РО НБФ протекала при постоянной поддержке сотрудников рукописного отдела (прежде всего, при бескорыстной помощи Лизы Шпакштейн), а также при содействии Пирье Уйно, Гарри Галена и Юхи Янхунена.

⁵ Неоценимое содействие при изучении и копировании этих документов нам оказал г-н Клаус Добиат, профессор факультета древней истории Марбургского университета.

⁶ За помощь в поисках информации, возможность ознакомления и публикации этих документов авторы сердечно благодарят руководство Германского археологического института, а также лично г-жу Иоганну Мюллер фон дер Хэген (Центральный архив DAI).

⁷ Письма П.Д. Рау до июня 2018 г. значились в блоке посланий от безымянных авторов. Одному из авторов удалось их атрибутировать наряду с другими письмами из России и тем самым существенно расширить круг русских корреспондентов Э.Х. Миннза. Работа в Cambridge University Library протекала вместе с Н.Б. Щербаковым и И.А. Шутелевой и состоялась благодаря их содействию и поддержке.

⁸ Благодаря любезности сотрудников архива Н.Б. Щербаков и И.А. Шутелева получили возможность сделать фотокопию этого письма. Мы им искренне благодарны за помощь в наших разысканиях.

новый цикл активности (3 письма) и затем вновь последовал перерыв до осени (письмо в ноябре). Письма и открытки 1928 г. уже не укладываются в сложившиеся циклы: они написаны летом, в июне и июле, а также осенью, в октябре. Далее переписка прервалась до августа 1935 г. – и это было последнее письмо П.С. Рыкова финскому археологу. На причинах такого ритма переписки остановимся ниже.

Вполне возможно, еще до революции Тальгрёну была знакома фамилия Рыкова по информации о раскопках российского исследователя в Витебской, Виленской и Курской губерниях [Русская..., 2003. С. 200, 294, 298], но их личное знакомство, вероятно, произошло только в 1925 г., когда Михаил Маркович⁹ побывал в Киеве, Харькове, Херсоне, Саратове, Казани и Костроме. Поездки финского археолога в Россию возобновились в 1924 году – Тальгрён продолжил изучение археологических коллекций в музеях Ленинграда и Москвы [Kivikoski, 1954a. Pp. 105, 106]. Тогда же он мог услышать от А.А. Спицына и В.А. Городцова новости о раскопках в Нижнем Поволжье, в том числе о работах Рыкова.

В поездках 1924 и 1925 гг. Тальгрён ставил перед собой главным образом исследовательские задачи. Эти поездки существенным образом изменили вектор научных занятий финского археолога: на первый план вышли степные и лесостепные культуры бронзового века Восточной Европы, а также Северного Кавказа; при этом, проблематика эпох раннего металла и раннего железа лесной зоны Северной Евразии по-прежнему оставалась в сфере его интересов¹⁰. По воспоминаниям современников, вернувшись из поездки 1925 г., «Тальгрён отмечал, что количество материала в России так возросло, что он уже не верит, что когда-либо сможет весь его изучить, но, к его удовольствию, в России появились собственные молодые исследователи данной проблематики, которые могли бы продолжать работу» [цит. по: Kivikoski, 1954a. P. 106]. К их числу финский ученый, несомненно, относил и саратовского археолога П.С. Рыкова.

После знакомства в 1915 г. в Нижнем Новгороде с Сеймой [Tallgren, 1915], Михаила Марковича, казалось, было трудно удивить открытием новых уникальных памятников бронзового века. Но в 1924 г. он увидел в Петрограде коллекцию Турбинского могильника из начатых годом ранее раскопок

⁹ Так обращались к А.М. Тальгрёну большинство отечественных археологов, а также иногда некоторые европейские коллеги (Мергарт, Миннз и др.). На имя Михаила Марковича Тальгрёна Императорская Археологическая комиссия оформляла открытые листы, полиция – проездные документы и право на владение оружием во время его экспедиций в России до 1917 года. Судим об этом по материалам рабочего архива ученого в Музейном ведомстве Финляндии.

¹⁰ См. подробнее об исследовательских планах А.М. Тальгрёна этого времени и их результатах: [Кузьминых и др., 2014. С. 11–13, 32–34; Кузьминых, 2015; Кузьминых, Детлова, 2017].

А.В. Шмидта [Schmidt, 1927]. Турбино стало первым камнем, пробившим брешь в его стройной концепции развития восточноевропейского бронзового века, предложенной в обзоре коллекции В.И. Заусайлова [Tallgren, 1916. Pp. 8–17]. Прежде всего, рухнула связь Сеймы с фатьяновской культурой, поскольку Турбино в силу географических реалий невозможно было отождествить с этой культурой.

Поездка 1925 г. преподнесла еще два неожиданных сюрприза. Первый – в Казани, где Тальгрэн познакомился с материалами Абашевского могильника, раскопанного тем летом казанским археологом В.Ф. Смолиным¹¹. Работы Виктора Федоровича положили начало изучения новой оригинальной культуры бронзового века, в древностях которой Михаил Маркович сразу же разглядел элементы сходства с Сеймой и Галичским кладом. Второй сюрприз ожидал его в Саратове, когда П.С. Рыков продемонстрировал финскому археологу материалы Покровского могильника, полученные в том же 1925 году. Коллекция памятника (прежде всего бронзовые наконечники копий и ножи), и у Тальгрэна в этом не было сомнения, вновь выявила связи с Сеймой и ее близнецом на Каме – Турбино.

Новые уникальные погребальные памятники, если и уступали Сейме по красоте и изяществу бронз, тем не менее, многое изменили в концептуальных представлениях финского ученого, связанных с развитием культур бронзового века Восточной Европы. По свежим следам Тальгрэн предложил опубликовать материалы Турбина, Абашева и Покровки в финских журналах авторам раскопок, и это предложение было с благодарностью принято [Schmidt, 1927; Smoline, 1927; Rykov, 1927]. Михаил Маркович оперативно ввел материалы Покровки в рукопись своей монографии «La Pontide préscythique...» и вписал их в контекст формирования, развития и периодизации позднебронзовых культур региона [Tallgren, 1926. P. 72–80, 142]. Личное общение с финским археологом в 1925 г., а затем знакомство с его книгой 1926 г., как следует из писем Рыкова, заметно сказались на взглядах Павла Сергеевича на происхождение, развитие, хронологию и судьбы культур эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья.

Еще одним важным результатом встречи 1925 г. стало сотрудничество Рыкова с журналом «Eurasia Septentrionalis Antiqua»¹². Поездки 1924 и 1925 гг. еще больше укрепили Тальгрэна в намерении начать издание ESA. В значи-

¹¹ См. подробнее об исследованиях Абашевского могильника В.Ф. Смолиным: [Михайлов, Кузьминых, 2003; Кузьминых, 2004].

¹² См. подробнее о создании журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua» и его роли в истории европейской и отечественной археологии: [Tallgren, 1924; 1926b; 1938; Kivikoski, 1954a. Pp. 106–109; Kokkonen, 1985; Сакса, Таавитсайнен, 2012; Кузьминых и др., 2014. С. 21–26; Salminen, 2014; Кузьминых, Салминен, 2016].

тельной степени эти планы были связаны с реализацией его давней мечты – создать новый журнал, посвященный урало-алтайской археологии и этнографии. Для успешного продвижения данного проекта необходимо было заручиться поддержкой как европейских археологов, так и – самое главное – привлечь к работе в журнале коллег из Советской России. В начале 1920-х гг. идея выглядела более перспективной (нежели при первой попытке основания журнала в 1916 г.), несмотря на финансовые трудности и обострение в Финляндии застарелой вражды и даже ненависти к России после гражданской войны 1918 года [Kivikoski, 1954a. P. 97]. Кроме того, осуществлению данной идеи способствовали личные контакты и возросший научный авторитет финского археолога. Не случайно Гордон Чайлд написал ему в сентябре 1925 г.: «Нам надо надеяться, что большевики примут Ваше предложение» [цит. по: Kokkonen, 1985. P. 6].

Предложенный Тальгреном проект «Евразия», в итоге финансово поддержанный правительством Финляндии, был в традициях научных исследований финских археологов и этнологов, предпринявших в последней трети XIX и в начале XX века серию важнейших путешествий и экспедиций в азиатские пределы России, Монголию и Китай¹³. Его реализация способствовала сохранению прежних связей с российской наукой, помогла наладить контакты с молодым поколением советских археологов и вовлекла их в совместную работу в журнале.

Во время поездки 1925 г. Тальгрэн получил уже ряд готовых и заказал дополнительные тексты для 1-го выпуска ESA (вышел в 1927 г.), и среди них статью Рыкова о хвалынской культуре бронзового века на Нижней Волге [Рыков, 1927]. В основу публикации саратовского археолога легли материалы Покровских курганов. Покровка, а следом Армиево и ряд других памятников – в числе наиболее обсуждаемых тем в его переписке с редактором ESA. Не за горами столетие с начала раскопок Покровского могильника, который, безусловно, давно заслуживает монографической публикации. Для многих поколений археологов статья Рыкова является основным источником информации об этом уникальном памятнике. В письмах Павла Сергеевича неоднократно звучит благодарность Тальгрэну за возможность напечататься в ESA. Нам же остается только благодарить Тальгрэна за его настойчивость и терпение при работе с рукописями Рыкова и других советских археологов.

К сожалению, после октября 1928 г. столь важный для обоих ученых диалог в переписке прервался, и не по вине Михаила Марковича. Будучи человеком, для которого «было свойственно публично выражать свои мнения и

¹³ См. подробнее об этом: [Tallgren, 1916b; 1919b; 1920; 1928d; 1936; 1940; Nordman, 1968; Шлыгина, 1995; Салминен, 2007].

убеждения» [Kivikoski, 1954a. P. 114], в декабре того года он обратился с открытым письмом в Главнауку с критикой преследования ученых в СССР [Tallgren, 1928e]. «Дело академика С.А. Жебелева» получило международный резонанс: в прессе Советского Союза и в академических верхах на Жебелёва и Тальгрена посыпались обвинения во всех смертных грехах [Тункина, 2000]. Финскому археологу это выступление обошлось дорого: он стал персоной non grata в СССР, лишился возможности поездок и в итоге не смог продолжить изучение кавказских коллекций в наших музеях, с успехом начатое в 1928 году [Кузьминых, 2015].

События, связанные с «делом» Жебелёва, не могли не отразиться на редакционной политике журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua». Они произошли на пороге 1929 года – «года великого перелома», который привел к переходу от лозунгов к практическим действиям по переводу советской археологии на марксистские «рельсы» [Платонова, 2010. С. 230–241]. В итоге на рубеже 1920–30-х и в первой половине 1930-х гг. связи археологов СССР с зарубежными научными центрами заметно ослабли. Редактируемый Тальгреном журнал после его критических выступлений и оценок об опасных тенденциях развития гуманитарных наук в Советской России [Tallgren, 1928e; 1931; 1932] был назван фашистским [Быковский, 1932; Равдоникас, 1932]. Год 1929 и последующие стали во многом переломными в судьбе ESA. Многие корреспонденты Тальгрена и авторы журнала из СССР прервали с ним переписку¹⁴ – и в их числе профессор Рыков.

С высоты наших дней можно осуждать Павла Сергеевича за малодушие, но мы не вправе давать оценку его решениям. На нем лежала ответственность не только за себя, но и за своих учеников и единомышленников, за продолжение деятельности той научной школы, что была создана им в Саратове. Время было жестокое: «Академическое дело», «Дело академика С.А. Жебелева», разгром краеведения, «чистки» в научных учреждениях, вузах и музеях – в стране разворачивались репрессии [Формозов, 2006. С. 183–217]. Любой неосторожный шаг мог расцениваться как враждебный власти и государству. Будучи человеком системы, облаченный властными полномочиями (зав. кафедрой археологии, проректор Саратовского университета, директор Нижне-Волжского института краеведения), Рыков действовал согласно правилам игры на выживание: он не участвовал в акциях по критике Тальгрена и ESA, но посчитал за лучшее прервать отношения и переждать...

Ожидание длилось до 1935 г., когда финский ученый вновь посетил, причем дважды, Советский Союз. Тем летом Михаилу Марковичу удалось

¹⁴ На примеры такого рода ранее уже обращалось внимание [Сакса, Таавитсайнен, 2000. С. 65; Кузьминых, 2004а. С. 144; 2004б. С. 19].

совершить длительное путешествие по музеям и известным археологическим памятникам Северного Кавказа, Крыма и Украины с группой молодых европейских археологов и этнологов; в этой поездке его сопровождал академик И.И. Мещанинов – директор Института антропологии, археологии и этнографии (Кунсткамеры) АН СССР¹⁵. В сентябре в Ленинграде, в Эрмитаже, прошел весьма представительный 3-й Международный конгресс и выставка иранского искусства и археологии [Стрелков, 1937], и Тальгрэн был среди его участников.

Для ученых, прервавших отношения с финским археологом в 1928–1929 г., это стало сигналом того, что он перестал быть персоной *non grata* для властей СССР. В августе 1935 г. Рыков вновь написал Михаилу Марковичу и, словно не было нескольких лет молчания, как и прежде, продолжил прерванный разговор о нужных ему выпусках *ESA*, своей новой книге [Рыков, 1936а], раскопках кургана «Три Брата» в Калмыкии [Рыков, 1936б]. Тогда же возобновил переписку с Тальгрэном М.Г. Худяков [Гришкина, Кузьминых, 2008. С. 31], называвший финского ученого в письмах 1920-х гг. своим учителем в археологии, а в начале 1930-х публично клеймивший финскую экспансию в археологической науке [Худяков, 1931]. В 1935–1936 гг. Михаилу Марковичу еще писали или отвечали на его письма М.М. Иващенко, Г.К. Ниорадзе и В.Н. Чернецов [Кузьминых, 2006]; авторами статей в *ESA* осмелились быть В.В. Арндт, А.А. Захаров и Н.Е. Макаренко [Eurasia..., 1954. Pp. 5, 7, 11; Кузьминых, Усачук, 2016. С. 390, 391, 417].

1936 год стал рубежным для участия археологов СССР в издательской деятельности журнала «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*». Новая волна репрессий закрыла им дорогу в последние выпуски *ESA* (X–XII). Тем более что по следам поездки 1935 г. Тальгрэн опубликовал обзор «Археологические исследования в Советской России» [Tallgren, 1936а], в котором среди новостей о судьбах советских коллег сообщается о смерти А.А. Миллера, С.А. Теплоухова и Б.С. Жукова; неизвестной остается для финского археолога судьба многих других ученых – Г.И. Боровки, И.В. Фабрициус, М.П. Грязнова, В.Е. Козловской, М.Я. Рудинского, А.А. Захарова, Н.Е. Макаренко. Не встретив в музеях и университетах многих репрессированных коллег, Тальгрэн вновь публично осудил советский режим: «Как же, должно быть, богато человечество, если оно может обойтись без таких прекрасных людей. Но может ли мир, могут ли Советы позволять себе прерывать творческую деятельность людей, обладающих интересом, энтузиазмом, знаниями и способностями?» [Там же. P. 149].

¹⁵ См. фото этой группы во главе с А.М. Тальгрэном и И.И. Мещаниновым: [Salminen, 2014. Foto 30].

Эти слова А.М. Тальгрена оказались провидческими для П.С. Рыкова и созданной им региональной научной школы. Арест лидера и ряда его учеников в 1938 г. прервали столь успешно развивавшиеся археологические работы в Нижнем Поволжье. Публикуемые ниже письма Рыкова Тальгрену возвращают нас к истокам этих исследований.

П.С. Рыков и Г. Мергарт. Переписка П.С. Рыкова и первого штатного профессора первобытной истории Германии Геро фон Мергарта (1886–1959) из университета Филиппа в г. Марбурге-на-Ланне¹⁶ не была столь активной и продолжительной, как с А.М. Тальгреном. Мы располагаем 4 письмами Рыкова Мергарту и машинописным черновиком письма немецкого ученого. Этому можно найти объяснение. Мергарт со своей «сибирской» тематикой отстоял от поволжской археологии гораздо дальше, чем его европейские коллеги Тальгрэн и Миннз. Это проявляется, в том числе, и в лаконизме писем – послания Рыкова Мергарту гораздо менее пространны, чем таковые же финскому археологу. Но, несмотря на скромный объем переписки, в ней все же есть заслуживающие внимания моменты.

Первые письма Павла Сергеевича относятся к 1928 г., заключительные – к 1930 году. Последнее обстоятельство примечательно тем, что значительная часть переписки немецкого ученого с корреспондентами из СССР прервалась после «точки невозврата» в 1929 году. Как мы видели ранее, этот же год был рубежом в контактах советских археологов с Тальгреном. Но в отношениях с Мергартом Рыков перешагнул этот рубеж на год. Саратовский профессор писал по-русски¹⁷. Хотя Геро Вальтерович¹⁸ к тому времени русский язык изрядно подзабыл и не мог свободно изъясняться и писать на нем, но по-прежнему хорошо понимал. Отвечать все-таки предпочитал по-немецки.

Важно отметить, что заочное знакомство Мергарта с Рыковым началось задолго до установления личных контактов. В переписке Мергарта и Тальгрена, которую они вели с 1921 г., уже в 1925–1926 гг. упоминается фамилия саратовского археолога. Так, в одном из писем 1926 г. Михаил Маркович ссылается на «рыковские находки из Саратова»¹⁹, копии рисунков которых ему переслал казанский профессор В.Ф. Смолин, а также сообщает о раскопках «казанских

¹⁶ Библиография трудов о жизни, научной и педагогической деятельности Г. Мергарта достаточно велика. Информацию о них можно почерпнуть в: [Gero von Merhart..., 2010; Детлова, 2011].

¹⁷ В Личном листке по учету кадров за 26 сентября 1935 г. (Архив СГУ) П.С. Рыков указал (пункт № 21), что из иностранных языков читает или переводит со словарем: немецкий и французский, может объясняться на немецком.

¹⁸ Так в шутку величал его А.М. Тальгрэн в ответ на мергартовское обращение «Михаил Маркович».

¹⁹ Скорее всего, речь идет о новых материалах из Покровского могильника. С более ранними находками из раскопок 1924–1925 гг. Тальгрэн смог познакомиться в ходе поездки 1925 года.

погребений хвалынской культуры»²⁰. В целом же в этой переписке отсылки к работам и персонам поволжских археологов носят спорадический характер. Интересно другое. В личном послании никогда не напишешь того, что думаешь о человеке: элементарная вежливость и желание продолжить обоюдывыгодное общение не позволяют выразить истинного отношения к нему.

«Взгляд со стороны» может быть куда как более отрезвляющим. Непредсказуемо и неожиданно Тальгрэн, добрый гений и друг российских археологов, с несвойственным ему сарказмом пишет о «наивности и пассивности русских» и о том, с какими вопросами и просьбами они к нему обращаются. Зачастую даже с такими, о которых он не имеет ни малейшего понятия. В качестве примера приводит вопрос «Рыкова из Саратова»: «Дорогой Михаил Маркович! Я хотел бы узнать Ваше авторитетное мнение о некоторых татарских изразцах». «Конечно, я шаржирую немного, – пишет далее Тальгрэн, – но примерно так выглядят письма, которые я массово получаю из России. А на мои собственные вопросы я почти никогда не получаю удовлетворительных ответов, либо вообще ответа на первое письмо. С этими людьми нельзя дискутировать по научным вопросам» [АМУ. Тальгрэн – Мергарту, 29.10.1925].

Этот факт, впрочем, также поддается объяснению – почему именно в такой тональности отзывается о коллегах из России «бог русской археологии»²¹ Тальгрэн. Во многом, из-за солидарности с Мергарту, который в то время остро переживал размолвку с российскими коллегами, вызванную конфликтной ситуацией с В.А. Городцовым и сибирскими археологами в 1924 г. [Детлова и др., 2014]. Хотя охлаждения в отношениях Мергарта с коллегами из России не последовало, однако неприятный осадок и тень непонимания остались. Эта ситуация отчасти заставила и Тальгрэна усомниться в искренности отношения к нему в России. И он, у которого отношения с тем же Городцовым и другими археологами складывались не всегда безоблачно [Кузьминых, Сафонов, 2014] и которого коллеги из СССР при каждом удобном случае атаковали просьбами о присылке литературы и размещении своих публикаций в финских журналах, не мог не посочувствовать Мергарту. Отсюда – горькая ирония и порой едкие реплики в письмах относительно корреспондентов из Советской России.

Возвращаясь к эпистолярному общению Мергарта и Рыкова, отметим, что в нем главенствует традиционная для того времени тема – обмен профессиональной литературой. Проблема доступа к новым археологическим изда-

²⁰ Так названы погребения близ сс. Маклашеевка, Полянки и Билярск в Казанской губернии из раскопок П.А. Пономарева и Н.П. Лихачева в публикации М.Г. Худякова [Chudjakov, 1927. S. 98].

²¹ Именно таким эпитетом Мергарт часто награждал финского археолога в своих письмах.

ниям была актуальна в одинаковой степени, как для советских, так и для европейских ученых. Не случайны постоянно повторяющиеся в письмах обоюдные просьбы о присылке тех или иных трудов. Мергарт постарался сделать так, чтобы, по крайней мере, его собственные сочинения попали в Советскую Россию.

Для Рыкова проблемы, связанные с получением литературы, были гораздо более насущными, чем для Мергарта, к тому времени завершившего цикл исследований по сибирской тематике. Связано это с тем, что историко-филологический факультет Саратовского университета был открыт по решению Временного правительства в 1917/18 учебном году. Состояние вузовского библиотечного дела в 1920-е гг. было неудовлетворительным. На процессе комплектования библиотек крайне негативно сказались трудности, связанные с гражданской войной. Павел Сергеевич положил немало сил, чтобы пополнить библиотеки педагогического факультета и Нижне-Волжского института краеведения из дубликатных фондов академических учреждений, музеев и университетов Москвы и Ленинграда. В 1927 г. библиотека Института краеведения еще только организовывалась [Научные учреждения и научные работники..., 1927. С. 67].

Какие труды западных исследователей из числа подаренных Рыкову и научным учреждениям СГУ сохранились в библиотеках Саратова, сейчас установить сложно. После осуждения ученого как «врага народа» даже в инвентарной книге поступления экспонатов СОМК почти везде его фамилия была вымарана черной полосой туши. Такая же операция повторилась практически во всех изданиях со статьями Рыкова, хранившихся в государственных библиотеках. Автографы и инициалы профессора исчезли с обложек подаренных ему книг. Уже отмечалось, что письма и книги зарубежных коллег отсутствуют в архиве его семьи. В 1939 г. был ликвидирован Нижне-Волжский институт краеведения. Фонды библиотеки института расформировали, а книги передали без документального оформления в различные саратовские библиотеки²².

В одном из писем Рыков благодарит немецкого коллегу за прием в Майнце. В 1928 г., когда он был делегирован за границу для изучения музейного опыта в Европе, Мергарт занимал пост ассистента директора Римско-Германского Центрального музея в Майнце. Музей располагал богатыми коллекциями восточноевропейских и азиатских древностей, а также гипсовых слепков находок с территории Германии. Здесь Мергарт проработал недолго,

²² Однако некоторые немецкие издания, купленные П.С. Рыковым по заказу или привезенные им в 1928 г. из Германии [Ginters, 1928; Jacobi, 1927; Jenny, 1928; Unverzagt, 1927], все же сохранились в научной библиотеке археологов СГУ. Здесь же – два выпуска журнала «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*» (Vol. III, V).

меньше года, но за этот короткий срок в Майнце его успели посетить некоторые зарубежные коллеги, в том числе из России, например, Г.И. Боровка. Детали этих встреч, как и подробности бесед с Рыковым, увы, остаются «за кадром».

Единственное письмо Мергарта Рыкову – ответ на послание саратовского ученого. Геро Вальтерович перечисляет европейские издания, которые могли бы заинтересовать его далекого коллегу. Эти труды немецкий археолог намеревался послать в качестве ответного дара за раритетную книгу «Археология России. Каменный период» А.С. Уварова [1881]. Это даже не ответ как таковой, а черновик ответа. Дело в том, что Мергарт, человек высокой эпистолярной культуры, обладал крайне полезной в отношении личной корреспонденции привычкой: сохранять некоторые черновики своих писем. Жаль, что не сохранились копии других его посланий Рыкову. Но благодаря черновикам многих других писем, мы имеем возможность реконструировать полноценный диалог Мергарта с зарубежными коллегами, в том числе из России. Это обстоятельство представляется особенно ценным, так как преследования и репрессии 1930-х гг. привели к тому, что мало кто из советских археологов, переживших ту эпоху, сохранил личную переписку с коллегами из-за рубежа. Исключения единичны – В.А. Городцов [Кузьминых, Сафонов, 2014], А.А. Захаров²³. Именно поэтому столь важна для истории отечественной археологии даже скромная по объему переписка П.С. Рыкова и Г. Мергарта, сохранившаяся в марбургском архиве немецкого ученого.

П.С. Рыков и Т. Арне. Туре Арне (1879–1965) – один из крупнейших шведских археологов первой половины XX века²⁴. Среди интересовавших его научных проблем, пожалуй, важнейшей была тема о русско-скандинавских отношениях по археологическим данным. Отсюда его пристальный интерес к России, ее древностям и тесные контакты со многими русскими историками и археологами. Арне неоднократно бывал в России и СССР, участвовал в раскопках ряда памятников, обрабатывал и публиковал материалы археологических коллекций с территории России, свободно говорил по-русски [Кирпичников, 1969. С. 243].

Среди саратовских корреспондентов шведского исследователя, судя по описи антикварно-топографического архива Исторического музея Швеции, были А.А. Гераклитов, состоявший с Арне в переписке еще до революции, и П.С. Рыков. Знакомство Рыкова и Арне, только заочное, состоялось в сентябре 1926 г. благодаря профессору Гераклитову. Через него Туре Иванович²⁵ обратился к Павлу Сергеевичу с просьбой – прислать публикации с результатами

²³ Судим об этом по материалам личных фондов ученых в ОПИ ГИМ.

²⁴ См. подробнее о его жизни и научной деятельности: [Кирпичников, 1969].

²⁵ Так величали шведского археолога его русские коллеги.

новейших раскопок на Нижней Волге. Похоже, что Арне особенно интересовали материалы сарматских памятников. Рыков оперативно откликнулся на письмо коллеги и выслал в Стокгольм имевшиеся в его распоряжении работы. В свою очередь Павел Сергеевич надеялся получить от шведского ученого давний, изданный по-французски классический труд «Швеция и Восток» [Arne, 1914]. В этой книге Арне раскрыл характер торговых и иных связей Швеции и Руси в IX–XI вв. с внешним миром и в первую очередь друг с другом. Удалось ли получить эту книгу Рыкову, мы не знаем. В библиотеках Саратова следов ее пока не выявлено.

Остается сожалеть, что не состоялась личная встреча ученых на 1-й Конференции археологов СССР в Керчи в сентябре того же года. Туре Арне участвовал в ней, а вот Рыкову помешали поездке в Крым какие-то непредвиденные обстоятельства.

Научные занятия П.С. Рыкова в 1920-е гг. были далеки от его дореволюционных разысканий в западных губерниях России, которые как раз интересовали шведского археолога в связи с разрабатывавшейся им темой о русско-варяжских отношениях. Скорее всего, именно по этой причине их переписка ограничилась короткими единичными посланиями. Тем не менее, внимание Туре Арне к исследованиям саратовских коллег весьма показательна и свидетельствует о международном резонансе археологических открытий в Нижнем Поволжье в середине 1920-х годов.

П.Д. Рау и А.М. Тальгрэн. Переписка Михаила Марковича Тальгрена, «бога русской археологии» (по образному выражению Геро Мергарта) с Паулем Давидовичем Рау, вне всякого сомнения, восходящей звездой отечественной археологии, – поразительна, поучительна и трагична. 10 августа 1930 г. 33-летний Рау покончил жизнь самоубийством [Рау, 2014. С. 69]. Позади два месяца полевых работ. Накануне отъезда в экспедицию, 7 июня, Пауль отправил свое последнее письмо Тальгрэну...

Их диалог в письмах продолжался лишь два года – с мая 1928 по июнь 1930 года. Всего пять писем – три в 1928 г. (май, сентябрь и декабрь) и по одному посланию в августе 1929 и июне 1930 года. Мы обнаруживаем в них традиционные для российских корреспондентов Тальгрена темы: обмен изданиями, благодарности за полученные книги, обсуждение рукописей для ESA, новости о полевых работах и многое другое. Но есть важные детали, которых мы не увидим в письмах Рыкова. Павел Сергеевич достаточно скуп на эмоции, сохраняет политес, обходит острые углы в полемике, не позволяет себе резких критических высказываний в адрес коллег.

Его ученик Пауль Рау – полная противоположность учителю в проявлении своих чувств и взглядов. И дело, вероятно, не только в молодости ученого, но, прежде всего, в его характере – прямом, открытом, ранимом... Уже в

первом письме он пытается завязать с Тальгреном дискуссию о скорченных захоронениях в Нижнем Поволжье – сюжет, который волновал многих русских археологов: от Спицына и Городцова в начале XX века до Гольмстен, Рыкова и Латынина спустя четверть века. В переписке с финским археологом Рау нашел то, чего, судя по всему, ему не хватало в общении с Рыковым.

Встреча с Михаилом Марковичем в Саратове и Покровске в конце июля 1928 г. произвела на Пауля неизгладимое впечатление. После той встречи он пишет Тальгреному: «Ваше мгновенное осознание и понимание, теплый отклик, который вызывают у Вас новое и глубокое, сразу же позволяют признать в Вас одного из немногих равных по духу». Для Рау как личности и ученого было крайне важно, чтобы его воспринимали как «равного по духу». По-видимому, в общении с Рыковым этого не было: сохранялась дистанция – мэтр и его подмастерье. Когда в декабре 1929 г. Пауль делится с финским ученым впечатлениями от поездки в Ленинград, среди коллег, близких ему «по духу», он называет имена всеми почитаемого А.А. Спицына и своих сверстников Б.А. Лытынина и Т.С. Пассек. В то же время, с болью в душе Рау пишет о «приеме» в Историческом музее в Москве, когда коллеги (имена которых он не раскрывает) стали упрекать его «за немецкие публикации русского археологического материала». Увы, им было явно невдомек, что Пауль Рау как советский немец старается внести свой посильный вклад в культурное и национальное строительство АССР немцев Поволжья.

Еще несколько штрихов из взаимоотношений «равных по духу» коллег. После изучения археологических коллекций в Саратове и Покровске 29–30 июля Тальгрэн со своим ассистентом Нильсом Клеве на следующий день выехали на Кавказ. Из своих поездок финский археолог старался посылать родным, в пригород Маариа под Турку, и самым близким коллегам открытки с достопримечательностями тех мест, которые посещал. В этой связи открытка с видами Кавказа, адресованная молодому собрату по профессии, говорит о многом.

Рау, безусловно, сознавал значимость научных исследований Тальгрена и бремя его редакторской работы в журнале «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*». В своем последнем письме он высоко оценивает статьи кавказского цикла финского ученого [Tallgren, 1929a; 1929b; 1930b]: «Хорошо, что Вы слой за слоем являете на свет научных изысканий удачные подборки чрезвычайно богатых материалов погребальных памятников Кавказского региона». Получив выпуск ESA, посвященный 70-летию А.А. Спицына, Пауль откликнулся (11.08.1929) словами признательности в адрес редактора журнала. Оценивая деятельность Тальгрена на этом поприще, Рау не погрешил против истины, отметив, что «если Вы так будете продолжать, то обретете вечное признание в исследовании истории первобытного общества в России». Примечательны и

следующие строки: «Если я могу быть полезен со своими дальнейшими статьями, я всегда с радостью в Вашем распоряжении...».

Увы, судьба распорядилась иначе. Сотрудничество, обещавшее еще так много открытий, оборвалось на взлете научной карьеры российского ученого. Тальгрэн лишился «равного по духу» коллеги и одного из самых талантливых авторов ESA. Пауль Рау, безусловно, был восходящей звездой отечественной археологии. За недолгую творческую жизнь он успел оставить неизгладимый след в науке. Труды и идеи П.Д. Рау по-прежнему актуальны и востребованы в работах, посвященных бронзовому веку, скифской и сарматской археологии юга Восточной Европы.

П.Д. Рау и Э.Х. Миннз. Эллис Ховелл Миннз (1874–1953) – известный английский историк и археолог, профессор Кембриджского университета, автор классического труда «Греки и скифы» [Minns, 1913]. Неоднократно посещал Россию, был знаком и состоял в переписке со многими русскими и советскими археологами (А.В. Орешников, М.И. Ростовцев, А.А. Башмаков, В.В. Хвойка, Б.В. Фармаковский, К.Э. Гриневиц, Н.Е. Макаренко, Б.Э. Петри, А.А. Захаров, Н.П. Толль, Б.Н. Граков и др.); хорошо владел русским языком. Переписка П.Д. Рау и Э.Х. Миннза, конечно, не случайность: она диктовалась профессиональными интересами обоих ученых. Для российского археолога Иван Егорович²⁶, прежде всего, «исследователь и знаток южнорусских скифо-сарматских культур» (17.11.1927), для английского ученого Рау – представитель лично плохо ему знакомого поколения археологов Советской России, провинциал, но добившийся уже немалых успехов на археологическом поприще.

Шесть писем П.Д. Рау выявлены в отделе рукописей Кембриджского университета в фонде Миннза (Add. 7722): два адресованы в 1927 г. (март и ноябрь) и четыре в 1929 г. (июнь, июль, август, сентябрь). Архив Миннза, к сожалению, плохо структурирован, многие письма безымянные и требуют внимания специалистов. Именно в этой части архива и были обнаружены письма Рау; в описи они не значились. Не исключено, что в дальнейшем могут быть выявлены новые письма российского ученого.

В отличие от корреспонденции Тальгрэну послания Миннзу более лаконичны и строги. Судя по всему, инициатива переписки исходила от Миннза и, скорее всего, он сделал это по рекомендации кого-то из коллег, кто был знаком с результатами начавшейся в середине 1920-х гг. полевой и музейной деятельности Рау (М.И. Ростовцев, А.А. Захаров, Б.Н. Граков, К.Э. Гриневиц и др.). Письма 1927 г. в основном посвящены вопросам обмена литературой и лишь вскользь касаются раскопок погребений бронзового века и могильников скифо-сарматской эпохи. Активная переписка лета и начала осени 1929 г.

²⁶ Так величали Миннза коллеги в России.

гораздо более информативна в профессиональном отношении, содержит детальные рассказы о раскопках и планах публикаций.

Для Рау очень важным оказался разговор о халцедоновой резной подвесной скобе от ножен сарматского меча из кургана Д 16 около с. Альт-Веймар. Миннз как знаток Востока не только помог атрибутировать находку, но и преподнес в подарок музею в Покровске китайскую нефритовую скобу от ножен меча из собственной коллекции.

В 1929 г. российский ученый завершил и издал монографию о погребениях раннего железного века на Нижней Волге [Rau, 1929a]. Примечательно, что «юго-восточно-российский архаичный культурный круг», материалы которого рассматривались в данной работе, Рау назвал савроматским (письмо № 4). Важнейшим достижением исследователя стала разработка хронологии наконечников стрел скифской эпохи, которая легла в основу многих позднейших работ в этой области. Не случайно он написал Миннзу (27.06.1929): «Результаты моих исследований о наконечниках стрел поучительны и многообещающи, быть может, позднее я расширю наброски до монографии». Обращает на себя внимание деликатность Рау – в ряде писем извиняется перед Миннзом за то, что не смог подробно ввести в свою книгу результаты давних скифских разысканий Ивана Егоровича [Minns, 1913]; книга английского коллеги оказалась для Пауля недоступной в библиотеках Москвы и Ленинграда. Просьбу Рау о получении в обмен или покупке труда «Греки и скифы» Миннз выполнить не смог: в свободном доступе ее уже не было, а стоимость у антикваров оказалась не по карману даже профессору английского университета²⁷.

Несмотря на лаконичность и строгость писем, один из сюжетов переписки выдает эмоции и отношение Рау к публикациям Рыкова на рубеже 1920–30-х гг. Миннз, не состоявший в переписке с Павлом Сергеевичем, в двух письмах 1929 г. обращается к его ученику за содействием в получении отдельных статей и книг Рыкова. Пауль в просьбе не отказывает и обещает выслать, если будут доступны, издания, необходимые английскому археологу. Но когда в переписке зашла речь о последних работах Рыкова и книге «Сусловский могильник» [Рыков, 1925], Рау «прорвало»: «Сусловский могильник» снабжен таблицами с передачей фотографий на цинковых клише, но передачей столь плохой, что во многих случаях нельзя установить, что, собственно, на них изображено. Кроме того, рисунки даны вне связи с текстом, так что даже в случае благополучного распознавания предмета его приурочивание к определенному погребению в большинстве случаев невозможно»

²⁷ Эта проблема неоднократно возникала и в его переписке с Тальгренем, когда Миннз отказывал в покупке каких-либо книг в силу их дороговизны.

(27.09.1929). И Рау ставит закономерный, с его точки зрения, вопрос: «Не знаю, стоит ли Вам высылать?»

Реакция Рау понятна: знаменитый Суловский могильник (а Пауль еще студентом был участником его раскопок), безусловно, заслуживал лучшей публикации как с точки зрения подачи комплексов, так и полиграфии. Но, увы, в те годы, и особенно в провинции, издательское дело оставалось на крайне низком уровне по сравнению с дореволюционным. Тем не менее, в истории изучения скифо-сарматской эпохи юга Восточной Европы работа П.С. Рыкова по исследованию одного из ключевых сарматских памятников явилась значительным шагом вперед [Захаров, 1925; Жуков, 1926; Мошкова, 1989. С. 44, 45; Скрипкин, 1990. С. 7–9; Малов, 2010. С. 722, 723]. О значимости этого памятника Миннзу лично писал А.А. Захаров; положительная оценка книги дана и в его рецензии в журнале «Новый Восток» [Захаров, 1925].

Вряд ли за монологом Рау в отношении книги Рыкова о Суловском могильнике скрываются непростые личные отношения ученых на рубеже 1920–30-х годов, как это попытался представить В.Ю. Зуев [1992]. Действительно, в отличие от других учеников Павла Сергеевича Пауль Рау раньше их «встал на крыло»: по рекомендации Рыкова получил первый Открытый лист на раскопки, обрел финансовую самостоятельность, будучи с 1925 г. руководителем археологического отдела и заместителем директора Центрального музея АССР немцев Поволжья, а с 1930 г. – его директором. Безусловно, полевые и научные исследования учителя и ученика перекликались по ряду вопросов бронзового и раннего железного веков, вероятно, в силу административной загруженности Рыков уступал Рау в глубине разработки ряда проблем, особенно раннескифской эпохи.

Важнее другое: выпорхнув «из-под крыла» Рыкова, Рау пугался повторить судьбу учителя, особенно когда помимо руководства музеем ему вменили в обязанность чтение курса «по первобытной культуре во вновь открываемом в Покровске Немецком педагогическом институте». Об этом он с сожалением сообщает Миннзу в своем последнем письме: «Совершенно не подготовлен, да и боюсь, что не останется времени для исследовательских работ, как получилось у Рыкова» (27.09.1929). Как разрешить эту дилемму, Рау не знал, но сознавал, что выбора нет, что придется взяться и за это дело, чтобы быть полезным обществу. Уже в этих словах таится психологический надлом исследователя. Эпоха «великого перелома» его только довершила и довела Рау до самоубийства. О его смерти Миннз узнал вскоре же от А.А. Захарова и других корреспондентов из России. 27 октября 1930 г. он поделился этой новостью с Ростовцевым [Бонгард-Левин, 1997. С. 316].

П.Д. Рау и Г. Мергарт. В архиве немецкого ученого сохранилось единственное письмо П.Д. Рау. Поскольку целостность архива была нарушена в го-

ды второй мировой войны, нельзя достоверно ответить на вопрос: были ли в нем другие письма Рау. То, что в нашем распоряжении, написано на прекрасном немецком языке, характерным почерком. Письмо не датировано, но с вероятностью его можно отнести к концу 1929, либо к 1930 г. Зацепками могут служить, во-первых, упоминание его должности директора Центрального музея АССР немцев Поволжья (заступил весной 1929 г.), во-вторых, выход в этом году одной из самых известных публикаций Рау «Погребения раннего железного века в Нижнем Поволжье» [Rau, 1929a], посланной Мергарту, в-третьих, и это ключевой аргумент, – сожаление о смерти выдающегося немецкого археолога, профессора, составителя и редактора знаменитого «*Reallexikon der Vorgeschichte*» Макса Эберта (умер 15 ноября 1929 г.). Действительно, можно сказать, что с уходом Эберта германская археология и археологи осиротели. Большая часть его берлинских учеников нашла «приют» и продолжила обучение в Марбурге-на-Ланне, у Мергарта, который с 1 мая 1928 г. возглавил кафедру древней истории в университете Филиппа.

В письме Рау ссылается на самый известный труд Мергарта «Бронзовый век на Енисее» [Merhart, 1926], который получил высокую оценку и профессиональное признание со стороны европейского и русского научного сообщества [Tallgren, 1927; Китова, 2007. С. 164–169]. Пожалуй, только в этом труде Мергарт соприкасается с областью интересов Рау и Рыкова, когда пытается выйти за пределы ареала сибирских культур и проследить их связи на территории Европейской России, уделив особое внимание могильникам ананьинской культуры [см. подробнее: Кузьминых, Детлова, 2017]. Именно Мергарта, если не единственного, то одного из немногих в Европе авторитетных специалистов по археологии Северной Евразии в германоязычном пространстве, Рау просит о рецензии на свою работу и, возможно, рассчитывает на дальнейшее плодотворное сотрудничество и общение. Этим планам, однако, не суждено было сбыться.

Поволжские археологи и Германский археологический институт. Отдельного очерка заслуживают отношения поволжских археологов с Германским археологическим институтом. Первый эпизод касается I Международного съезда археологов в Берлине в 1929 г., с которым, по уверениям В.Ф. Генинга, был связан «выход советских археологов на международную арену» в конце 1920-х – начале 1930-х гг. [Генинг, 1982. С. 32]. Съезд был приурочен к важной в истории Германского археологического института дате – 100-летию со дня его основания²⁸.

На это масштабное мероприятие были приглашены многие советские археологи, в том числе П.С. Рыков и П.Д. Рау. О приглашении на юбилей Ры-

²⁸ См. подробнее об этом событии: [Das Deutsche..., 2019. S. 40–46].

ков упоминает в письме Мергарту (см. ниже), говоря о невозможности поездки в Берлин на юбилейные торжества в следующем послании. Примечательно, однако, что в письме Герхарду Берсу²⁹, сотруднику, а с 1931 г. директору Римско-Германской Центральной Комиссии во Франкфурте-на-Майне, Мергарт с уверенностью утверждает: «Рыков написал мне, что он явно надеется приехать». Что из этого следует? Либо некоторые из посланий Рыкова Мергарту, в которых тот сообщал об изменившихся обстоятельствах и выражал надежду на приезд в Германию, могли быть утрачены, либо то, что Мергарт все же свято верил в благоприятный исход хлопот немецкой стороны по привлечению советских археологов на съезд.

В списках участников из СССР, присутствовавших на юбилее, упоминается П.Д. Рау и его доклад «Результаты новейших исследований доисторических погребений в Нижнем Поволжье» («Ergebnisse der neuesten Untersuchungen vorgeschichtlicher Gräber im unteren Wolgagebiet»). Рау не смог лично принять участие в работе съезда, но его доклад был представлен и прочитан [Малов, 1997. С. 112; Семенова и др., 1997. С. 22; Рау, 2014. С. 67]. Судя по всему, в нем нашли отражение основные идеи и материалы, опубликованные в книге 1929 г. [Rau, 1929a].

Второй эпизод связан с именем П.Д. Рау как члена-корреспондента Германского археологического института (DAI) с 1930 года. В архиве института, где хранятся все личные дела членов-корреспондентов, так называемая «Биографическая папка» Рау не слишком внушительна. Среди относящихся к его персоне документов: справка из словаря Я. Филиппа; статья А.А. Мальшева и И.В. Семеновой [Мальшев, Семенова. 1992]; внутренняя переписка между Центральной дирекцией DAI и Римско-Германской Комиссией во Франкфурте-на-Майне относительно представления кандидатуры Рау к званию члена-корреспондента DAI; стандартное письмо-уведомление об избрании из Центральной дирекции, адресованное Рау; его рукописное благодарственное письмо (приводится ниже) дирекции DAI. И в финале – короткая и убийственная, как выстрел, лаконичная выписка из документа о трагической кончине ученого³⁰. Она подписана Иоахимом Вернером, учеником Мергарта, в

²⁹ Черновик этого письма, не датированный, также сохранился в марбургском архиве Г. Мергарта.

³⁰ Иногда ошибочно указывается, что П.Д. Рау покончил жизнь самоубийством 15 июня или 15 июля 1930 г. [Максимов, 1997. С. 7; Сухорукова, 2009]. Называется и другой неверный вариант даты смерти – 14 августа [Paul Rau]. Но чаще всего днем его смерти считали 9 августа 1930 г. [Ерина, Малова, 1997. С. 17]. Расхождение с определением дня кончины Рау 9 или 10 августа объясняется тем, что по приказу Энгельского краеведческого музея директор выбыл с работы в связи со смертью 9.08.1930 г. Однако согласно Записи акта № 645 от 11.08.1930 г. по отделу администрации Энгельского городского отдела ЗАГС дата его смерти – 10 августа [Семенова и др., 1997. С. 26, сноска 2; Малов, 1997а. С. 114; 2006б].

то время сотрудником Римско-Германской Комиссии во Франкфурте-на-Майне. Ксерокопия этого письма есть в Энгельском краеведческом музее [Семенова и др., 1997. С. 26].

Отношения И. Вернера с поволжскими учеными – пока большой вопрос и тема для дальнейших исследований. Свою работу о фрагментах луков с Нижней Волги Вернер выстраивал, опираясь, главным образом, на детальные отчеты П.С. Рыкова и П.Д. Рау о находках и раскопках курганов у сел Нижний Баскунчак, Герцог (Суслы), Старая Полтавка, Альт-Веймар, Зеельман (Ровное), г. Покровска и др., а также на их опубликованные работы. В примечаниях к статье Вернер также выражает благодарность Рыкову за пересылку схем и иллюстраций к данной публикации [Werner, 1932. S. 57, 58].

Это позволяет предполагать о контактах между учеными; как минимум, они состояли в переписке, обменивались литературой. Рыков, судя по всему, был знаком со статьей Вернера о луках. В своей монографии он, кратко упомянув о костяных накладках на луки, ссылается на эту статью [Рыков, 1936а. С. 95, 151, ссылка 141]³¹. Нет ничего удивительно в том, что сведения о трагической участи Рау, его самоубийстве в 1930 г. дошли до Вернера и до Германии в целом с большим опозданием и в искаженном виде. Иных документальных свидетельств, относящихся к персонам Рыкова и Рау, в архиве DAI пока не обнаружено.

Завершая наш очерк к письмам П.С. Рыкова и П.Д. Рау, важно подчеркнуть, что история не терпит сослагательного наклонения. Судьба ученых оказалась неразрывно связана с историей страны – «эпохой перемен» 1917 года, непростой, но плодотворной работой на протяжении 1920-х годов, 1929 годом – «годом великого перелома» и мрачными годами репрессий 1930-х годов. Герои нашего очерка испили до дна чашу своей судьбы и ушли в вечность, многое не досказав, не доделав, ушли в расцвете сил, полные надежд и планов.

Надеемся, что публикация писем П.С. Рыкова и П.Д. Рау их именитым собеседникам из разных стран Европы донесет до нас пульс их активной научной деятельности, но также поисков, устремлений и открытий А.М. Тальгрена, Г. Мергарта, Э.Х. Миннза и Т. Арне. Труды и усилия героев нашего очерка – Павла Сергеевича Рыкова и Пауля Давидовича Рау и их европейских коллег – помогли сохранить единое интеллектуальное археологическое пространство на континенте в трудные 1920–30-е годы.

* * *

³¹ Судя по альбому иллюстраций И. Вернера, который хранился в личной библиотеке саратовского профессора И.В. Сеницына с дарственным автографом автора (07.10. б/года), они контактировали в 1950-е годы [Werner, 1956].

ПИСЬМА П.С. РЫКОВА А.М. ТАЛЬГРЕНУ
(все на русском языке, рукописные)

1.

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

Весьма Вам благодарен за присланные книги, – с большим удовольствием проштудирова Coll[ection] Tovostine (Tallgren, 1917). Надеюсь, что Вы благополучно доехали до Гельсингфорса³² и теперь, вероятно, отдыхаете³³. Я же на днях продолжу раскопки, прерванные болезнью. Дня три тому назад я копал в окрестностях г. Покровска (против Саратова) и в кургане достал скорченное погребение с бронзовым ножом, костяными стрелами и сосудом³⁴. Очевидно, та же культура, о которой мы с Вами говорили. Только форма показалась несколько иной – почти ромбическая³⁵. Очень небольшое количество красной краски за спинкой покойника. Яма могилы – (изображение) – 1,5 x 2 м. Курган был чрезвычайно маленький по высоте, а по диаметру – до 23–24 м³⁶. Его едва ли можно было заметить на горизонте степи.

Мне хотелось бы узнать от Вас теперь, можно ли и когда прислать Вам для напечатания материалы по нашей ниже-волжской бронзе, как Вы говорили мне³⁷.

³² В 1925 г. А.М.Тальгрэн посетил Киев, Харьков, Саратов, Казань и Кострому [Kivikoski, 1954. P. 105, 106; Миллер, 1954. С. 54; Сакса, Таавитсайнен, 2012. С. 357; Кузьминых и др., 2014. С. 22]. В этой связи П.С.Рыков и спрашивает о благополучном возвращении А.М.Тальгрэна в Гельсингфорс. После знакомства с Археологическим отделом СОМК А.М.Тальгрэн оставил доброжелательный отзыв о его деятельности, который не сохранился в документах музея [Рыков, 1927б. С. 216, 217].

³³ Скорее всего, подразумевалось – «отдыхаете», описка в тексте (*авт.*).

³⁴ Речь идет о погребении из кургана № 16 юго-восточной группы близ г. Покровска, исследованном П.С.Рыковым в 1925 г. [Рыков, 1926. С. 132; Rykov, 1927. Abb. 14, 25]; Памятники срубной культуры., 1993. С. 145. Табл. 15: 42–46].

³⁵ В письме П.С. Рыкова приведено схематическое изображение предметов: бронзового ножа («нож ½ н[атуральной] величины» – здесь и далее в кавычках пометки Рыкова) [Rykov, 1927. Abb. 25: 1], костяного наконечника стрелы («стрела плоская, прекрасной формы») [Rykov, 1927. Abb. 25: 3], глиняного сосуда («сглаживание каким-то инструментом» – о вертикальных расчесах поверхности сосуда – *авт.*) [Rykov, 1927. Abb. 14], а также могильной ямы размерами 2 x 1,5 x 0,9 м [Rykov, 1927. S. 83].

³⁶ В публикации указаны иные размеры насыпи: диаметр 18 м, высота 0,45 м [Rykov, 1927. S. 83].

³⁷ В феврале 1924 г. Финское археологическое общество подало заявку в Министерство образования Финляндии на государственный грант для осуществления проекта «Евразия». В апреле 1924 г. в газете «Helsingin Sanomat» А.М.Тальгрэн выступил со статьей «Об одном археологическом и этнографическом проекте (Евразия)» в обоснование и поддержку данного проекта [Tallgren, 1924]. В ходе поездок 1924 и 1925 гг. ему удалось укрепить дружеские отношения со старыми коллегами в России (А.А.Спицын, А.В.Шмидт, В.Ф.Смолин, В.В.Гольмстен, А.А.Захаров и др.), наладить контакты с молодым поколением советских археологов (и в их числе П.С.Рыков) и привлечь их к совместной работе в журнале [Kivikoski, 1954а. P. 106]. При знакомстве с материалами раскопок Покровских курганов финский ученый оценил их научную значимость и, естественно, предложил Рыкову опубликовать материалы памятника в ESA I.

Если это представляется возможным, то я мог бы прислать этот материал. Еще раз благодарю за память о Саратове и лично обо мне.

Мой привет прошу передать Вашему г-ну Е. Лайд³⁸, который был любезен написать мне вместе с Вами. Очень жалею, что не мог его принять у себя. Надеюсь, что он теперь совершенно здоров.

*С искренним уважением и преданностью П. Рыков
Саратов, 5.IX.25 г.*

*Адрес: Саратов, Приютская ул., д. 31/47, кв. 1
проф. Павлу Сергеевичу Рыкову
или прямо на Университет*

2.

Многоуважаемый Михаил Маркович!

Еще раз благодарю за присланные Вами столь любезно книги³⁹. В течение всего этого времени был занят различными делами и никак не мог изготовить необходимый материал для статьи⁴⁰. Теперь, вследствие Вашего любезного повторения предложения о печатании, высылаю свою маленькую работу почти только описательного характера и рисунки. Они все занумерованы, и я предоставляю Вам полную возможность не печатать тех, какие по той или другой причине Вы найдете неудобным опубликовать, хотя бы по финансовым соображениям.

Словом, будет приятно напечататься у Вас, в Гельсингфорсе. Вместе с тем, как Вы мне и говорили, я посылаю работу, не переведя ее на иностранный язык. Сколько будет необходимо за перевод уплатить, прошу не отказать в сообщении суммы, каковую немедленно вышлю.

Приложенную таблицу на двух листках также можно не печатать, если это окажется неудобным.

Именно этот вопрос и поднимает Павел Сергеевич в своем письме. Важно отметить, что Тальгрэн не ограничил Рыкова в объеме статьи – она является в ESA одной из самых больших – 33 страницы журнального текста [Rykov, 1927].

³⁸ Эрик Лайд (1904–1961), эстонский археолог и этнолог, ученик А.М. Тальгрена. В 1920-е гг. самостоятельно и в поездках с Тальгреном собирал материалы для своего диссертационного исследования о культуре окских финнов. К сожалению, это исследование не было завершено. Перу Лайда принадлежит обзор музеев СССР в ESA [Laid, 1932]; см. подробнее о его жизни, научной и политической деятельности: [Mäesalu, Valk, 2006. Pp. 133–136; Tvaauri, 2006. Pp. 249–255].

³⁹ В Археологической лаборатории СГУ сохранилась одна работа А.М. Тальгрена с его автографом [Tallgren, 1917]. Место ее изначального хранения отмечено штампом «Библиотека кафедры истории древнего мира и археологии».

⁴⁰ Здесь говорится о статье в ESA I [Rykov, 1927]. Приложение в виде двух таблиц в ней не было опубликовано. П.С. Рыков издал их в Саратове вместе с другими таблицами [Рыков, 1927а. С. 88–93. Табл. I–IV].

После Вашего отъезда еще раз два копал в г. Покровске, но оказались погребения сарматской культуры, – однако, с сожжением, хотя и с теми уже вещами, какие встречались мне в обычных погребениях той же эпохи⁴¹.

Буду очень признателен за тот труд, какой Вы так любезно на себя взяли по напечатанию моей маленькой работы.

Надеюсь, что и я могу Вам быть полезным.

Моя жена⁴² просит передать Вам свой привет.

Искренне уважающий Вас П. Рыков

г. Саратов

26.X.1925

3.

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

Получил Ваше любезное письмо накануне отъезда на неделю в Москву.

Как только вернусь, тотчас же исполню Ваше предложение, так как считаю его целесообразным⁴³.

Буду рад, если понадобится Вам, оказать необходимые услуги. Осенью раскопка кургана бл[из] с. Блюменфельд, на р. Еруслане (левый приток Нижней Волги) дал[a] интересные резные вещи скифо-сарматской культуры⁴⁴.

При случае пришлю фотографии – сейчас вещи в Москве, так как я копал курган для Рос[сийского] Историч[еского] Музея.

Работы много – очень приходится уставать – часто без особой пользы⁴⁵.

⁴¹ Речь идет о курганах №№ 17 и 18 с трупосожжением и без могильных ям, исследованных П.С. Рыковым в 1925 г. в юго-восточной группе около г. Покровска. Автор раскопок отнес их к наиболее поздним формам сарматской культуры, испытавшим «готское влияние» [Рыков, 1926. С. 133; Минаева, 1927; Рау, 1928а; Засецкая, 1994. С. 7, 183, 184. Табл. 31].

⁴² Надежда Александровна (1886–1968), жена П.С. Рыкова. Её также арестовали в 1937 г., заведя отдельное дело. При этом муж уже сидел и допрашивался в Саратовской тюрьме, отрицая все обвинения. Арест жены мог быть использован с целью добиться от П.С. Рыкова признательных показаний. Возможно, поэтому, спустя несколько месяцев после своего ареста, Павел Сергеевич подписал «признательное заявление в контрреволюционной деятельности», поверив обещаниям следователей выпустить на свободу жену. Надежда Александровна вышла из тюрьмы с формулировкой «по болезни», но, по свидетельству близких родственников, была психически не здоровой [Малов, Павлова, 2010. С. 156–159. Фото].

⁴³ Вероятно, речь идет о дневниках раскопок – второй части статьи П.С. Рыкова о хвалынской культуре [Рыков, 1927. С. 63–84].

⁴⁴ В сентябре 1925 г. на средства Государственного (Российского) Исторического музея экспедиция, возглавляемая П.С. Рыковым, исследовала курганы в трех группах около с. Блюменфельд (Цветочное) на территории АССР Немцев Поволжья (р. Еруслан). Во время этих работ Б.Н. Граков раскопал знаменитое погребение в кургане А 12, позволивший ему назвать савроматскую ступень – «блюменфельдской археологической культурой» [Рыков, 1926. С. 89, ссылка 1; Отчет..., 1926. С. 71; Grakov, 1928. Рр. 25–62; Смирнов, 1964. С. 11, 17; Гущина, Мошкова, 1999].

Очень прошу Вас – в случае выхода новинок по археологии, особенно финской и бронз[овой] эпохи не отказать в сообщении, чтобы я мог выписать, а то не всегда узнаешь.

Жена моя просит Вам передать привет и благодарить за память.

Уважающий Вас П. Рыков

14.XI.25

Саратов

4.

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

Посылаю Вам к печати желаемые Вами дневники раскопок к статье о «хвалынской» культуре (Рыков, 1927. С. 63–84).

Прошу извинить за задержку, которая была вызвана моей поездкой в Москву.

В дневнике я сделал ссылки на имеющиеся рисунки.

Очень прошу Вас вписать в статью на стр. 10 пропущенную строчку после слов: не находит себе аналогий: «отметим в кургане № 15, 3 погребение (Покровск) – два массивных бронзовых браслета» (рис. 20, а)». Эта строчка была пропущена при перепечатке. Также прошу заменить на стр. 12 на 8-ой строчке слова «в г. Покровске и в с. Суслах»⁴⁶ словами: «в Нижнем Поволжье и Уральской области».

Буду Вам очень признателен за напечатание статьи и дневников, так как здесь это сделать трудно, а, кроме того, приятно опубликовать вещи в Вашей печати.

Я надеюсь, что и наступающий год даст кое-что новое и дополнит материалы.

Хотелось бы видеть снова Вас хотя бы раз еще в Саратове и показать Музей как следует – он теперь в порядке и вещи все размещены после ремонта⁴⁷.

⁴⁵ В 1925 г. П.С. Рыков был деканом и заведующим кафедрой археологии и этнографии педагогического факультета СГУ, директором Археологического научно-исследовательского института и заведующим Саратовским областным государственным научным музеем [Археологический..., 1925. С. 383; Областной..., 1925. С. 387, 388; Саратовский..., 1925. С. 342, 343, 345; Малов, 2017].

⁴⁶ Здесь и далее подчеркивания по тексту писем П.С. Рыкова принадлежат его адресату – А.М. Тальгрену.

⁴⁷ В 1925–1927 гг. археологический отдел Саратовского областного музея существенно пополнил свои коллекции в результате проведения крупных археологических экспедиций. Судя по отзывам компетентных ученых, которые с ним знакомились (В.А. Городцов, А.М. Тальгрен и др.), в научном отношении он стал одним из самых интересных российских музеев [Рыков, 1927б. С. 216, 217; Малов, 2006а. С. 238, 251, 253]. Областной музей был связан по роду своей деятельности с Национальным музеем Финляндии (А.М. Тальгрен), Национальным музеем Венгрии (Н. Фетгих), получил каталоги Вашингтонского и Люцернского музеев. Три будапештских издания «Archaeologiai ertesito» за 1928–1930 гг. до сих пор хранятся в библиотеке археологов СГУ. В экспозиции Археологического музея были разделы: 1. Неолит – культуры бронзовой эпохи; 2. Культуры скифо-сарматских племен; 3. Культура финнов; 4. Культура поздних кочевников; 4 и 5. Древности Золотой Орды. В вестибюле были вывешены таблицы археологической класси-

Ваш приезд был для меня очень приятным событием – так хорошо видеть и говорить со знатоком археологии.

Чем могу, всегда постараюсь быть Вам полезным.

С интересом читаю Ваши статьи в Reallexikon Эберта⁴⁸.

*Моя жена просит передать Вам свой привет. Всегда Вам преданный П. Рыков
5.XII.25 г.*

г. Саратов

P.S. Мне кажется, что в вещах культуры, мной здесь изучаемой, есть и более древние вещи – тогда придется давать схему культуры бронзовой эпохи для востока России, – как Вы думаете?⁴⁹

П.Р.

5.

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

Моя жена и я искренно благодарим вас за поздравление и, в свою очередь, шлем пожелания доброго здоровья и счастья в новом году.

Я несколько запоздал ответом, так как был в Москве и возвратился только вчера вечером. Поездкой остался доволен⁵⁰.

Немного расхожусь с В.А. Городцовым по поводу «хвалынской» культуры, – он нашел еще один тип, называя его «самарским», но мне кажется, что это – не так⁵¹.

Я очень рад, что Вам нравится мой материал и благодарю за напечатание его. Относительно Вашего вопроса о топорике с трупосожжением, – категорически за-

фикации В.А. Городцова [Городцов, 1925. Табл. 1, 2]. В зале бронзовой эпохи материал распределялся по трем последовательным стадиям (А, В, С) так называемой «хвалынской культуры».

⁴⁸ В 1924 и 1925 гг. в «Reallexikon» вышли следующие статьи А.М. Тальгрена (Anan'ino, Anau, Bachmut, Borodino, Diadkoviči, Eurasische Bronzezeit, Fatjanovo, Fatjanovo-Kultur; Felsenzeichnung. В. Sibirien uns die nw. Mongolei; Finland. В. Bronzezeit; Finno-Ugrier. А. Archäologie) [Kivikoski, 1954b; Кузьминых, Салминен, 2014]. Именно они могли заинтересовать П.С. Рыкова.

⁴⁹ Вероятно, это «Схема развития Бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье», которая опубликована П.С. Рыковым в саратовском издании (Рыков, 1927а. С. 87). В статье Рыкова в ESA I [Rykov, 1927] схемы и таблицы отсутствуют.

⁵⁰ Поездка П.С. Рыкова могла быть связана с функционированием возглавляемых им образовательных, научных и краеведческих учреждений.

⁵¹ Расхождения В.А. Городцова и П.С. Рыкова преимущественно сводились к трактовке памятников среднего и позднего бронзового века. В Саратовском Поволжье Городцов первым отнес к срубной культуре курган около с. Адоевщина, а к хвалынской – Сосново-Мазинский клад. Рыков, основываясь на новых материалах и хронологии А.М. Тальгрена [Tallgren, 1926], расширил рамки и содержание хвалынской культуры. Он включил в нее новые и разновременные культурные группы – типы памятников в качестве пяти стадий (А, В, С, Д, Е), которые бытовали гораздо раньше Сосново-Мазинского клада [Городцов, 1927. Стлб. 621, 622. Рис. 92-104; Рыков, 1927. С. 79, 80, 83, 87, 91; Гольмстен, 1928. С. 131-133; Малов, 1986. С. 21-24. Рис. 1; 2003а. С. 187-196; 2016; Мерперт, Шилов, 1989; Сагайдак, 1989; Кузьминых, Сафонов, 2007. С. 61, 62].

веряю и для точности опросил своих сотрудников – он лежал с сожжением. Это – безусловно, и никаких здесь позднейших перекрытий кургана не было⁵².

Не знаю, писал ли я Вам по поводу последней раскопки в Заволжье, где нашел резные клыки кабана (*sus asiatica*) в сарматском погребении. Орнамент – звериный: хищник и, между прочим, китайские драконы. Очень интересны чехлы из кости для наконечников (железных) копий⁵³.

Теперь позволяю себе просить Вас не отказать в сообщении, откуда я могу выписать, вероятно, почти уже распроданную Вашу книгу (ее стоимость) «L'eroque dite d'Апапино»? Я ее достал на несколько дней в Москве и вынужден вернуть (Tallgren, 1919). Буду благодарен за уведомление.

Вам искренне преданный П. Рыков
1926.I.17
Саратов

P.S. Дети так заинтересовались содержанием рисунка Вашей открытки – «гномы и дети на санях», что отняли ее у меня!⁵⁴

6.

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

Весьма признателен Вам за присланную книгу⁵⁵, причем спешу принести извинения за свою навязчивость – я никак не хотел ввести Вас в новое беспокойство. Во всяком случае, примите мою искреннюю признательность за Вашу исключительную любезность.

Пользуюсь удачной находкой – экземпляром Мордовского сборника⁵⁶ и высылаю его Вам. Если пожелаете, то могу выслать еще один экземпляр. Это – все, что осталось у нас в городе от издания. В свою очередь передаю просьбу моих здешних друзей, занимающихся со мной археологией, этнографией и историей мордвы выслать финляндские издания по этим вопросам, касающимся мордвы и, вообще, финнов. Просил бы их выслать на мое имя с тем, что я передам их в библиотеку кабинета, где хранится литература по изучению мордвы. Можно выслать наложенным платежом или как покажется Вам удобным.

Будем очень благодарны Вашим ученым обществам за высылку.

Моя жена передает Вам ее привет.

Искренне Вас уважающий П. Рыков

Саратов, 1926, 12 февр.

P.S. Второй экземпляр книги прошу принять в личное Ваше обладание от меня.

П. Рыков

⁵² Вероятно, речь идет о топорике-секире из кургана № 46 Суловского могильника [Хазанов, 1971. С. 50, 158. Табл. XXXIII: 2].

⁵³ Речь идет о погребении в кургане А 12 близ с. Блюменфельд [Рыков, 1936. С. 30–81].

⁵⁴ Речь идет о новогодней поздравительной открытке А.М. Тальгрена.

⁵⁵ Речь идет, вероятно, о книге: [Tallgren, 1919].

⁵⁶ Речь идет о книге: [Шахматов, 1910].

7.

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

Я очень боюсь, что Вы меня неправильно могли понять: я отправил Вам Мордовский сборник и просил о высылке этнографических изданий по мордве и финнам. Спешу добавить, что мы хотели бы иметь их список и выписать затем по возможности все, но, разумеется, за плату. Было бы очень неудобно, если бы мы обеспокоили Вас новыми высылками. Мне и без того крайне неудобно, что я Вас все прошу о Ваших работах.

С удовольствием читаю Ваши статьи в Reallexikon Эберта. Приятно иметь это издание в Саратове, я поторопился его выписать для себя и очень доволен.

В.А. Городцов среди моих находок хочет устанавливать новый тип «самарской» культуры вместо хвалынской. Но я с этим пока не соглашаюсь, желая подтвердить дальнейшими находками культуру хвалынскую, связанную как-то с Сеймой, но не вполне. Конечно, я понимаю, что в моих раскопках есть и другие элементы, почему в своей статейке, посланной Вам к напечатанию (Рыков, 1927), и оговорился в конце об этом.

Прошу принять мой привет, который шлет Вам и моя жена.

Уважающий Вас П. Рыков

25.II.26 г.

P.S. Если Вас не затруднит, прошу сообщить, какой книжной фирме наиболее удобно делать заказы в Гельсингфорсе?

П.Р.

8.

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

Очень благодарен Вам за письмо. Рад за свою статью (Рыков, 1927), которую надеюсь теперь увидеть в печати – благодаря Вашей исключительной любезности.

Приятно, что наш Саратовский сборник⁵⁷ может пригодиться в Гельсингфорсе, и заранее благодарен за издания, посылаемые нам.

Относительно Вашего запроса о недостающих Ваших сочинениях у меня положительно затрудняюсь ответить, так как мое желание быть Вам полезным настолько мало в сравнении с Вашей любезностью, что мне решительно стыдно писать, чего у меня из Ваших книг нет.

Только сильное желание иметь Ваше издание Заусайловской коллекции (Taalgren, 1916; 1918) и надежда не быть в долгу – оказать Вам любое содействие – позволяет написать ответ на Ваш прямой вопрос. Но, во всяком случае, очень просил бы, если сколько-нибудь высылка Вашей книги затруднительна, не делать этого,

⁵⁷ Речь идет, вероятно, о Мордовском сборнике, составленном А.А. Шахматовым [Шахматов, 1910].

так как, повторяю, я очень смущен Вашим запросом. Вскоре постараюсь выслать Вам издания нашего Общества, выходящие на днях⁵⁸.

Сам я работаю над «хвалынской» культурой, вступив в спор с В.А. Городцовым, который, по существу соглашаясь со мной, выделяет особую группу культуры конца бронзовой эпохи, называя ее «самарским» типом после своих раскопок летом 1925 г. в Самар[ской] губ.⁵⁹ Однако эта культура ничем не отличается от саратовской. Думаю, что такое дробление на типы слишком мелкие территориально и культурно, еще преждевременно, так как материал может привести к иным выводам⁶⁰. Я хочу теперь хорошенько проштудировать европ[ейскую] литературу, чтобы не очень ошибаться.

Моя жена шлет Вам свой искренний привет

Вам преданный П. Рыков

Саратов, 1926.III.14.

⁵⁸ Речь идет об изданиях Нижневолжского областного общества краеведения: [Труды, 1926а; Труды, 1926б; Малов, 2017. С. 404].

⁵⁹ Материалы раскопок В.А. Городцова в Симбирской и Самарской губерниях в 1925 г., включая курганные могильники срубной культуры Красная Звезда, Кайбелы, Водянское поле, Высокая степь и др., к сожалению, остались неопубликованными. Появилась лишь краткая информация автора [Городцов, 1926], а спустя десятилетия – статья Т.Б. Поповой [1953] о керамике Мелекесских курганов из погребений срубной культуры и книга Г.М. Бурова [1982], в которой активно использованы материалы городцовских раскопок на территории Ульяновского Поволжья. Судя по дневниковым записям Городцова, в сентябре 1925 г. на Ученом совете Исторического музея состоялся его доклад по итогам экспедиции, а затем подготовлена большая работа «Результаты археологических исследований Волжской экспедиции 1925 г.» (объемом около 100 страниц), которая была сдана в ГИМ в начале 1935 г., но в итоге не издана [Городцов, 2015б. С. 495, 518]. Работы 1925 г. в Симбирской и Самарской губерниях существенно сказались на общей концепции ученого относительно развития срубной культуры. По результатам раскопок в Среднем Поволжье, а также после знакомства с материалами в музеях Пензы, Казани, Самары, Хвалынска, Саратова и Покровска в ходе поездок 1920 и 1924 гг. [см. о них: ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 357. Л. 43; Городцов, 2015б. С. 547, 550; Кузьминых, Белозерова, 2014] в рамках срубной культуры Городцов выделил два типа памятников, хронологически следующих друг за другом. Первый тип – чисто «срубный» – характеризовался наличием деревянных срубов в погребениях. Второй, названный «самарским», отличался формой погребения, совершаемого в простых ямах и в насыпи. Для обоих типов характерны положение на левом боку, в скорченном виде, а также сосуды баночной и реже остроруберной формы [Городцов, 1926. С. 244, 245].

⁶⁰ В итоговой монографии П.С. Рыков внес определенные коррективы в свою рабочую концепцию по эпохе поздней бронзы Нижнего Поволжья [Рыков, 1936. С. 24–53]. Характеризуя погребения стадии А (катакомбно-полтавкинская эпоха), исследователь отмечал, что сохраняет понятие хвалынской культуры условно. Хвалынская или срубно-хвалынская культура теперь рассматривалась как локальная форма срубной культуры. При ее характеристике Рыков использовал преимущественно памятники стадии В и С. Общественно-экономическая структура культуры позднего бронзового века определялась как комплексное скотоводческо-земледельческое патриархальное общество времени его окончательного разложения и перехода к соседской территориальной общине; см. подробнее: [Мерперт, Шилов, 1989; Сагайдак, 1989; Малов, 2016].

Р.С. В эти дни привожу в порядок Этнографический музей, отремонтированный с огромными трудностями⁶¹. Очень жалею, что Вы теперь не в Саратове. Первые дни апреля буду в Ленинграде на съезде научных учреждений⁶², после чего надеюсь готовиться к летним поездкам.

П.Р.

9.

Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Маркович!

Сердечно благодарю Вас за присланные книги, я уже не стану говорить, сколько этим Вам обязан. Не написал сразу, так как был в Москве. В Петербург не попал – заболел, будучи в Москве.

Получил небольшие деньги от Музейного отдела Главнауки на раскопки, а потому обеспечены новые работы, хотя и в небольшом масштабе.

Рассчитываю оставить работу в качестве декана факультета и тогда с осени поехать в Петербург заниматься после летней полевой работы⁶³. В конце апреля думаю начать раскопки в Покровске⁶⁴.

Прошу передать мою личную благодарность – от Университета отправлю особо – Финно-угорскому о[бществу] за высланные книги.

Желаю Вам всего лучшего.

Хотелось бы знать, где будете летом. Предполагаете ли копать?

Моя жена просит передать Вам своей привет.

Искренне преданный П. Рыков

⁶¹ В 1920 г. этнографический отдел при Саратовском обществе истории, археологии и этнографии, организованный профессором Б.М. Соколовым, стал самостоятельным музеем. В 1921–1931 гг. он входил в состав СОМК, размещаясь в особняке братьев Шмидт [Соколов, 1922; Рыков, 1927б. С. 214, 215; Малов, 2005. С. 79–83, 93; 2006а].

⁶² Речь идет о 3-й конференции Директоров научных учреждений в Ленинграде 3 апреля 1926 г. На данной конференции Д.О. Святским – ученым секретарем Центрального бюро краеведения был прочитан доклад «Современное положение работы краеведческих организаций РСФСР» [Святский, 1926].

⁶³ В начале 1926 г. П.С. Рыков продолжал работать деканом педагогического факультета и заведовать кафедрой археологии и этнографии, вел учебные дисциплины по первобытной культуре, краеведению, археологии финнов и мордвы. В новом учебном 1926–1927 году он уже не был деканом – его назначили проректором по финансовой и хозяйственной работе. Рыков продолжал заведовать кафедрой, а также кабинетом истории материальной культуры общественно-экономического отделения. В кафедральном штате состояло три сотрудника: ассистенты Кира Николаевна Папа-Афанасопуло (1898–1931) и Татьяна Максимовна Минаева (1896–1973), а также научно-технический сотрудник Александра Петровна Ручьева (1899 – после 1948). Помимо этого, под руководством профессора они работали хранителями музеев: Кира Николаевна и Александра Петровна – Радищевского, а Татьяна Максимовна – Археологического [Афанасопуло, 1925; 1928; Список кафедр, 1926; Научные учреждения и научные работники, 1927. С. 6, 21, 97–101; Малов, 2006а. С. 228, 235; 2018б; Савельева, 2013].

⁶⁴ Об итогах раскопок см.: [Рыков, 1929].

Р.С. Вскоре вышлю Вам свой краткий отчет о раскопках в 1925 году (Рыков, 1926), как только выйдет из печати.

П.Р.

1926.IV.8

Саратов

10.

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

С удовольствием вышлю на днях Вам свою фотогр[афическую] карточку с просьбой оставить ее у себя и в надежде видеть Ваши фотографии в Саратове⁶⁵.

Что касается В.А. Городцова, то его до сих пор не удавалось уговорить сняться и только недавно он дал свое согласие, но еще не снялся. У меня же есть его фотогр[афический] снимок в группе, причем он относится к 1908 году. Думаю, что это мало подходит. Думаю, что в таком случае его лучше запросить или кого-либо в Москве⁶⁶.

Еще раз благодарю за внимание, какое всегда встречаю у Вас.

Жена просит Вас благодарить за память и передает привет с надеждой, что не забудете нас, если заглянете в Саратов.

Искренне преданный Вам П. Рыков

1926.IV.9

Саратов

11.

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

Получил Ваше любезное письмо и образцы снимков, за которые очень благодарю. Они приготовлены прекрасно, и я очень рад, что моя работа найдет такую хорошую внешнюю форму⁶⁷.

Выслал на Ваш музей издания нашего Института изучения Южно-Волжской области⁶⁸.

В ближайшее время постараюсь прислать Вам некоторые снимки с вещей финского могильника, открытого мною на р. Узе (приток р. Суры) (Рыков, 1927⁶⁹). В общем, они характерны для Борковского могильника⁶⁹.

⁶⁵ А.М. Тальгрэн попросил фото П.С. Рыкова, чтобы поместить его в своей книге [Tallgren, 1926. Fig. 16] в портретной галерее исследователей, внесших заметный вклад в изучение бронзового века юга Восточной Европы.

⁶⁶ А.М. Тальгрэн в итоге обратился к самому В.А. Городцову, который, несмотря на охлаждение в их отношениях, откликнулся на эту просьбу. Портреты Городцова и Рыкова помещены в книге Тальгрэна рядом [Tallgren, 1926. Fig. 15].

⁶⁷ Речь идет о клише фотографий к статье П.С. Рыкова [Rykov, 1927].

⁶⁸ Речь идет об Известиях института изучения Южно-Волжской области при СГУ.

⁶⁹ См. краткую информацию об этом памятнике культуры рязано-окских могильников: [Краснов, Михальченко, 1993. С. 44, 45].

Находкой могильника на р. Узе (с. Армеево Кузнецовского у., Саратов[ской] г[уб.]) я доволен, и в будущем году хочу еще копать (Рыков, 1928а).

Относительно своей корректуры: я боюсь, как бы она не затерялась в дороге, но если необходимо мне ее просмотреть, то прошу выслать и сообщить, если можно, письмом.

Моя жена шлет Вам привет и благодарит за память о ней.

Искренне уважающий Вас

П. Рыков

Саратов, 8.X.26

12. (почтовая открытка)

5.I.1927 Москва

Многоуважаемый Михаил Маркович!

Весьма благодарен за извещение о печатании моей статьи (Рыков, 1927).

Сейчас, на праздниках, живу в Москве, куда мне выслали Ваше письмо.

Сердечно благодарю за поздравление и прошу принять мой и жены привет и пожелания на новый год!

Уважающий Вас П. Рыков

Финляндия, Гельсинфорс

проф. А.М. Тальгрену

Finland, Helsinki, Suomen Museo

prof. d-r A.M. Tallgren

13.

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

Сердечно благодарю Вас за присланные отписки моей статьи в ESA (Рыков, 1927). Издано так хорошо, что приятно смотреть.

На основании Вашей работы в ESA II (Tallgren, 1926) я получил возможность еще глубже взглянуть в хвалынскую культуру и теперь даю работу относительно классификации бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье (Рыков, 1927а). Как только она будет напечатана, я тотчас же вышлю Вам – интересно получить Ваше мнение, которое для меня очень важно и ценно.

Прошу Вас также не отказать в высылке I тома ESA, если можно с указанием, куда отправить деньги. Кроме того, я хочу выписать оба тома ESA для Саратовского областного гос[ударственного] музея, вследствие чего не откажите в любезности сообщить цену этих томов, чтобы я мог выписать через разрешенную нам инстанцию – фирму Hirschwald в Берлине.

Готовлюсь понемногу к лету, думаю пройти по р. Уралу (верхнее течение) и копать финский могильник VII–VIII от Р.Х. в Кузнецком уезде, Саратовской губ. (Рыков, 1928а).

Желаю Вам всего лучшего и крепко жму Вашу руку.

Жена моя просит передать Вам ее привет.

П.Р.

Саратов, 19.III.27 года

14. (почтовая открытка)

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

Сердечно благодарю за присланный журнал⁷⁰. С огромным удовольствием его читаю и желаю Вам дальнейших успехов. О летних работах напишу.

Будьте добры, сообщите, от кого надо выписывать журнал ESA – адрес?

Моя жена шлет Вам привет.

Жму Вашу руку.

Искренне преданный П. Рыков

Саратов – 16.V.27 г.

Финляндия, Гельсингфорс

проф. А. Тальгерену

Finland, Helsinki, Museo Suomen

prof. A.M. Tallgren

15.

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

Давно не писал Вам. Работы в этом году шли хорошо. Между прочим, я копал древний финский могильник в Кузнецком уезде Саратовской губ. (р. Уза) около села Армеево (Рыков, 1928а). Посылаю Вам два снимка для знакомства с материалом. Я думаю, что это – культура финнов V–VII веков. Не знаю, будете ли Вы опять печатать в Eurasia Antiqua. Если – да, то я с удовольствием бы дал статью весной на эту тему.

Копал также хорошую бронзу⁷¹. На днях пришлю Вам свою маленькую статью⁷².

Теперь обращаюсь к Вам с просьбой. В Саратовском университете открыто финское (мордва) отделение на педагогическом факультете. Нам очень хотелось бы приобрести в Финляндии некоторые книги. Я прилагаю записку своего colleg'и и историка, который указывает эти книги [см. ниже – авт.]. Хотелось бы знать, можно ли их достать и на каких условиях. Буду Вам за сообщение очень благодарен.

Моя жена просит передать Вам привет и лучшие пожелания.

Искренне Вас уважающий П. Рыков

Саратов, 20.XI.27 г.

Memento!

⁷⁰ Вероятно, имеется в виду выпуск ESA I, вышедший в 1927 г.

⁷¹ В 1927 г. П.С. Рыков исследовал погребения стадий «В» и «С» эпохи поздней бронзы около Саратова, Покровска (юго-восточная группа, курганы №№ 19–26), а также на р. Узе (Зиновьевка, Марьевка, Старая Яксарка, Чардым и др.), где близ с. Усть-Уза было открыто селище этого же времени [Рыков, 1927а. С. 90–93. Табл. III, IV; 1929. С. 4, 7–9; Памятники срубной культуры..., 1993. С. 145. Табл. 15: 45–60].

⁷² Вероятно, речь идет об одной из этих статей: [Рыков, 1926; 1927а; 1927б; 1927в].

Проф. П.С. Рыкову просьба снести с проф. Тальгрена[ом] о снабжении на льготных условиях Кабинета мордовского языка и культуры изданиями:

1. «Finnisch-ugrische Forschungen», тома⁷³ I–VIII⁷⁴ и XVIII (остальные тома есть в Кабинете).

2. «Mémoires de la Société Finno-ougrienne» – все вышедшие томы.

3. «Suomi» – то же.

9.XI.27

16.

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

Очень благодарен Вам за присланную книгу ESA III, которую с удовольствием читаю, особенно Вашу работу о финнах (Tallgren, 1928)⁷⁵. Теперь я работаю над своим Армеевским могильником, Саратов[ской] губ. С удовольствием пришлю его, если возьмете печатать⁷⁶.

Завтра я уезжаю на разведки за Волгу – от озера Баскунчак до Астрахани, по долине волжского протока Ахтубы⁷⁷.

В конце же июля я выезжаю в Берлин, где хочу поработать над изучением музеев⁷⁸. Очень жалею, что вряд ли мне удастся попасть в Финляндию повидать Вас, а хотелось бы!

Жена моя шлет Вам свой привет.

Искренне Вам преданный П. Рыков

Саратов, 4.VI.28 г.

17. (почтовая открытка)

Саратов, 3.VII.28

Многоуважаемый Михаил Маркович!

Посылаю Вам лично и для Музея, а также прошу передать Финно-Угорскому Обществу маленькие популярные брошюры Саратовского областного музея⁷⁹.

⁷³ Здесь карандашная пометка А.М. Тальгрена – 25%, что, вероятно, означает скидку при покупке этих томов.

⁷⁴ Здесь карандашная пометка А.М. Тальгрена – 60 FM, что, вероятно, указывает на стоимость одного тома в финских марках.

⁷⁵ В этой статье, посвященной памяти основоположника финно-угорской археологии И.Р. Аспелина, А.М. Тальгрена дал обзор исследований средневековых финно-угорских могильников в центре и на севере Европейской России, в том числе и раскопок 1927 г. П.С. Рыкова в Армиеве [Tallgren, 1928. Pp. 8, 9].

⁷⁶ Этот план не реализовался. П.С. Рыков передал подготовленную статью в сборник к 40-летию научной деятельности В.А. Городцова [Рыков, 1928а].

⁷⁷ С 7 июня по 3 июля 1928 г. были произведены археологические работы в районе г. Покровска и Саратова, а также по левому берегу Нижней Волги. Исследованы памятники бронзового века, скифо-сарматского времени, поздних кочевников и золотоордынской эпохи [Рыков, 1929б].

⁷⁸ О результатах командировки в Германию см.: [Рыков, 1932].

Не откажите сообщить, не присылали ли Вы мне недавно открытого письма – служащий потерял одно письмо на мое имя из-за границы.

Всего лучшего. Уважающий Вас П. Рыков

Финляндия, Гельсингфорс

проф. А.М. Тальгрёну

Finland, Helsinki, Museo Suomen

prof. d-r A.M. Tallgren

18.

Многоуважаемый Михаил Маркович!

С большим удовольствием я узнал, что Вы снова были у нас в Саратове⁸⁰, но, в то же время, я был очень огорчен, что не видел Вас, т. к. был в Германии и собирался в Финляндию, но зная, что Вы – в России, я не поехал в Гельсингфорс.

В июне месяце у меня на квартире был вор и украл со стола письма, в том числе, как мне говорили, было одно письмо заграничное – не от Вас ли оно было. Если – да, то я очень об этом сожалею, т. к. благодаря такому случаю я не имел возможности знать о Вашем приезде в Россию.

Теперь – относительно моего финского (Армиевского – авт.) могильника. Когда я мог бы рассчитывать его напечатать у Вас в ESA?

Судя по приглашению, полученному мною вчера, принять участие в сборнике А. Спицына⁸¹, можно думать, что в IV томе ESA моей работы печатать нельзя – она, конечно, будет значительно больше 8 стр. – для этого (сборника – авт.) я могу прислать маленькую работу. Будьте добры, не откажите мне вскоре ответить – от этого будет зависеть моя работа и самый темп ее.

Как Вы остались довольны моим, т. е. Саратовским, музеем? Надеюсь, что Вам было оказано всякое содействие моими сотрудниками⁸²?

⁷⁹ К этому времени музей издал несколько брошюр по финно-угорской проблематике, которые П.С. Рыков мог выслать А.М. Тальгрёну [Арзютов, 1928. Брошюра № 8; Степанов, [Б.г.]. Брошюра № 4; 1928].

⁸⁰ Поездка 1928 г. для А.М. Тальгрёна и его спутника Н. Клеве была одной из самых длительных и протяженных. Маршрут путешествия пролегал через Ленинград, Москву, Ростов Великий, Нижний Новгород, Казань, Сарапул, Пермь, Самару, Саратов, Воронеж, Ростов-на-Дону, Владикавказ, Тбилиси, Ереван, с заездом на обратном пути в Кобанское ущелье, далее в Одессу, Ольвию, Киев, Чернигов, снова Ленинград, Петрозаводск, Псков. Своими впечатлениями о поездке 1928 г. А.М. Тальгрён поделился с читателями газеты «Helsingin Sanomat» [Tallgren, 1928c]. Во второй части своего очерка финский ученый рассказал о работах саратовских археологов и, в частности, о раскопках П.С. Рыкова (Покровск, Армиево и др). К сожалению, в СОМК пока не обнаружены материалы о работе Тальгрёна в музее в 1928 г.

⁸¹ А.М. Тальгрён разослал крупнейшим археологам СССР приглашения в сборник к 70-летию А.А. Спицына (ESA. Vol. IV). Небольшая статья П.С. Рыкова в юбилейном томе в итоге вышла [Рыков, 1929], но она касалась его работ 1913 г. в Псковской губ в долине р. Великой. Статья датирована 15.XI.1928 г.

⁸² Сведения об этой поездке и работе А.М. Тальгрёна в фондах СОМК пока не обнаружены.

Я очень доволен поездкой по Германии, как-то отдохнул, запасся новыми силами и знаниями – очень приятно.

Моя жена просит меня передать Вам ее привет и сожаление, что ей не пришлось принять Вас в нашем доме.

Всего лучшего

Искренне уважающий Вас П. Рыков

Саратов

1928.Х.3

19.

Многоуважаемый Михаил Маркович!

Обращаюсь к Вам с просьбой – не могу ли я получить ESA, т. IX, который весьма интересен для меня⁸³. До последнего т. VIII я имею все тома ESA. Был бы Вам весьма благодарен за эту любезность и взамен вышлю предстоящую свою работу о Нижнем Поволжье (Рыков, 1936а).

Сейчас произвожу интересные раскопки в Калмыцкой области – ковал крупный курган «Три брата», имеющий высоту до 7 м при диаметре до 65 м⁸⁴. По-видимому, будут хорошие материалы эпохи бронзы⁸⁵, которые и для Вас, без сомнения, представят значительный интерес. Благодарю Вас за присланный оттиск Вашей работы⁸⁶.

Желаю всего лучшего

Уважающий Вас П. Рыков

Мой адрес – прежний: СССР, Саратов, Приютская, 41, кв. 1, проф. П.С. Рыкову 19. VIII.35

Саратов

ПИСЬМА П.С. РЫКОВА Г. МЕРГАРТУ

(все – рукописные, на русском языке)

1.

Многоуважаемый коллега!

Прежде всего, позвольте поблагодарить Вас за любезную помощь, какую Вы оказали мне при осмотре музея в Майнце и сообщить, что желаемую Вами книгу – Уварова «Каменный период» (Уваров, 1881) я имею и могу Вам выслать по получении от Вас согласия.

⁸³ Этот выпуск ESA вышел в 1934 г. и был посвящен юбилею одного из корифеев европейской археологии того времени Э.Х. Миннза.

⁸⁴ П.С. Рыков смог кратко опубликовать предварительные результаты этих исследований [Рыков, 1936б; 1936в; 1936г; Рыков, 1938].

⁸⁵ Об этом памятнике и исследованиях П.С. Рыкова в Калмыкии в те годы см. работы: [Синицын, 1948; 1956. С. 22–52; Шилов, 1985].

⁸⁶ Речь идет, скорее всего, о статье А.М. Таллгрена из ESA IX [Tallgren, 1934].

Как мы с Вами тогда говорили, я буду очень Вам благодарен, если, когда будет что-нибудь интересное из книг, Вы мне вышлете.

Одновременно я вышлю Вам и свои маленькие работы.

Примите мое искреннее уважение.

Вам преданный П. Рыков

г. Саратов, 30 декабря 1928 г.

P.S. Поздравляем Вас с Новым Годом!

Адрес мой: С.С.С.Р. (U.d.S.S.R.)

Саратов, Государственный университет,

Профессору Павлу Сергеевичу Рыкову

P.P.S. Я получил приглашение на юбилей (Германского – авт.) археологического института в Берлине⁸⁷.

Не откажите сообщить, нужно ли туда писать еще, если мне удастся поехать в Германию, или достаточно присланного приглашения.

П. Рыков

2.

Глубокоуважаемый коллега!

Очень благодарен за Ваше письмо, на которое я задержал ответ, так как уезжал в Москву.

От г[-на] д-ра Unverzagt⁸⁸ я получил все потерянные мною фотографии, за что ему весьма признателен.

Относительно книги Уварова могу сообщить, что она ничего не должна стоить Вам – посылаю ее охотно и прошу принять от меня в знак искреннего к Вам уважения и благодарности за то доброе и внимательное отношение, какое Вы проявили ко мне в Майнце.

Лично для меня будет приятно, если когда-нибудь Вы найдете возможным выслать какую-либо книгу по бронзовой эпохе, выходящую в Германии, разумеется только сообщив ее цену.

В Берлине на юбилее Археол[огического] института нам, к сожалению, едва ли придется встретиться, так как поездка туда, по всей вероятности, будет для меня невозможной⁸⁹.

⁸⁷ Речь идет о юбилейных мероприятиях, приуроченных к столетию образования Германского археологического института.

⁸⁸ Унферцагт Вильгельм (Unverzagt Wilhelm) (1892–1971), немецкий археолог, профессор, с 1925 научный сотрудник, в 1926–1945 директор Государственного музея первобытной и ранней истории в Берлине. С 1947 научный сотрудник, с 1949 штатный член, с 1952 председатель секции первобытной и ранней истории Германской академии наук в Берлине, в 1953–1963 директор Института первобытной и ранней истории Германской академии наук. Обладатель Национальной премии в области науки (1959). Издатель «Журнала по первобытной истории» (с 1927) и журнала «Раскопки и находки» (с 1956); см. подробнее: [Filip, 1969. S. 1552, 1553].

Примите мое искреннее уважение,
Преданный Вам П. Рыков
19.II.29
Саратов (Россия)

3.

1.IV.30
Саратов

Глубокоуважаемый коллега!

Я очень был рад, узнав, что Вы получили мою работу (Рыков, 1930).
На вопрос Ваши относительно взаимного обмена за книгу Уварова я могу только с благодарностью ожидать одну из книг, какую Вы можете выслать, так как они меня все интересуют, особенно то, что касается наиболее древних культур.

Еще раз благодарю Вас за письмо.

Искренне Вас уважающий П. Рыков

Адрес: U.d.S.S.R., Saratov, prof. P.S. Rykov

СССР, Саратов, Приютская ул., № 41, проф. П.С. Рыкову

4.

Глубокоуважаемый коллега!

Сердечно признателен и горячо благодарю Вас за присланную книгу. Всегда буду готов для Вас выслать интересующую Вас книгу по археологии. Прошу сообщить, что Вы желали бы получить из русских книг – постараюсь найти и выслать немедленно. Еще раз благодарю.

Уважающий Вас П. Рыков

Саратов, 15.VIII.30 г.

Мой адрес: СССР. Саратов, Приютская, 41, кв. 1
проф. П.С. Рыков

ПИСЬМО Г. МЕРГАРТА П.С. РЫКОВУ
(на немецком языке, перевод Е.В. Детловой)

Tgb. № 40/30

19.III.30

An Herrn Prof. Dr. Rykov, Saratov

Sehr geehrter Herr Kollege!

Immer wieder erfreuen Sie mich durch eine Ihrer schönen Publikationen. Heute erhielt ich mit vielem Dank das Finnen-Buch. Ich stehe aber noch ganz in Ihrer Schuld von

⁸⁹ Поскольку П.С. Рыков в 1928 г. был командирован сектором науки Наркомпроса на три месяца в Германию, новую поездку год спустя ему не разрешили.

Uvarov her und empfinde diese Schuld sehr drückend. Haben Sie vielleicht in der Zwischenzeit irgend ein Werk gefunden, das Ihnen als Gegengabe erwünscht wäre? Oder interessiert Sie etwas von folgenden neueren Erscheinungen? Dann bitte ich Sie sehr, es mir zu schreiben.

Childe. The Danube in prehistory 500 pp, 227 ill, 1929

Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens 416 S., cka. 1500 Abb, 29

Mattes. Urgeschichte des Kreises Ostprignitz 323 S., 48 Taf., 143 Abb. 1929

(Beispiel einer systematischen archäol[ogischen] Landesaufnahme)

Ich lege auch ein Verlagsverzeichnis bei, in dem Sie vielleicht etwas finden, was für Sie Interesse hat. Ich möchte doch nicht einfach irgend etwas schicken, womit Ihnen nicht gedient ist.

Mit den allerbesten Grüßen

Ihr ergebener

M.

19.03.1930

Глубокоуважаемый г-н коллега!

Снова и снова Вы радуете меня Вашими прекрасными публикациями. Сегодня я получил с большой благодарностью книгу о финнах (Рыков, 1930). Но я все еще у Вас в долгу с Уваровым (Уваров, 1881), и меня этот долг очень угнетает. Быть может, Вы нашли за это время какое-то произведение, которое хотели бы получить в качестве ответного дара? Или Вас интересует что-то из будущих новинок? Тогда я прошу Вас написать мне об этом.

Childe. The Danube in Prehistory 500 pp, 227 ill, 1929 (Childe, 1929).

Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens 416 S., cka 1500 Abb, 29 (Gaerte, 1929).

Mattes. Urgeschichte des Kreises Ostprignitz 323 S., 48 Taf., 143 Abb. 1929 (пример систематической археологической картографии) (Matthes, 1929).

Также прилагаю перечень изданий, в котором Вы, быть может, найдете то, что Вам будет интересно. Я не хотел бы просто послать что-то, не нужное Вам.

Преданный Вам М.

ПИСЬМО П.С. РЫКОВА Т. АРНЕ

(на русском языке, рукописное)

20.IX.26 Саратов

Многоуважаемый Collega!

От А.А. Гераклитова⁹⁰ я узнал, что Вы желали бы получить саратовские издания.

⁹⁰ Гераклитов Александр Александрович (1867–1933), профессор педагогического факультета (отделение мордовского языка и культуры) Саратовского университета [Малов, 2006а. С. 195, 196, 202, 218, 268, 271; Соломонов, 2007]. Член СУАК с 1908 (помощник библиотекаря, хранитель исторического архива и музея). Вероятно, А.А. Гераклитов познакомился с Т. Арне во время его

Со своей стороны, прошу Вас принять от меня мою маленькую работу по сарматской культуре – результаты моих исследований в 1924 г. (Рыков, 1925) и другую – материалы по изучению Нижней Волги (Рыков, 1926).

Был бы очень Вам признателен, если Вы найдете возможность указать мне, где я мог бы приобрести Вашу книгу, весьма необходимую для меня и очень нужную для всякого, кто работает по археологии Вост[очной] Европы – *La Suède et l'orient* (Arne, 1914)⁹¹.

Прошу принять мое искреннее к Вам уважение и сожаление, что мне не пришлось лично познакомиться с Вами в Керчи⁹², куда я по обстоятельствам, от меня не зависящим, не попал.

П. Рыков

Мой адрес: Саратов, Госуд. Университет проф. Павлу Сергеевичу Рыкову.

ПИСЬМА П.Д. РАУ А.М. ТАЛЬГРЕНУ

(рукописный текст на немецком языке, перевод Н.М. Малова и Е.В. Детловой)

1.

Pokrovsck, am 13.05.1928

Sehr geehrter Herr Professor!

Mit vielem Dank bestätige ich den Empfang Ihrer Journals ESA III. Unser Museum darf es wohl als Ihr gütiges Geschenk betrachten.

Mir tut es leid, dass Sie die bei uns erschienenen Arbeiten erst jetzt erhalten haben. Es ist ein Fehler meinerseits. Ich wählte Sie in Dorpat und schickte vor einem halben Jahr unsere Ausgaben an das vorgeschichtliche Seminar der dortigen Universität, welches Sie, wie ich aus ausländischen Quellen weiß, mit viel Erfolg ausgebaut haben.

Erst vor kurzem erfuhr ich, dass Sie jetzt in Helsingfors arbeiten.

осмотра (20.09.1913) археологического раздела экспозиции музея СУАК. Тогда шведский археолог определил одну из увекских статуэток и оставил благожелательную запись в книге почетных гостей музея [Малов, 2003б. С. 55, 56; 2018а. С. 524]. Позднее отношения между учеными поддерживались в переписке. В Антикварно-топографическом архиве Исторического музея Швеции в фонде Т. Арне (Voll 1, F 2) сохранились два письма А.А. Гераклитова (21.10.1917 и без даты).

⁹¹ В библиотеке Археологической лаборатории СГУ хранятся другие работы Т. Арне [Arne, 1933; 1935]. В книгах имеются инвентарные номера и штампы: «Библиотека кафедры истории древнего мира и археологии» (перечеркнут), «Библиотека кафедры истории СССР», «Научная библиотека истфака СГУ». На книгах есть штамп, согласно которому их купили в 1938 г., заплатив за одну 3 руб. 50 коп., а за другую – 5 руб. Уголки обложек с автографами вырезаны. Судя по сохранившейся первой букве «А» от инициалов владельца, они, вероятно, принадлежали А.А. Гераклитову, который до своей кончины контактировал с Арне.

⁹² 1-я Конференция археологов СССР состоялась в Керчи в сентябре 1926 г. [Мацулевич, 1926]. Туре Арне был одним из немногих западных ученых, участвовавших в ней. В дороге с Арне приключился неприятный эпизод, о котором – в связи с другой историей – рассказал В.А. Городцов [Городцов, 2015. С. 174, 174].

Auch fernerhin werde ich Ihnen je ein Exemplar unserer Ausgaben ohne Anspruch auf eine Gegengabe zuschicken lassen.

Wollten Sie mir in einem etwaigen Antwortschreiben Ihr wertvolles Urteil über meine Ansichten bezüglich der Hockerbestattungen des Wolgagebiets mitteilen, so wäre ich Ihnen sehr dankbar.

Wenn Ihnen Material meiner Grabungen willkommen ist, so bin ich gern bereit, Ihrer sehr geschätzten Zeitschrift ab und zu mit Veröffentlichungen zu dienen. Zu diesem Zweck will ich mir erlauben Ihnen Zeitungsausschnitte über die Resultate meiner Grabungen zuzuschicken.

*Hochachtungsvoll grüßend
Ihr ergebener P. Rau
АССР немцев Поволжья,
гор. Покровск н/В⁹³
Центральный Музей
П.Д. Рау*

2.

Pokrovsk, am 24. Sept. 1928

Sehr geehrter Herr Professor!

Herzlichsten Dank für Ihr wertvolles Geschenk! Mit wie viel Befriedigung habe ich im 1. Buch die hochherzige und verständnisvolle Würdigung Rostovzevs gelesen!

Ihr blitzartiges Erkennen und Verstehen, der warme Anklang, den das Neue und Tiefe bei Ihnen hervorruft, läßt Sie sofort als einen der wenigen ebenbürtigen erkennen.

An Ihrem Werke, das ich noch nicht durchgearbeitet habe, setzt mich Ihre beispiellose Kenntnis des zerrissenen russischen Materials in Staunen.

Meine diesjährigen Grabungen sind nun beendet. Die letzten davon haben wieder reiches sarmatisches Material zutage gefördert. Interessant ist namentlich wiederum das früh-sarmatische – späthellenistische, wovon ich Ihnen schon erzählt habe.

Nicht minder reich waren auch die spätsarmatischen Funde (von Ihnen gotisch-sarmatisch genannt).

14 goldene Anhänger mit Granulation- und Filigranverzierung, mit Stein- und Glaseinlagen sind in einem Frauengrab zusammen mit einer reichen Auswahl verschiedener Gegenstände gefunden worden.

Den frühsarmatischen Stoff – etwa 35 Gräber – werde ich Ihnen noch im Vorwinter dieses Jahres zusenden können. Für den Fall, dass Sie die Möglichkeit haben sollten, in beschränktem Maße Vielfarbdruck anwenden zu können, werde ich der Publikation eine farbige Tafel der sehr bunten Perlentypen beilegen, die man ja auch widrigenfalls schwarz-weiß wiedergeben kann.

⁹³ Здесь и далее Покровск н/В – Покровск-на-Волге.

Für die Spizyn-Festschrift habe ich noch nichts ausgewählt, werde mich jedoch noch rechtzeitig melden.

Wie hat Sie die Kaukasus-Reise befriedigt? Die lebendigen Zeilen auf der Ansichtskarte haben mir Freude gemacht.

Mit herzlichen Grüßen und vielmaligem Dank

P. Rau

3.

Pokrovsk, am 13. Dez. 1928

Sehr geehrter Herr Professor!

Mit gleicher Post schicke ich das Manuskript meines Aufsatzes für die Spicyn-Festschrift an Sie ab. Ich muss nun doppelt um Entschuldigung bitten: einmal für die Verspätung, hauptsächlich aber für den großen Umfang <...> des Beitrags <...> liebenswürdig Raumgrenzen übersteigt. Mir fiel es eben schwer das einmal vorhandene Material zu zerstücken. Sie sehen ja, wie ich dafür von einer Besprechung der Funde und einer sehr gewünschten Richtigestellung vorjähriger Fehler und Unzulänglichkeiten absah.

Sollte es durchaus unmöglich sein das gelieferte Material ganz zu bringen, so würde ich vorschlagen den Stoff von Paulskoje mit dem zugehörigen zusammenfassenden Teil auszulassen.

Ich wäre sehr froh, wenn ich nach Ausnutzung die Zeichnungen und Photographien für unser Museum zurückbekommen könnte.

Wann muss ich spätestens das Manuskript für ESA V einliefern?

Nun steht es <...> Ihnen frei zwischen vorrömischem und kaiserzeitlichem sarmatischem Fundmaterial, das ich sowieso in unseren «Mitteilungen» für das kommende Jahr nicht publizieren werde, zu wählen.

Dies wie jenes wird etwa 5 Druckbogen ausfüllen.

Bin unlängst aus Leningrad zurückgekehrt, wo ich bei Herrn Prof. A. A. Spicyn wohnte, der mir wie ein Vater gut ist. Mit dem edlen Freundepaar Latynin und Passek habe ich unvergessliche Stunden verbracht. Auch sonst wurde ich dort überall sehr liebenswürdig und zuvorkommend empfangen.

Im Historischen Museum zu Moskau hat man mich dagegen mit Vorwürfen und boshaften Scherzen über meine «deutschen Veröffentlichungen russischen archäologischen Materials» traktiert.

Haben Sie nochmals meinen wärmsten Dank für die für mich so fruchtbringenden Stunden in Saratov!

Hochachtungsvoll grüßend

Ihr ergebener P. Rau

Bitte um Empfangsbestätigung der Sendung!

г. Покровск н/В

АСС Республика немцев Поволжья

Центральный Музей

Павлу Давидовичу Рау

4.

Sehr geehrter Herr Professor!

Haben Sie meinen herzlichsten Dank für das schöne Buch und die Sonderdrucke!

Und verzeihen Sie, dass ich so lange nichts habe von mir hören lassen: ich bin wiederholt auf Reisen gewesen und in der Zwischenzeit war ich mit dringender Arbeit überlastet. Diese Zeilen sind knapp vor meiner Ausfahrt auf Grabungen geschrieben.

Eurasia IV ist ein Buch geworden, das jeden Vorgeschichtsforscher erfreuen muss. Wenn Sie es so weiter führen, erwerben Sie sich ein unvergängliches Verdienst um die russische Vorgeschichtsforschung. Kann ich durch weitere Beiträge nützlich sein, so stehe ich immer gern zur Verfügung und bin bereit mich in Inhalt und Umfang des betreffenden Aufsatzes ganz nach Ihren Wünschen zu richten. Über die neuen Funde unseres Museums schreibe ich Ihnen ein anderes Mal.

Mit freundlichen Grüßen

Ihr ergebener P. Rau

Pokrovsk, am 11. August 1929

5.

Hochverehrter Herr Professor!

Die gütigst übersandte Eurasia V war mir eine angenehme Überraschung. Ich wusste nicht, dass sie erschienen wird. Desto größer die Freude über das neue schöne Buch Ihrer immer so inhaltreichen und einzigartig gediegenen und geschmackvoll ausgestatteten Zeitschrift. Herzlichen Dank! Und möge sie bestehen immer und ewiglich! Kann ich für die Zukunft dienen mit Beiträgen, so bin ich gern bereit.

Die Grabungen dieses Sommers sind noch nicht abgeschlossen. Seltsam! Die Gräber der skythischen Periode sind überall in unserem Gebiet ausgeplündert. Grakov hatte das große Glück ein intaktes zu finden. Mein Interesse für diese Kultur hat sich bis ins Krankhafte gesteigert.

Es ist gut, dass Sie von dem überreichen toten Material der Kaukasusländer Schicht um Schicht in glücklichen Zusammenstellungen ans Licht der Forschung hervorholen.

Wünsche Ihnen Gesundheit und viel Glück in Ihrer großen Arbeit!

Mit vorzüglicher Hochachtung

Ihr ergebener P. Rau

Pokrovsk, am 7.06.1930

1.

Покровск, 13.V.1928.

Уважаемый господин профессор!

С большой благодарностью я подтверждаю получение Вашего журнала ESA III. Наш музей вполне может считать это Вашим любезным подарком.

Мне жаль, что Вы лишь только сейчас получили опубликованные у нас работы⁹⁴. Это ошибка с моей стороны. Я думал, что Вы в Дерпте⁹⁵ и полгода назад отправили наши издания на семинар по истории первобытного общества местного университета, который, как я знаю из зарубежных источников, Вы развили с большим успехом. Только недавно я узнал, что Вы сейчас работаете в Гельсингфорсе.

Я также и впредь буду высылать Вам по одному экземпляру наших изданий без каких-либо притязаний на ответный подарок.

Если бы Вы в возможном ответном письме сообщили мне свое ценное мнение по поводу моих взглядов относительно скорченных захоронений в Поволжье⁹⁶, я был бы Вам очень признателен.

Если Вам интересны материалы моих раскопок, я более чем готов время от времени служить Вашему очень уважаемому журналу со своими публикациями⁹⁷. Для этой цели я позволю себе выслать Вам газетные вырезки о результатах моих раскопок.

С глубоким уважением
преданный Вам П. Рау
АССР немцев Поволжья,
гор. Покровск н/В
Центральный Музей
П.Д. Рау.

2.

Покровск, 24 сент. 1928.

Уважаемый господин профессор!

Сердечно благодарю за Ваши драгоценный подарок! С каким удовлетворением я читал в первой книге великодушное и чуткое чествование Ростовцева⁹⁸!

⁹⁴ П.Д. Рау мог послать А.М. Тальгрену свои научно-популярные заметки и научные работы на немецком языке, изданные в 1923–1927 гг. [Rau, 1923; 1924; 1927a; 1927b].

⁹⁵ По воспоминаниям Э. Кивикоски [Kivikoski, 1954. Pp. 101–104], когда в Тартуском университете была открыта кафедра археологии и А.М. Тальгрену предложили ее возглавить, он с радостью принял приглашение. 26 мая 1920 г. он получил официальное назначение и в сентябре отправился в Тарту. Перспектива развития академических исследований на родине выглядела туманно: предложение о создании кафедры археологии в университете Хельсинки в 1918 г. не получило поддержки. К этой идее вернулись в июле 1921 г. Тальгрен принял участие в конкурсе (выиграв его у Ю. Айлио), и 29 декабря 1923 г. стал профессором кафедры финской и скандинавской археологии университета Хельсинки.

⁹⁶ П.Д. Рау наиболее конкретно изложил свои представления о ступенях – группах скорченных погребений бронзового века в работе за 1928 г. [Rau, 1928; Малов, 1977б].

⁹⁷ Но в итоге в ESA вышла лишь одна статья Рау [Rau, 1929b].

⁹⁸ Речь, скорее всего, идет не о ESA III, в котором опубликована рецензия А.М. Тальгрена на серию трудов М.И. Ростовцева [Tallgren, 1928b], а о монографии «La Pontide...», в которой выражены слова благодарности и признательности Ростовцеву, Мергарту, Рыкову наряду с другими учеными, оказавшими содействие и помощь финскому археологу [Tallgren, 1926. P. 4].

Ваше мгновенное осознание и понимание, теплый отклик, который вызывают у Вас новое и глубокое, сразу же позволяют признать в Вас одного из немногих равных по духу. В Вашем труде (Tallgren, 1926), который я еще не проработал, меня поражает Ваше беспрецедентное знание разрозненного русского материала.

Мои раскопки этого года ныне завершены. Последние из них снова извлекли на свет богатый сарматский материал (Raу, 1928b). Особенно интересным снова является раннесарматский – позднеэллинистический, о котором я уже Вам рассказывал. Не менее богатыми были также и позднесарматские находки (называемые Вами готто-сарматскими).

В одной женской могиле вместе с богатой подборкой различных предметов были найдены 14 золотых подвесок с филигранно-зерненным узором, с инкрустацией камнями и стеклом⁹⁹.

В этом году, еще в самом начале зимы, я смогу выслать Вам раннесарматский материал из примерно 35 могил¹⁰⁰. В том случае, если у Вас будет возможность в ограниченном объеме использовать многоцветную печать, я приложу в публикацию цветную таблицу разноцветных типов бусин¹⁰¹, которую в противном случае всё же можно изобразить и в черно-белом варианте.

Я пока ничего не выбрал для юбилейного сборника в честь Спицына (Raи, 1929b), но вовремя свяжусь с Вами.

Вас удовлетворила поездка на Кавказ¹⁰²? Меня порадовали живые строки на открытке с видом¹⁰³.

С сердечным приветом и преобладающей благодарностью, П. Рау

⁹⁹ Речь идет о богатом женском погребении из кургана F 16, исследованном Рау в 1928 г. около с. Усатово (Экгхейм), где под нижней челюстью найдено 14 золотых подвесок [Синицын, 1947. С. 50–55, 134. Рис. 226: 29. Табл. II: 1].

¹⁰⁰ Речь, вероятно, идет о материалах, вошедших в книгу П.Д. Рау [Raи, 1929a].

¹⁰¹ Вероятно, речь идет о сарматских бусах и ожерельях.

¹⁰² В 1928 г. состоялась плодотворная поездка А.М. Тальгрена на Кавказ. Изучение археологических собраний в музеях Пятигорска, Владикавказа, Тбилиси и Еревана [Kivikoski, 1954. Pp. 107, 108] дали финскому ученому импульс для выбора нового исследовательского проекта. Собранные им богатейшие материалы, а также изучение кавказских и анатолийских коллекций в предшествовавшие годы в других музеях СССР, Турции и европейских стран привели Тальгрена к осознанию необходимости обобщения всех известных к тому времени источников по бронзовому веку Кавказа и написания большого сводного труда об эпохе раннего металла этого региона. К сожалению, данный проект ему удалось реализовать лишь частично. См подробнее о кавказоведческих исследованиях финского ученого: [Кузьминых и др., 2014. С. 11–13, 33, 34; Кузьминых, 2015].

¹⁰³ А.М. Тальгрэн многим своим корреспондентам в России и Европе посылал во время путешествия 1928 г. записки на почтовых открытках с видами Казбека, Эльбруса и другими достопримечательностями Кавказа.

3.

Покровск, 13 дек. 1928.

Уважаемый господин профессор!

С той же почтой я отправляю Вам рукопись моего эссе для юбилейного сборника в честь Спицына (Raui, 1929b). Я должен извиниться дважды: сперва за задержку, но главным образом за большой объем журнальной статьи, выходящий за пределы допустимого, любезно разрешенного Вами объема. Мне просто было трудно разбить существующий материал. Но как Вы видите, я воздерживался от обсуждения находок и весьма желаемого исправления ошибок и упущений предыдущих лет.

Если будет совершенно невозможно поместить (в сборник – авт.) весь отправленный материал, я бы предложил опустить материал из Паульского с соответствующей обобщающей частью¹⁰⁴.

Я был бы очень рад, если бы после использования смог получить обратно для нашего музея рисунки и фотографии.

Каков самый поздний срок, когда я должен предоставить рукопись для ESA V¹⁰⁵? Так что предоставляю Вам право выбирать между сарматскими материалами доримского и имперско-римского времени, которые я так или иначе стану публиковать в наших «Ведомостях» в предстоящем году. И то, и это займет примерно 5 печатных листов (Raui, 1929a). Я недавно вернулся из Ленинграда, где жил у профессора А.А. Спицына¹⁰⁶, который был добр ко мне, как отец. Незабываемые часы я провел с благородной дружеской парой Латыниным и Пассек¹⁰⁷. Да и везде меня там принимали очень любезно и обходительно. Зато в Историческом музее в Москве меня встретили упреками и злыми шутками в отношении моих «немецких публикаций русского археологического материала». Еще раз сердечно благодарю за столь плодотворные для меня часы в Саратове¹⁰⁸!

¹⁰⁴ В кратком виде материалы раскопок у д. Паульское, включая изображения трех сосудов срубной культуры, даны в публикации [Raui, 1929b. S. 56, 57. Abb. 21–23].

¹⁰⁵ Том вышел в 1930 г. и посвящен памяти финского этнолога У.Т. Сирелиуса [Tallgren, 1930a]. П.Д. Рау не успел прислать свою рукопись: иначе она была бы опубликована.

¹⁰⁶ А.А. Спицын привечал в своем доме всех тех коллег, кто был ему по-человечески близок и интересен как исследователь. Такое радушие Александра Андреевича отмечалось многими, кто бывал в его доме, в том числе одним из героев нашего очерка – Геро фон Мергартом [Детлова, 2008].

¹⁰⁷ Борис Анатольевич Латынин (1899–1967) и Татьяна Сергеевна Пассек (1903–1968) в 1926–1929 гг. были аспирантами ЛГУ, учениками А.А. Спицына, И.И. Мещанинова и Н.Я. Марра; см. подробнее: [Качалова, 2000. С. 22–24; Формозов, 2003]. Их связывала с Рау не только взаимная симпатия, но и общие научные интересы. Они касались, вероятно, обсуждения проблем, нашедших затем отражение в квалификационной работе Б.А. Латынина «Родовое общество эпохи бронзы степной и лесостепной полосы Восточной Европы» (защищенной в мае 1929 г.), и материалов раскопок П.Д. Рау на Нижней Волге во второй половине 1920-х гг.

¹⁰⁸ Детали встреч А.М. Тальгрена с П.Д. Рау в Саратове в ходе поездки финского археолога 1928 года не известны. В Покровском Центральном музее, как и в Саратове, Тальгрена 29–30 июля изучал археологические коллекции бронзового и раннего железного веков. 31 июля финский

*С глубоким уважением, преданный Вам П. Рау.
 Прошу расписки в получении почтового отправления!
 г. Покровск н/В
 АСС Республика немцев Поволжья
 Центральный Музей
 Павлу Давидовичу Рау*

4.

Уважаемый господин профессор!

*Примите мою сердечную благодарность за прекрасную книгу и отдельные издания!
 И простите за то, что я не давал о себе знать так долго: я несколько раз был в разъездах, а в промежутках между ними был перегружен срочной работой. Эти строки написаны прямо перед моим отъездом на раскопки¹⁰⁹.*

Eurasia IV стала книгой, которая должна порадовать любого исследователя истории первобытного общества¹¹⁰. Если Вы так будете продолжать, то обретете вечное признание в исследовании истории первобытного общества в России. Если я могу быть полезен со своими дальнейшими статьями, я всегда с радостью в Вашем распоряжении и готов к написанию соответствующего эссе по Вашим пожеланиям относительно объема и содержания. О новых находках нашего музея я напишу Вам в другой раз.

*С искренним уважением, преданный Вам П. Рау
 Покровск, 11 августа 1929.*

5.

Многоуважаемый господин профессор!

Любезно отправленный Вами выпуск Eurasia V¹¹¹ стала для меня приятным сюрпризом. Я не знал, что он выйдет. Тем больше радости от новой прекрасной книги Вашего всегда такого содержательного, единственного в своем роде, солидного и со

профессор выехал на Кавказ [Профессор А.М. Тальгрэн, 1928]. Рау получил приглашение ежегодно печатать свои статьи в ESA. В газетном очерке об этой поездке финский ученый отметил важные результаты исследований Рыкова и Рау на Нижней Волге [Tallgren, 1928c].

¹⁰⁹ В 1929 г. П.Д. Рау раскапывал курганы различных эпох около сел Бородаевка, Макаровка, Усатово, Шульц, Старая Иванцовка и др., которые обозначил в своём «Отчете» литерой «G» [Рау, 1929а; Спицын, 1947]. Кроме того, он доисследовал две могилы, раскопанные крестьянами. Первая – обнаружена в 4-х км от г. Покровска в колхозе «Восход», вторая – в окрестностях с. Мариенталь [Рау, 1929а. С. 149–156; 1929б].

¹¹⁰ Том посвящен 70-летию А.А. Спицына. А.М. Тальгрэну удалось привлечь большой авторский коллектив, включая учеников Спицына в России (В.И. Равдоникас, Б.А. Латынин, Т.С. Пассек и др.) и из числа эмигрантов (Н. Толль, В. Саханев).

¹¹¹ Выпуск ESA V вышел в 1930 г. и посвящен памяти известного финского этнолога У.Т. Сирелиуса [Tallgren, 1930a], который был соредктором А.М. Тальгрэна в первых четырех выпусках журнала.

вкусом оформленного журнала. Сердечно благодарю! И пусть он будет существовать вечно! Если я могу послужить в будущем со своими статьями, я с радостью готов.

Раскопки этого лета еще не завершены¹¹². Странно! Могилы скифского периода повсюду в нашей области разграблены. Гракову посчастливилось найти не тронутую¹¹³. Мой интерес к этой культуре¹¹⁴ возрос и стал уже патологическим.

Хорошо, что Вы слой за слоем являете на свет научных изысканий удачные подборки чрезвычайно богатых материалов погребальных памятников Кавказского региона¹¹⁵.

Желаю Вам здоровья и много удачи в Вашей большой работе!

С глубоким уважением, преданный Вам П. Рау

Покровск, 7.VI.1930.

ПИСЬМА П.Д. РАУ Э.Г. МИННЗУ

(все – рукописные; №№ 1, 3, 6 – на немецком языке, перевод Е.В. Детловой;
№№ 2, 4, 5 – на русском языке)

1.

Herrn Prof. Dr. Ellis Minns, Cambridge

Sehr geehrter Herr Professor!

Gestern hat Ihnen unser Museum als eingeschriebene Sendung das erste Doppelheft seiner Mitteilungen zugeschickt. Auch fernerhin gedenken wir die alljährlich erscheinenden Publikationen unseres archäologischen Materials Ihnen zugehen zu lassen.

¹¹² В РО НА ИИМК РАН (Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 142. Л. 7) сохранилась копия заявки П.Д. Рау на археологические работы в 1930 г. Из нее следует, что он собирался производить раскопки и разведки в двух районах – «в степном Федоровском кантоне, по верхнему течению реки Еруслана и в поволжском кантоне Зельман, у впадения р. Еруслан-Торгун в Волгу». Тем летом Павел Давидович провел свои последние раскопки курганов около с. Потемкино Старо-Полтавского (Зельмановского) кантона АССР немцев Поволжья. Ныне не существующее заволжское село находилось на полуострове между правым берегом р. Еруслан и волжским ериком. Археолог исследовал не менее 5 курганов, которые обозначил литерой «Н». В фондах археологии Энгельсского краеведческого музея хранятся три лепных плоскодонных сосуда эпохи поздней бронзы. Они происходят из трех погребений и трех курганов: Н 2, п. 1 (ЭКМ, № 578/2), Н 3, п. 1 (ЭКМ, № 12229) и Н 5, п. 2 (ЭКМ, № 578/3). Судя по керамике, погребения, раскопанные Рау в 1930 г. около с. Потемкино, относятся к покровскому типу памятников и срубной культуре. В начале 1950-х гг. курганы около с. Потемкино исследовались Заволжским отрядом Сталинградской археологической экспедиции [Крупнов, 1959. Рис. 1; Сеницын, 1959. С. 51–56].

¹¹³ П.Д. Рау упоминает о погребении в кургане А 12 около с. Блюменфельд (Цветочное), которое было вскрыто Б.Н. Граковым в 1925 г. [Граков, 1928. Р. 25–62; Смирнов, 1964. С. 11, 17].

¹¹⁴ Речь идет о савроматской археологической культуре в понимании К.Ф. Смирнова (1964). Уже в 1920–30-е гг. ранний горизонт савроматских древностей Б.Н. Граков называл «блюменфельдской археологической культурой» [Смирнов, 1964. С. 17].

¹¹⁵ Речь идет о публикациях: [Tallgren, 1929a; 1929b; 1930b].

Da wir die wissenschaftlichen Einrichtungen Englands nicht kennen, so bitten wir Sie, uns freundlichst mitteilen zu wollen, welche Institutionen nach Ihrer Meinung zu beiderseitigen Nutzen mit uns in Schriftenaustausch treten würden. Sollten Sie selbst die Liebenswürdigkeit haben uns die oder jene Ihrer gedruckten Arbeiten zugehen zu lassen, so wären wir Ihnen sehr zu Danke verpflichtet.

*In vorzüglicher Hochachtung grüssend
Leiter der Arch[äologischen] Abteilung am Zentralmuseum der Wolgadeutschen Republik P. Rau
Pokrovsk, 5.III.1927*

3.

Pokrovsk, am 27. Juni 1929

Sehr geehrter Herr Professor!

Bin soeben von einer Museumsreise durch die Ukraine zurückgekehrt und finde hier Ihr freundliches Schreiben vor. Ich bin gern bereit Ihren Wunsch zu erfüllen. Auch kann ich Ihnen zugleich eine Aufnahme von zwei Exemplaren der Sie interessierenden Tragbügel anfertigen lassen, den in diesem Frühjahr ich zu dem in Mitteil[ungen] 2. publizierten Stück noch ein zweites aus einem spätsarmatisches (oder hunnischen?) Grabfund hinzugekommen. Leider kann ich Ihnen die Photographie nicht sofort zuschicken, den unser Photograph ist eben gerade verreist und kehrt erst wieder in 3 Wochen nach Pokrovsk zurück. Dann werde ich Ihnen die Aufnahme unverzüglich zuschicken. Wegen etwaigen Zollaufgaben brauchen Sie sich, wie mir scheint, keine Sorge machen, Sie können die Photos in eingeschriebenem Brief an mich abschicken. Ich, wenigstens, habe auf diese Weise schon oft Photos ins Ausland geschickt.

Die koreanische Funde von Lo-Lang sind mir unbekannt. Für eine Bleistiftskizze der betreffenden publizierten Stücke mit knappster Angabe der Fundverhältnisse wäre ich sehr dankbar. Gewiss wären die Abbildungen Ihrer beiden eigenen Stücke aus China von grösstem Interesse für mich und unser Museum.

Ich bearbeite zurzeit zur Publikation das «skythische» Fundmaterial aus dem Unteres Wolgagebiet. Da es hier weder griechischen Vasenimport noch Münzen gibt, musste ich mir in mühseliger Arbeit eine Chronologie der «skythischen» Pfeilspitzen schaffen, wozu ich eben im Begriff bin aus Samara, Kazan und Orenburg das letzte Material zu sammeln. Die Ergebnisse meiner Pfeilspitzenstudien sind lehrreich und vielversprechend, vielleicht, erweitere ich später die Skizzen zu einer Monographie.

Mir liegt gegenwärtig ein ansehnliches frühsarmatisches (hellenische Periode) Fundmaterial aus eigenen Grabungen vor - mehr als 50 Gräber - doch weiss ich noch nicht, wo und wann ich es im würdigen Weise veröffentlichen könnte.

Sie haben alle archäologischen Veröffentlichungen unseres Museums. Sobald neue erscheinen, bekommen Sie sie sofort zugeschickt. Einige kleinere Zeitschriftaufsätze sende ich Ihnen später zu.

*Hochachtungsvoll grüssend.
Ihr ergebener P. Rau*

6.

Lieber Herr Professor!

Ich habe gestern einen Brief an Sie abgeschickt, worüber Sie ein wenig erstaunt sein werden. Es ist ein Zeugnis davon, wie schlecht ich die englische Sprache verstehe. Als ich eben zusammen mit einem Freund Ihren Brief ein zweites Mal durchsah, um eine mir unverständliche Wendung aufzuklären, stellte es sich zu meiner Beschämung heraus, dass ich die Hauptsache, den Kern Ihres Schreibens, dass Sie unserem Museum eins Ihrer neuerworbenen Fundstücke schenken wollen, ganz falsch aufgefasst hatte. Ich will Ihnen dennoch die Aufnahmen unserer beiden Stücke zusenden.

Was Ihr gütiger Anerbieten betrifft, so finde ich nicht Worte genug zu sagen, wie sehr wir uns dadurch geehrt und beglückt fühlen.

Ich persönlich werde meine grösste Freude haben, wenn ich Ihr liebenswürdiges Geschenk neben dem Fund von Alt-Weimar ausstellen kann.

Ich glaube, man kann den Gegenstand auf ganz gewöhnliche Weise in eine kleine Holzkiste verpackt ohne Schwierigkeiten u[nd] Zollauflagen über die Grenze schicken. Nur müsste auf dem Deckel eine entsprechende schriftliche Inhaltsangabe gemacht werden, wie «скоба от древнекутайского меча, дар Центр[альному] Музею Немецкой Республики» oder ähnlich. Sie schicken es am besten an die Adresse des Zentralmuseums.

Unsere nächste archäologische Veröffentlichungen wird eine Zusammenstellung des gesamten mir bekannten Materials aus dem südostrussischen archaischen Kulturkreise bringen, den ich den sauromatischen nennen werde, nebst Studien über die skythische Pfeilspitze.

Mit hochachtungsvollem Gruß und herzlichsten Dank

Ihr P. Rau

Der Fall mit Ihrem Brief ist mir ein Ansporn, die englische Sprache besser zu erlernen.

ПИСЬМА П.Д. РАУ Э.Х. МИННЗУ

1.

G-nu профессору Эллису Миннзу, Кембридж

Уважаемый господин профессор!

Вчера наш музей¹¹⁶ отправил Вам заказным посланием первый двойной номер журнала своих Известий (Rau, 1927a). Мы помним также о том, чтобы и в дальнейшем ежегодно высылать Вам выходящие публикации нашего археологического материала.

¹¹⁶ Основным местом работы П.Д. Рау являлся Центральный музей Автономной Советской Социалистической республики немцев Поволжья (1925-1941) в г. Покровске (Энгельс с 1931 г.). Музей был упразднен в августе 1941 года. Как его сотрудник Рау получил, по рекомендации П.С. Рыкова, свой первый Открытый лист весной 1925 г. [Малов, 1997б. С. 9; 2006б].

Так как нам неизвестны научные организации Англии, дружески просим Вас сообщить нам, какие учреждения, по Вашему мнению, вступили бы с нами в обмен публикациями к обоюдной выгоде.

Если бы Вы были так любезны посылать те или иные из Ваших напечатанных работ, мы были бы Вам крайне признательны.

С глубоким уважением и приветом
Заведующий археологическим отделом Центрального музея Республики немцев Поволжья П. Рау
Покровск, 5.III.1927

2.

Покровск н/В, 17.XI.27

Глубокоуважаемый господин профессор!

Думаю, что облегчу Вам чтение, если позволю себе обратиться к Вам по-русски¹¹⁷.

Очень благодарен за любезное письмо. Мы посылаем Вам наши публикации раскопок не из-за обмена, а как исследователю и знатоку южнорусских скифо-сарматских культур¹¹⁸, исследователю, которому трудно или невозможно получить эти материалы иным путем.

Вы можете, следовательно, считать, что эти подарки Вас ни к чему не обязывают.

Конечно, мы были бы Вам очень благодарны, если бы Вы нам присылали оттиски возможных Ваших статей, имеющих отношение к Южной России, или помогли бы нам вступить в обмен изданиями с каким-либо английским обществом.

Весною еще наш Музей послал по экземпляру своих изданий любезно указанным Вами Британскому музею и Об[щест]ву древностей (Society of Antiquaries), но до сего времени подтверждения в получении не получено.

Указанное Вами издание «The Dawn of European Civilization» (Childe, 1929) мне неизвестно. Мы вообще здесь не знаем английской археологической литературы и, в частности, наш Музей не имеет ни одной книги по археологии на английском языке. Не можете ли указать английский журнал по доисторической археологии, который подходил бы по цене и содержанию для нашего скромного музея?

Раскопки истекшего лета были исключительно удачны и дали ценный материал не только по культуре скифо-сарматской, но и по культурам бронзовой эпохи¹¹⁹.

Прилагаю вырезку из местной газеты о результатах этих раскопок.

Искренне уважающий Вас и преданный Вам П. Рау

¹¹⁷ По-видимому, немецкий язык П.Д. Рау оказался для Э.Х. Миннза более трудным в чтении, нежели русский.

¹¹⁸ О Миннзе как исследователе культур скифо-сарматского мира см.: [Бонгард-Левин, 1997].

¹¹⁹ Погребальные памятники, исследованные в 1927 г., П.Д. Рау обозначил литерой «Е». В курганах около г. Покровска и близ сел Бальцер, Беттингер, Граф, Иловля, Прайс, Старая Полтавка, Эндерс им были открыты погребения различных культур эпохи раннего металла (ямная, полтавкинская, катакомбная, срубная) [Рау, 1928].

3.

Покровск, 27 июня 1929

Уважаемый господин профессор!

Только что вернулся из поездки по музеям Украины и обнаружил Ваше дружеское письмо. Охотно готов выполнить Ваше желание. Вместе с этим могу также сделать для Вас снимок двух экземпляров интересующей Вас подвесной скобы, так как этой весной я добавлю к опубликованной в Известиях 2 вещи¹²⁰ еще одну из позднесарматского (или гуннского?) курганного погребения¹²¹. К сожалению, не смогу выслать Вам фотографию сразу, так как наш фотограф как раз уехал и вернется в Покровск только через 3 недели. Тогда я незамедлительно вышлю Вам снимок. Из-за каких-либо таможенных сборов, как мне кажется, Вам не следует беспокоиться, Вы можете отсылать мне фотографии в заказном письме. По меньшей мере, я довольно часто пересылал таким путем фотографии за границу.

Корейские находки из Лоланга мне незнакомы¹²². За карандашные наброски соответствующих опубликованных вещей с пусть и самыми краткими сведениями об обстоятельствах находок я был бы очень благодарен. Конечно, изображения обеих Ваших собственных вещей из Китая крайне интересно для меня и моего музея.

В настоящий момент я обрабатываю для публикации «скифский» материал с Нижнего Поволжья. Так как здесь нет ни греческого импорта *ваз*, ни монет, мне нужно кропотливо создавать хронологию «скифских» наконечников стрел, для чего необходимо собрать последний материал из Самары, Казани и Оренбурга. Результаты моих исследований о наконечниках стрел поучительны и многообещающи, быть может, позднее я расширю наброски до монографии¹²³.

На сегодняшний день у меня имеется внушительный раннесарматский (эллинистический период) материал из собственных раскопок – более чем 50 захоронений – но пока не знаю, где и когда смогу опубликовать это в достойном виде.

У Вас есть все археологические публикации нашего музея. Как только выйдут новые, они будут тотчас же высланы Вам. Некоторые меньшие журнальные сочинения¹²⁴ я вышлю Вам позже.

С уважением и приветом,
Преданный Вам П. Рау

¹²⁰ Речь идет о халцедоновой резной подвесной скобе от ножен сарматского меча из кургана Д 16 около с. Альт-Веймар [Рау, 1927b. С. 11, 36–39. Рис. 29–31а; Кушева-Грозевская, 1929. С. 158–169; Хазанов, 1971. С. 25, 26].

¹²¹ Речь идет о разрушенном позднем сарматском или раннем гуннском погребении из колхоза «Восход» около г. Покровска. Оно исследовано П.Д. Рау в 1929 г. Из погребения происходит нефритовая скоба – крюк от ножен меча [Кушева-Грозевская, 1929. С. 158–169; Синицын, 1936. С. 73–80. Рис. 2: 2; Засецкая, 1994. С. 184. Табл. 32].

¹²² Вероятно, речь идет о находках нефритовых скоб от ножен мечей в Корее.

¹²³ П.Д. Рау не удалось осуществить свой план. Спустя 30 лет, базируясь на хронологической классификации наконечников стрел, предложенной Рау, его замысел воплотил К.Ф. Смирнов [Смирнов, 1961. С. 31–70].

¹²⁴ Речь идет, вероятно, о статьях: [Рау, 1928б; Рау, 1923; 1924]. В реальности список научно-популярных работ П.Д. Рау значительно шире [Рау, 2014. С. 61].

4.

(без даты, но, вероятнее всего, июль 1929 г.)

Дорогой господин профессор!

Вчера отослал Вам письмо, которому Вы немного удивитесь. Это подтверждение тому, как плохо я понимаю английский язык. Когда я как раз вместе с одним другом вторично просматривал Ваше письмо, чтобы прояснить непонятное мне выражение, к моему стыду выяснилось, что основную суть, зерно Вашего послания, что Вы хотите подарить нашему музею одну из новых добытых Вами находок, я совершенно неправильно понял. Но все же хочу отослать Вам снимки обеих наших вещей.

Что касается Вашего любезного предложения, то я не нахожу достаточно слов, чтобы высказать, насколько мы ощущаем себя тем самым почтенными и осчастливленными.

Лично я буду чрезвычайно рад, если смогу выставить Ваш любезный подарок¹²⁵ наряду с находкой из Альт-Веймара¹²⁶.

Полагаю, что предмет можно без помех и таможенных сборов переслать через границу совершенно обычным способом, упакованным в маленький деревянный ящик. Только нужно на крышке сделать соответствующее письменное уведомление о содержании, как «скоба от древнекитайского меча», дар Центральному Музею Немецкой Республики»¹²⁷ или что-то подобное. Лучше всего пошлите это на адрес Центрального музея.

Нашей следующей археологической публикацией будет свод всего известного материала из юго-восточно-российского архаичного культурного круга, который я назову савроматским, вкупе с сочинением о скифских наконечниках стрел (Рау, 1929а).

*С уважением, приветом и сердечной благодарностью,
Ваш П. Рау*

Случай и стимул для меня лучше мне освоить английский язык по Вашему письму.

¹²⁵ Вероятно, в качестве подарка подразумевается нефритовая подвеска – скоба от ножен меча. Не исключено то, что Э.Х. Минз подарил ее музею. Возможно, именно этот «подарок» упомянул А.М. Хазанов, отметив что в Энгельском музее хранится третья орнаментированная скоба неизвестного происхождения [Хазанов, 1971. С. 26]. А.М. Хазанов мог узнать об этом от И.В. Синицына, работавшего в 1930-е гг. в археологическом отделе Центрального музея АССР немцев Поволжья. Такой скобы сейчас нет в музее. Тем более что, после ликвидации учреждения в августе 1941 г., большинство экспонатов было утрачено. Энгельский краеведческий музей возобновил свою деятельность только в середине 1960-х гг.

¹²⁶ Речь идет о халцедоновой резной подвесной скобе от ножен сарматского меча, обнаруженной П.Д. Рау в кургане Д 16 около с. Альт-Веймар [Кушева-Грозевская, 1929. С. 158-169].

¹²⁷ Вторая часть фразы написана по-русски.

5.

Покровск, 31 авг. 1929

Многоуважаемый профессор!

По приезде с полевых работ я был несказанно обрадован Вашим подарком музею – роскошной книгой Ростовцева¹²⁸, которую я иным путем едва ли смог бы получить.

Откровенно говоря, я думаю, что она пригодна именно только ради подношения, а купив ее, пришлось бы пожалеть затраченные деньги, так как ее материальная стоимость и громкое название не совсем оправдываются содержанием.

Отдал, наконец, в печать свою работу о могилах «скифского» периода в Нижнем Поволжье, содержащую классификацию бронзовых наконечников стрел (Рау, 1929а). Бесконечно жалею, что не мог использовать ряд из Вашей книги (Minnz, 1913): она, к несчастью, была на руках как в Москве, так и в Ленинграде, когда я в декабре прошлого года там занимался.

Мои последние раскопки – я вскрыл всего один курган, в котором было 11 впускных раннесарматских могил – дали неожиданный результат: в основной могиле, представлявшей собой обширную четырехугольную яму с березовой¹²⁹ крышей, поддерживаемой в центре мощным деревянным столбом, вкопанным в дно ямы, лежал в сопровождении вещей конца бронзовой эпохи (медные ножи¹³⁰), костяк в «скифской» или, вернее, сарматской позе: с одной прямолинейно вытянутой и одной слегка согнутой ногой¹³¹. Это как раз то, что я давно ищу!

Сегодня выезжаю на раскопки в другие места.

Искренне уважающий Вас и готовый к услугам П. Рау

P.S. В последнюю минуту получаю Ваше любезное письмо от 22 августа, сердечное спасибо! Меня без конца радует Ваш живой русский язык!

Все работы Рыкова указаны в моих публикациях. После появилась лишь его статья в городцовском сборнике (Рыков, 1928а). Если желаете, могу достать и выслать Вам некоторые из его работ.

П. Рау

¹²⁸ Скорее всего, Э.Х. Миннз прислал изданное 2–3 годами ранее в Англии двухтомное сочинение М.И. Ростовцева [Rostovtsev, 1926; 1927]. Вряд ли речь может идти о книгах Ростовцева 1918 («Эллинизм и иранство на юге России») и 1925 гг. («Скифия и Боспор»), изданных в России. Если их не было в библиотеках Покровска и Саратова, то П.Д. Рау мог работать с ними в Москве или Ленинграде.

¹²⁹ Здесь и далее подчеркивания в письмах Рау сделаны английским ученым.

¹³⁰ Даны схематичные рисунки двух бронзовых ножей с перекрестьем и перехватом, характерных для начала позднебронзовой эпохи.

¹³¹ Речь идет об основном погребении № 8 эпохи поздней бронзы из кургана G 5 близ с. Усатово (хутор Лебзак), исследованном П.Д. Рау в 1929 г. [Синицын, 1947. С. 97–100. Рис. 69].

6.

Покровск, 27 сентября 1929

Глубокоуважаемый профессор!

Сердечно благодарю вас за Ваше внимание и милую заботливость. Статью Yetts'a¹³² я получил от автора, а Вашу книгу (Minns, 1913) надеюсь как-нибудь купить в Москве или Ленинграде у букинистов. В своем последнем письме я только хотел выразить Вам свой стыд и досаду на то, что не мог использовать столь важную книгу для своей работы.

Заказан для Вас «Сусловский курганный могильник» Рыкова (1925), думаю, что еще получу и сумею Вам отослать на днях «Известия [Нижеволжского] краеведч[еского] института» – сборник со статьями разного содержания, между ними краткий предварительный отчет Рыкова о раскопке курганов без рисунков и описаний вещей (Рыков, 1926). Не знаю, стоит ли Вам высылать. «Сусловский могильник» снабжен таблицами с передачей фотографий на цинковых клише, но передачей столь плохой, что во многих случаях нельзя установить, что, собственно, на них изображено. Кроме того, рисунки даны вне связи с текстом, так что даже в случае благополучного распознавания предмета его приурочивание к определенному погребению в большинстве случаев невозможно.

В данный момент чрезвычайно озабочен необходимостью читать курс по первобытной культуре во вновь открываемом в Покровске Немецком педагогическом институте¹³³.

Совершенно не подготовлен, да и боюсь, что не останется времени для исследовательских работ, как получилось у Рыкова¹³⁴.

¹³² Yetts Walter Perceval (1878–1957), военный врач, искусствовед. С 1930 первый преподаватель, в 1932–1946 профессор китайского искусства и археологии в школе востоковедения Лондонского университета. Сферой его научных интересов были китайские бронзы и нефриты доисторического периода. В 1929 вышел 1 том монументального каталога коллекции азиатского искусства Джорджа Эвморфопулоса [Yetts, 1929]. Возможно, именно об этой работе идет речь в письме.

¹³³ П.Д. Рау имел небольшой опыт педагогической деятельности. В 1918–1922 гг. преподавал в сельских школах Альт-Веймара и Ней-Галка, а после смерти отца работал заведующим отделом и инструктором Ровенского уездного отдела народного образования [Рау, 2014. С. 57]. По этому в анкете студента германской секции гуманитарного отделения СГУ (30.05.1924) он указал в качестве основной профессии – школьный работник [Малов, 1977а. С. 104]. В Немецком государственном педагогическом институте (открыт 6.01.1930 г.) Рау занял должность доцента по истории общественных наук [Семенова и др., 1997. С. 25].

¹³⁴ Вероятно, П.Д. Рау полагал, что П.С. Рыков из-за перегруженности административными обязательствами не мог сосредоточиться в полную силу на научной работе, и этот путь он считал для себя неприемлемым. Это подтверждается гораздо более ранней анкетой – заявлением (май 1924 г.) студента Рау о прекращении учебы в Саратовском университете. В документе отмечено, что его интересует только научная археологическая деятельность, а к будущей педагогической работе он равнодушен и не пригоден [Малов, 1977а. С. 105].

*Но когда-нибудь я все равно должен приняться за это дело, иначе я буду бесполезен для окружающего общества. Где выход из этой дилеммы?*¹³⁵

Уважающий Вас и преданный Вам П. Рау

ПИСЬМО П.Д. РАУ Г. МЕРГАРТУ

(рукописный текст, на немецком языке; перевод Е.В. Детловой;
без даты, но не ранее 1929 г.)

Sehr geehrter Herr Doktor!

Mit gleicher Post geht Ihnen ein Exemplar meiner «Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet» zu. Hätte Ihnen früher schon gern von meinen Arbeiten geschickt, wußte aber nicht sicher, daß Sie die Sendung erreicht. Ihre schwer verdauliche «Bronzezeit am Jenissei» besitze ich seit 1927 und lerne immer noch daraus wie ein Sektant aus der Bibel.

Kurz vor dem Erscheinen meiner «Gräber der Eisenzeit» starb Ebert, dessen Urteil mir sehr teuer gewesen wäre. Nun sind Sie im deutschen Sprachgebiet meines Wissens der einziger, der die Altertümer des skytho-sibirischen Kultur-Kreises allseitig und eingehend studiert hat.

Mir wäre daher sehr viel daran gelegen, daß meine Arbeit von Ihnen einer sachlichen Besprechung gewidmet würde. Ist das nicht möglich, so wäre ich auch für eine knappe briefliche Mitteilung über Ihre Stellung in meinen Sichten u[nd] Gesichtspunkten dankbar.

Ich würde mich freuen, wenn ich Ihnen bei Ihren weiteren Behandlung südrussisch-sibirischer Fragen behilflich sein könnte durch Mitteilungen über das Material meines Arbeitsgebiets.

Hochachtungsvoll

Grüssend Paul Rau

Direktor des Zentralmuseums der Wolgadeutschen im Pokrowsk a/d Wolga

Уважаемый г-н доктор!

С этой почтой Вам отправлен экземпляр наших «Погребений раннего железного века на Нижней Волге» (Рау, 1929а). Я бы и раньше охотно Вам выслал что-то из моих работ¹³⁶, но не знал, где Вы работаете. И на этот раз не уверен, что послание достиг-

¹³⁵ В это время в жизни П.Д. Рау наступает новый и сложный период. После ухода Г.Г. Дингеса на работу в Немпединститут Рау весной 1929 г. назначили директором Центрального музея АССР немцев Поволжья [Рау, 2014. С. 67, 68]. Его должностные обязанности в музее существенно изменились: предстояло увеличить посещаемость музея, перестроить всю экспозицию, включая археологический раздел (перейти к показу экспонатов не по археологическим культурам, а по общественно-экономическим формациям).

¹³⁶ К этому времени по проблематике бронзового и раннего железного веков Нижнего Поволжья П.Д. Рау опубликовал цикл научно-популярных и научных работ; см.: [Рау, 1926; 1928а; 1928б; Рау, 1923; 1924; 1927а; 1927б; 1928; 1929б].

нет Вас. Ваша сложная для понимания книга «Бронзовый век на Енисее» (Merhart, 1926) у меня с 1927 года, и я все еще учусь по ней, как сектант – по Библии.

Незадолго до выхода моих «Погребений раннего железного века» умер Эберт¹³⁷, суждение которого было бы для меня очень дорого. Отныне Вы – единственный в германоязычном мире, насколько я знаю, кто изучал древности скифо-сибирского культурного круга всесторонне и обстоятельно.

Поэтому я уповаю на то, что моя работа удостоится профессиональной рецензии с Вашей стороны. Если это невозможно, то я бы был благодарен и за краткое письменное сообщение о Вашей позиции относительно моих взглядов и точки зрения.

Буду рад и далее быть Вам полезным сведениями о материале из моей области исследований в Вашей дальнейшей разработке южнорусско-сибирских вопросов.

С глубоким уважением и приветом Пауль Рау
 Директор Центрального музея немцев Поволжья,
 г. Покровск-на-Волге

ДОКУМЕНТЫ П.Д. РАУ ИЗ ЕГО БИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАПКИ
 В АРХИВЕ ГЕРМАНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

1.

Tgb. №. 7005/12–41

Auszug aus dem Schreiben vom 1.12.1936 von der Römisch-Germanischen Kommission, Frankfurt, Tgb. № 4637/36 W/G

(Originalschreiben liegt unter Tgb. №. 7005/12–51)

Ferner möchten wir Ihnen mitteilen, daß Herr Museumsdirektor Paul Rau in Pskov, der nach wie vor als korrespondierendes Mitglied geführt wird, im Jahre 1929 von den Sowjetrussen erschossen wurde.

gez[eichnet] J. Werner

¹³⁷ Эберт Макс (Ebert Max) (1879–1929), немецкий археолог, специалист в области древней истории юга Восточной Европы и Прибалтики, в 1906–1914 научный сотрудник в археологическом отделе Берлинских государственных музеев, в 1921–1923 штатный профессор в Кенигсберге и Риге, с 1927 профессор первобытной истории в Берлинском университете. Создатель и редактор энциклопедии «Realexikon der Vorgeschichte» (т. I–XIV, 1921–1929) и «Ежегодника по доистории»; см. подробнее: [Filip, 1966. S. 318].

2.

*Brief von P. Rau an die Zentralkommission des Deutschen Archäologischen Institutes
(на итемнеле: Eingegangen am: 7. Juni. 1930
Tgb. №: W 5578 Beantwortet am:...)*

Sehr geehrter Herr Präsident!

Indem ich das Eintreffen des mir ausgestellten Mitglied-Diploms bestätige, gestatte ich mir der Zentralkommission des Deutschen Archäologischen Instituts für die hochherzige u[nd] liebevolle Anerkennung meiner Arbeit meine Freude und aufrichtigsten Dank auszusprechen.

Da der Wert meiner bisherigen Leistungen auf dem Gebiet der südrussischen Vorgeschichte die mir erwiesene Ehre bei weitem nicht aufwiegt, so will ich die Auszeichnung gern als gütige Aufmunterung in weiteren Forschungsarbeit auffassen und Ihnen, Herr Präsident, für Ihre väterisch-freundliche Aufmerksamkeit in diesem Sinne danken!

Mit freundlichen Grüßen u[nd] herzlichen Dank

Ihr ergebener P. Rau

Pokrowsk a/d Wolga, am 24. Mai 1930

3.

W 1860 29 K

Herrn Dr. Paul Rau 15. Januar. [19]30

Pokrowsk (Rep[ublik] d[er] Wolgadeutschen)

Zentralmuseum

Sehr verehrter Herr Kollege!

Hierdurch gestatte ich mir, Ihnen mitzuteilen, daß die Zentralkommission des Archäologischen Instituts des Deutschen Reiches Sie anlässlich der diesjährigen Winkelmannsfeier zu ihrem CORRESPONDIERENDEN MITGLIED gewählt hat.

In der Hoffnung, daß Sie uns die Ehre erwiesen, diese Wahl anzunehmen, darf ich Sie zwecks Herstellung des Diploms und Ergänzung unserer Mitgliederliste um freundliche Mitteilung Ihres Vornamens, Titels und Ihrer genauen Adresse bitten.

Mit verbindlichen Empfehlungen

Ihr sehr ergebener

Präsident

ДОКУМЕНТЫ П.Д. РАУ ИЗ ЕГО БИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАПКИ
В АРХИВЕ ГЕРМАНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
(перевод Е.В. Детловой)

1. (машинопись)

ВЫПИСКА ИЗ ПИСЬМА ОТ 1.12.1936 ИЗ РИМСКО-ГЕРМАНСКОЙ
КОМИССИИ, ФРАНКФУРТ, ВХОД. № 4637/36

(Оригинал письма имеет вход. № 7005/12–51)

Далее хотели бы сообщить Вам, что г-н директор музея Пауль Рау в Покровске, который по-прежнему проходит как член-корреспондент, был в 1929 г. расстрелян советскими русскими¹³⁸. Подлинник подписал Й. Вернер.

2. (автограф)

ПИСЬМО П.Д. РАУ В ГЕРМАНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
(на штемцеле – вход. от 7.06.1930, № W 5578)

Уважаемый г-н президент!

В то время как я подтверждаю получение выданного мне диплома члена[корреспондента], позволю себе выразить Центральной дирекции Германского археологического института свою радость и искреннюю благодарность за великодушное и любезное признание моей работы.

Так как оказанная мне честь намного перевешивает мои прежние заслуги в области южнорусской доистории, то я бы хотел принять эту награду как благосклонное поощрение на будущую исследовательскую деятельность и поблагодарить Вас, господин президент, за Ваше отечески-дружеское внимание в этом отношении.

С дружеским приветом и сердечной благодарностью

Преданный Вам П. Рау

3. (машинопись)

Г-ну д-ру Паулю Рау 15 января 1930 г.

Покровск (Респ[ублика] Немцев Поволжья)

Центральный музей

Уважаемый г-н коллега!

Сим сообщая Вам, что Центральная дирекция Археологического института Немецкого Рейха по случаю Винкельмановского праздника¹³⁹ в этом году избрала Вас членом-корреспондентом.

¹³⁸ П.Д. Рау покончил жизнь самоубийством 10 августа 1930 г. [Рау, 2014. С. 69].

В надежде, что Вы окажете нам честь принять этот выбор, дружески прошу Вас для изготовления диплома и дополнения нашего списка членов о присылке Вашего имени, звания и Вашего точного адреса.

С неизменным приветом

Преданный Вам

Президент

Литература:

Арзютов Н.К. Финны Саратовского края в XIII–XV вв. / Саратовский государственный областной музей. 1928. № 8. 4 с.

Археологический Научно-Исследовательский Институт // Весь Саратов. Альманах-справочник на 1925 год. [Саратов]: Изд. Саратов. губ. ком. по улучшению быта детей при СаратовГИКе, 1925. С. 383.

Бонгард-Левин Г.М. М.И. Ростовцев и Э.Х. Миннз: от Скифии до Китая и Японии // Скифский роман / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: Рос. полит. энцикл., 1997. С. 305–328.

Буров Г.М. Медно-бронзовый век Ульяновского Поволжья: Путеводитель по археологическим памятникам. Саратов: Приволж. кн. изд-во, Ульяновск. отд-ие, 1982. 102 с.

Быковский С.Н. Археология и политика. По поводу недоразумений проф. А.М. Тальгрена // СГАИМК. 1932. № 7–8. С. 40–43.

Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии: У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии (20-е – первая половина 30-х годов). Киев: Наукова думка, 1982. 225 с.

Герман А.А. Большевицкая власть и Немецкая автономия на Волге (1918–1941). Саратов: СГУ. 2004. 520 с.: ил.

Гольмстен В.В. Археологические памятники Самарской губернии // В.А. Городцову – XL / ТСА РАНИОН. Т. IV / Ред. В.М. Фриче и др. М.: РАНИОН, 1928. С. 125–137.

Городцов В.А. Археологическая классификация: (Объяснительный текст к 2 таблицам классификации). М.–Л.: Гос. изд-во, 1925. 28 с., 2 л. табл. (Учебные пособия для школ I и II ступени).

Городцов В.А. Волжская археологическая экспедиция (ГИМ 1925 г.) // Журнал «Хочу всё знать». 1926. № 6. С. 244–245.

Городцов В.А. Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. 1927. Т. 7. Стлб. 610–626.

¹³⁹ Winkelmannsfeier – ежегодное мероприятие в честь немецкого искусствоведа и археолога И.И. Винкельмана, отмечается с 1829 г. многими научными учреждениями Германии.

Городцов В.А. Дневники (1928–1944). В 2-х кн. Кн. 1: 1928–1935 / Сост. И.В. Белозерова, С.В. Кузьминых. М.: ИА РАН, 2015. 687 с.

Городцов В.А. Дневники (1928–1944). В 2-х кн. Кн. 2: 1936–1944. Приложения / Сост. И.В. Белозерова, С.В. Кузьминых. М.: ИА РАН, 2015. 695 с.

Гришкина М.Г., Кузьминых С.В. Михаил Георгиевич Худяков как историк (вместо предисловия) // Худяков М.Г. История Камско-Вятского края: Избранные труды. Ижевск: Удмуртия, 2008. С. 5–48.

Гущина И.И., Мошкова М.Г. Раскопки Б.Н.Гракова в Заволжье у с. Блюменфельд и Кано в 1925 г. // Евразийские древности: 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М.: ИА РАН, 1999. С. 42–59.

Детлова Е.В. Геро фон Мергарт и А.А. Спицын // История и практика археологических исследований: Материалы международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора Александра Андреевича Спицына (Санкт-Петербург, 26–30 ноября 2008 г.). СПб.: СПбГУ, 2008. С. 241–246.

Детлова Е.В. «Я часто вспоминаю о Красноярске и о дружбе, которую я там встретил...»: (По страницам писем и мемуаров Геро фон Мергарта) // Второй век подвижничества / Сост. Л.Л. Карнаухова, Н.И. Сичкарь. Красноярск: КККМ, 2011. С. 88–105.

Детлова Е.В., Буровский А.М., Кузьминых С.В. Конфликт В.А. Городцова и Геро фон Мергарта в контексте истории науки // Stratum plus. 2014. № 1. С. 211–227.

Ерина А.М., Малова Н.А. Пауль Давидович Рау – один из основателей и директоров Центрального музея АССР НП // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997). Ч. 1. Саратов: СППИ. 1997. С. 15–18.

Жуков Б.С. Рец.: П.С. Рыков. Сусловский курганный могильник. Саратов, 1925 // Русский антропологический журнал. 1926. Т. 14, вып. 3–4. С. 108.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: Эллипс Лтд, 1994. 224 с.

Захаров А.А. Рец.: П.С. Рыков. Сусловский курганный могильник. Саратов, 1925 // Новый Восток. 1925. № 10–11. С. 359–360.

Зуев В.Ю. Об одном письме П.Д. Рау А.А. Захарову // РА. 1992. № 1. С. 278–280.

Качалова Н.К. Борис Александрович Латынин. 1899–1967 // Судьба ученого: К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина: Сб. материалов / Сост. и науч. ред. Н.Г. Горбунова, Н.К. Качалова и др. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2000. С. 18–33.

- Кирпичников А.Н.* Памяти Туре Арне // СА. 1969. № 2. С. 242–243.
- Китова Л.Ю.* История сибирской археологии (1920–1930-е годы): изучение памятников эпохи металла. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2007. 272 с.
- Ковалев М.В.* Франц Владимирович Баллод: русская судьба латвийского археолога // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Вып. 10 (74). Т. 9: Проблемы всеобщей истории: факты, осмысления, презентации. (URL – <http://history.jes.su>).
- Краснов Ю.А., Михальченко С.Е.* (сост.). Археологическая карта России: Рязанская область. Ч. 1. М.: ИА РАН, 1993. 272 с.
- [*Крупнов Е.И.*] Предисловие // Древности Нижнего Поволжья: (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. I / МИА. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: АН СССР, 1959. С. 5–10.
- Кузнецова Н.П.* Франц-Александр Вольдемарович Баллод – профессор Саратовского университета // Историко-археологические изыскания: Сборник молодых ученых. Самара: СГПУ, 2006. Вып. 8. С. 79–84.
- Кузьминых С.В.* Отто Николаевич Бадер и отечественная археология эпохи раннего металла // РА. 2004а. № 4. С. 142–150.
- Кузьминых С.В.* Виктор Федорович Смолин (1890–1932). Казань: Казан. ун-т, 2004б. 32 с.
- Кузьминых С.В.* Письма В.Н. Чернецова А.М. Тальгрону: прерванный диалог // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти Валерия Николаевича Чернецова / Отв. ред. М.Ф. Косарев. М.: ИА РАН, 2006. С. 17–34.
- Кузьминых С.В.* Кавказ в археологических исследованиях А.М. Тальгрена: неисполнимая мечта // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур и культура диалога (К 140-летию А.А. Миллера): Материалы Международной научной конференции и Гумбольдт-лектория (5–8 октября 2015 года, Санкт-Петербург). СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 53–57.
- Кузьминых С.В., Белозёрова И.В.* Василий Алексеевич Городцов и Казань: поездка 1920 года // Поволжская археология. 2014. № 4 (10). С. 186–202.
- Кузьминых С.В., Детлова Е.В.* Проблемы бронзового и раннего железного веков Северной Евразии в трудах и переписке А.М. Тальгрена и Г. Мергарта // Эпоха бронзы и ранний железный век: Материалы III международной конференции «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации» / Археология евразийских степей. № 3. Казань: ИА АН РТ, 2017. С. 37–62.
- Кузьминых С.В., Детлова Е.В., Салминен Т., Сафонов И.Е.* А.М. Тальгрэн и российская археология // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исто-

рические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 7–41.

Кузьминых С.В., Салминен Т. (сост.). Список опубликованных работ А.М. Тальгрена, связанных с проблематикой русской и советской археологии // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 42–52.

Кузьминых С.В., Салминен Т. А.М. Тальгрэн – редактор журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua» // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): Материалы международной научной конференции / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. С. 40–44.

Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. «...Я всеми силами поддерживаю и представляю Городцовскую школу...» // С.В. Кузьминых, И.Е. Сафонов, Д.А. Сташенков. Вера Владимировна Гольмстен: материалы к биографии. Самара: Офорт, 2007. 168 с.

Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. В.А. Городцов и А.М. Тальгрэн в переписке: от диалога к разрыву отношений // РА. 2014. № 4. С. 145–154.

Кузьминых С.В., Усачук А.Н. «Глубокоуважаемый и дорогой друг Михаил Маркович!»: (Хельсинкская коллекция писем Н.Е. Макаренко А.М. Тальгрэну) // Культурные взаимодействия. Динамика и смыслы: Сборник в честь 60-летия И.В. Манзуры / Отв. ред. С. Терна, Б. Говедарица. Кичинов: Stratum plus, 2016. С. 379–427.

Кушева-Грозевская А. Один из типов сарматского меча // Известия Нижне-Волжского института краеведения. Т. 3. Саратов, 1929. С. 158–169.

Максимов Е.К. Из жизни и деятельности П.Д. Рау // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997). Ч. 1. Саратов: СГПИ. 1997. С. 5–8.

Малов Н.М. Историография вопроса о срубно-абашевском взаимодействии в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Волгоград: СГУ, 1986. С. 21–38.

Малов Н.М. Памяти археолога Пауля Рау (к 100-летию со дня рождения) // Сообщения Энгельского краеведческого музея. Вып. 5: Немцы в Саратовском Поволжье. Саратов: СГУ. 1997а. С. 103–116.

Малов Н.М. Вклад Пауля Рау в изучение бронзового века степного Волго-Уралья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997). Ч. 1. Саратов: СГПИ. 1997б. С. 8–13.

Малов Н.М. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследование в 2001 году. Вып. 5. Саратов: Научная книга, 2003а. С. 157-219.

Малов Н.М. Из истории Саратовского областного музея краеведения: Памятная книга посещения музея и библиотеки Саратовской ученой архивной комиссии (1895-1918 гг.) // Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона: история и современность. Саратов: СГТПП, 2003б. С. 40-59.

Малов Н.М. Этнография в саратовском музееведении и краеведении // Народы Саратовского Поволжья: история и современность / Труды СОМК. Вып. 5. Саратов: СГТПП, 2005. С. 75-98.

Малов Н.М. Саратовская государственная музейная сеть в Саратове (1917-1930 гг.): организационное становление, страницы истории и музейные деятели // Народы Саратовского Поволжья: этнология, этнография, духовная и материальная культуры / труды СОМК. Вып. 10. Саратов: ТПП СО, Триумф, 2006а. С. 192-279.

Малов Н.М. Рау Пауль Давидович // Немцы России. Энциклопедия. Т. 3. М.: Эрн, 2006б. С. 211-212.

Малов Н.М. Советская археология в Саратовском государственном университете (1918-1940 гг.): организационное становление, развитие и репрессии // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 4. Саратов: СГУ, 2006в. С. 4-28.

Малов Н.М. Василий Алексеевич Городцов и археология Нижнего Поволжья (к 150-летию со дня рождения исследователя) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2010. Т. 10, вып. 2. С. 36-41.

Малов Н.М. Профессор Франц Баллод (к 95-летию первой археологической экспедиции Саратовского университета) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 87-90.

Малов Н.М. Профессор П.С. Рыков – исследователь позднего бронзового века Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 3. С. 345-351.

Малов Н.М. Археология в Саратовском университете и Нижне-Волжском институте краеведения на переломе эпох (1920-1930-е годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 403-406.

Малов Н.М. Золотоордынский Укек и Увекское городище // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2018а. Т. 18, вып. 4. С. 523–527.

Малов Н.М. Татьяна Максимовна Минаева в истории археологии Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5. Саратов: СГУ, 2007. С. 7–17.

Малов Н.М. Советский археолог Павел Сергеевич Рыков. К 125-летию со дня рождения // Человек и древности: Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / Отв. редакторы И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. М.: Гриф и К., 2010. С. 721–733.

Малов Н.М., Павлова Л.С. Профессор Павел Сергеевич Рыков – первый декан исторического факультета Саратовского университета (к 125-летию со дня рождения) // История и историческая память. Вып. 1. Саратов: СГУ, 2010. С. 153–177.

Малова Н.А. Центральный музей Автономной Советской Социалистической республики Немцев Поволжья // Немцы России. Энциклопедия. Т. 2. М.: Эрн, 2004. С. 571–572.

Мальшиев А.А., Семенова И.В. Павел Давидович Рау // РА. 1992. № 1. С. 264–277.

Мацулевич Л.А. Конференция археологов СССР в Керчи // Сообщения [РАИМК]. Т. 1. Л.: РАИМК, 1926. С. 271–286.

Мерперт Н.Я., Шилов В.П. Бронзовый век Поволжья: Исследования П.С. Рыкова и современное состояние проблемы // Археология Восточно-Европейской степи. [Вып. 1]. Саратов: СГУ, 1989. С. 24–33.

Миллер М.А. Археология в СССР / Институт по изучению истории и культуры СССР. Исследования и материалы. Сер. 1, № 12. Мюнхен, 1954. 160 с.

Минаева Т.М. Погребения с сожжением близ г. Покровска // Уч. зап. СГУ. 1927. Т. 6, вып. 3. С. 91–136.

Михайлов Е.П., Кузьминых С.В. В.Ф. Смолин и Абашево: (К истории археологического изучения Чувашии) // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: Материалы международной научной конференции. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 12–35.

Мошкова М.Г. Вклад П.С. Рыкова в изучение сарматской археологии // Археология Восточно-Европейской степи. [Вып. 1]. Саратов: СГУ, 1989. С. 41–50.

Научные учреждения и научные работники г. Саратова: (Справочник). Саратов: Сарат. бюро секции науч. работников, 1927. 101 с.

Областной Государственный Научный Музей // Весь Саратов. Альманах-справочник на 1925 год. [Саратов]: Изд. Саратов. губ. ком. по улучшению быта детей при СаратовГИКе, 1925. С. 387-388.

Отчет Гос. Исторического музея за 1916-1925 гг. М.: Работник просвещения, 1926. 280 с.

Памятники срубной культуры: Волго-Уральское междуречье / Археология России. САИ. Вып. В1-10. Т. 1 / Отв. ред. Н.М. Малов. Науч. ред. Н.К. Качалова. Саратов: СГУ, 1993. 200 с.

Папа-Афанасопуло К.А. Золотоордынская керамика: (Опыт систематизации и описания золотоордынской посуды) // Уч. зап. СГУ. 1925. Т. III, вып. 3. С. 52-64.

Папа-Афанасопуло К.А. Художественный фарфор / Сарат. гос. областной музей. № 3. Саратов, 1928. 4 с.

Пигарёв Е.М. Селитренное городище: история исследований / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 11. Йошкар-Ола: МарГУ, ИА АН РТ, 2019. 308 с.

Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.

Попова Т.Б. Керамика мелекесских курганов // Археологический сборник / Труды ГИМ. Вып. 22. М.: Госкультпросветиздат, 1953. С. 53-62.

Профессор А.М. Тальгрэн в Покровске // Газета «Трудовая Правда». № 92 (1196). Покровск, 4 августа 1928 г.

Равдоникас В.И. Археология на Западе и в СССР в наши дни // СГАИМК. 1932. № 9-10. С. 12-23.

Рау А.П. История моей семьи. 1533-2014. Астана: Фолиант, 2014. 456 с.

Рау П.Д. Раскопки в республике немцев Поволжья [1925 и 1926 гг.] // Новый Восток. 1926. № 15. С. 368-369.

Рау П.Д. Курганы с кострищами и кострища в курганах Нижнего Поволжья // В.А. Городцову – XL / ТСА РАНИОН. Т. IV / Ред. В.М. Фриче и др. М.: РАНИОН, 1928а. С. 431-436.

Рау П.Д. Исследование древних культур Нижнего Поволжья // Журнал «Нижнее Поволжье». Саратов, 1928б. № 10. С. 151-157.

Рау П.Д. Работы П.Д. Рау в Республике немцев Поволжья. (Переписка, Отчеты, Дневники за 1928-1929 гг.) / РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 149.

Рау П.Д. В Главнауку Наркомпроса РСФСР / РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 149. Л. 1-5. 30.VII.1929.

Русская археологическая литература. Библиографический указатель. 1900-1917 / Сост. Т.Н. Заднепровская. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 480 с.

Рыков П.С. Суловский курганный могильник // Уч. зап. СГУ. 1925. Т. 4, вып. 3. С. 28–102.

Рыков П.С. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г.: (Предварительный отчет) // Изв. Краеведческого ин-та изучения Южно-Волжск. обл. Т. 1. Саратов, 1926. С. 89–134.

Рыков П.С. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье // Изв. Краеведческого ин-та изучения Южно-Волжск. обл. Т. 2. Саратов, 1927а. С. 79–100.

Рыков П.С. Музейная работа в Саратовской губернии за 10 лет // Журнал «Нижнее Поволжье». 1927б. С. 212–221.

Рыков П.С. Древние финны в Нижнем Поволжье // Журнал «Хочу все знать». 1927в. № 4. С. 148–149.

Рыков П.С. Первый Армиевский могильник (предварительное сообщение) // В.А. Городцову – XL / ТСА РАНИОН. Т. IV / Ред. В.М. Фриче и др. М.: РАНИОН, 1928а. С. 447–453.

Рыков П.С. Археологические и этнографические работы в Нижнем Поволжье в 1927 г. // Журнал «Человек». 1928б. № 2–4. С. 278–279.

Рыков П.С. Нижнее Поволжье по археологическим данным 1926–27 гг. М., Саратов: Гос. изд-во, 1929а. 18 с.

Рыков П.С. Археологические разведки и раскопки в Нижневолжском крае, произведенные в 1928 году // Изв. Нижне-Волжского ин-та краеведения. Т. 3. Саратов, 1929б. С. 129–155.

Рыков П.С. По музеям Германии // Изв. Саратов. Нижне-Волжского ин-та краеведения. Т. 5. Истор. секция. Саратов, 1932. С. 71–84.

Рыков П.С. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов: Саркрайгиз, 1936а. 152 с.

Рыков П.С. Краткие сведения о раскопках в Калмыкии летом 1935 г. // Изв. Саратов. Нижне-Волжского ин-та краеведения. Т. 7. Саратов, 1936б. С. 136–137.

Рыков П.С. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг. // СА. 1936в. Т. I. С. 115–157.

[*Рыков П.С.*] (*П.Р.*) Археологическая экспедиция в Нижнем Поволжье // СА. 1936г. Т. I. С. 274.

Савельева Е. Несправедливо забытые имена // Газета недели в Саратове. № 8 (236) (5.03.2013 г.). С. 21.

Сагайдак В.И. Хвалынская культура в исследованиях П.С. Рыкова // Археология Восточно-Европейской степи. [Вып. 1]. Саратов: СГУ, 1989. С. 33–41.

Сакса А.И., Таавитсайнен Ю.П. А.М. Тальгрэн и российская археология. Опыт сотрудничества российских и западных археологов // *Stratum plus*. Кишинев, 2012. № 5. С. 353–358.

Салминен Т. Финские археологи в России и Сибири в 1870–1935 годы // *АЭАЕ*. 2007. № 1 (29). С. 100–110.

Саратовский Государственный Университет имени Н.Г. Чернышевского // *Весь Саратов. Альманах-справочник на 1925 год*. [Саратов]: Изд. Саратов. губ. ком. по улучшению быта детей при СаратовГИКе, 1925. С. 342–345.

Семенова И.В., Максимов Е.К., Ерина Е.М. Археолог из Покровска (К 100-летию со дня рождения П.Д. Рау) // *Эпоха бронзы и ранний железный век в истории южнорусских степей: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997)*. Ч. 2. Саратов: СГУ, 1997. С. 5–30.

Семенова И.В., Малышев А.А. Вклад музея г. Покровска в изучение древностей Нижнего Поволжья // *Очерки истории русской и советской археологии*. [Вып. I] / Отв. ред. В.И. Гуляев, А.А. Формозов. М.: ИА АН СССР, 1991. С. 137–150.

Святский Д.О. Современное положение работы краеведческих организаций в РСФСР: (Доклад ученого секретаря Ц.Б.К. на 3-й конференции Директоров Ученых учреждений в Ленинграде 3 апреля 1926 г.) // *Краеведение*. 1926. № 2. С. 237–261.

Синицын И.В. Поздне-сарматские погребения Нижнего Поволжья // *Изв. Саратов. Нижне-Волжского ин-та краеведения*. Саратов, 1936. С. 71–85.

Синицын И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья // *Уч. зап. СГУ. Т. XVII. Вып. исторический*. Саратов, 1947. С. 3–134.

Синицын И.В. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья // *СА*. 1948. Т. X. С. 143–160.

Синицын И.В. Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени // *Археологический сборник / Труды СОМК. Вып. 1*. Саратов: Коммунист, 1956. С. 22–64.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.) // *Древности Нижнего Поволжья: (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции)*. Т. I / *МИА*. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: АН СССР, 1959. С. 39–205.

Синицын И.В., Степанов П.Д. Памяти Павла Сергеевича Рыкова // *СА*. № 1. 1964. С. 126–130.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: СГУ, 1990. 300 с.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов / *МИА*. № 101. М.: АН СССР, 1961. 162 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.

Соколов Б.М. Этнографическое изучение Саратовского края // Саратовский этнографический сборник. Вып. 1. Саратов: Мордов. отдел Губ. отдела по делам национальностей при Саратов. губисполкоме, 1922. С. 3-49.

Соломонов В.А. «В изучении источника он выступает мастером большого калибра»: (С.Н. Чернов о научной деятельности А.А. Герасимова) // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5. Саратов: СГУ, 2007. С. 262-280.

Список кафедр и научных работников Саргоуниверситета (на 15 апреля 1926 года) // Саратовский государственный имени Н.Г. Чернышевского университет в 1925 году: (Краткие сведения о состоянии работы) / Приложение к V тому «Ученых записок». Саратов, 1926. С. 50-53.

Степанов П.Д. Саратовская мордва // Саратовский государственный областной музей. [Б.г.]. № 4. 4 с.

Степанов П.Д. Гончарное производство саратовской мордвы // Саратовский государственный областной музей. 1928. № 16. 8 с.

Стрелков А.С. Третий международный конгресс по иранскому искусству и археологии // СА. 1937. Т. II. С. 205-215.

Сухорукова Е.П. Рау Павел (Пауль) Давидович // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград: ВолГУ, 2009. С. 221.

Труды Нижнее-Волжского областного научного общества краеведения. Вып. 34, ч. IV / Этнографический сборник. Саратов, 1926а.

Труды Нижнее-Волжского областного научного общества краеведения. Вып. 35, ч. I / Археологический сборник. Саратов, 1926б.

Тункина И.В. «Дело» академика Жебелёва // Древний мир и мь: Классическое наследие в Европе и России: Альманах / Отв. ред. А.К. Гаврилов. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana; Алетейя, 2000. Вып. II. С. 116-161.

Уваров А.С. Археология России. Каменный период. Т. I. М.: Синод. тип., 1881. 490 с.

Усманова Э.Р., Семенова И.В., Дремов И.И., Лескова Л.Г. Ноосфера семьи Рау // Человек в истории: источники о научной и инженерно-технической интеллигенции Казахстана. 1920-1950-е гг. Материалы Международной научно-практической конференции (21 апреля 2017 г., г. Алматы) / Ред. Х.М. Абжанов и др. Алматы: Центральный государственный архив научно-технической документации, 2017. С. 218-233.

Формозов А.А. О Татьяне Сергеевне Пассек // РА. 2003. № 3. С. 156-165.

Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историко-графические очерки. М.: Знак, 2006. 344 с.

- Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 171 с.
- Худяков М.Г.* Финская экспансия в археологической науке // СГАИМК. 1931. № 11–12. С. 25–29.
- Шахматов А.А.* Мордовский этнографический сборник. СПб.: Тип. Имп. АН, 1910. 858 с.
- Шилов В.П.* Курган 6 урочища Бичкин-Булак и проблема хронологии начала средней бронзы Калмыкии // СА. 1985. № 2. С. 17–33.
- Шлыгина Н.В.* История финской этнологии. 1880–1990-е гг. М.: ИЭА РАН, 1995. 238 с.
- Arne T.J.* La Suède et l'orient. Études archéologiques sur les relations de la Suède et de l'orient pendant l'âge des Vikings. Uppsala, 1914. 256 p.
- Arne T.J.* Die Funde von Luan P'ing und Hsuan Hua // Rep from: The bulletin of the Museum of far Eastern Antiquities. No 5. Stockholm, 1933. S. 155–176. Taf. I–XIV.
- Arne T.J.* Barsoff Gorodok. Stockholm: PÅ Akademiens Förlag, 1935. 130 s. + 173 Fig.
- Childe G.* The Danube in Prehistory. Oxford: at the Clarendon Press, 1929. XX + 479 p.
- Chudjakov M.* Hockerbestattungen im Kasanschen Gebiet // ESA. 1927. Vol. I. S. 95–98.
- Eurasia Septentrionalis Antiqua I–XII. General Register // ESA. Supplementary Volume. 1954. Pp. 5–76.
- Gaerte W.* Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg i. Pr.: Gräfe und Unzer, 1929. 406 S.
- Gero von Merhart:* Ein deutscher Archäologe in Sibirien 1914–1921. Deutsch-Russisches Symposium 4.–7. Juni 2009, Marburg / Kleine Schriften aus dem Vorgesichtlichen Seminar Marburg. Heft 59 / Hrsg. A. Müller-Karpe usw. Marburg, 2010. 152 S.
- Ginters W.* Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin: Verlag VonWalter De Gruyter & Co, 1928. 92 S.
- Jacobi H.* Führer durch die Saalburg und ihre Sammlungen. Taunusbote, Bad Homburg 1921. 27. Auflage 1927.
- Jenny W.A.* Zur Gefäßdekoration des donauländischen Kulturkreises. Wien, 1928.
- Grakov B.* Monuments de la culture scythique entre la Volga et les monst Oural // ESA. 1928. Vol. III. Pp. 25–62.
- Das Deutsche Archäologische Institut. Eine 190-jährige Geschichte / Red. N. Kehrer. Berlin: Königsdruck, 2019. IV+148 S.
- Kivikoski Ella.* A.M. Tallgren // ESA, Supplementary Volume. 1954a. Pp. 77–121.
- Laid E.* Notes on the cultural life of Soviet Russia // ESA. 1932. T. VII. Pp. 206–210.

Kivikoski Ella. The Bibliography of A.M. Tallgren // ESA, Supplementary Volume. 1954b. Pp. 122-145.

Kokkonen Jyri. Aarne Michaël Tallgren and Eurasia Septemtrionalis Antiqua // FA. 1985. Vol. II. Pp. 3-10.

Lindgren E.J. Sir Ellis Hovell Minns: 1874-1953 // Man. 1953. Vol. 53. Pp. 172-174 (3 pages).

Mäesalu A. and Valk H. Research into the Late Iron Age // Archaeological research in Estonia 1865-2005 / Estonian Archaeology. T. 1 / Ed. V. Lang. Tartu, 2006. Pp. 133-136.

Matthes W. Urgeschichte des Kreises Ostprignitz. Leipzig: Curt Kabitzsch, 1929. 323 S.

Merhart G. Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien: A. Schroll & Co, 1926. 189 s.

Minns E.H. Scythians and Greeks. A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge: University Press, 1913. 720 p.

Nordman C.A. Archaeology in Finland before 1920 / The History of Learning and Science in Finland 1828-1918. Vol. 14a. Helsinki, 1968. 82 p.

Paul Rau: https://de.wikipedia.org/wiki/Paul_Rau

Rau P. Über die Gestalt der Grabhügel in den Steppen des unteren deutschen Wolgagebiets // Unsere Wirtschaft. Pokrovsk, 1923. № 18. S. 521-523; № 21. S. 619-621; № 22. S. 652-654.

Rau P.D. Archäologische Ausgrabungen in der Republik der Wolgadeutschen // Unsere Wirtschaft. Pokrovsk, 1924. № 19. S. 571-573.

Rau P. Die Hügelgräber römischer Zeit an der Unteren Wolga: (Ergebnisse die Gräberforschung in der Wolgadeutschen Republik). Pokrovsk: Nemgosisdat, 1927a. 112 s. (Zentralmuseum der ASSR der Wolgadeutschen. Mitteilungen. Jg. 1. Hft. 1-2.)

Rau P. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrovsk: Nemgosisdat, 1927b. 79 s. (Zentralmuseum der ASSR der Wolgadeutschen. Mitteilungen. Jg. 2. Hft. 1.)

Rau P. Hockergräber der Wolgasteppe. Ausgrabungsmaterial des Zentralmuseums der Wolgadeutschen Republik. Pokrovsk: Nemgosisdat, 1928. 64 s. (Zentralmuseum der ASSR der Wolgadeutschen. Mitteilungen. Jg. 3. Hft. 1.)

Rau P. Die Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der Skythischen Pfeispitze. Pokrovsk: Nemgosisdat, 1929a. 112 s. (Zentralmuseum der ASSR der Wolgadeutschen. Mitteilungen. Jg. 4. Hft. 1.)

Rau P. Neue Funde aus Hockergräber des Wolgadeutschen Gebietes // ESA. 1929b. Vol. IV. S. 41-57.

Rostovtsev M. The Ancient Word – A history of the Ancient World. Vol. I: The Orient and Greece. Oxford: Clarendon Press, 1926. 418 p.

Rostovtsev M. The Ancient Word – A history of the Ancient World. Vol. II: Rome. Oxford: Clarendon Press, 1927. 387 p.

Rykov P. Die Chvalynsker Kultur der Bronzezeit an der unteren Wolga: (Nach den Ergebnissen der Ausgrabungen in den J. 1924 und 1925) // ESA. 1927. Vol. I. S. 51–84.

Rykov P. Archäologische Beobachtungen im Tale der Velikaja // ESA. 1929. Vol. IV. S. 284–289.

Rykov P. Modèle de Chariot en argile du kurgane no 9 de la localité dite «Les Trois Frères» en pays Kalmuk // Litterarum Societas Esthonica 1838–1938. Liber saecularis. Vol. II. Tartu, 1938. S. 596–602.

Salminen Timo. Kollegat, Ystävät ja Kiistakumppanit. Suomalaisten arkeologien kansainväliset yhteydet 1870–1950 / SMYA. Vol. 122. Helsinki: Tammerprint Oy, 2014. 424 p. (Summary: Colleagues, Friends and Opponents. The International Contacts of Finnish Archaeologists 1870–1950).

Schmidt A.V. Die Ausgrabungen bei dem Dorf Turbina an der Kama // FUF, Anzeiger. 1927. Bd. XVIII: 1–3. S. 1–14.

Smoline V. La nécropole d'Abachévo: (Court aperçu des recherches archéologiques faites en 1925) // ESA. 1927. Vol. I. Pp. 85–93.

Tallgren A.M. Ett viktigt fornyfynd från mellersta Ryssland [Важная археологическая находка из Центральной России] // FM. 1915. S. 73–86.

Tallgren A.M. Collection Zaoussaïlov au Musée historique de Finlande a Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. Helsingfors, 1916a. 47 p. + XVI Pl.

Tallgren A.M. Finlands andel i utforskandet av Asiens forntid [Участие Финляндии в исследовании древностей Азии] // Finsk Tidskrift. T. LXXXII. Helsingfors, 1916b. S. 235–248.

Tallgren A.M. Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minousinsk. Helsingfors, 1917. 93 p. + XII Pl.

Tallgren A.M. Collection Zaoussaïlov au Musée National de Finlande a Helsingfors. II. Monographie de la section de l'âge du fer et l'époque dite de Bolgary. Helsingfors, 1918. 59 p. + XII Pl.

Tallgren A.M. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale / SMYA. T. XXXI: 1. Helsinki, 1919. 203 p.

Tallgren A.M. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen retkikunnaat Aasiaan 1887–1889 [Экспедиции Финского общества древностей в Азию (1887–1889 гг.)] // HAik. 1919. P. 62–77.

Tallgren A.M. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen 50-vuotiskertomus [Финскому обществу древностей 50 лет] / SMYA. T. XXX: 3. Helsinki, 1920. 280 p.

Tallgren A.M. Muinais- ja kansatieteellinen suunnitelma (Eurasia) [Об одном археологическом и этнографическом проекте (Евразия)] // *Helsingin Sanomat* 13.4.1924.

Tallgren A.M. Neues über russische Archäologie // *FUF, Anzeiger*. 1925. Bd. XVII. S. 1–40.

Tallgren A.M. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux / *ESA*. Vol. II. Helsinki, 1926a. 248 p.

Tallgren A.M. Uusi tieteellinen aloite kotimaassa (Eurasia) [Новая научная инициатива в Финляндии (Евразия)] // *Helsingin Sanomat* 26.9.1926b.

Tallgren A.M. Рец.: Gero v. Merhart. Bronzezeit am Jenissei. Wien: Anton Schroll, 1926. 192 s. + XII taf. // *ESA*. 1927. Vol. I. S. 189–192.

Tallgren A.M. Les provinces culturelles finnoises de l'âge recent de fer dans la Russie du nord // *ESA*. 1928a. Vol. III. Pp. 1–24.

Tallgren A.M. Рец.: М. Rostovtzeff. Inlaid Bronzes of the Han Dynasty in the Collection of C.T. Loo. Paris and Brussels 1927. 78 s. folio + XX Pl; Statuette d'un cavalier de la Collection de M-me John D. Rockefeller. Monum. Et Mémoires Piot XXVIII. 1927; Бог-всадник на юге России, в Индо-Скифии и в Китае. *Seminarium Kondakovianum* I. Prag 1927 // *ESA*. 1928b. Vol. III. S. 193–194.

Tallgren A.M. Tietoja suomalais-ugrilaisesta arkeologiasta. Mielenkiintoinen matka Venäjälle viime kesänä [Информация о финно-угорской археологии. Интересное путешествие в Россию прошлым летом] // *Helsingin Sanomat*. 1928c. №№ 316 (19.11.), 317 (20.11.).

Tallgren A.M. Die russischen und asiatischen archäologischen Sammlungen im Nationalmuseum Finnlands // *ESA*. 1928d. Vol. III. S. 141–164.

Tallgren A.M. Tiedemiesten vaino Neuvosto-Venäjällä [Репрессии ученых в Советской России] // *Helsingin Sanomat* 16.12.1928e.

Tallgren A.M. Etudes sur le Caucase du nord // *ESA*. 1929a. Vol. IV. Pp. 22–40.

Tallgren A.M. Zur osteuropäischen Archäologie // *FUF*. 1929b. Bd. XX. S. 1–46.

Tallgren A.M. U.T. Sirelius. Discours prononce aux obsequies // *ESA*. 1930a. Vol. V. Pp. 5–8.

Tallgren A.M. Caucasian Monuments. The Kazbek Treasure // *ESA*. 1930b. Vol. V. Pp. 109–182.

Tallgren A.M. Zur archäologischen Bibliographie betr. das Gebiet der jetzigen Sovjetunion für die Zeitperiode 1927–1929 // *ESA*. 1931. Vol. VI. S. 181–209.

Tallgren A.M. Zur russischen archäologischen Literatur // *ESA*. 1932. Vol. VII. S. 202–205.

Tallgren A.M. Sur les monuments mégalithiques du Caucase occidental // *ESA*. 1934. Vol. IX. Pp. 1–46.

Tallgren A.M. Archaeological Studies in Soviet Russia // *ESA*. 1936a. Vol. X. P. 129–170.

Tallgren A.M. Geschichte der antiquarischen Forschung in Finnland // ESA. 1936b. Vol. X. S. 199-261.

Tallgren A.M. From the Editor // ESA. 1938. Vol. XII. Pp. 239-241.

Tallgren A.M. The Mannerheim archaeological Collection from Eastern Turkestan // SUSKJ. 1940. T. VIII. 53 p. (C.G. Mannerheim. Acrossa Asia II).

Tvauri A. The Conservation of Archaeological Heritage in Estonia // Archaeological research in Estonia 1865-2005 / Estonian Archaeology. T. 1 / Ed. V. Lang. Tartu, 2006. Pp. 247-266.

Unverzagt. Die Prähistorische Arbeitung des Museums für Völkerkunde in Berlin // Praehistorische Zeitschrift. Band XVIII. Heft. 1. Berlin, 1927. S. 49-51.

Werner J. Bogenfragmente aus Carnuntum und von der unteren Wolga // ESA. 1932. Vol. VII. S. 33-58.

Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. B. Tafelteil. // Bayerische akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische klasse. Abhandlungen Neue Folge. Heft 38 B. München, 1956. 138 S. + 75 Taf.

Yetts W. Perceval. The George Eumerfopoulos Collection: Catalogue of the Chinese and Korean Bronzes, Sculpture, Jade, Jewellery and Miscellaneous Objects. Vol. I: Bronzes, Eitual and other Vessels, Weapons, etc. London: Ernest Benn, Ltd., Bouverie House, 1929.

Список сокращений:

АВЕС – Археология Восточно-Европейской степи
АО – Археологические открытия
БСЭ – Большая советская энциклопедия
ВГСПУ – Волгоградский государственный социально-педагогический университет
ВДИ – Вестник древней истории
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
ИАК – Известия Археологической комиссии
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
ИСТАРХЭТ – Общество истории, археологии и этнографии при СГУ
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МарГУ – Марийский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИАК – материалы и исследования по археологии Кубани
МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
НАВ – Нижневолжский археологический вестник
НВИК – Нижневолжский институт краеведения
РА – Российская археология
РАЕ – Российский археологический ежегодник
СА – Советская археология.
СамГУ – Самарский государственный университет
СОМК – Саратовский областной музей краеведения
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный Университет
СУАК – Саратовская губернская ученая архивная комиссия
СЭ – Советская этнография
ЭКМ – Энгельский краеведческий музей
ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua

СОДЕРЖАНИЕ

Феномен Бочкарева (Лопатин В.А., Малов Н.М.)	7
---	---

СТАТЬИ

Бочкарев В.С. Технологический принцип периодизации памятников эпохи бронзы южной половины Восточной Европы	20
Черленок Е.А., Осташинский С.М. Пятый слой навеса Мешко: проблема синхронизации с памятниками степного энеолита Восточной Европы	31
Бочкарев В.С., Кузнецов П.Ф. Об одной разновидности псалиев эпохи поздней бронзы Восточной Европы	44
Кудрина И.С., Лопатин В.А. Очелья из раннесрубных погребений Волго-Уралья	59
Малов Н.М. Сосново-Мазинский клад	76

ПУБЛИКАЦИИ

Каргин Ю.Ю., Козорезов А.А., Зубарева Е.Г. Курган эпохи средней бронзы у х. Ханьков в дельте Кубани (по материалам охранных раскопок 2013 г.).....	105
Юдин А.И., Кочетков Ю.Е. Ритуальные комплексы поселения Малая Сопка (предварительное сообщение).....	139

Жемков А.И., Ким М.Г., Кочерженко О.В., Слонов В.Н.
Исследование кургана 3 у с. Дмитриевка
и некоторые вопросы генезиса срубной культуры 163

ЗАМЕТКИ

Сычева О.В. Серия металлических кинжалов
с берега реки Ярыксу (Дагестан)..... 198

Климущина А.И. Об одном типе металлических топоров
эпохи бронзы Северного Кавказа 209

Семенов Д.Ю. Находка фрагмента днепровской
поствосточногерманской фибулы в городе Ульяновске 217

ИСТОРИЯ НАУКИ

Детлова Е.В., Кузьминых С.В., Малов Н.М.
П.С. Рыков и П.Д. Рау в зеркале переписки
с учеными Западной Европы
(А.М. Тальгрэн, Г. Мергарт, Э.Х. Миннз, Т. Арне)..... 224

Список сокращений 299

Содержание 300

Сведения об авторах..... 304

CONTENTS

The Phenomenon of Bochkarev (<i>Lopatin V.A., Malov N.M.</i>).....	7
---	---

ARTICLES

<i>Bochkaryov V.S.</i> The technological principle of Periodising of archaeological Artefacts referring to the Bronze age of the southern half of Eastern Europe.....	20
---	----

<i>Cherlenok E.A., Ostashinskiy S.M.</i> The fifth layer of the Meshoko Rock Shelter: the Problem of Synchronization with the Eneolithic Steppe Monuments of the Eastern Europe.....	31
--	----

<i>Bochkaryov V.S., Kuznetsov P.F.</i> About one variety of Cheek-pieces of the Late Bronze Age of Eastern Europe.....	44
---	----

<i>Kudrina I.S., Lopatin V.A.</i> Ochelyes from early Timber-Grave Entombments of the Volga-Ural Region.....	59
---	----

<i>Malov N.M.</i> The Sosnovaya Maza Hoard.....	76
---	----

PUBLICATIONS

<i>Kargin Yu.Yu., Kozorezov A.A., Zubareva E.G.</i> The Mound of the Middle Bronze Epoch near the Khan'kov Farm in the Kuban River delta (based on the 2013 excavation data)	105
--	-----

<i>Yudin A.I., Kochetkov Y.E.</i> Ritual Complexes of Malaya Sopka Settlement (preliminary report).....	139
--	-----

<i>Zhemkov A.I., Kim M.G., Kocherzhenko O.V., Slonov V.N.</i> Study of the Burial Mound 3 near the village of Dmitrievka and some issues of the genesis of the Timber-Grave Culture	163
---	-----

NOTES

<i>Sycheva O.V.</i> Collection of metal daggers from the river Yaryksu (Dagestan).....	198
---	-----

<i>Klimushina A.I.</i> About one type of metal axes of the Bronze Age in the North Caucasus.....	209
---	-----

<i>Semenov D.Yu.</i> The discovery of a fragment of the Dnieper post eastern germanic fibulae in the city of Ulyanovsk.....	217
--	-----

HISTORY OF SCIENCE

<i>Detlova E.V., Kuzminykh S.V., Malov N.M.</i> P.S. Rykov and P.D. Rau as reflected in correspondence with West European scientists (A.M Tallgren, G. Merhart, E.H. Minns, T.J. Arne).....	224
--	-----

List of abbreviations.....	299
----------------------------	-----

Contents.....	300
---------------	-----

Information on the authors	304
----------------------------------	-----

Сведения об авторах:

Бочкарев Вадим Сергеевич – старший научный сотрудник ИИМК РАН (Санкт-Петербург).

Жемков Алексей Игоревич – археолог ООО «Поволжский археологический центр» (Саратов).

Детлова Екатерина Владимировна – старший научный сотрудник Красноярского краевого краеведческого музея (Красноярск)

Зубарева Елена Геннадьевна – младший научный сотрудник ООО «Инженерно-технический центр специальных работ и экспертиз» (Ростов-на-Дону)

Каргин Юрий Юрьевич – кандидат исторических наук, ООО «Археологическая экспедиция» (Волгоград)

Ким Михаил Гансович – научный сотрудник Вольского краеведческого музея (Вольск)

Климушина Александра Игоревна – младший научный сотрудник ИИМК РАН (Санкт-Петербург)

Козорезов Алексей Александрович – ООО «Дельта-Л» (Ростов-на-Дону)

Кочерженко Ольга Васильевна – (Саратов)

Кочетков Юрий Евгеньевич – научный сотрудник АНО «Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия» (Саратов)

Кудрина Ирина Сергеевна – студентка СГУ (Камышин)

Кузьминых Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии Российской академии наук (Москва)

Кузнецов Павел Федорович – кандидат исторических наук, директор музея археологии Поволжья Самарского государственного социально-педагогического университета (Самара)

Лопатин Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов)

Малов Николай Михайлович – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов)

Осташинский Сергей Матвеевич – научный сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург)

Семенов Дмитрий Юрьевич – кандидат биологических наук, доцент Ульяновского государственного университета (Ульяновск)

Слонов Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, руководитель Центра компетенций Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А. (Саратов)

Сычева Ольга Владимировна – научный сотрудник ИИМК РАН (Санкт-Петербург).

Черленок Евгений Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии Института истории СПбГУ (Санкт-Петербург)

Юдин Александр Иванович, – доктор исторических наук, ООО «ЛРТ-Наследие» (Саратов)

**КАФЕДРА ИСТОРИИ РОССИИ И АРХЕОЛОГИИ
САРАТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО**

Уважаемые коллеги!

Кафедра истории России и археологии Саратовского госуниверситета продолжает издание научного сборника «Археология Восточно-Европейской степи». Приглашаем Вас принять участие в этом издании. Редакционная коллегия принимает материалы для публикации по следующим темам:

- Новейшие исследования в археологии региона и проблемы охраны памятников
- Культуры каменного века и палеоэкология
- Культурогенетические процессы в эпоху энеолита – бронзы
- Варварская периферия античного мира
- Археология и история средневековья
- Этноархеологические исследования памятников российской колонизации Нижнего Поволжья

- Памятники первобытного искусства
- История и историография археологии
- Новейшие методы в полевой археологии и междисциплинарных исследованиях

В сборник также принимаются оригинальные переводы исторических источников, касающиеся древней и средневековой истории Восточно-Европейских степей.

Правила оформления статей

Общий объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и резюме) не должен превышать 40 тыс. знаков (с пробелами) и содержать не более 7 иллюстраций. Для раздела «Заметки» объем рукописи не должен превышать 15 тыс. знаков.

Статья должна включать следующие элементы оформления:

- Индексы **УДК** и **ББК**.
- **Заглавие**. Оформляется на русском и английском языках.

Инициалы и фамилия автора печатаются в правом верхнем углу на русском и английском языках.

• К статье должно быть приложено краткое резюме и ключевые слова (не более 10) на русском и английском языках.

• В конце статьи указывается фамилия, имя, отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, организация (кафедра, факультет, ВУЗ, учреждение, лаборатория, отдел и т. п.), контактный телефон, e-mail.

• Печатный экземпляр можно направить по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, СГУ, Институт истории и международных отношений (Корп. 11), Кафедра истории России и археологии.

Требования к оформлению текста на электронном носителе

• Электронные варианты (по электронной почте) – в текстовом редакторе WORD, формат Word или RTF, шрифт – Times New Roman, кегль 14, полуторный интервал.

- Поля: верхнее 2 см, левое 3 см, нижнее 2 см, правое 1,5 см. Абзацный отступ 1,25.

- Иллюстрации входят в общий объем статьи и выполняются в отдельных файлах любого формата, поддерживаемого редактором Photoshop, (разрешением не менее 300 dpi), размещаются на листе формата А4 (до 7 экземпляров), с соответствующими подписями, номерами рисунков и ссылками на рисунки в тексте.
- Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур; нельзя пробелами либо табуляцией выравнивать данные в столбцах или ячейках.
- Название статьи (на русском и английском языках) набирается строчными буквами и печатается по центру.
- Оформление ссылок – по правилам журнала «Российская Археология».

Ответственный редактор сборника: Лопатин Владимир Анатольевич, доцент кафедры истории России и археологии СГУ (моб. тел.: +79172148709 e-mail: srubnik@yandex.ru). Ответственный секретарь сборника: Малышев Алексей Борисович, доцент кафедры истории России и археологии СГУ (моб. тел.: +79271036920 e-mail: ordynez@yandex.ru).

Телефон кафедры: 8(8452)210656.

Научное издание

АРХЕОЛОГИЯ
ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 15

Под редакцией *В.А. Лопатина*

Технический редактор *А.И. Жемков*
Оригинал-макет подготовил *А.И. Жемков*

Подписано в печать 25.10.2019. Формат 70x100^{1/16}

Бумага офсетная. Гарнитура Book Antiqua.

Усл. печ. л. 24,83 (19,25). Уч.-изд. л. 12,86. Тираж 200 экз. Заказ №

Издательство «Техно-Декор» 410012, г. Саратов, ул. Московская, 160
Тел.: (8452) 26-38-48 www.sar-print.ru